Дорогие друзья!

Как бы не менялась наша жизнь, какие бы неотложные дела не казались чрезвычайно важными, все же в жизни каждого человека есть ценности иного порядка, чем сиюминутные заботы и переживания. Эти ценности, которые и делают человека человеком, пришли к нам из глубины веков и достались в наследство от многих поколений наших предков. Понятия, которые они обозначают, имеют глубокие, тысячелетние корни. Одним из ярких примеров является наличие в славянских языках целой группы близких по смыслу слов, отражающих духовную и кровную близость людей: русский – «род», «Родина», украинский – «родина», болгарский - «роднина», которые являются однокоренными с именем славянского бога «Род» - покровителя семьи.

Членов одной «родини» – будь то маленькая семья или большая Родина, объединяют одни общие и самые главные, пожалуй, цели: благополучие и здоровье близких, счастливое детство ребят, возможность получения ими нормального образования, качественного овладения будущей специальностью.

Сделать детей счастливыми – главная цель не только родителей, но и государства, Родины. Это понимает каждая женщина, каждая мать. Вокруг этой жизненно необходимой цели, без достижения которой наше общество будет лишено будущего, сплотилась в Украине уже треть миллиона женщин, организовав Всеукраинское политическое объединение «Жінки за майбутнє».

Мы не только декларируем благородные истины и намечаем перспективные задачи, но и стараемся ежедневными, конкретными делами добиваться намеченного.

Одним из конкретных дел является финансовая поддержка издания пособия для студентов ВУЗов «Великая Скифия», которое подготовлено ведущими специалистами Украины. Выбор именно этого труда отнюдь не случаен: скифский период был не только одним из самых ярких моментов в древней истории тех земель, которые мы теперь населяем, но и наложил глубокий отпечаток на дальнейшие события, во многом определившие исторические судьбы племен и народов, обитавших на территории современной Украины в последующие века. Не случайно, еще в эпоху средневековья эту территорию все еще иногда называли «Великой Скуфией».

Надеемся, что это издание будет не только полезным для студентов-историков, но и интересным для всех, кому не безразлично наше общее богатое прошлое.

Сватьева Валентина Владимировна
Председатель Запорожской областной организации
Всеукраинского политического объединения
«Жінки за майбутнє»

СОДЕРЖАНИЕ

……..с.
ВВЕДЕНИЕ……5
РАЗДЕЛ 1. У ИСТОКОВ КОЧЕВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Тема 1. **Становление кочевничества……9**
Тема 2**. Киммерийцы……..…20**

РАЗДЕЛ 2. ВЕЛИКАЯ СКИФИЯ
Тема 3**. Основные этапы скифской истории……..…30**
Тема 4 **. Курганы скифской знати Степного Правобережья.……39**
Тема 5. **Курганы скифской элиты в междуречье Нижнего Днепра и Дона……55**
Тема 6. **Племена Восточноевропейской Лесостепи в скифскую эпоху……66**
Тема 7**. Военное дело скифов……76**
Тема 8. **Экономика и быт степных скифов……86**
Тема 9**. Города на колесах……97**
Тема 10. **Металлургия и металлообработка в Скифии……103**
Тема 11. **Религия скифов……115**
Тема 12. **Искусство народов Скифии……..127**
Тема 13. **Скифское монументальное искусство ……139**

РАЗДЕЛ 3. САРМАТЫ И ПОЗДНИЕ СКИФЫ
Тема 14. **Сарматы Северного Причерноморья ……..148**
Тема 15. **«Малая Скифия» на Нижнем Днепре (II в.до н.э- II в.н.э)……...162**
Тема 16. **Поздние скифы в Крыму……166**
Тема 17**. Малая Скифия в Добрудже……179**

РАЗДЕЛ 4. НОМАДЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ГРЕКИ
Тема 18. **Греческая колонизация Северного Причерноморья……192**
Тема 19. **Античные центры Нижнего Побужья……..204**
Тема 20**. Боспор Киммерийский……213**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……226

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ…….234
СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ……236
ИЛЛЮСТРАЦИИ К ТЕМАМ……..244

ВВЕДЕНИЕ

Жизнь каждого народа подобна жизни человека. Народы также в муках рождаются и, постепенно формируясь, достигают зрелости. Они, словно люди, даже уйдя в историческое небытие, продолжают жить в потомках. В этом смысле мы являемся наследниками всех былых насельников наших теперь земель. Пусть не всегда прямыми и кровными их продолжателями, но в любом случае восприемниками их культурного и духовного достояния.

Было бы неправильно думать, что след народов прошлого в нашей жизни тем весомей, чем меньше тысячелетий и веков нас разделяет. В народных сказаниях и легендах, современном народном искусстве, нашем языке, наконец, сохранились отголоски событий наиболее ярких, исторических периодов наиболее самобытных и переломных. Одним из таких периодов в истории Украины стало I тыс. до н.э. и начало I тыс. н.э., когда на ее просторах обитали многочисленные и могучие племена киммерийцев, скифов и сарматов. Память о них сохранялась долго – даже средневековые авторы нередко называли территорию Северного Причерноморья «Великой Скуфией» или «Сарматией».

Киммерийцы, скифы и сарматы были близкими по происхождению, образу жизни и культуре народами. Однако, говоря об их родстве, следует выделить такие наиболее важные из объединяющих их особенностей.

Киммерийцы, скифы и сарматы относятся к числу первых исторических народов Восточной Европы. Это значит, что именно с них начинается письменная история древнего населения этого региона. Если о предшествующих племенах эпохи энеолита и бронзы мы знаем лишь благодаря изучению материальных объектов – древних поселений, городищ и курганов, то в отношении киммерийцев, скифов и сарматов данные археологии дополняются разнообразными письменными документами.

Появлению таких документов во многом способствовало освоение северного побережья Черного моря греческими колонистами, которое началось в VII в. до н.э. В результате, земли современной Украины превращаются в уникальную контактную зону, в рамках которой происходило взаимодействие трех различных по своей природе миров: степных скотоводов, оседлых земледельцев Лесостепи и обитателей античных центров Северного Причерноморья. Данное обстоятельство не только на многие столетия определило пути исторического развития народов, населявших территорию современной Украины в древности, но и окончательно выводит их на широкую арену мировой истории. Это не могло не способствовать повышенному интересу к их прошлому, образу жизни и обычаям, что нашло отражение во многих трудах греческих и латинских авторов. Благодаря этим свидетельствам мы знаем не только подлинные названия этих народов, но и располагаем достаточно обширными сведениями о них. Важнейшие из таких сведений в отношении скифов содержатся в знаменитой «Истории» Геродота и не менее известной «Географии» Страбона – в отношении сарматов. Переводы этих и других, необходимых для понимания древней истории Северного Причерноморья греческих и латинских текстов, осуществил в конце прошлого века выдающийся лингвист и историк В.В.Латышев вместе со своими учениками. Этот труд выдержал несколько изданий и, в принципе, достаточно доступен широкому кругу читателей.

Киммерийцы, скифы и сарматы были первыми кочевниками восточноевропейских степей – их еще иногда называют «ранними кочевниками».

Становление кочевого хозяйства явилось результатом длительного приспособления человека к природно-климатическим условиям Степи, начавшегося еще в эпоху энеолита. Однако окончательное оформление кочевничества или, как его принято называть в западной литературе – номадизма, приходится, примерно, на рубеж II и I тыс. до н.э. Немаловажно, что с этого же времени в широкий обиход населения юга Восточной Европы входят железные изделия. Поэтому I тыс. до н.э. по археологической классификации определяется как эпоха раннего железного века.

Новый материал, позволивший начать массовое производство, прежде всего, относительно недорогих, но прочных и качественных оружия и деталей конской узды**,** во многом обусловил процесс сложения раннекочевнических культур.

Кочевничество как специфическая форма производящего хозяйства, основанная на подвижном скотоводстве, открывало широкие возможности для максимального использования пастбищных ресурсов Степи.

Особенности кочевого хозяйства влияли не только на бытовую сторону жизни номадов, но и воспитывали особый характер степняка. Постоянная готовность к защите своего главного богатства – скота, от хищных зверей и не менее хищных соседей, формировали уже с детства из каждого мужчины стойкого воина и непревзойденного наездника. Не случайно фигура кочевника стала прототипом образа человеко-коня древних легенд. В греческой мифологии – это знакомый нам с детства Кентавр. Не менее интересные данные сохранились в мифах Древнего Китая. Вот как в них описаны кочевники: «богатыри с человечьими туловищами и лошадиными ногами, покрытые длинной шерстью... Они хлестали сами себя нагайками по ногам и носились по степи быстрее ветра с криками “га, га, га!”, как дикие гуси в осеннем небе».

Не удивительно, что эти, выросшие в буквальном смысле на коне и как бы слившиеся с ним люди, легко превращались из мирных пастухов в дисциплинированное и грозное войско.

Нет нужды особо останавливаться на всех ужасах нашествий кочевников и их грабительских набегов. Они не только хорошо описаны в различных литературных памятниках – от Библии до средневековых хроник, но и в современных исторических романах. Отметим лишь, что образ многоглавого Змея, сжигавшего города и села, уносившего женщин и детей, сложился в славянском фольклоре именно под впечатлением кочевой угрозы. Причем, как считает выдающийся славист Б.А.Рыбаков, образ этот уходит своими корнями в эпоху киммерийцев и скифов. Кстати, именно во времена киммерийцев на порубежье украинских Степи и Лесостепи впервые возникает целая система хорошо укрепленных городищ, созданная предками восточных славян для защиты от номадов.

Но это лишь одна сторона медали. Длительное сосуществование славян и их предков с различными кочевыми народами привело к взаимодействию их хозяйственных систем, взаимопроникновению культур и традиций, определенной общности исторических судеб. Не вызывает сомнения: ярким примером такого экономического и культурного симбиоза является Великая Скифия – одно из первых государственных образований Восточной Европы. Она объединила под властью степняков различные по происхождению племена и народы, в том числе и предков восточных славян.

Немаловажно и то, что освоившие степной «океан» кочевники были тем звеном, которое соединяло между собой «острова» и «материки» оседлых цивилизаций - вспомним хотя бы Великий Шелковый путь, который некогда шел от границ Китая до Апеннинского полуострова. Существовали подобные пути и в скифскую эпоху. Один из них, протянувшийся от стен древней Ольвии за Дон и далее в направлении Урала, проследил по находкам изделий ольвийского производства Б.Н.Граков.

Отмечая общее у киммерийцев, скифов и сарматов, необходимо также подчеркнуть, что все они были иранцами по языку. В отношении скифов данный вывод был достаточно убедительно доказан еще в конце прошлого века усилиями целой плеяды крупных ученых-лингвистов, в том числе выдающегося русского исследователя В.Ф.Миллера.

Без особых споров в науке утвердилось мнение, что и сарматы говорили на одном из иранских, близких скифскому, диалекте. Не случайно Геродот [**IV, *117***] отмечал, что савроматы (родственные сарматам племена), пользуются скифским языком, но говорят на нем издавна с ошибками.

Сложнее оказался вопрос о языке киммерийцев. Наряду с предположениями об иранской принадлежности последних, существовали и другие мнения - например, о том, что по языку они были фракийцами. Однако в последнее время стало достаточно ясно - киммерийцы, скифы и сарматы ведут свое происхождение от родственных племен срубной и андроновской культурных общностей, населявших в эпоху поздней бронзы огромные пространства юга Евразии от Подунавья до Западной Сибири включительно. Наличие общих предков, а также веские данные о принадлежности племен срубного и андроновского круга к числу иранских или, шире, индоиранских народов (К.Ф.Смирнов, Е.Е.Кузьмина), делает вопрос о языке киммерийцев практически решенным. Более того, по мнению ряда лингвистов (В.И.Абаев, Э.А.Грантовский и др.) именно Юго-Восточная Европа является территорией первоначального расселения ираноязычных племен, их исторической прародиной. Согласно этой теории, носители иранского языка обжили эти просторы, по меньшей мере, с начала II тыс. до н.э., расселившись позднее отсюда на юг и восток - в Переднюю и Среднюю Азию (В.И.Абаев).

Учитывая все эти общие замечания, приступим к рассмотрению истории и культуры конкретных кочевых народов, обитавших на территории степей нынешней Украины в эпоху раннего железного века, а также процессов, обусловивших само формирование кочевого образа жизни как основного фактора в создании своеобразных и ярких кочевых цивилизаций.

Данное учебное пособие подготовлено авторским коллективом, состоящим из сотрудников Института археологии Национальной АН Украины и преподавателей Киево-Могилянской Академии, Запорожского, Симферопольского и Гамбургского университетов, Киевского Национального университета культуры и искусств: д.и.н. В.Ю.Мурзиным (Вступление, Тема 3), к.и.н. Е.П.Бунятян (Тема 1), к.и.н. С.В.Махортых (Тема 2), к.и.н. С.В.Полиным (Тема 4), Ю.В.Болтриком (Тема 5), д.и.н. С.А.Скорым (Тема 6), проф., д.и.н. Е.В.Черненко (Тема 7), д.и.н. Н.А.Гаврилюк (Темы 8 и 15), Иностранным членом НАН Украины, проф. Р. Ролле (Тема 9), доцент., к.и.н. С.Я.Ольговским (Тема 10), к.и.н. С.С.Бессоновой (Тема 11), к.и.н. Е.Е.Фиалко (Тема 12), к.и.н. В.П.Белозором (Тема 13), д.и.н. А.В.Симоненко (Тема 14), доцентом, к.и.н.

И.Н.Храпуновым (Тема 16), доцентом, к.и.н. С.И.Андрух (Тема 17), член-корр. НАН Украины С.Д.Крыжицким (Темы 18, 19), д.и.н. А.С.Русяевой (Тема 20), д.и.н. В.Ю.Мурзиным и доцентом, к.и.н. Г.Н.Тощевым (Заключение).

РАЗДЕЛ 1. У ИСТОКОВ КОЧЕВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Тема 1. Становление кочевничества

Причерноморские степи являются западной оконечностью Великого пояса Евразийских степей. Качественно новое освоение этого региона началось с переходом к воспроизводящему хозяйству. Внедрение принципиально новых отраслей деятельности на территории Украины проходило в виде комплексного хозяйства, но одни народы отдавали предпочтение земледелию, другие – скотоводству. Условия Лесостепи в большей степени способствовали земледелию. Яркой раннеземледельческой культурой на нашей территории была Трипольская.

Степные пространства в одинаковой мере пригодны и для земледелия, и для скотоводства. Недостаток влаги здесь в некоторой степени компенсируется теплом и плодородием почв. Но эти земли тяжело обработать ручными орудиями, поэтому широкое освоение степей для земледелия началось сравнительно недавно, поскольку первым земледельцам это было не под силу. Их орудия были очень просты: заостренные колья, каменные, роговые, позднее – металлические, мотыги не позволяли обработать значительные площади. Но степь давала другие преимущества – бескрайние богатые пастбища стимулировали разведение скота. Поэтому скотоводство стало здесь ведущей отраслью на многие века.

Это повлекло за собой формирование совсем иного способа жизни, чем в земледельческих обществах. Содержание значительного количества скота требовало постоянного перегона его с одного пастбища на другое. Вместе со скотом передвигались и люди. Но нужда в хлебе заставляла заниматься также земледелием, а это требовало оседлости. Поэтому в степи и формируется своеобразный – подвижно-оседлый, способ жизни. Позже – на рубеже эпохи бронзы и железа – это привело к возникновению кочевничества, однако уже в иных исторических условиях. Предыдущие же исторические периоды характеризуются сочетанием скотоводства и земледелия, подвижности и оседлости, которые в разное время и в разных общностях, представленных археологическими культурами (АК), приобретали различные формы.

Ведущая роль скотоводства и связанная с ним подвижность определяли своеобразие ритма жизни и быта обитателей степи, их социальную организацию, специфику материальной и духовной культуры, сформировали определенный менталитет. Безусловно, возникновение скотоводческо-земледельческой экономики в степи демонстрирует гибкую систему приспособления к окружающей среде. Данная система не была лишена противоречий. Ее двойственный, противоречивый характер заключался в том, что разведение скота и стремление увеличить его количество в тех условиях требовало подвижности, земледелие же – оседлости. Это тормозило развитие обоих отраслей, а также непищевое производство и, в конечном итоге, было причиной замедленных темпов развития степных обществ.

Их хозяйство было в значительной мере экстенсивным, поскольку базировалось на выпасе скота. Богатые пастбища, казалось бы, создавали условия для быстрого накопления скота. Но его было и легко потерять. Особенно тяжелым временем года для скотоводов была зима, когда от холода и бескормицы гибло много скота. Не обходили скотоводов и такие беды, как падеж скота (эпизоотии),

захват его соседями и т.д. Такая деятельность была самодостаточной, т. е. обеспечивала прожиточный минимум. Однако существенные изменения в развитии общества возможны лишь при условии постоянного наращивания производственного потенциала, который должен опережать прирост населения.

У скотоводов это тормозится и другими обстоятельствами, на что обращали внимание многие ученые. Земледельческий труд характеризуется сезонностью, а периоды напряженного труда (подготовка к посеву, сбор урожая и т.д.) чередуются со свободным временем (созревание урожая, осенне-зимний период). Это высвобождает время для других занятий - устройства быта, изготовления различных изделий, т.е. способствует расширению непищевой сферы деятельности, накоплению и реализации опыта в предметной деятельности. Поэтому земледельческие поселения более комфортабельны, а жизнь людей окружена многочисленными вещами, накоплению и разнообразию которых способствует оседлость.

Скот же требует каждодневной заботы. Здесь фактически нет перерывов в труде. Жизнь скотоводов проходит в значительной мере в пути, а само скотоводство не требует каких-то специальных орудий. Поэтому активное разведение скота не способствует другим занятиям, а мобильность препятствует накоплению богатства, упрощает быт. У кочевников формируется иная система ценностей, в которой ведущая роль принадлежала скоту. Скот был главным богатством степняков, мерилом социального и имущественного положения семьи и шире – общины. Ведь именно скот обеспечивал большинство потребностей – в пище, сырье, был предметом обмена, а также главным объектом ритуальной практики. С этой точки зрения показательны свидетельства Э.Эванса-Причарда относительно африканского племени нуэров. Скот они содержали не только ради мяса и молока. Из шкур делали кровати, мешки, ремни, посуду, трубки и табакерки, щиты и др. Кончик хвоста использовали как украшение. Из костей делали украшения, колотушки, скребла, а из рога – ложки и гарпуны. Навоз использовали как топливо, строительный материал и в медицинских целях. Пеплом от навоза красили шкуры, волосы и чистили зубы. Моча использовалась для дубления кож, мочой мыли руки и лицо. Такой уровень утилизации продуктов скотоводства был вызван не только суровыми условиями жизни, но и подвижностью, которая ограничивала круг вещей бытового назначения.

Как отмечалось, несмотря на ведущее значение скотоводства, степное население испытывало потребности и в хлебе. И, хотя земледелие в степи не играло (за редким исключением) существенной роли, это вовсе не означает, что его не стоит принимать во внимание. В реальной жизни и один-два пуда зерна имели значение для семьи. Пусть малопродуктивное, но все же и такое земледелие обеспечивало хотя бы минимумом зерна, которое негде было взять – земледельческие народы обитали в других зонах и для многих степных коллективов были далекими соседями. Следует учитывать и то, что с кризисом раннеземледельческих (энеолитических) обществ на значительных пространствах Европы произошла переориентация хозяйственной деятельности в сторону возрастания удельного веса скотоводства, что, естественно, сузило возможности обмена. Поэтому племена эпохи бронзы предпринимают попытки активизировать земледелие в степи, т.е. сбалансировать обе отрасли деятельности, а вместе с этим совместить подвижность с оседлостью. Как конкретно проходил этот процесс?

В течение эпохи бронзы была создана довольно гибкая система хозяйствования, в которой скотоводство и земледелие, в конце концов, достигли гармоничного сочетания, а противоречие между скотоводством (подвижностью) и земледелием (оседлостью) было преодолено путем территориального разграничения этих отраслей, то есть через разделение труда в общине. В зависимости от потребностей какая-то часть общины оставалась на поселении, т.е. жила оседло, занимаясь земледелием, устройством быта, заготовкой кормов скоту на зиму и т.д., другая же занималась выпасом скота и вела мобильную жизнь. Распределение рабочих рук определялось конкретной ситуацией – в разные сезоны в различных сферах могло быть задействовано разное количество людей. Возможно, с целью обеспечения безопасности соседние общины объединяли усилия в выпасе скота и его защите, высвобождая, таким образом, людей для других занятий.

Такое разделение труда было детерминировано, с одной стороны, постепенным возрастанием удельного веса земледелия, с другой - развитием традиционного, ориентированного на выпас скотоводства. Оно засвидетельствовано постепенным возрастанием количества поселений разного типа, их пространственной организацией, изменениями в материальной и духовной культуре, а также продвижением курганов в открытую степь. Именно появление очагов оседлости, а вместе с этим и сужение круга сопровождающих стада людей способствовало повышению мобильности степных обитателей, что, в свою очередь, способствовало более активному освоению степных пространств и рациональному использованию природных ресурсов. Для выпаса скота все шире привлекаются открытые степи, пойменные же луга и пастбища вблизи поселений берегли на зиму.

Формирование и утверждение воспроизводящей экономики в степной зоне. Первые шаги по внедрению новых форм хозяйствования исследователи связывают с эпохой неолита – Сурской и Азово-Днепровской АК. Скотоводство и особенно земледелие утверждались здесь медленно. Ведь степное население должно было выработать собственные способы адаптации новых отраслей к условиям обитания независимо от того, было ли оно местным или пришлым. Сознательно абстрагируясь от проблемы происхождения АК эпохи энеолита-бронзы, обратим внимание лишь на те отличия между ними, которые касаются изменений в хозяйстве. Были ли они следствием сдвигов в среде местного населения, стимулировались извне или даже приходом нового населения – все эти моменты здесь опущены, поскольку требуют анализа генезиса каждой АК.

Возможно, победу новых – производящих – форм деятельности в Степи с ведущей ролью скотоводства отражают яркие и своеобразные погребения. Устройство таких могил (каменные гробницы), богатство инвентаря (металлические украшения, в частности, и первые золотые на нашей территории, качественные кремневые орудия и оружие) и наличие символов власти (зооморфные скипетры, булавы) отражают появление лиц с особым статусом, чему способствовало утверждение воспроизводящего хозяйства и усиление семьи. Незначительное количество подобных погребений на обширных пространствах свидетельствует о появлении лидеров нового типа и, возможно, о стремлении закрепить территории (пастбища) за отдельными группами населения во главе со своими вождями, а наличие разнообразных вещей – о широких обменных связях с окружающим миром. Разбросанность могил на огромной территории как бы

символизирует претензии этого населения на всю Степь, хотя в целом его подвижность, наверное, была достаточно ограниченной. Об этом свидетельствует, в частности, наличие и грунтовых могильников.

Одним из важных показателей дальнейшего освоения Степи является появление курганного обряда захоронений, который с этого времени становится господствующим на многие века. Четкие проявления его связывают с Постмариупольской (по И.Ф.Ковалевой), или Квитянской (по Ю.Я.Рассамакину), и Нижнемихайловской культурами. Представляется, что именно курганный обряд отражает утверждение комплексного хозяйства с приоритетом подвижного скотоводства – формирование менталитета степняка с его приверженностью к движению, пространству, культивированием мужского начала как воплощения силы, выносливости и простоты быта, с его ценностными ориентирами, в которых скот был мерилом социального и имущественного положения, основным объектом ритуальной практики.

С возникновением мобильного скотоводства расширяются границы хозяйственной, а, значит, и сакральной территории. Новый погребальный обряд отражает акцентуацию внимания на пространстве – пастбищах, которые гарантировали существование степного населения. С возникновением курганов культовая жизнь выходит за пределы поселений, и ее главным содержанием становится погребально-поминальная обрядность. Конечно, этим культовая практика не ограничивалась. Можно думать, что возле курганов-храмов время от времени собирались общины, чтобы почтить предков, принести жертвы богам, отметить печальные и радостные события, обсудить проблемы. Возвышаясь на фоне однообразного степного ландшафта, курганы выступали и ориентирами на путях перегона скота, символизировали связь с предками, прошлого – с настоящим, а поэтому выступали и способом закрепления территорий за отдельными общностями. В курганах воплощены технологические и культурные достижения степных обществ, художественные средства, вещевой комплекс. Ведь курган с могилой представляет сложное сооружение, для возведения которого использовали не только грунт, но и камень, дерево, а в обрядах были задействованы огонь, охра, антропоморфные стелы, которые появляются одновременно с курганами, и т.д. Поэтому курганные древности выступают основным источником для изучения истории и культуры степного населения.

Способ жизни обитателей степной зоны в эпоху энеолита остается еще во многом не ясным, в частности, и из-за слабой изученности поселений. Однако, нет оснований говорить об оседлом образе жизни (Е.Е.Кузьмина) или реконструировать в степи два хозяйственно-культурных типа (ХКТ) – оседлых земледельцев и мобильных земледельцев-скотоводов (Н.Н.Чередниченко). Уж очень слабым было земледелие, чтобы обеспечить оседлость. Пока что нет и поселений, которые бы свидетельствовали об этом. Приоритет скотоводства должен был вызвать какие-то формы подвижности, но конкретные ее проявления остаются неясными. На определенную ограниченность мобильности указывает наличие небольших могильников под общей насыпью. Локализуются они вблизи рек, поэтому И.Ф.Ковалева считает, что глубинные степи в это время не были освоены.

Развитие хозяйства в Степи в эпоху бронзы. Расцвет курганного строительства связан с Ямной общностью. Это население оставило тысячи курганов и очень мало поселений. Последних известно пока два – Михайловка и

Скеля Каменоломня. Больше известно стойбищ – кратковременных и таких, которые навещали из года в год (Стрильча Скеля, Дурна Скеля, Любимовка и др.). Несмотря на это, довольно распространенной является точка зрения о существовании в ямной среде двух ХКТ – оседлых земледельцев долин и кочевых или полукочевых скотоводов глубинных степей (Н.Я.Мерперт, особенно В.П.Шилов, которого поддержали Н.Н.Чередниченко, Е.Е.Кузьмина, В.Г.Кушнир и др.).

Следует отметить, что глубинные степи ямным населением были освоены слабо, на что обращала внимание Е.Ф.Лагодовская. Картографирование курганов (В.В.Отрощенко и Ю.В.Болтрик) показало, что «ямные» курганы локализуются вдоль рек и балок, заходя в степь на 1-3 км. Таким образом, модель овцеводов глубинной степи не подтверждается. Из-за незначительного количества поселений и слабых следов земледелия «не срабатывает» и модель оседлых земледельцев. Абсолютное преобладание курганных памятников над поселениями, характер последних (преимущественно стойбища) указывает на довольно мобильный способ жизни этого населения.

Видимо, этому способствовали определенные новации. Еще в прошлом веке немецкий исследователь Е.Хан высказал мысль, что возникновение мобильного скотоводства возможно при условии знакомства с молоком и его продуктами. Действительно, как свидетельствуют этнографические данные, молоко и кровь, которую выцеживали из шейной артерии, выступают основными продуктами питания скотоводов в пути. Но время возникновения молочного скотоводства в наших степях не установлено. Не исключено, как считает В.А.Шнирельман, что это произошло именно во времена ямной культуры.

К новациям следует отнести и появление колесного транспорта. Наиболее древние образцы его происходят из позднеэнеолитических погребений, но массовые находки отмечены начиная с ямных. Воз стал большим облегчением в жизни степняков и увеличил ценность скота, ставшего помощником человека. На неповоротливых возах с тяжелыми сплошными деревянными колесами, запряженными волами, можно было перевозить пожитки, детей, престарелых и больных, заготовленные на зиму продукты. Но, ведя довольно мобильный способ жизни, «ямное» население занималось и земледелием. Судя по отпечаткам зерен на посуде, оно выращивало несколько видов пшениц, ячмень, просо, коноплю.

Таким образом, население ямной культуры передвигалось за скотом всей общиной и занималось нерегулярным земледелием. По этим показателям оно приближается к кочевникам. Но кочевым в полном значении этого термина его назвать нельзя, поскольку ни материальные, ни социальные условия для этого еще не созрели. Мобильность эта была ограниченной и с точки зрения ее динамики, и осваиваемого в пределах хозяйственного годичного цикла пространства. Эксплуатировало это население, главным образом, речные долины и прилегающие территории. На это указывает локализация курганов и насыщенность их погребениями. Такой способ жизни можно назвать мобильным с ограниченной оседлостью.

Привязанность «ямного» населения к богатым разнообразными ресурсами поймам (где не только выпасали скот, но и занимались земледелием, охотой, собирательством, рыболовством, устраивали зимники), наверное, создавала напряженную ситуацию в борьбе за эти природно-экологические ниши, свидетельством чего являются укрепленные поселения (Михайловка, Скеля

Каменоломня). Возможно, они отражают не столько тяготение этого населения к земледелию и оседлости, но являлись центрами сосредоточения организационных функций по регуляции пользования угодьями, чего требовало возрастающее количество населения. Решение этой проблемы происходило и за счет оттока населения, в частности, в западном направлении.

Несколько иную ситуацию имеем в эпоху Катакомбной общности, в состав которой входили Донецкая, Ингульская и др. культуры. Первое, что бросается в глаза, это довольно ярко выраженные в вещевом комплексе приметы, присущие культурам земледельческих народов. Прежде всего, красивая посуда, орнаментальные мотивы которой перекликаются с трипольской (мягкие волнистые линии, овы, концентрические круги и др.), мотив колоска в орнаментации посуды и совершенных шлифованных топоров (И.Н.Шарафутдинова).

Локализация погребений Катакомбной АК свидетельствует, что это население эксплуатировало те же природно-экологические ниши, что и население Ямной АК. И все же границы эксплуатации степи расширяются, особенно в позднекатакомбное время, что отражено в появлении курганов на водоразделах. Возможно, более активное освоение открытых степей было вызвано ростом поголовья скота, что требовало и большей заботы о пойменных пастбищах, которые берегли на зиму. Показательно, что выход курганов в открытую степь совпадает с другим фактом. В противоположность Ямной, для Ингульской АК известно много поселений – около 200. Но это еще не стационарные поселки, а сезонные стойбища. Некоторые из них навещали из года в год, из-за чего и образовались более или менее значительные культурные наслоения.

Видимо, население Ингульской АК пыталось преодолеть извечную в Степи проблему недостатка в хлебе, чему способствовала активизация бронзовой индустрии, а также переход к пашенному земледелию, который, не исключено, произошел в данное время. Именно в погребении этой АК найдено наиболее древнее деревянное рало. Возможно, с некоторой активизацией земледелия связано и значительное количество костей вола на поселениях. Зерно, колос как символы плодородия становятся элементами погребального обряда, что засвидетельствовано находкой мешка с пшеницей в одном из погребений Крыма. Находки проса в могилах Донетчины отмечал еще В.А.Городцов, на других территориях это засвидетельствовано современными исследованиями (И.Ф.Ковалева). По отпечаткам зерен на посуде ясно, что это население выращивало также ячмень, овес, чину.

И по удельному весу скотоводства, и по образу жизни ингульское население было очень сходно со своими предшественниками. Но некоторая активизация земледелия вызвала более продолжительную задержку общины или ее членов на стойбищах. В позднекатакомбное время эта тенденция возрастает, и, возможно, появляются поселения круглогодичного обитания – Матвеевка на Южном Буге, Планерское I в Крыму и др. Об этом, в частности, свидетельствуют кости свиньи, которая неспособна на длительные, неизбежные при кочевом скотоводстве, переходы. Но это вовсе не означает появления в степи классического оседлого быта. Речь может идти об ограничении подвижности какой-то части общин. Ведь скотоводство оставалось ведущей отраслью, поэтому в нем была задействована основная масса населения, которое жило в соответствии с ритмами перегона скота.

И все же это население сделало существенный шаг в сторону земледелия, и в дальнейшем эта тенденция в степи нарастает. Это демонстрирует Культура многоваликовой керамики (КМК). Для нее известно много поселений – сезонных и круглогодичного обитания. Вторые иногда достигают значительных размеров. Появляются возведенные из вальков и камня жилища и хозяйственно-бытовые комплексы. Возрастает удельный вес костей свиньи (Бабино Ш – 18%).

Появление очагов оседлости совпадает с активным освоением глубинной степи. Как отмечает И.Ф.Ковалева, курганы КМК локализуются именно там – на значительном расстоянии от воды. Таким образом, возрастание оседлости, как ни странно, коррелируется с большей подвижностью. Как объяснить эту, на первый взгляд, противоречивую ситуацию? Возникновение поселений привело к сокращению количества людей, занятых в перегоне скота. Теперь какая-то часть общины жила оседло, занимаясь хлебопашеством, устройством быта, заготовкой кормов скоту на зиму и т.д. Именно высвобождение от «лишних» людей интенсифицировало подвижность, а вместе с этим – расширило границы эксплуатации степи. Возрастанию подвижности способствовали и некоторые технические новшества – изобретение колесниц и тактики колесничего боя. Это ознаменовало новый этап в доместикации коня. Таким образом, скотоводство населения КМК было более мобильным, чем в предшествующее время, где передвижение всей общины и занятие земледелием на путях перегона скота выступало сдерживающим фактором подвижности.

Возникновение очагов оседлости, большее внимание к земледелию, быту, вероятно, сместили акценты в социальной и культовой жизни. Возможно, этим можно объяснить относительную скромность погребального обряда, особенно инвентаря. Престижные вещи, в частности, металлические, почти не попадают в могилы. Но появляются клады. Отныне социальная позиция коллективов определяется не только количеством скота, но и другим богатством.

Территориальное разграничение скотоводства и земледелия принесло ощутимые плоды в следующую эпоху – во время бытования Сабатиновской и Срубной АК. Но – разные.

В Сабатиновской АК земледельческий, оседлый компонент выражен очень ярко. На это указывает количество поселений, их размеры, мощность культурных отложений, плотность застройки, хозяйственно-бытовые комплексы, мастерские, земледельческие орудия, зольники, мелкая пластика и т.д. Количество и разнообразие поселений диссонирует с количеством погребений (их известно меньше, чем поселений), скромностью инвентаря и отсутствием оригинального погребального обряда. Не вызывает сомнений, что Сабатиновская АК отражает наивысший взлет экономики степного населения, который был достигнут на основе органичного единения земледелия и скотоводства. Материальные условия этого сдвига однозначно связывают с широким внедрением бронзовых орудий. Безусловно, это было одним из главных факторов освоения степи, но не единственным.

Обращают внимание и факты, отражающие всплеск скотоводства в этой среде. Так, слои сабатиновских поселений очень насыщены костями животных. Высокого уровня достигает утилизация продуктов скотоводства – на эту АК приходится пик изготовления костяных и роговых изделий (И.Н.Шарафутдинова). Разбросанные по степи погребения могут являться свидетельством мобильных форм скотоводства.

Таким образом, представляется, что расцвет Сабатиновской АК был вызван не только широким внедрением бронзовых орудий, но и новой организацией труда, основанной на территориальном разграничении двух основных отраслей. Именно так можно было преодолеть извечное противоречие хозяйственной системы степняков, в которой подвижное скотоводство как наиболее подходящий для тех условий способ хозяйствования ограничивал возможности земледелия. Пространственное разграничение скотоводства и земледелия позволило более рационально использовать человеческие и природные ресурсы. Ведь хорошо организованное скотоводство не требует много рабочих рук. Поэтому большая часть общины обитала оседло, занимаясь традиционными для оседлого быта занятиями. Жизнь в степи стала комфортной – каменные и глинобитные дома, разнообразный ассортимент посуды и иных вещей, стабильные запасы пищи. Огромное количество костей животных в культурных слоях свидетельствует не только о большой роли скотоводства, но и о существенных сдвигах в этой отрасли, что и позволило потреблять много мяса. Ведь в целом мобильные скотоводы очень бережно относятся к скоту, а потребление мяса приурочивают к каким-то событиям или же это связано с вынужденным убоем (болезнь скота, бескормица зимой). То есть, можно связывать возрастание уровня жизни сабатиновского населения не только с успехами в земледелии, но и скотоводстве.

В умеренной зоне накопление скота в значительной мере сдерживается условиями зимовки – именно зимой от холода и голода гибло много скота. Это, наверное, было преодолено сабатиновским населением путем организации скотоводческих баз и выселков. На поселениях оставляли лишь меньшую часть скота – для нужд питания, как тягловую силу. Основные же стада весной и летом выпасали в степи. Но возвращение скота на поселение осенью создавало проблему его содержания. Ее разрешили отгоны скота на выселки. Теперь количество скота не лимитировалось тем, сколько его можно было прокормить зимой на поселении. Рассредоточение скота по выселкам не только облегчало его содержание зимой, но и предотвращало эпизоотии (массовые болезни скота). Этим можно объяснить огромное количество поселений Сабатиновской АК, в частности, и небольших размеров – с несколькими домами или вовсе без долговременных построек.

Из этого следует, что некоторые из этих поселков могли быть сезонными стойбищами, где обитали одна-две семьи. Главной их функцией была подготовка к зиме – возведение укрытий и заготовка кормов скоту, хотя для нужд питания тут могли возделывать и небольшие участки. Совершенные бронзовые серпы, а они являются наиболее массовыми находками среди металлических изделий, позволяли заготовить достаточно кормов. Периферийный характер таких небольших поселений, возможно, указывает, что какую-то часть кормов могли подвозить сюда и со стационарных поселений (солома, полова, отруби).

Привлекает внимание еще один факт – значительные размеры и поэтапное возведение многокамерных жилищно-бытовых комплексов на основных поселениях. Это указывает на значительный количественный потенциал семьи, т.е. - большую семью. Расширением ее и вызваны, наверное, пристройки новых помещений, что, в конечном итоге, приводит к повышению плотности застройки на поселениях. Сохранение семьи по мере ее увеличения при таком хозяйстве было логичным, поскольку оно требовало много рабочих рук – и на основном поселке, и за его пределами. На то, что в рамках одной большой семьи

объединялось несколько отдельных, указывает и наличие нескольких очагов в больших жилищах.

Таким образом, всплеск земледелия позволил сабатиновцам интенсифицировать и скотоводство. Вековая традиция мобильного скотоводства здесь не прервалась, а приобрела новые и совершенные формы, когда выпас в теплое время года сочетали с содержанием скота зимой на специальных базах, где скоту были обеспечены корма и защита от холода. Иными словами, оседлость здесь не имела классических форм, поскольку какая-то часть населения была занята в выпасе скота и т.д.

Этот взлет комплексного хозяйства в степи окончился кризисом. Его причины усматривают в антропогенном факторе: распашка земель привела к сокращению пастбищ и подрыву скотоводства; уничтожение лесов и рощ для технических нужд, строительства и обогрева вызвало обмеление рек, высыхание степей и т.д. (И.Т.Черняков, И.Н.Шарафутдинова). Но активизация скотоводства в следующую эпоху – Белозерскую АК – дает основания думать, что корни кризиса, в первую очередь, кроются в отсутствии навыков интенсификации земледелия. Ведь плодородие земли определяется не природными качествами, а умением его восстанавливать. Иначе земледелие будет иметь экстенсивный характер и развиваться за счет распашки все новых и новых земель. С этой точки зрения показательны незначительные культурные наслоения на многих сабатиновских поселениях, хотя есть и исключения. Важным является вывод Г.А.Пашкевич, что, во-первых, обрабатываемые участки находились в поймах, во-вторых, ими пользовались недолго. Иными словами, несмотря на широкое внедрение бронзовой индустрии, тяжелые степные грунты было нелегко задействовать для земледелия. Кратковременное пользование окультуренными участками свидетельствует, что это население не научилось восстанавливать плодородие почв. Этим также могло быть вызвано огромное количество поселений.

Иной была ситуация в Восточной Украине, где распространены памятники Срубной, по В.В.Отрощенко - Бережновско-Маевской Срубной АК. В отличие от Сабатиновской, в этой АК ярко выражен приоритет скотоводства. Он воплощен в погребально-ритуальных комплексах. Продолжая традиции курганной архитектуры, это население придало ей новые формы, новую выразительность. Именно с этой культурой связано активное курганное строительство, возведение длинных и фигурных насыпей, своеобразная организация курганных ансамблей. Возрастает ритуальная значимость этих сооружений, что отражено в деталях их устройства, заметно возрастает роль скота при проведении погребальной церемонии. Не вызывает сомнений, что не только погребально-поминальные обряды, но и вся основная культовая жизнь сосредотачивалась, в первую очередь, вокруг курганов-храмов.

С Бережновско-Маевской АК связано активное освоение глубинных степей. Именно этим временем датируется большинство погребений, совершенных на открытых плато – на значительном расстоянии от пойм. Это было вызвано возрастанием мобильности, которая стимулировалась ростом населения и, соответственно, поголовья скота. Перегон скота на значительные расстояния привел к формированию оптимального состава людей, которые передвигались вместе со скотом. С этой точки зрения привлекает внимание преобладание мужских погребений, которые в Днепро-Молочанском междуречье достигают

66%. Параллельно с этим шло, видимо, и формирование оптимального для таких перегонов состава стада.

Освоение степной зоны срубным населением привело к возникновению здесь очагов оседлости. Северное Приазовье покрывается густой сетью поселений – круглогодичного обитания и сезонного. Поселения эти, как правило, небольшие, а земледельческий компонент здесь выражен слабее, чем на сабатиновских: мало следов культурных растений, зернотерок. Это коррелируется с низким процентом заболеваний кариесом (5%), что, возможно, указывает на преобладание мясной пищи. Иными словами, пространственное разграничение скотоводства и земледелия имело здесь иной результат. То ли природные условия, то ли родственность с восточным миром, то ли иной менталитет вызвали здесь господство скотоводства. Резкое преобладание погребальных памятников над бытовыми, их локализация и организация своеобразных ансамблей указывают на участие в мобильном образе жизни значительного числа людей. Но именно территориальное разграничение земледелия и скотоводства сделало возможным полное освоение степи, в частности, и экологических ниш, малопригодных для жизни.

Исходя из дальнейшего хода событий, а именно смены ХКТ в Степи на рубеже эпохи бронзы-раннего железа и появления кочевого скотоводства, было бы логичным допустить, что именно эта тенденция, наметившаяся в Срубной АК, и привела к указанным последствиям. Но археологические материалы отражают довольно неоднозначную ситуацию. Отсюда и различия в определении ведущей отрасли деятельности, а вместе с этим – и образа жизни: было ли это скотоводство и мобильный образ жизни или земледелие и оседлый способ жизни. Потому вопрос, как комплексное хозяйство трансформировалось в специализированное кочевое, как произошел отрыв от земледелия и оседлости, все еще до конца не ясен. Не исключена и гипотеза о формировании кочевничества за пределами Северного Причерноморья и появлении этого ХКТ здесь в результате миграции кочевников с востока. Обратимся к Белозерской АК.

Формирование Белозерской АК на пространствах, занятых в предыдущее время двумя АК с разными ХКТ, привело к возникновению относительно однообразной культуры. Но она была следствием различных процессов. В западном регионе Украины – на территории классической Сабатиновской АК – резко падает объем земледелия и оседлости: сокращается количество поселений, исчезают большие, уменьшается площадь хозяйственно-бытовых комплексов, наблюдается деградация строительного дела. Количество же погребальных памятников возрастает, появляются и большие могильники. Таким образом, сокращение объемов земледелия компенсируется возрастанием удельного веса скотоводства, что требовало реорганизации всей жизни. В Нижнем Поднепровье и далее на восток мы не наблюдаем таких резких перемен. Количество поселений здесь не уменьшается, а, возможно, даже увеличивается. Здесь локализуются и металлургические очаги. Создается впечатление, что центр хозяйственной деятельности перемещается в Нижнее Поднепровье. Но изменения произошли и здесь, что отражено в появлении большого количества стойбищ, уменьшении количества погребальных памятников и, главное, в изменении погребального обряда. Как и к западу от Днепра здесь известны курганные и грунтовые захоронения.

При сохранении комплексного хозяйства изменилось не только соотношение удельного веса земледелия и скотоводства в пользу второго на всей территории степи, но и произошли какие-то сущностные изменения в ведении хозяйства. Так, при возрастании удельного веса скотоводства количество костей и костяных изделий, в частности, и для обработки шкур, в слоях белозерских поселений уменьшается. Это может свидетельствовать о возрастании подвижности и содержании скота за пределами поселений. Но, с другой стороны, спад земледелия и усиление подвижности сопровождается исключительным для степного региона явлением - появлением довольно больших грунтовых могильников, часто рядом с курганами (могильники Широчанский, Брилевский, Будуржель и др.). В Степном Поднепровье грунтовые погребения составляют 81,5% (В.В.Отрощенко), в Северо-Западном Причерноморье таких погребений и подкурганных приблизительно поровну (В.П.Ванчугов). Возникает вопрос, почему в условиях активизации скотоводства, а, значит, и подвижности появились столь значительные грунтовые могильники? Ведь для археолога они всегда выступают показателем оседлости.

Обращает внимание, что распространение грунтовых могильников совпадает с другим явлением - не только ярко выраженной социально-имущественной дифференциацией, но и появлением могильников элиты (совхоз «Степной», Кочковатое), а также курганов, которые по устройству приближаются к курганам скифской знати (Широкая Могила). Они свидетельствуют не просто о дифференциации, наблюдаемой в большей или меньшей мере для всех АК, а об определенном противопоставлении «верхов» «низам». Так, разрыв между двумя группами погребений выражен, по В.В.Отрощенко, восьмикратной разницей в размерах могил. Возрастает количество металлических вещей в могилах, особенно украшений, появляются золотые. С этого времени начинается систематическое ограбление курганов.

На какой основе возникло это противостояние? Представляется, что возрастание подвижности в конце бронзы привело к тому, что какая-то часть общин оставляет земледелие и занимается только скотоводством, ведя кочевой образ жизни. Отметим, что одним из условий перехода к кочевому скотоводству является значительное накопление скота – такое, чтобы его хватало для питания, воспроизводства и обмена. То есть, кочевые общины должны были выделяться богатством, а вместе с этим – и социальным приоритетом. Таким образом, внутриобщинное разделение труда в белозерское время сменяется межобщинным. Противопоставление кочевого образа жизни и традиционного подвижно-оседлого и нашло выражение в биритуализме погребального обряда - курганных и грунтовых погребениях. Попутно подчеркнем**,** что, по данным В.В.Отрощенко, курганные погребения, в том числе и более пышно обустроенные, тяготеют к южной зоне, грунтовые и более скромные – к северной. Можно думать, что белозерская элита была носителем нового ХКТ – кочевого. Социальная дифференциация приобрела опору в имущественной. Это совпадает с отмиранием практики сокрытия кладов. Постепенно все степное население переходит к новому способу жизни, что и знаменует начало железного века. Этому способствовали и другие обстоятельства технологического и социального характера: внедрение железа и формирование нового комплекса вооружения, нового класса воинов, изменения в окружающем мире.

Таким образом, возникновение кочевого скотоводства можно связывать с Белозерской АК. Но этот вывод будет справедливым лишь частично, поскольку истоки такого образа жизни лежат глубже – в пространственном разграничении скотоводства и земледелия на основе разделения труда в общине, которое началось в эпоху бронзы (Ингульская АК). Именно этот фактор способствовал широкому освоению степей, лучшему познанию ритмов жизни Степи, формированию оптимального состава стада и, главное, определенных качеств у животных – способности преодолевать значительные расстояния, переносить перебои в кормах и воде. Параллельно с этим формировались и навыки подвижного способа жизни, вырабатывался и тот материальный комплекс, который обеспечивал его. Этот комплекс черт не мог сформироваться в классической оседлой среде, как и своеобразный менталитет степняка с его любовью к скоту и бескрайним пространствам. С этой точки зрения формирование кочевого скотоводства заняло столетия. Аккумуляция векового опыта и привела к тому, что в течение нескольких поколений степное население освободилось от пут экстенсивного земледелия и оседлости и перешло к кочевничеству.

Тема 2. Киммерийцы

Киммерийский период на юге Восточной Европы отмечен значительными изменениями в социально-экономической и духовной жизни древнего населения. Хронологические рамки киммерийского периода определяют два исторических события. Первым из них является переход значительной части населения степной зоны Волго-Дунайского междуречья к кочевому образу жизни в конце II – начале I тыс. до н.э. Другим этапным моментом можно считать переселение на эту территорию в конце VIII или же начале VII в. до н.э. из восточных районов Евразии нового населения, известного под собирательным именем «скифы».

Киммерийцы являются древнейшими из числа известных по своему имени народов, обитавших в Восточной Европе (Рис.1). С ними связана эпоха, которая освещается не только немыми археологическими материалами, но и свидетельствами письменных источников, что имеет особое значение для исторической науки. Они оставлены нам ранними греческими писателями и подкреплены данными переднеазиатской клинописи. Особенностью ассиро-вавилонских источников является чисто практический интерес к неизвестным доселе северным народам, представлявшим реальную угрозу для стран Древнего Востока, что отодвигало на второй план фиксацию подробностей об их быте или общественном строе. Вместе с тем, восточные тексты были составлены в период прямых контактов ассирийцев и киммерийцев, поэтому дают нам из «первых рук» достоверную информацию, а также абсолютные даты событий.

Происхождение имени «киммерийцы» вызывает споры. Одни ученые производят его от финикийского слова «темный». Другие исследователи считают, что оно происходит от греческого слова «зимние», то есть люди стран, в которых, по представлениям греков, были холодные зимы. Имя «киммерийцы» пытались также перевести с помощью фракийского и хеттского языков. Однако наибольший интерес вызывает объяснение этого имени с позиции древнеиранского языка как самоназвания «подвижный отряд ираноязычного кочевого населения евразийских степей». В пользу такого подхода

свидетельствуют, в частности, и средневековые аналогии, связанные с этимологией таких кочевнических этнонимов как «кипчак» или «тюрк». Особый интерес представляют ойратские этнонимы «хошоут» и «торгоут», в этимологии которых нашел свое отражение военный строй далекого прошлого. Так, слово «хошуун» означает по-монгольски «острие», «клюв», а также воинский строй – построение авангарда войска в виде клина. Что же касается этнонима «торгоут», то известно, что в эпоху Чингисхана существовали отряды под названием «турхауты», которые охраняли ставки вождей племен, а позднее – дворцы монгольских ханов. Эта гвардия Чингисхана в монгольском оригинале «Тайной истории монголов» носит название «turyay-kesigten». От множественного числа этого слова и произошел этноним «торгоут». По всей вероятности, появление этнонима «киммерийцы» возникло по схожей схеме и связано с определенными подразделениями в военной или социальной организации этого кочевого народа.

Первые известия о киммерийцах сохранились в поэмах гениального Гомера, датирующихся VIII в. до н.э. «*Закатилось солнце*, – рассказывается в «Одиссее», – *и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и область людей киммерийских, окутанные мглою и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными*» **[Одиссея, XI, *12-19*].** Гомер помещает киммерийцев где-то на крайнем севере, рисуя их обиталище как преддверие царства мертвых, поскольку именно такому мрачному месту, в представлении Гомера, соответствуют те немногие реальные сведения греков о холодной и далекой для них земле киммерийцев.

Более точно, на северном побережье Черного моря, локализует киммерийцев «Отец истории» Геродот. От причерноморских греков и скифов он узнал, что вся страна, которую в его время (V в. до н.э.) занимали кочевые скифы, ранее принадлежала киммерийцам, покинувшим ее под давлением скифов, пришедших с востока, из глубин Азии. В подтверждение своих слов он пишет: «*и теперь еще есть в Скифии Киммерийские стены, есть Киммерийские переправы, есть и область, называемая Киммерией, есть и так называемый Киммерийский Боспор*» **[IV, *12*].** Мы знаем также о могиле киммерийских царей **[Геродот, IV, *11*]** у реки Тираса (так греки называли в древности Днестр). О ее появлении здесь рассказывается в известном предании о вторжении скифов в Северное Причерноморье. Опасаясь многочисленных скифов, большинство киммерийцев решили уйти со своей земли. Однако их цари предлагали бороться с врагами. Не получив поддержки со стороны народа, цари разделились на равные части и сразились между собой. Убитых в этой битве царей погребли в кургане, который был виден и многими годами позже.

В подобных рассказах, вероятно, содержатся отголоски исторической правды о киммерийских владыках, о тех, кто становился во главе отрядов киммерийцев, совершавших далекие походы в страны Древнего Востока. Их имена (Теушпа, Лигдамис, Сандакшатру) упоминаются как в античных литературных источниках, так и в ассиро-вавилонских клинописных текстах. Среди клинописных документов выделяются шпионские донесения с границ Урарту, хроники ассирийских и вавилонских царей, их дипломатическая переписка и др. Все они говорят о народе гамирра, то есть киммерийцах, который, начиная с последней четверти VIII в. до н.э., стал тревожить северные границы

государства Урарту, а затем проник на территорию Ассирии и Малой Азии. По этим данным, около 714 г. до н.э. киммерийцы появились у северных границ Урарту, и Руса I, царь урартов, ходил на них не слишком удачным походом. Против киммерийцев были собраны чуть ли не все урартские войска, причем в них находился и сам царь, его туртан (главнокомандующий), и, к тому же, не менее 13 областеначальников. Несмотря на концентрацию сил урартов, киммерийцы нанесли им сокрушительное поражение, наголову разгромив войска туртана и еще 2 областеначальников и захватив их самих в плен. Остальные 11 областеначальников были вынуждены отступить, а сам царь поспешил в Урарту, оставив свои войска. Эти сообщения свидетельствуют о значительной боевой мощи киммерийцев, которые были способны противостоять объединенным военным силам такой крупной державы, как Урарту.

Опустошительные набеги грозных северных кочевников оказали сильное впечатление на современников, а их внешний вид был настолько необычным, что образ киммерийских воинов был запечатлен не только в текстах, но и в изобразительном искусстве, например, в вазовой живописи (Рис. 2).

К вопросу о древневосточной эпопее киммерийцев мы еще вернемся, а пока зададимся вопросом об их происхождении, культуре, а также археологических памятниках.

Появление киммерийцев на исторической арене было связано со многими процессами, которые были уже рассмотрены в рамках предыдущей темы, и происходившими в конце II – начале I тыс. до н.э. в степных районах Восточной Европы.

Зависимость человечества от окружающей его природы, т.е. географической среды неоспорима. Хотя степень этой зависимости и расценивается различно, но в любом случае хозяйственная деятельность народов, когда-то населявших землю, тесно связана с ландшафтом и климатом обитаемых территорий. Однако ландшафты, подобно этносам, имеют свою динамику развития, свою историю. Когда ландшафт меняется до неузнаваемости, люди должны либо приспособиться к новым условиям, либо погибнуть, или же, выбрав третий путь, переселиться на другие земли и обрести новую родину.

Кризисные состояния с подобными социально-экономическими последствиями особенно характерны для пограничья историко-археологических эпох, в том числе для времени перехода от бронзового века к железному. Эти сравнительно короткие, но бурные периоды, отличаются настойчивыми и целенаправленными поисками новых путей социально-экономической адаптации. Они сопровождаются упадком одних и бурным расцветом других культур, активизацией миграционных процессов, рождением новых этносов и т.д. В такие узловые, насыщенные динамизмом периоды социально-экономическое развитие многократно ускорялось.

Природноклиматические условия Украины за последние 4 тысячи лет претерпели существенные изменения. Менявшиеся температурный режим и увлажненность создавали условия для перемещения границ природных зон, смену типов растительности. Они влияли на величину стока рек, создавали условия для формирования новых ландшафтов. Следует отметить, что в наибольшей степени явления проявились в степной зоне, в меньшей – в лесостепной, и лишь незначительно повлияли на лесную. Относительная уязвимость степной зоны и участков степного ландшафта в Лесостепи обусловлены отрицательным

балансом влаги и присутствием больших безлесных пространств. Распространение засушливого климата вызывало уменьшение площади лесных массивов в Лесостепи и остепнение южной ее части.

В эпоху финальной бронзы на территории Восточной Европы начинается общее похолодание, устанавливается эпоха пониженной увлажненности, просуществовавшая, приблизительно, до раннескифского времени. В результате этого природные зоны в районе Северного Причерноморья были сдвинуты к северу.

С ростом засушливости и уменьшением продуктивности степных ландшафтов в X – IX вв. до н.э. неокрепшее еще кочевое хозяйство, также, по-видимому, начинает переживать кризис. Это заставило значительную часть населения покинуть степные районы и переселиться в места с более благоприятными природными условиями, что находит свое отражение в отсутствии на этой территории поселений и крупных стационарных могильников.

Расселение киммерийцев, вероятно, проходило поэтапно и в нескольких направлениях. В первую очередь, они переселялись в районы, которые в значительно меньшей степени пострадали от понижения уровня увлажненности, так как находились в зоне с положительным балансом влаги. Это Лесостепь Поднепровья, территории предгорного Крыма и Северного Кавказа, в частности Закубанья, где в предскифский период отмечено заметное увеличение количества могильников. Многие из них несут в себе черты, свидетельствующие о контактах со степными племенами. Данное обстоятельство явилось важным фактором формирования одной из групп киммерийских памятников, получивших в науке название «новочеркасской». Она была названа по кладу бронзовых предметов, найденных в 1939 г. в г.Новочеркасске. Основной территорией распространения всаднических захоронений новочеркасской группы является Предкавказье и Лесостепное Днепровское Правобережье. Культура этого населения сформировалась, преимущественно, в процессе тесных контактов ранних кочевников и местного населения Северного Кавказа.

Вместе с тем, следует отметить, что указанные выше переселения не привели к запустению степей. Часть кочевого населения осталась там, сосредоточившись в местах, наиболее пригодных для жизни, например, в долинах больших рек. Именно с ней следует связывать другую группу киммерийских памятников. Она названа «черногоровской» по захоронению в кургане у хутора Черногоровский в Донецкой области. Эта группа памятников распространена на широкой территории от Заволжья на востоке до низовий Дуная – на западе. Именно черногоровское население более тесно связано по обряду погребения и общему облику материальной культуры со степными культурами эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы. Сосуществование двух крупных групп памятников (черногоровской и новочеркасской) объясняется тем, что киммерийцы, как и многие иные кочевнические объединения, включали ряд группировок, имевших свои особенности в материальной культуре и, возможно, разное происхождение.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что сложение киммерийской культуры было достаточно сложным процессом. Оно осуществлялось в условиях коренной перестройки хозяйства и быта, этнического смешения и широкого диапазона этно-культурных связей. Киммерийцы являлись создателями первого крупного объединения кочевых племен на юге Восточной

Европы. Распространение кочевого скотоводства, а вместе с ним и новых форм быта, способствовали тому, чтобы многие прежние элементы культуры должны были исчезнуть, уступив свое место другим, более соответствующим изменившемуся образу жизни. Процесс культурно-исторического развития населения Северного Причерноморья в начале раннего железного века начинает особенно заметно переплетаться с развитием соседних и более отдаленных племен и народов. В значительной степени это стало возможным благодаря массовому применению киммерийцами верхового коня, что намного облегчило установление дальних связей Северного Причерноморья с окружающим миром.

Помимо этого, развитие всадничества обусловило важнейшие изменения в военном деле, способствуя появлению первой в истории человечества конницы. Всадники в значительной степени обусловили военные успехи этого народа на исторической арене. Именно в это время конница, которая была элитой киммерийского войска, стала решающей силой в военных действиях. Ведущая роль вооруженных всадников сохранилась и в дальнейшем, в скифскую эпоху и средневековье.

Лошади ценились кочевниками и потому, что без них не могла осуществиться в полной мере наиболее важная в кочевых условиях система зимнего выпаса скота, практикуемая обычно в тяжелые многоснежные зимы, – так называемая «тебеневка», когда лошади, разгребая копытами толстый снежный покров, добывают сохранившуюся под ним старую травяную растительность.

Едва ли вызывает сомнения тот факт, что ранние кочевники, для которых конь служил главным средством передвижения и верным спутником в походах, считали его священным жертвенным животным. Он был символом солнца, о чем говорится в «Авесте».

Если не считать кладов и случайных находок, то единственными памятниками киммерийского периода являются могилы: впускные и реже основные захоронения в курганах. Известны также бескурганные погребения, и даже могильники. Следы временных стойбищ кочевников почти неуловимы. Лишь около с.Сергеевка на берегу Сиваша были найдены остатки зимника, на месте которого, помимо обломков глиняных сосудов, оказались бронзовые удила с кольцевидными концами и прямыми стержневидными псалиями. Исчезновение стационарных поселений - один из показательных признаков новой эпохи.

Религиозная идея киммерийского погребального обряда очень древняя. Основное ее содержание сводится к заупокойному культу предков, к стремлению обеспечить загробную жизнь. Для этого клались заупокойные дары и совершались жертвоприношения. В киммерийское время лишь усилилась тенденция к возвеличиванию конного, хорошо вооруженного воина, к героизации его образа.

К числу поминальных обычаев относятся также тризны, по существу являющиеся остатками ритуальных трапез, отправляемых в память и честь умершего родственника.

Устройство киммерийских могил разнообразно. Помимо простых прямоугольных и овальных ям, встречаются погребальные камеры с деревянными склепами в виде срубов, ямы с перекрытиями из бревен по уступу и ямы (иногда глубокие) с боковыми подбоями. В могиле, обнаруженной в кургане у с.Софиевка близ Каховки, сохранились остатки саркофага, составленного из четырех досок. Эти короткие и длинные доски были поставлены на ребро и закреплены в углах

посредством круглых столбиков с угловым пазом, вбитых в дно могилы. На внутренней стороне досок продольно было сделано, по-видимому для жесткости, массивное ребро. Длинные стенки саркофага снаружи украшены резным линейным орнаментом в виде косых полос квадратов с вписанными один в другой квадратиками и покрыты красной краской. На дне саркофага была глиняная подсыпка, истлевшие прутья и камыш.

Позы умерших довольно устойчивы. Скелеты в могилах лежат скорчено на боку, а также вытянуто на спине или боку. Преобладает восточная и западная ориентировка погребенных. В мужские захоронения клали кинжалы, уздечки, точильные бруски, наборы стрел, керамику, заупокойную пищу. В женских захоронениях встречаются глиняные сосуды, иголки, золотые или бронзовые с золотой плакировкой височные кольца, пронизки, стеклянные бусы.

О размещении заупокойных даров дает представление гробница в кургане Высокая Могила у с.Балки Запорожской области (Рис. 3). При самом скелете находились следующие предметы: на черепе – бронзовый венчик, слева от черепа – массивная золотая подвеска, имеющая вид спирально закрученного гвоздевидного стержня со шляпкой, разделенной насечками на три доли, при поясе – матерчатый мешочек и кремневый отщеп для высекания огня, являющийся почти обязательной принадлежностью погребенных киммерийцев. Перед лицом погребенного в углу могилы находились кости барана от напутственной пищи, а поверх них лежали остатки истлевшего деревянного сосуда с золотыми обивками. За черепом и в углу могилы была вторая кучка костей барана, бронзовые удила, колчанный набор бронзовых и костяных наконечников стрел, каменная застежка и большой узкогорлый сосуд.

Чем богаче был человек при жизни, тем больше вещей клали в его могилу. В некоторых случаях богатство выражалось не столько в изобилии вещей, сколько в размерах и внутреннем устройстве могилы. Это прекрасно видно на примере захоронения мужчины-воина в кургане у с.Холмское Одесской области. В нем были прослежены остатки двух достаточно сложных деревянных конструкций.

Первая верхняя деревянная конструкция, перекрывавшая костяк, была расчищена под каменным закладом. Основу прямоугольной деревянной конструкции составлял брус с прямоугольным сечением. По всей длине в брусе выдолблены прямоугольные отверстия, в которых закреплены планки (Рис. 4, *1*). На расстоянии 15 см от краев планок в них также были выдолблены прямоугольные отверстия и через них пропущены еще две прямоугольные планки. Таким образом, получилась довольно жесткая деревянная конструкция, состоящая из центрального продольного бруса, двух параллельных планок и примерно 13-15 поперечных планок, соединенных между собой посредством отверстий в деталях.

Сам погребенный был уложен на вторую деревянную конструкцию, представляющую собой ложе, окрашенное красной охрой. Оно имело прямоугольную деревянную раму из досок с решеткой из прутьев и планок. Рама изготовлена из досок, нижний край которых фигурно вырезан. Ножки ложа закреплены по углам рамы шпонками и, вероятно, клеем животного происхождения. Деревянное ложе оказалось коротким для умершего, поэтому его голова и ступни были уложены на специальные фигурные подставки, изготовленные из сырой глины.

Поражает точная и кропотливая обработка деревянных деталей, изготовление сложных конструкций, их соединение с применением всего арсенала технических приемов столярного мастерства. Это свидетельствует о высокоразвитом мастерстве деревообработки у степных племен Северного Причерноморья уже в раннем железном веке.

Наездники, прочно спаянные в отряды, стали основой киммерийских войск со свойственной им подвижностью и маневренностью, дававшими им особые преимущества в боях с пехотинцами. Киммерийцы были, прежде всего, конными стрелками из лука, имевшими на вооружении также качественные железные мечи и боевые каменные молотки.

Главным оружием дальнего боя у киммерийцев были лук со стрелами. К сожалению, известна лишь одна находка остатков киммерийского лука – в курганном погребении у с.Зимогорья Луганской области (Рис. 5). Лук состоял из двух продольных полос дерева, обмотанных тонкой растительной пленкой, по-видимому, берестой. Его длина 93 см. В луке из Зимогорья можно уже узнать форму более позднего «скифского» лука, хорошо известного по памятникам изобразительного искусства и описаниям древних авторов. Наконечники стрел были втульчатыми. Среди бронзовых наконечников встречаются ромбические, овальные и килевидные с остриями книзу, у некоторых имеется шип в виде маленького крючка. Костяные наконечники чаще бывают ромбовидными с выемчатым или прямым основанием, квадратными или круглыми в разрезе. Для ношения стрел использовались колчаны, застежки от которых имели форму ребристых палочек. Делались они из мягкого камня или кости.

Оружием ближнего боя в киммерийскую эпоху были мечи и кинжалы из бронзы или железа, а также биметаллические – с бронзовой рукоятью и железным клинком (Рис. 6). Большинство из них имело крестовидную рукоять с грибовидным или валиковидным навершием и перекрестье в виде прямых пластинчатых выступов или опущенных вниз острых треугольников. Более совершенного оружия в то время не существовало, и поэтому оно широко распространилось на Северном Кавказе, в Центральной Европе и Волго-Камье. Были знакомы киммерийцам и копья с железными наконечниками. На некоторых из них в основании пера имеется пара небольших отверстий. Вместе с металлическим оружием в некоторых погребениях предскифской поры были встречены боевые каменные цилиндрические молотки. К числу предметов, обычных для воинских погребений киммерийцев, относятся также оселки. Для их изготовления применяли различные породы камня – от песчаника до самых твердых. Помимо своего прямого, рабочего назначения точильные бруски играли и какую-то культовую роль. В нартском эпосе, распространенном среди народов Кавказа, фигурируют великаны Гарбаши, которые заживляли полученные в битве раны, потерев их волшебными оселками.

Для конской сбруи характерны бронзовые удила с однокольчатыми, стремечковидными и двукольчатыми петлями на концах. Им сопутствуют псалии различных модификаций, среди которых преобладают трехдырчатые с лопастью на одном конце, либо трехдырчатые изогнутые с утолщением вокруг отверстий и шляпками на концах. Украшениями уздечек служили разнообразные бляхи с петлей на обороте, лунницы, шлемовидные подвески. Набор богато орнаментированных уздечных украшений из кости представлен в Зольном кургане близ г.Симферополя (Рис. 7).

Киммерийское искусство отличается типичными геометрическими орнаментами в виде одинарных и концентрических кружков, розеток, разнородных спиралей, меандров и ромбовидных фигур. Этому искусству не были чужды и зооморфные образы, известные пока по единичным экземплярам.

Довольно часто в степных киммерийских погребениях находят остатки деревянных сосудов, украшенных или скрепленных бронзовыми или золотыми пластинками. Восстановить технологические приемы изготовления деревянных сосудов по сохранившимся остаткам сложно. Можно лишь предполагать, что часть из них выдалбливали или вырезали из цельного куска дерева, выбирая для этого наиболее качественные участки древесины – каповые.

Использование деревянных сосудов было обусловлено, вероятно, не только их практичностью в условиях кочевого быта, но и слабым развитием собственного керамического производства у кочевников. Быть может, поэтому ощущается зависимость степных керамических форм и, прежде всего, более трудоемкой в изготовлении лощеной посуды, от форм посуды высокоразвитых областей оседлого населения, таких как Лесостепное Поднепровье, Молдова и Предкавказье.

Знакомство с конским убором и вооружением киммерийцев убеждает в том, что их отряды не зря считались грозной силой в государствах Древнего Востока. В борьбе с ними пали цари Фригии и Лидии, а ассирийцы были вынуждены искать союза с киммерийцами. Превосходство киммерийцев над лучшими армиями Передней Азии состояло, прежде всего, в их новой тактике, которая основывалась на создании массового легкого конного войска практически без обоза. Такое войско было необычайно подвижно, а большая дальнобойность и пробивная сила киммерийских стрел, отличающихся высокими баллистическими качествами, позволяла всадникам держаться на безопасном расстоянии от противника. Стрельба велась в основном не через голову коней, а назад по ходу скачки. Кони, летящие табуном в сторону от опасности, почти не нуждались в поводьях и могли управляться одними шенкелями. Таким образом обстрел велся на скаку, когда конный отряд мчался мимо противника и в сторону от него, но при всем том был убийственным. Боевые качества древневосточной конницы и колесничного войска не отвечали требованиям ведения войны с таким чрезвычайно быстрым, маневренным противником, каким были киммерийцы.

О могуществе киммерийского войска образно говорится в Библии: «*Не будет в нем* (народе, дальнем от края земли, – *автор) ни изнемогающего, ни утомленного; он не будет дремать и не будет спать; пояс не снимется с чресл его, и не разорвется ремень у сандалий его; стрелы его заострены и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колесницы его, как вихрь».*

Важно, что недавнее исследование кургана Уашхиту (Северо-Западный Кавказ) подтверждает существование у киммерийцев таких колесниц. Под насыпью высотой 4,5 м была обнаружена деревянная шатровая конструкция, находившаяся над большой могильной ямой размером 12 х 7 м. В южной части ямы сохранились остатки колесницы и ее упряжи. Место собственно колесницы отмечено двумя ямками для колес со следами дерева внутри. На костяках четверки сопряженных вместе коней обнаружены уздечные принадлежности, среди которых удалось выделить предметы, характерные именно для упряжек колесниц. Кроме колец с подвижными муфтами, к ним могут относиться большие браслетообразные кольца, пластины с двойными бляшками и цилиндрические

пронизи. Реконструируемые остатки колесницы свидетельствуют, что использующийся здесь принцип запряжки близок ассирийскому, хорошо известному по каменным рельефам, украшавшим дворцы восточных царей. В двухколесную колесницу запрягали четверку лошадей при помощи одного дышла, скорее всего одного ярма и внешних ремней постромок.

Находки в курганах колесниц являются свидетельством высокого социального статуса их обладателей. У индоевропейских народов колесница выступает как атрибут царей и богов. По «Авесте» известно сословие «стоящих на колеснице» - одно из трех сословий древнеиранского общества, из которого происходит царь. В связи с этим, имеются основания рассматривать комплексы с упряжью колесниц как знаки принадлежности их владельцев к элитарной прослойке киммерийского общества.

Симптоматично, что колесницы получают широкое распространение в период военных контактов с Древним Востоком. Скорее всего, эти совпадения не случайны и могут являться археологическим подтверждением участия киммерийцев в переднеазиатских походах VIII-VII вв. до н.э. Их дополняют другие находки, известные, в частности, в Днепровском Лесостепном Правобережье. Так, в Черкасской области обнаружены бронзовые, плакированные золотым листом бляшки-розетки от конской узды в виде округлых дисков с бортиком, украшенные рельефными лепестками и точечным орнаментом по краю. Ближайшие аналогии им известны среди ассирийских древностей, относящихся ко времени правления Саргона II (последняя четверть VIII в. до н.э.), когда киммерийцы собственно и появляются на Древнем Востоке. Из Черняховского клада под Киевом происходят бронзовые оковки от щитов, состоящие как бы из четырех выпуклых блях различной величины, наложенных друг на друга в виде концентрических кругов. Связь этих оковок с Закавказьем и Урарту сомнений не вызывает. К этому же кругу древностей относятся и найденные в Центральном Предкавказье предметы парадной и боевой паноплии (шлемы, панцири, пекторали). Некоторые из них также украшены рельефными концентрическими кругами.

После урарто-киммерийской войны 714 г. до н.э. на протяжении примерно 35 лет всякие сведения о киммерийцах в древневосточных письменных документах отсутствуют. Это, вероятно, было связано с изменениями ситуации на юге Восточной Европы, а именно с появлением здесь нового кочевого населения, известного нам под именем скифов. Передвижения кочевников привели к политической нестабильности, что явилось причиной появления многочисленных кладов и разрушения поселений. Данные факты уточняют время окончания киммерийского и наступления нового скифского периода на юге Восточной Европы в пределах конца VIII или начала VII вв. до н.э.

Однако киммерийцы как этнос исчезли далеко не сразу. Часть их откочевала на запад и в лесостепные районы Украины, а другая – на протяжении еще довольно долгого времени продолжала противостоять скифам на малоазийском театре боевых действий. Это не исключало существования между скифами и киммерийцами кратковременных союзнических отношений, особенно во время их конфликта с Ассирией в 70-ые годы VII в. до н.э. Тогда скифы впервые появились на исторической арене и нуждались в поддержке киммерийцев, хорошо ориентировавшихся в сложившейся на Древнем Востоке военно-политической ситуации.

Значительный интерес в этой связи представляет рассмотрение характера и динамики взаимоотношений киммерийцев с различными древневосточными государствами в VIII – VII вв. до н.э. В последней четверти VIII в. до н.э. имели место военные столкновения киммерийцев с Урарту. В VII в. до н.э., при преемниках ассирийского царя Саргона П – Асархаддоне (681-669 гг. до н.э.) и Ашшурбанипале (669-627 гг. до н.э.), свидетельства клинописных текстов о киммерийцах становятся более подробными и частыми. В 679/678 г. до н.э. киммерийцы вторглись в Ассирию, но их царь Теушпа был разбит где-то в Малой Азии. Далее они фигурируют в качестве ассирийских наемников. В 676-675 гг. до н.э. киммерийцы вместе с урартами напали на Фригию. Поход был успешным. Урарты захватили много добычи и пленных, а Фригия была отдана на разграбление киммерийцам.

С 70-х годов VII в. до н.э. военные действия киммерийцев переместились с востока Малой Азии на запад – ни Лидия, ни разрозненные греческие города ионийского побережья серьезной угрозы для киммерийцев не представляли. Напротив, они являлись удобными объектами для грабежа. Бесчинства киммерийцев привели к тому, что около 660 г. до н.э. правители Лидии и другого малоазийского государства – Табала, обратились за помощью к Ассирии, что не помешало номадам все же напасть на Лидию. В битве с ними около 644 г. до н.э. лидийский царь Гиг был убит, а столица его царства, город Сарды, была взята и разграблена победителями. Вслед за Лидией киммерийцы обрушились на греческие ионийские города. Большой интерес представляет сообщение Стефана Византийского о том, что киммерийцы около ста лет владели городом Антандром на берегу Эгейского моря в северо-западной Малой Азии, и этот город даже назывался Киммеридой. О киммерийской оккупации малоазийской исторической области Вифиния сообщал Арриан.

В 50-х годах VII в. до н.э. на помощь Лидии, наконец, пришла Ассирия. Направленные царем Ашшурбанипалом скифские отряды под предводительством Мадия разбили киммерийцев, которых тогда возглавлял Лигдамис и его сын Сандакшатру. Известно, что первый из них погиб в Киликии, в юго-восточной Малой Азии. Победа скифов над киммерийцами привела к поселению киммерийцев в Каппадокии и у города Синопа на южном берегу Черного моря. В конце VII в. до н.э. лидийский царь Алиатт нанес им окончательное поражение.

Такой в целом представляется история пребывания на Древнем Востоке киммерийцев, которые в течение довольно длительного времени (последняя четверть VIII – третья четверть VII вв. до н.э.) играли значительную роль в жизни существовавших там государственных образований.

Рассмотренные нами свидетельства письменных и археологических источников позволяют сделать вывод о реальности киммерийцев как древнейшего из народов Восточной Европы, оставивших заметный след в событиях мировой истории I тыс. до н.э. По масштабам и мощи воздействия на окружающий этнокультурный мир, киммерийцы предваряют собой все те изменения, которые еще в больших масштабах происходят в эпоху скифского господства в Европе и Азии.

РАЗДЕЛ 2. ВЕЛИКАЯ СКИФИЯ

Тема 3. Основные этапы скифской истории

Первые шаги этого народа на политической арене все еще не до конца ясны. Геродот, посвятивший скифам значительную часть своего обширного труда, наиболее вероятной считал такую версию событий, предшествовавших появлению скифов в Восточной Европе.

Согласно его данным, прародина скифов находилась где-то к востоку от киммерийских земель. Под натиском другого кочевого народа - массагетов, скифы покинули свои родные места и двинулись на запад. Подробные данные о событиях более поздних времен неизменно подтверждают**,** что появлению в европейских степях каждой новой волны кочевников с востока, будь то сарматы, гунны, тюрки, печенеги, половцы и др., всегда предшествует изменение военно-политической ситуации в глубинных районах Азии и связанные с этим передвижки значительных масс кочевого населения.

Со временем скифы достигли киммерийских пределов. Как уже упоминалось в предыдущем разделе, некоторые отголоски последующих событий сохранились в труде Геродота **[IV, *11*]**. Судя по некоторым красочным деталям – например, рассказу о самоубийственном сражении киммерийских царей между собой, в основе данной новеллы Геродота лежит скифская фольклорная традиция, не дошедший до нас героический эпос, повествующий о подвигах, связанных с обретением скифами новой родины. Эпос, в котором, как и положено по законам жанра, реальные факты затейливо переплелись с опоэтизированным вымыслом. Тем не менее, очевидно, что военная угроза со стороны скифов привела к расколу киммерийского общества, внутри которого выделилась группа сторонников активного противодействия пришельцам, основу которой составляла киммерийская знать, и, говоря современным языком, «партия пораженцев», поддерживаемая рядовыми кочевниками или, по Геродоту, «народом». Как бы там ни было, отсутствие единства среди киммерийцев, несомненно, облегчило захват их земель скифами. Они, согласно «Отцу истории», заняли страну, уже лишенную населения.

Наиболее ранние упоминания скифов, датируемые 70-ми гг. VII в. до н.э., зафиксированы в ассирийских клинописных источниках (И.М.Дьяконов, 1956). Согласно данным ассирийских документов, скифы вначале проникли на территорию расположенного в районе озера Урмия Манейского царства и под предводительством Ишпакая, поддержали последнее в борьбе с Ассирией. Обеспокоенные сложившимися обстоятельствами, ассирийцы постарались привлечь скифов на свою сторону. Как свидетельствуют последующие события, ассирийцы все же сумели достигнуть какой-то договоренности с кочевниками. Скифы помогли новому союзнику в его борьбе с восставшими в 673 г. до н.э. мидийскими племенами, территория расселения которых входила в зону ассирийского влияния.

Еще более значительную роль этот союз сыграл несколько десятилетий спустя, когда Мидия, завоевавшая уже независимость, двинула свои войска против Ассирии. Мидийцы осадили столицу своего ненавистного врага – Ниневию. На помощь осажденным пришло большое скифское войско **[Геродот, I, *103*].**

Разгромив мидян, отряды скифов могучей волной затопили почти весь Древний Восток и остановились лишь на границах Египта **[Геродот, I, *103 - 105*].**

Так началась их более чем четвертьвековая гегемония в Передней Азии, пришедшаяся на вторую половину VII в. до н.э.

Определяющую роль в этом сыграло вмешательство скифов в борьбу Ассирии с противостоящими ей странами. Стечение исторических обстоятельств выдвинуло северных кочевников на роль третьей и важной силы в данном регионе. Однако спустя некоторое время ситуация изменилась.

В 612 г. до н.э. объединенные силы Мидии и Вавилонского царства овладели Ниневией, а еще через несколько лет ассирийское государство прекратило свое существование. Все это коренным образом изменило расстановку сил на политической арене Передней Азии, и, вместе с тем, разрушило основы скифской гегемонии. Но, несмотря на неблагоприятные для них события, скифы еще долго оставались тут весомым военным фактором, о чем свидетельствует, например, их участие в войне между мидийским царем Киаксаром и правителем малоазийского царства Лидия – Алиаттом **[Геродот, I, *74*],** что протекала в начале VI в. до н.э.

Свидетельства письменных источников относительно переднеазиатской эпопеи скифов, продолжавшейся свыше ста лет, находят многочисленные археологические подтверждения. Это, прежде всего, бронзовые наконечники стрел, удила, псалии скифского типа, которые практически повсеместно встречаются в Малой и Передней Азии, а также в Закавказье. Особый интерес вызывает знаменитый Саккызский клад, найденный в Иранском Курдистане, в состав которого входит инвентарь разрушенного погребения скифского вождя второй половины VII ст. до н.э., в частности, многочисленные ювелирные изделия переднеазиатского производства.

Пути, которыми они попали в руки скифского предводителя, не вызывают сомнений. Не случайно, характеризуя скифское господство в Передней Азии, Геродот **[I, *106*]** писал: *«Скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет и все опустошили своим буйством и излишествами. Ибо, кроме того, что они взимали с каждого народа наложенную ими на каждого дань, они, кроме дани, совершали набеги и грабили, что было у каждого народа»*.

В период переднеазиатских походов территорией обитания основного ядра скифских племен были степи Прикубанья и Северного Кавказа, сообщающиеся с Закавказьем и Передней Азией несколькими удобными путями, пролегавшими через центральнокавказские перевалы, а также вдоль западного побережья Каспийского и восточного – Черного морей. Вероятно, именно эта территория именуется подразумевается в ассирийских источниках под названием «царство Ишкуза» или «Ашкуза». Ныне в степных районах, простирающихся к северу от Главного Кавказского хребта, открыто немало погребальных памятников скифов. Именно сюда, в расположенные здесь скифские кочевья, стекалась богатая добыча из Передней Азии, со временем постепенно «оседавшая» в погребениях скифских вождей. Грандиозные Келермесские, Ульские, Большие Ставропольские курганы сохранили прекрасные образцы древнего ювелирного искусства, большое количество предметов вооружения, бытовую утварь. Наглядное представление о богатстве высших прослоек скифской аристократии этого времени дают также обнаруженные в 1-ом Ульском кургане свыше 400 коней, сопровождавших захоронение.

Совсем иная картина наблюдается в степной части Северного Причерноморья, где сейчас известно не более 20 скифских погребений VII – VI

вв. до н.э., равномерно «разбросанных» на этом обширном пространстве. Для большинства из них характерны небольшие размеры и скромный инвентарь.

В лесостепной части Северного Причерноморья, напротив, местное население достигло высокого уровня развития экономики, основанной на пашенном земледелии и скотоводстве, что способствовало консолидации местных племен. Усиливается процесс имущественной и социальной дифференциации, ускоряется выделение военной аристократии.

Со 2-ой половины VII в. до н.э. в социально-экономическом развитии этого региона все более заметную роль начинают играть торговые отношения между населением современной украинской Лесостепи и античным миром, осуществлявшиеся при посредничестве греческих колонистов, которые начинали осваивать северное побережье Черного моря. Археологически этот процесс фиксируется по греческим вещам, выявленным в лесостепных районах. Особенно значительная концентрация античного импорта прослеживается в Лесостепном Правобережье Днепра. Отсюда в греческие города, прежде всего в Ольвию**,** основанную на берегу Днепро-Бугского лимана, поступал выращенный в Среднем Поднепровье хлеб и другие продукты земледелия. По мнению Б.А.Рыбакова, показателем торговой активности местного населения является одно из названий Ольвии – «Торжище Борисфенитов», поскольку под борисфенитами ученый понимает именно жителей среднего течения Борисфена (древнегреческое название Днепра). Хотя мысль исследователя о тождестве борисфенитов и населения Лесостепного Поднепровья отнюдь не бесспорна, в любом случае данный вариант названия Ольвии отражает тесные торговые контакты ее граждан с окружающими племенами.

Так во второй половине VII - первой половине VI вв. до н.э. в Северном Причерноморье постепенно складывается своеобразная историческая ситуация, во многом определившая на несколько веков вперед судьбы населения данного региона. Главную особенность этой ситуации составляло то, что территория расселения земледельческих племен в Среднем Поднепровье отделялась от античных городов широкой полосой северопричерноморских степей, по которым пролегали торговые пути, соединявшие эти две культурные области. Особое значение имели такие удобные коммуникации как Днепр и Южный Буг. В связи с этим Нижнее Поднепровье становилось центром притяжения для кочевых племен, стремившихся установить свой контроль над торговым обменом между земледельцами Нижнего Поднепровья и греческими колонистами.

Вне всякого сомнения, скифы первыми из степных народов почувствовали на себе притягательную силу Нижнего Поднепровья как ключевого пункта, который давал возможность воспользоваться выгодами транзитной торговли местного населения Лесостепи с античными государствами Северного Причерноморья и далее – античными центрами Средиземноморья. Этим, в значительной мере, объясняется перемещение основного ядра скифских племен из Предкавказья, утратившего свое стратегическое значение после окончания переднеазиатских походов, в степную часть Северного Причерноморья. Кроме того, отсюда кочевники имели возможность осуществлять прямое военное давление на племена Лесостепи, территория которой подпадает под их политическое влияние.

Бурные события, связанные с этим историческим процессом, нашли свои отголоски в любопытном эпизоде, с которого начинается «Скифский рассказ»

Геродота **[IV, *1 - 4*]:** *«Когда скифы, проведя на чужбине двадцать восемь лет, после столь продолжительного отсутствия возвращались на родину, им пришлось выдержать войну не меньше мидийской: они встретили выступившее против них немалое войско, потому что скифские женщины, вследствие продолжительного отсутствия своих мужей, вступили в связь с рабами... От этих-то рабов и жен скифских произошла молодежь, которая, узнав о своем происхождении, решила воспротивиться скифам... Когда произошло несколько сражений и скифы никак не могли одолеть врага, один из них сказал следующее: «Да что мы делаем, скифы! Сражаясь с нашими рабами, мы и сами становимся малочисленнее, вследствие потерь убитыми, и, убивая их, уменьшаем число своих рабов на будущее время. Поэтому я теперь предлагаю оставить копья и луки, а каждому взять конскую нагайку и идти на них ... когда они увидят у нас в руках нагайки вместо оружия, они тотчас поймут, что они наши рабы, и, в сознании этого, не устоят против нас». Услышав это, скифы привели совет в исполнение; рабы, пораженные случившимся, забыли о сражении и обратились в бегство».* Кстати, эта новелла была достаточно популярной в скифской среде и даже «проиллюстрирована» древними художниками – сцена битвы «взрослых» и бородатых скифов с безбородыми юношами, украшает, например, серебряную обкладку налучья из кургана Солоха.

К временам Геродота этот эпизод, связанный с окончательным установлением скифского господства на северопричерноморских землях, приобрел уже в фольклорной традиции, откуда он, очевидно, и был заимствован «Отцом истории», характер лишенной каких-либо конкретных исторических деталей легенды. Возможно, он был частью того же героического эпоса об обретении скифами новой родины, откуда Геродот почерпнул и рассказ о кровавой схватке киммерийских царей. О красочном переосмыслении реальных событий свидетельствует и присутствие в данном отрывке «Истории» Геродота «ходячего» сюжета о применении к непокорным нагаек. Подобные мотивы были довольно распространены в эпических произведениях различных кочевых народов. Так, в среде тюрко- и монголоязычных кочевников не вызывало сомнения, что нагайка может служить не только для управления конем, но и оружием, которым убивают врагов, недостойных почетного удара клинком. Показательно, что подобная традиция существовала среди степняков на протяжении многих и многих столетий – по представлениям запорожских казаков саблю следовало применять лишь против «честного» противника, а для «басурман» наиболее подходила нагайка (Д.И.Яворницкий).

В отличие от письменных данных, археологические источники в этом случае более информативны: с конца VI в. до н. э. в степной части Северного Причерноморья, в частности на территории Нижнего Поднепровья, прослеживается заметное увеличение числа скифских погребальных памятников. Это, несомненно, свидетельствует об упрочении скифских позиций в этом регионе Восточной Европы.

Так постепенно складывались основы первого государственного образования Восточной Европы – Северопричерноморской Скифии, объединившей под властью номадов различные по происхождению, особенностям хозяйства и быта племена и народы, обитавшие на территории современной Украины.

Совершенно очевидно, что упомянутый процесс отразился на многих жизненно важных для скифского общества моментах. В частности, он сыграл роль своеобразного катализатора, ускорившего формирование единого скифского кочевого этноса. Необходимо отметить, что споры относительно генетических корней скифского народа никогда не утихали в среде специалистов. Постепенно, в 50-е – 70-е годы XX века, оформились два различных подхода к этой проблеме. Сторонники одного из них (Б.Н.Граков, М.И.Артамонов, А.И.Мелюкова и др.) тем или иным образом связывали кочевых скифов преимущественно с местным населением причерноморских степей эпохи поздней бронзы. Их научные оппоненты, прежде всего А.И.Тереножкин и В.А.Ильинская, считали, что основу скифского этноса составили, в соответствии с традицией Геродота, номады, перекочевавшие на запад из глубинных районов Азии.

Однако по мере накопления археологических материалов становилось все более ясным, что скифская культура и скифский этнос первоначально складывались на основе различных этнокультурных составляющих. Подобный путь этногенеза, за исключением незначительных, изолированных в труднодоступных местах популяций, прошло подавляющее большинство народов. Особенно ярко он проявился в кочевых обществах, поскольку все крупные военно-политические объединения номадов (у многих средневековых кочевников они назывались «Орда» без того негативного оттенка, который иногда вкладывается в это понятие ныне) возникали в результате покорения одних групп кочевого населения другими. Подобным же образом – вследствие победы собственно скифов над киммерийцами (версии Геродота о всеобщем исходе последних из своей страны едва ли можно доверять), сложилась и скифская орда. Вероятно, дальнейшая интеграция племенных подразделений киммерийцев в состав кочевого новообразования имела место в период совместного пребывания этих родственных групп кочевого ираноязычного населения на Ближнем Востоке. Показательно, что в равнинных районах Северного Кавказа открыта целая серия погребений VII – начала VI вв. до н.э., в составе инвентаря которых присутствуют вещи как киммерийского, так и скифского типов. Особенно интересны в этом плане курганы высшей скифской аристократии, исследованные в начале XX в. у аула Келермесс в Прикубанье. В некоторых из них обнаружены сопровождающие захоронения коней, украшения которых разнятся художественным стилем – часть коней имела украшения с традиционным для киммерийцев геометрическим орнаментом, часть выполнена по канонам скифского зооморфного искусства. Из этого следует, что в подчинении скифских владык, погребенных в этих курганах, были различные по происхождению и культурным особенностям группы кочевников, одна из которых вела свое происхождение от скифов-завоевателей, а вторая – от покоренных ими киммерийцев.

Впрочем, в рамках единой военно-политической организации процесс нивелировки различных проявлений в сферах материальной культуры (прежде всего это коснулось предметов вооружения и снаряжения верхового коня), а также художественной традиции протекал достаточно быстро. Способствовал этому и упомянутый выше фактор. Потребности внешней эксплуатации, необходимость поддерживать между кочевой ордой и оседлым населением Лесостепи отношения господства и зависимости неизбежно должны были отодвинуть внутренние противоречия в среде степняков на второй план и

способствовать сложению единого, насколько это возможно в условиях кочевого образа жизни, этноса.

Судя по всему, этот процесс окончательно завершился к концу V в. до н.э., поскольку именно к этому моменту происходит унификация не только материальной культуры, но и погребального обряда. С этого времени и погребения скифской аристократии, и рядовых воинов осуществляются в так называемых катакомбах. Они представляли собой вертикальную шахту, к которой примыкала подземная погребальная камера или несколько камер. Последнее было характерно лишь для могил скифской знати, которые отличаются от погребальных сооружений рядовых скотоводов также большими размерами и значительной глубиной – например, в Бердянском кургане глубина входной ямы достигала 15 м от уровня древней поверхности.

К настоящему времени на территории северопричерноморских степей открыты многочисленные скифские курганы V – IV вв. до н.э. Кроме курганов скифских царей и высшей скифской аристократии, речь о которых пойдет ниже, исследованы тысячи погребений рядовых кочевников. Насыпи их курганов, зачастую уже распаханные, иногда едва заметны, иногда их высота достигает 2 м. Они, как правило, концентрируются вокруг более внушительных по размерам курганов степной знати, образуя обширные могильники. В некоторых случаях такие некрополи практически сливаются между собой, в результате чего возникают так называемые «курганные поля». Наиболее известные среди них курганное поле возле царского кургана Чертомлык и Никопольское курганное поле на Правобережье Нижнего Днепра. Отметим в этой связи, что территория, примыкающая к нижнему течению Днепра, как представляется исходя из нынешнего уровня археологических изысканий, в целом наиболее насыщена скифскими могильниками. В принципе, это вполне закономерное явление, ибо эти земли, по которым несли свои воды Днепр и его многочисленные притоки, а в глубоких балках скапливалась талая и дождевая вода, изобиловали прекрасными пастбищами и водопоями. Они были своеобразным степным раем для скотоводов. Об этих краях в самых превосходных степенях рассказывал в свое время Геродот, что подтверждается и более поздними свидетельствами: «Там сіна по коліна, а свіжого пойла по стойла» – говаривали запорожские казаки (Д.И.Яворницкий).

Среди наиболее известных здесь могильников некрополи у аристократического кургана Гайманова Могила, в урочище Носаки, на Мамай-Горе неподалеку от Каменки-Днепровской, сс.Гюновка, Архангельская Слобода, Вильна Украина, Красный Подол и др. на Левобережье, у сс.Верхняя Тарасовка, Кут, Львово и др. – на Правобережье. Немало скифских могильников выявлено также в Степном Крыму, Николаевской и Одесской областях. Относительно «пустынны» в этом отношении степи Северного Приазовья, впрочем, они и наименее изучены в археологическом отношении. Всего же раскопанные к нынешнему моменту курганы рядовых скифов (кстати, они различаются по богатству инвентаря – от десятка стрел до целых наборов вооружения, импортной античной посуды, золотых украшений, что свидетельствует о заметной имущественной дифференциации и внутри самого слоя рядовых номадов), составляют, судя по всему, лишь относительно небольшую часть скифских курганов конца V – IV вв. до н.э.

В этой связи неизбежно встает вопрос о возможной численности кочевой скифской орды, в частности, в указанный выше хронологический период.

Попытки определить этот показатель предпринимались с использованием различных исходных посылок не один раз. Представляется, что точные цифры едва ли могут быть достоверно обоснованы, более реально говорить о возможном диапазоне таких цифр. Здесь на помощь могут прийти исторические параллели. Так, в эпоху позднего средневековья в южных районах Северопричерноморских степей – «Диком поле» – кочевало несколько ногайских орд общей численностью около полумиллиона человек, около 400 тысяч составляло татарское население Крыма, в том числе степных его районов, которые многими веками ранее были заселены скифами. Скифские кочевья некогда занимали и территорию «Вольностей запорожских» к северу от ногайских владений, а также отдельные участки южной Лесостепи – там, где позднее киевскими князьями для защиты южных границ Руси были поселены черные клобуки, торки, берендеи и ряд других кочевых тюркских племен. Об этом свидетельствуют типично скифские курганы, открытые, в частности, на территории Днепровского Лесостепного Правобережья, что является еще одним подтверждением непосредственного вхождения этой территории в состав Северопричерноморской Скифии. Учитывая сказанное выше, думается, что не будет большим преувеличением считать, что численность скифской степной популяции составляла порядка 1 млн. человек. Принимая во внимание этнографические данные, согласно которым численность боеспособных воинов равнялась примерно 1/5 всего кочевого населения, можно допустить, что военный потенциал скифской орды составлял около 200 тыс. закаленных, с детства привыкших к верховому коню и луку бойцов. Эта сила и обеспечила создание под эгидой степняков и последующую жизнеспособность мощного раннегосударственного объединения или, как принято ныне говорить, «кочевой империи».

Великая Скифия – именно так иногда условно называют специалисты скифскую державу времен ее наибольшего расцвета в V - IV вв. до н.э. Относительно ее размеров Геродот **[IV, *101*]** пишет: *«Так как Скифия представляет четырехугольник, две стороны которого примыкают к морю, то линия, идущая внутрь материка, везде одинаковой длины с идущею вдоль моря: от Истра (Дуная. – автор) до Борисфена 10 дней пути и столько же от Борисфена до Меотийского озера (Азовского моря. – автор); также и по направлению от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, 20 дней пути...».* Этот огромный квадрат, утверждает Геродот **[IV, *17-20*],** был заселен многочисленными народами, главенствующее положение среди которых принадлежало кочевым скифам в целом и племени скифов-царских, считающих прочих скифов своими рабами, в частности.

Ограбление экономических ресурсов покоренных племен и взимание с них тяжелой дани, выгоды от контроля над торговыми коммуникациями, пролегавшими через степи, – все это не только обеспечивало кочевников необходимыми для нормальной жизни продуктами земледелия и ремесла, но и необычайно обогащало степную верхушку. Накопленные огромные ценности кочевые властители, прежде всего, стремились превратить в престижные вещи, подчеркивающие их исключительное общественное положение. Со временем большинство из них попадало в усыпальницы высшей скифской аристократии, которые по своим размерам и пышности сопровождающего инвентаря, очевидно, не имеют себе равных среди древностей Европы. Самые грандиозные скифские курганы сооружались в степях Украины в конце V и, в основном, в IV вв. до н.э.

Среди них – курганы Солоха, Чертомлык, Огуз, Козел, Гайманова и Толстая Могилы, Александропольский, Бердянский, Мелитопольский, Братолюбовский и др.

Основная часть драгоценных изделий, среди которых немало подлинных шедевров древнего ювелирного искусства, поступала к скифам из античных центров Северного Причерноморья. В них существовали специальные мастерские, изготовлявшие вещи для богатых скифов. В V – IV вв. до н.э. одним из главных торговых партнеров Скифии становится Боспорское царство, что занимало восточную часть Крыма, территорию Тамани и прилегающих районов. Вероятно, одной из основных статей скифского экспорта, который шел в обмен на изделия греческих ремесленников, был хлеб, произведенный земледельцами Лесостепи, экономически и политически подвластными кочевой правящей верхушке. Большая заинтересованность степной знати в результатах этих торговых операций определила два важных направления внешнеполитической активности скифского объединения. На севере его главной задачей было, повторим, поддержание политического господства над покоренным населением Лесостепи. На юге скифы стремились всячески упрочить свои позиции в античных колониях Северного Причерноморья.

Бурно развивались события и на западных рубежах Скифии. Это было третье, не менее важное направление внешней политики скифов. Ближайшими западными соседями скифов были фракийцы. Около середины V в. до н.э. среди последних заметно усилилось племя одрисов, живших в долине р.Арда. Возглавляемые своим вождем Тересом, они основали могучее в военном отношении Одрисское царство, границы которого доходили до Нижнего Дуная. Контакты между двумя воинственными группировками – Скифией и Одрисским государством, носили разный характер. Не обходилось без конфликтов, но известно и о породнении царских родов: например, дочка Тереса была одной из жен скифского царя Ариапифа **[Геродот, IV, *80*].** Такая ситуация сохранялась до середины IV в. до н.э., когда быстрое ослабление Одрисского государства привело к его распаду. Так упал крепкий барьер, закрывавший перед скифами путь к античным городам Западного Причерноморья – Истрии, Дионисополю, Одессу и еще далее – непосредственно на Балканский полуостров.

Основные события скифской экспансии на запад связаны с именем царя Атея. Надо отметить, что по поводу этой исторической фигуры в специальной литературе существуют самые различные мнения: некоторые ученые считают его верховным скифским владыкой, другие – лишь предводителем скифской группировки на Нижнем Дунае. Впрочем, для понимания событий, к которым мы переходим, вопрос о статусе Атея не имеет первостепенного значения – в любом случае его смелая и напористая политика опиралась на мощь всей Скифии.

Атей был суровым и закаленным в боях воином. Его неординарный облик сохранили для нас свидетельства целого ряда авторов. Так, Плутарх [**Изречения царей и полководцев**] сообщает об очень интересном эпизоде: захватив в плен греческого флейтиста Исмения, прославившегося своей игрой, скифы привели его к Атею, чтобы тот насладился изысканной музыкой. Но царь заявил, что самой лучшей музыкой для себя считает ржание боевого коня. За плечами Атея был значительный опыт военачальника. Однажды, к примеру, когда ему довелось вступить в бой с превосходящими силами фракийского племени трибаллов, он приказал женщинам и детям гнать во вражеский тыл ослов и волов, неся при этом

поднятые копья, чем принудил врагов, принявших эту толпу за подкрепление для Атея, к отступлению **[Фронтин, II, 4, *20*].** Со временем Атею удалось надежно закрепиться на Правобережье Дуная. Подвластная ему территория соответствовала если не всей современной Добрудже, то, во всяком случае, ее значительной части, а влияние скифского царя распространялось и на более далекие области. Свидетельством могущества Атея стал, в частности, выпуск им собственной монеты, чеканившейся в античном городе Каллатия. Показательно также содержание его письма к жителям города Византий, расположенного на побережье Босфорского пролива: *«Царь скифский Атей демосу византийцев: не препятствуйте моим прибылям, чтобы мои кобылицы не пили вашей воды»* **[Клемент Александрийский, V, *31*]**. Любопытно, что много веков спустя - уже в конце XVII в., почти такими же словами были сформулированы предложения крымского хана атаману запорожцев Сирко: *«быть с Крымом в миру, за что крымцы обещались по самый Киев в Днепре своих коней не поить»* (Д.И.Яворницкий). Это далеко не единственный пример такой «переклички эпох». Вспомним хотя бы уже приведенные нами факты о роли нагаек в составе воинского снаряжения номадов. Это свидетельствует, что в среде различных по происхождению и языковой принадлежности кочевников разных времен существовал особый, хорошо понятный им общий, образный «язык» устоявшихся формулировок и символов. Это может служить лишним подтверждением единства того многогранного процесса культурного и этнического взаимодействия, который протекал на протяжении тысячелетий в евразийских степях.

Рассказывая о политической истории Северопричерноморской Скифии, нельзя не вспомнить еще об одном важном факторе, возникшем в IV в. до н.э. и влиявшем на ее развитие. Это – консолидация и усиление сарматских племен в низовьях Дона. Хотя надежные данные относительно вооруженных конфликтов между скифами и сарматами на протяжении IV в. до н.э. отсутствуют, а тезис о завоевании Скифии сарматами вызывает споры, все же нет никаких оснований допускать возможность безоблачных отношений между этими двумя кочевыми объединениями. Тем более, что правый берег Нижнего Дона, принадлежавший во времена Геродота скифам, уже в IV в. до н.э., по свидетельству археологических материалов, отходит под контроль сарматов.

Однако все эти обстоятельства до определенной поры не влияли на жизнестойкость Скифии. Ее культура в IV в. до н.э. достигает наивысшего расцвета, а в степных районах возникают все новые грандиозные погребальные сооружения со сказочно богатым инвентарем. Но после такого бурного всплеска наступает внезапный спад: на рубеже IV и III вв. до н.э. степные скифские памятники практически исчезают, что, безусловно, свидетельствует о крахе, постигшем Великую Скифию. По мнению ученых, к этой катастрофе привел целый ряд неблагоприятных явлений: ухудшение климатических условий и усыхание степей, длительное вытаптывание травяного покрова как следствие выпаса многочисленного скота, упадок экономических ресурсов населения Лесостепи из-за непомерной его эксплуатации степняками и пр. Все это привело к разрушению экономической основы Скифии и гибели ее как государства.

Способствовали, по нашему мнению, развитию этого негативного процесса и некоторые другие моменты. Хорошо известно, что каждое государственное образование имеет свои оптимальные пространственные характеристики.

Особенно это справедливо для предшествующих эпох с их неразвитой системой обмена информацией. Как бы не скакали, меняя коней, неутомимые гонцы со срочными сообщениями (вспомним хотя бы прекрасно организованную ямскую службу Золотой Орды), все равно для их доставки требовались дни, а то и недели, что затрудняло центральной власти адекватно и оперативно реагировать на те или иные ситуации. Это, в свою очередь, повышало самостоятельность правителей отдаленных территорий и порождало сепаратистские тенденции.

Нечто подобное должно было иметь место и в Скифии эпохи Атея, раскинувшейся от Дона почти до Балкан и далеко на север от Черного моря. В этих условиях борьба центростремительных и центробежных факторов была практически неизбежна, а относительная целостность государства во многом опиралась на авторитет, божественную харизму верховного царя. Однако во 2-ой половине IV в. до н.э., судя по датировке таких поистине царских курганов-исполинов как Чертомлык, Козел, Огуз и Александропольский, за короткий период умирает сразу несколько верховных правителей Скифии. Возможно, в одном из этих курганов покоился и прах Атея, погибшего почти в столетнем возрасте во время битвы с войсками отца Александра Македонского Филиппа. В таком случае, весьма преклонный возраст должны были иметь и его преемники, что объясняет их недолгое правление. В любом случае, быстрая смена верховных царей должна была повлечь за собой серьезный управленческий кризис, затруднивший необходимое противодействие другим негативным политическим, экономическим и природно-экологическим факторам. Все это и привело к распаду Великой Скифии.

Но сами скифы не исчезают с исторической арены. Их племена еще долго контролируют Нижнее Поднепровье, Крым и Добруджу, хотя и теряют навсегда политическую гегемонию в Северном Причерноморье, которая переходит к сарматам.

Впрочем, все затронутые выше моменты будут подробнее рассмотрены в последующих разделах данной работы.

Тема 4 . Курганы скифской знати Степного Правобережья

В 1763 г. по поручению Новороссийского генерал-губернатора А.П.Мельгунова около современного с.Копани Знаменского р-на Кировоградской обл. был раскопан большой скифский курган высотой около 10,5 м, вошедший в науку под названием **Мельгуновского кургана**. Это была одна из первых попыток археологических изысканий не только на территории Российской империи[1], но и в Европе. Ведь изучение древней Помпеи только разворачивалось, а до открытия знаменитых этрусских могильников, которое дало мощный толчок развитию западноевропейской археологии, оставалось еще около полувека. Сейчас трудно судить, что побудило А.П.Мельгунова отдать соответствующее распоряжение. Это могло быть и вельможное любопытство, для удовлетворения которого имелись все возможности, и добросовестность чиновника высшего ранга, который стремился досконально знать обо всех богатствах лишь только созданной и доверенной его попечению огромной губернии – на территории этих

[1] Чуть ранее, в 1739 – 1743 гг., сотрудниками большой экспедиции Российской академии наук, в которой принимали участие такие видные ученые как Г.Ф.Миллер, С.П.Крашенинников, И.Г.Гмелин и др., были произведены раскопки курганных древностей в Южной Сибири.

новоприобретенных российской короной земель могло свободно разместиться несколько немецких курфюрств или итальянских княжеств.

Сведения о раскопках крайне противоречивы. Насыпь состояла из пережженного грунта, в котором найдены остатки переплавленных металлов, горелые кости, камни, земля и глина, смешанные с угольями. На глубине 2 м под каменными плитами были найдены железный меч с рукоятью и ножнами, обложенными золотыми пластинами с изображениями фантастических зверей в переднеазиатском стиле, серебряные детали от ассирийского дворцового табурета, золотая диадема, 17 массивных золотых пластин с изображением орла с петлями на обороте, украшавших пояс знатного воина, пластины с изображениями обезьян, птиц, бронзовая застежка с головками львов на окончаниях и другие уникальные вещи, добытые скифами во время походов в Переднюю Азию, а также 40 бронзовых наконечников стрел.

Находки, доставленные в Санкт-Петербург, вызвали огромный интерес и по повелению императрицы Екатерины II были переданы академику Российской академии наук Г.Ф.Миллеру для определения народов, «коим оные вещи приписуемы быть могут». Г.Ф.Миллер установил их принадлежность скифам. Курган доисследовался В.Н.Ястребовым в 1892 г. и Н.М.Бокий в 1989 г. Памятник имеет выдающееся значение, поскольку это единственный царский скифский курган второй половины VII в. до н.э., открытый в степном Северном Причерноморье.

Эти, в общем-то, случайные, раскопки считаются началом полевой скифской археологии, хотя время подлинно научных исследований скифских курганов наступило значительно позднее. Изучение Причерноморской Скифии, как и ранее, продолжало, в основном, ограничиваться толкованием сведений, изложенных в IV книге «Истории» Геродота, попытками интерпретации зафиксированной им этногеографии Скифии.

Однако представления о географии Скифии у Геродота были чрезвычайно туманными. Поэтому соотнесение их с современной географической картой остается камнем преткновения для многих поколений ученых. В результате более чем трехсотлетнего изучения труда Геродота специалистами был предложен не один вариант карты Геродотовой Скифии, которые весьма разнятся между собою. Поэтому можно легко себе представить, как непросто решается вопрос о местонахождении упомянутого «Отцом истории» царского кладбища – Герроса.

Данные об этом у Геродота весьма противоречивые, если не взаимоисключающие. Согласно Геродоту, скифы погребали своих царей в землях народа герров, в местности Герры, до которой был судоходен Борисфен (Днепр) и до которого эта река была известна грекам. Сюда нужно было плыть вверх по течению 40 дней. Таким образом, герры, одно из подвластных скифам племен, занимали наиболее отдаленные края. Вместе с тем, по Геродоту, в этой местности от Борисфена ответвлялась речка Герр, которая разделяла земли скифов-кочевников и скифов-царских, что, исходя из всех возможных толкований локализации территории проживания последних, могло иметь место лишь в степной части Украины. Кроме того, на предложение персидского царя Дария Гистаспа принять бой, скифский царь Иданфирс ответил, что готов сразиться с ним лишь в случае, если персы смогут разыскать и разорить могилы предков скифов [**Геродот, IV,** ***53; 56; 71; 127***]. Из последнего пассажа не совсем ясно, идет ли речь о захоронениях в Герросе, или о каких-то иных старинных могилах

пращуров. Из контекста понятно одно: отчие могилы, столь много значившие для скифов, находились в весьма отдаленном и относительно труднодоступном районе.

Описал Геродот и обряд захоронения скифского царя, по-видимому, универсальный для всей племенной знати, поскольку у древнего историка описывается только два вида обряда захоронения – царя и «других скифов».

Когда у скифов умирал царь, в области герров выкапывали большую четырехугольную яму. В то же время тело царя бальзамировали и в таком виде на повозке царь в сопровождении свиты совершал свой последний прощальный объезд подвластных племен, по пути присоединявшихся к процессии. По истечении 40 дней погребальная процессия прибывала в область герров. Здесь тело царя опускали в могилу на подстилку из соломы, воткнув копья по обеим сторонам трупа, укладывали сверху бревна и покрывали камышовой плетенкой. Вместе с царем хоронили также предварительно умерщвленных наложницу, виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, лошадей и «начатки всего остального», а также золотые чаши, – поскольку, по сведениям Геродота, серебром и медью скифские цари не пользовались. Над могилой насыпался большой курган. Через год из приближенных царя умерщвляли еще 50 человек и 50 лошадей. Этих «всадников» на специальных подпорках расставляли вокруг кургана царя в качестве вечной стражи [**Геродот, IV,** ***71-72***]. Здесь нет возможности привести все натуралистические детали, наивно-добросовестно описанные Геродотом, поэтому заинтересованный читатель может обратиться к первоисточнику.

Как же решается проблема локализации скифского Герроса? Ученые, считавшие реальными указания Геродота о 40-дневном плавании до Герроса, применяли «арифметический» метод подсчетов расстояний и механически переносили их на современную карту. В результате, область герров размещали у Могилева в современной Белоруссии, к северо-востоку от Чернигова, в районе Киева или в других не менее невероятных местах. Предлагали искать его также в районе Молочных вод, Кальмиуса, на берегах Выси и Тясмина.

Уже после вхождения Северного Причерноморья в состав Российской империи, когда эти территории становятся хорошо изученными в географическом, а отчасти, и в археологическом отношении, возникли новые представления, сложившиеся уже на основе реальных знаний.

Исходя из высокой концентрации значительного числа курганов – от гигантских до средних и малых по величине, в стокилометровом радиусе от Днепровских порогов, а также руководствуясь известиями Геродота о пределах судоходности Днепра, которое, как предполагалось, могло быть ограничено Днепровскими порогами или же большими мелями в районе Никополя, с начала XIX в. большинство ученых (еще до начала исследования самих курганов, когда не была известно даже время их сооружения), было склонно размещать герров в этих пределах. Некоторые полагали, что рекой Геррос является р.Базавлук, разделявшая земли скифов царских и кочевых, а область герров расположена ниже порогов – «в Подпорожье» – по обе стороны Днепра между современными Запорожьем и Никополем, где сосредоточено наибольшее количество курганов.

Как писал знаменитый исследователь скифских курганов И.Е.Забелин: «Нигде нельзя встретить такого числа могил самой разнообразной величины и конструкции, как на пространстве, окружающем пороги верст на 200 или 300 в

квадрате». Он также не сомневался, что геродотовский Геррос находится именно в этих пределах.

Однако за последующие 100 лет археологических исследований архаические захоронения скифских царей времени Геродота здесь так и не были обнаружены. Открытые здесь курганы скифской знати датировались IV в. до н.э., а зафиксированный в них обряд погребения не соответствует описанному Геродотом. Тем не менее, гипотеза о расположении Герроса именно в этом районе существует доныне и поддерживается рядом ведущих отечественных ученых (М.И.Артамонов, Б.Н.Граков, А.И.Мелюкова, И.В.Яценко, Б.А.Рыбаков и др.).

В конце XIX в., после исследования больших курганов VII–VI вв. до н.э. в среднем течении р.Сула, обнаруживающих некоторое сходство с описанным у Геродота обрядом захоронения, было высказано предположение, что раннескифский Геррос находился в Посулье. Активным сторонником такого подхода была В.А.Ильинская.

В 1960-х – начале 1990-х гг. в Степном Причерноморье, в районах строительства гигантских каналов и систем по орошению засушливых земель юга Украины, проводились невиданные по своим масштабам раскопки погребальных памятников древних степных народов. На территории между Доном и Дунаем были исследованы многие сотни скифских курганов, в том числе царского уровня. Однако эти работы так и не увеличили существенно числа известных на этом огромном пространстве захоронений VII–VI вв. до н.э., которых насчитывается не более трех десятков. Они нигде не образуют могильников, а их инвентарь достаточно скромен.

Б.Н.Мозолевский в 1972 г. исследовал Чабанцову Могилу у г.Орджоникидзе – курган скифской знати, датированный им по находке в разграбленном захоронении архаического наконечника стрелы VI в. до н.э. Исходя из этого, Б.Н.Мозолевский полагал, что впервые открыто царское захоронение, которое может подтвердить функционирование Нижнеднепровского Герроса уже в период глубокой скифской архаики. Позднее им было открыто еще несколько раннескифских курганов, но все они датировались в пределах V в. до н.э. Как выяснилось, в это же время была сооружена и Чабанцова Могила. Ранний наконечник стрелы попал в нее случайно – может быть, из ограбленного в V в до н.э. более древнего кургана, может быть, он передавался из поколения в поколение как своеобразный родовой талисман и т.д. К слову, подобные случаи зафиксированы и в ряде других скифских курганов. Таким образом, аргументация гипотезы о локализации Герроса Геродота в Нижнем Поднепровье, на первый взгляд, начинала подтверждаться конкретными археологическими материалами. Однако, хотя часть открытых здесь раннескифских курганов середины и второй половины V в. до н.э. датируется временем Геродота, вопрос о местоположении упомянутого им Герроса нельзя считать решенным окончательно.

Изучение труда Геродота позволяет сделать вывод о механическом объединении в нем сведений относительно скифской этногеографии, по крайней мере, двух хронологических периодов - времени скифской архаики (VII–VI вв. до н.э.) и собственно времени Геродота, т.е. V в. до н.э. Именно к V в. до н.э. относятся его данные о порядке расселения скифских племен в степной зоне и, по-видимому, изложенные им сведения о Герросе. В таком случае становится очевидным, что в ответе царя Иданфирса Дарию I, приуроченном к событиям

скифо-персидской войны в конце VI в. до н.э., речь идет о совершенно иных давних могилах предков, не имеющих ничего общего с Геродотовым Герросом.

Современные представления о раннескифской истории и археологии делают такое толкование вполне возможным. Достаточно очевидно, что центр Скифии VII – VI вв. до н.э. размещался на Северном Кавказе, игравшем, на протяжении длительного времени, роль важного плацдарма скифской экспансии в Закавказье и Переднюю Азию (В.Ю.Мурзин, В.Г.Петренко). В исследованных здесь могильниках этого периода, таких как Келермесский, Краснознаменский и др., наиболее полно прослежены черты обряда захоронения, описанного Геродотом. Именно эти курганы могли быть для скифов в конце VI в. до н.э. могилами предков, за которые стоило сражаться с захватчиком.

Еще одно весьма интересное толкование понятий «герры», «земля герров» и, в целом, «Герроса», появилось сравнительно недавно. Его предложил В.П.Белозор. Под «геррами», по его мнению, следует понимать либо умерших вообще, либо же героизированных предков, воинов, павших на поле брани. По его мнению, у Геродота смешаны конкретные сведения по географии, погребальному обряду скифов с одной стороны, и понятия мифологического свойства – с другой, что и привело к описанным выше трудностям с его поисками. Иными словами, В.П.Белозор считает, что «Геррос» является понятием не этнографическим или географическим, а мифологическим.

Тем не менее, вполне очевидно, что в V–IV вв. до н.э., в период расцвета Причерноморской Скифии, наряду с мифологическими представлениями о потусторонней обители, существовали и вполне реальные кладбища скифских царей и знати на Нижнем Днепре. Их совокупность, с определенной долей условности, можно называть Нижнеднепровским Герросом, что прекрасно аргументировано Б.Н.Мозолевским на основании археологических данных. Упомянутый выше элемент условности обусловлен тем, что мы едва ли когда-либо узнаем, действительно ли скифы называли эти могильники Герросом или данное конкретное наименование существовало лишь в рамках их религиозно-мифологической системы. Однако, если вынести этот момент за скобки, употребление данного рабочего термина вполне оправдано, поскольку сразу, без излишней детализации, позволяет очертить тот круг памятников, о которых ведется речь.

Начало профессиональных исследований курганов скифской знати на территории Степного Днепровского Правобережья началось в середине XIX в.

Александропольский курган (Луговая могила*).* В 1851 г. каждый поселянин с.Александрополь (Солонянский р-н Днепропетровской обл.) для нужд строящейся церкви обязывался доставить воз камня. Местные жители уже на протяжении 30 лет добывали строительный камень из насыпи огромного кургана, находившегося неподалеку. Но именно в этом году здесь были найдены ценные золотые, серебряные, бронзовые и железные скифские вещи. В том же году первичное обследование кургана провел член Одесского общества истории и древностей Г.Бухтеев. Находки привлекли внимание министра внутренних дел графа Л.А.Перовского, по ведомству которого в то время проходили археологические разыскания на юге России. По его поручению в 1852-1856 гг. внештатный сотрудник МВД А.В.Терещенко и директор Керченского музея древностей А.Е.Люценко произвели раскопки кургана.

Александропольский курган входит в четверку крупнейших курганов степной Скифии. Гигантская насыпь высотой около 20 м, диаметром свыше 100 м, по основанию была обнесена циклопической каменной крепидой из огромных плит, окружена рвом и земляным валом. Курган был сооружен в три приема. В разных местах насыпи найдены остатки тризны, связанные с различными захоронениями. Встречались кости животных, обломки амфор и лепных сосудов, наконечники стрел и копий, каменное скульптурное изображение собаки, золотые украшения деревянных чаш (головка коня, фигурка дикого кабана и др.), серебряные и бронзовые украшения узды, навершия, обломки колес и повозок, другие детали погребального кортежа.

Под курганом обнаружены три последовательных царских захоронения в катакомбах: центральная основная гробница, сопровождавшаяся захоронением коня в отдельной яме. В нее из-под северо-восточной полы кургана был прорыт длинный ход для следующего подзахоронения. В этой же поле кургана находилась впускная боковая гробница. Все гробницы ограблены. В центральной найдены сопровождающее захоронение слуги, три человеческих черепа, кости животных из жертвенной пищи, фрагменты амфор, лепной и чернолаковой посуды, бронзовые сосуды, множество бронзовых и костяных наконечников стрел, обломки наборного железного защитного доспеха, плакированные золотом, несколько ножей, изделия из кости, серебра и свыше 700 золотых поделок различных типов. Длинный ход вторичного захоронения по всей длине был использован для захоронения сопровождающих лошадей – как минимум, 15-ти. Большая часть их была разрушена грабителями. При лошадях были найдены множество золотых, серебряных, бронзовых и железных украшений узды и седел с разнообразными изображениями. В боковой гробнице во входной яме найдены остатки повозки с многочисленными золотыми украшениями, костяные изделия, пастовые бусы и др. В камере при костяке найдены две амфоры, золотые и серебряные украшения, бусы, серебряное веретено. Памятник датируется концом IV в. до н.э.

Широкое развитие археологических исследований в России, возрастание к ним интереса в различных кругах общества привели к созданию в 1859 г. Императорской Археологической комиссии, задачей которой стало систематическое и планомерное исследование древностей на территории Российской империи. Одним из первых ее шагов было продолжение исследований скифских курганов в том же районе Нижнеднепровского Герроса на правобережье Днепра, неподалеку от г.Никополя. Здесь в 1859 – 1863 гг. младший член Императорской археологической комиссии И.Е.Забелин исследовал целый ряд курганов скифской знати в нижнем течении р.Томаковки.

Гермесов курган возле с.Марьевка Запорожского р-на Запорожской обл. – раскопки 1859 г. Высота около 6,5 м, диаметр 55 м. Был окружен по основанию каменной крепидой, кольцевым рвом и земляным валом. Курган был практически разрушен любительскими раскопками местного помещика А.М.Миклашевского. В нем обнаружено два ограбленных захоронения в катакомбах. В центральной могиле найдено немного мелких золотых бляшек и пронизей с различными изображениями, а также бронзовые и железные фрагменты узды. Во впускной могиле обнаружены разрозненные человеческие кости, обломки бронзовых и железных изделий, золотые пронизи и бусы, а также знаменитая золотая пластина

с изображением боя конного и пешего воинов. Памятник датируется концом IV в. до н.э.

Краснокутский курган у с.Преображенка Томаковского р-на Днепропетровской обл. Раскопки 1860 г. Высота кургана 8,5 м, диаметр 64 м. По основанию обведен мощной крепидой из гранитных камней. В центре кургана открыта основная гробница в катакомбе, сопровождавшаяся отдельной конской могилой. На подкурганной поверхности обнаружены два скопления деталей и украшений погребальных повозок, среди которых выделяется серия бронзовых наверший с различными изображениями, около 80 уздечных наборов. Здесь же находились и бронзовые наконечники стрел. В дважды ограбленной основной могиле найдены конские и человеческие кости, фрагменты амфор, чернолаковых и красноглиняных сосудов, бронзовые наконечники стрел, бронзовая «вилочка», костяные рукоятки ножей, фрагменты меча, различных бронзовых и железных изделий. В конской могиле лежали скелеты четырех коней с серебряными уздечными наборами фракийского типа. Памятник датируется концом IV в. до н.э.

Острая Томаковская Могила у г.Томаковка Днепропетровской обл. Раскопки 1861 г. Курган высотой 5,7 м сооружен в эпоху энеолита-бронзы и содержал основное захоронение ямной культуры и ряд впускных захоронений той же эпохи. Курган был покрыт каменным панцирем и окружен по основанию кромлехом. В следующем году при добыче камня из уцелевшей после раскопок части кургана местный крестьянин Прокофий Белый нашел богатый набор скифских вещей, несомненно, происходивший из впускного скифского захоронения. Среди них – 200 бронзовых наконечников стрел, большой золотой конический предмет в виде ворварки, витая шейная золотая гривна, украшенная зернью и эмалью лунница, меч с обложенными золотом рукоятью и ножнами, украшенными изображениями зверей и геометрическим орнаментом с эмалью. Комплекс датируется концом VI – началом V вв. до н.э.

Томаковская Близница располагалась неподалеку от описанного выше кургана. Раскопки 1861 г. Высота насыпи около 4 м. Сооружена в три приема. В насыпи найдены обломки амфор, бронзовые наконечники стрел и уздечные бляхи, обломки железа. В кургане открыты трижды ограбленная основная гробница в катакомбе с двумя входными ямами и впускная могила. В центральной гробнице сохранилось немногое – разрозненные человеческие кости, кости молодого коня и жеребенка, бронзовые наконечники стрел, железный вток копья и костяная рукоятка ножа. Во впускной катакомбе были захоронены два подростка. При них находилось ожерелье из цветных пастовых бус и проволочная серьга с надетой бусиной. Памятник датируется в пределах IV в. до н.э.

Слоновская Близница у с.Семеновка Томаковского р-на Днепропетровской обл. Раскопки 1861 г. Высота 5 м, диаметр около 50 м. По основанию обведен мощной крепидой, кольцевым рвом и валом. В насыпи встречались кости животных и обломки амфор.

В кургане обнаружена единственная центральная гробница в катакомбе. Возле ее входной ямы найдены сложенные в кучку четыре бронзовых навершия, увенчанные сценами терзания грифоном животного, и шесть железных удил с псалиями. В ограбленной гробнице найдены кости человека и коня (часть последних была выброшена грабителями из бронзового котла), обломки амфор и краснофигурного килика, несколько золотых бляшек, часть костяного веретена,

бронзовый наконечник стрелы, обломки железного меча или наконечника копья, железные скобы. Курган датируется примерно серединой IV в. до н.э.

Каменная Могила у с.Чумаки Томаковского р-на Днепропетровской обл. Высота 5,7 м, диаметр 60 м. Обведен мощной крепидой. На подкурганной поверхности также встречались скопления крупных камней. Центр площади диаметром свыше 10 м был покрыт слоем истлевшей древесины толщиной до 20 см. Обнаружена единственная гробница, совершенная в большой вытянутой яме восьмеркообразной формы, сопровождавшаяся захоронением коня с железными удилами и псалиями, совершенного в отдельной яме. Два скелета лошадей без каких-либо деталей узды лежали также на дне западной половины основной гробницы. Стены основной гробницы, а также пол ее восточной половины были облицованы большими тесанными каменными плитами. В ограбленной камере найдены разбросанные человеческие кости, фрагменты чернолакового сосуда и алабастра, большое количество обломков наборного железного доспеха, два наконечника копий и наконечник дротика с остатками древок. Курган датируется второй половиной IV в. до н.э.

Венцом исследований И.Е.Забелина стали раскопки в 1862-1863 гг. 20-метрового гиганта – скифского царского кургана **Чертомлык**, что располагался у современного с.Чкалово Никопольского р-на Днепропетровской обл. Курган доисследовался в 1979 и 1981 гг. Б.Н.Мозолевским, в 1983-1986 гг. – В.Ю.Мурзиным и Р.Ролле.

Высота кургана по разным данным 19-22 м, диаметр 110 м. Насыпь имела специфическую форму. Вершина представляла собой ровную площадку около 15 м в диаметре. Северный склон вершины был почти отвесным, на высоте около 10,5 м была устроена терраса шириной до 2 м, делившая курган как бы на два яруса. Курган по основанию был обнесен мощной каменной крепидой. Она представляла собой высокую (около 2,5 м) каменную стену, регулярно сложенную из необработанных плит известняка и гранита. Выше по склону прослеживалась каменная наброска. Ров вокруг кургана отсутствовал.

В разных частях насыпи и под крепидой часто встречались кости животных, обломки амфор, в том числе и клейменых, лепных сосудов, отдельные детали и наборы конской узды и наконечники стрел. Открыты также крупные скопления приношений – в центре кургана, на глубине 6,5 м от вершины, найдены около 250 комплектов уздечных наборов с различными бронзовыми украшениями, большое количество конских нагрудных украшений, несколько золотых уздечных деталей, украшения погребальных повозок – десять бронзовых наверший и 234 бронзовых круглых бляхи, бронзовая гривна, 267 наконечников стрел и ажурный предмет в виде черпака. На подкурганной поверхности в СЗ секторе перед стенкой крепиды лежали остатки тризны в виде громадного скопления костей коня и фрагментов амфор длиной около 14 м и шириной около 1 м. В результате работ 1979-1985 гг. было установлено, что насыпь кургана была сложена из кусков дерна минимум в четыре приема. Каждую из этих четырех последовательных насыпей, изначально очень крутых, окружали своеобразные земляные «крепиды», состоявшие из специально утрамбованного в увлажненном состоянии грунта.

Под центром кургана открыта основная гробница, сопровождавшаяся рядом захоронений в отдельных ямах. Так, под северо-восточной частью крепиды находилось захоронение подростка с копьем и оселком («страж»). Возле самой гробницы находились три конских могилы, где найдены останки 11 взнузданных

и оседланных лошадей с украшениями, выполненными из золота, серебра и бронзы. При конях были захоронены двое «конюших» в отдельных ямах.

Центральная гробница состояла из прямоугольного колодца, где на глубине около 12 м по углам были вырыты четыре камеры. В юго-западной камере находились останки двух знатных воинов. Один из них имел головной убор, украшенный золотыми бляшками, на шее – золотую гривну. На поясе из бронзовых пластин крепился меч с обложенной золотом рукоятью, украшенной изображениями двух головок быка. На руках были широкие золотые браслеты, на пальцах – перстни, на голенях – бронзовые поножи. Возле скелета лежали нагайка, украшенная золотой лентой, и остатки кожаного горита с большим количеством стрел, шесть наконечников копий и дротиков, бронзовая чаша и серебряный сосуд. Рядом находилось захоронение воина с золотой гривной на шее, серебряным браслетом и золотым перстнем на руке. Возле пояса, набранного из бронзовых пластин, находились меч и колчан с наконечниками стрел и ножом.

В северо-западной камере находилось захоронение «царицы». Женщина лежала в расписном саркофаге в роскошном убранстве: головной убор, обшитый золотыми бляшками, с начельной лентой с подвесками, золотые гривна, браслеты, девять перстней. Рядом лежало бронзовое зеркало. За головой находился скелет ее слуги, при котором найдены бронзовый и железный браслеты, колчан со стрелами и ножом. Рядом стояли 13 амфор. В этой камере найдена знаменитая серебряная амфора, украшенная фризом с изображениями сцен укрощения скифами лошадей и великолепным растительным орнаментом. Рядом лежало большое серебряное блюдо с ручками, украшенное растительным орнаментом и женскими фигурами, в нем – серебряный черпак.

К камере с захоронением «царицы» примыкало обширное прямоугольное в плане подземелье с несколькими нишами (камера V по И.Е.Забелину). Оно соединялось с северо-западной камерой относительно коротким коридором. В камере V выявлены отчетливые следы древнего ограбления через подземный ход, который вел от северной полы кургана. В северо-западной нише подземелья найден полуразрушенный скелет, бронзовая чаша, колчан со стрелами, железный меч с обложенной золотом рукоятью. В южной нише-тайнике лежали остатки деревянного горита с золотой обивкой, на которой изображены сцены из греческой мифологии, а также меч с обложенными золотом рукоятью и ножнами и другой меч с такой же рукоятью. Еще три меча с золотыми ручками были воткнуты в стенку. Здесь же находились пояса с бронзовыми пластинками, ножи, крюки и гвозди. Кроме того, в подземелье были найдены большой бронзовый котел со скульптурными фигурками козлов по бортику, бронзовое зеркало, шестирожковый бронзовый светильник, большое количество золотых бляшек, украшений и обломков золотых изделий.

В северо-восточной и юго-восточной камерах лежало драгоценное убранство «царя» и «царицы», от которых сохранилось большое количество нашивных золотых бляшек, подвесок, бус и пронизей, бронзовое зеркало, веретено и т.п. Здесь же находился и хозяйственный инвентарь – бронзовый котел, амфоры, шесть ножей, серебряный черпак и др., а также наконечники стрел. У входа в северо-восточную камеру лежал «страж сокровищ», имевший бронзовую гривну, золотые височную подвеску и перстень, колчан со стрелами и нож.

При доисследовании Чертомлыка в 1984 г. в северо-западном секторе кургана было открыто погребение слуги («виночерпия»), входящее в комплекс захоронений, связанных с центральной гробницей. В заполнении могилы и рядом с ней были найдены десятки раздавленных греческих амфор. Неподалеку – под крепидой, находилась Северная гробница. Именно через нее прошел грабительский ход в центральную гробницу. Здесь были найдены бронзовый котел с костями жертвенного животного и деревянным черпаком внутри, серебряный кубок и амфора.

Одним из важных моментов, связанных с изучением кургана Чертомлык, является вопрос о том, составляли ли все пять подземных камер в центре кургана единый погребальный комплекс, либо камера V была составной частью отдельной катакомбы, входную яму которой И.Е.Забелину проследить не удалось. Среди специалистов есть сторонники и первого, и второго решения. К сожалению, отчет И.Е.Забелина о раскопках Чертомлыка не позволяет дать однозначный ответ. Все аргументы «за» и «против» были сравнительно недавно рассмотрены в обобщающей публикации материалов данного кургана. Ее авторы (А.Ю.Алексеев, В.Ю.Мурзин и Р.Ролле) все же сочли возможным поддержать первый из упомянутых выше вариантов.

Раскопки курганов высшей скифской знати в Днепровском Степном Правобережье в 1852-1868 гг. были проведены на достаточно высоком для того времени уровне. Они впервые дали ученому миру и просвещенной общественности зримое представление о скифских царских курганах, о материальной и духовной культуре скифов и, как полагали некоторые, послужили решающим аргументом в споре о местонахождении Герроса. На их основе сложились представления о погребальном обряде и основных элементах скифской материальной и духовной культуры. Эти курганы по праву вошли в золотой (в прямом и переносном смысле) фонд отечественного скифоведения.

Несмотря на такое многообещающее начало, дальнейшие исследования курганов скифской знати на Правобережье надолго прервались. Только в 1897 г. профессор Московского университета Д.И.Яворницкий и сотрудник Императорской Археологической комиссии А.А.Спицын исследовали курганы Бабы, Раскопана Могила и Башмачка.

Бабы – у пгт Апостолово Днепропетровской обл. Раскопки Д.И.Яворницкого 1897 г. Высота 3,5 м, диаметр 42 м. В кургане обнаружен каменный кромлех диаметром 34 м. В центре выявлена дважды ограбленная гробница, совершенная в большой яме с подбоем. Здесь обнаружены кости жертвенной пищи на деревянном подносе, обломки бронзовой гидрии и ручки от другого сосуда, фрагмент чернолакового сосуда, бронзовый светильник, серебряное кольцо, золотые обивки деревянных чаш с изображениями животных, несколько золотых бляшек, бусы, обломки железа. Курган датируется серединой V в. до н.э.

Раскопана Могила – у пгт Апостолово Днепропетровской обл. Раскопки Д.И.Яворницкого 1897 г. Высота 5 м, диаметр 58 м. В кургане обнаружена гробница в яме с подбоем, дважды ограбленная. В камере найдены человеческие кости, кости жертвенной пищи с ножом, бронзовый котел, украшенный растительным орнаментом, бронзовые блюдо и фрагменты другого сосуда, амфора, наконечники копий и стрел, обломки амфор, лепных и чернолаковых сосудов и прочее. Курган датируется примерно серединой IV в. до н.э.

Башмачка – у с.Башмачка Солонянского р-на Днепропетровской обл. Раскопки А.А.Спицына 1897 г. Высота 7,1 м, диаметр 45 м. Сооружен в три приема. По основанию был окружен крепидой. В насыпи в разных местах встречались кости животных, обломки амфор, особенно в большом количестве под западной полой. В центре обнаружена дважды ограбленная могила в катакомбе. В камере найдены остатки трех скелетов, кости жертвенной пищи, наконечники стрел, втоки от копий, обломки серебряных сосудов, бронзовые серьги с бусинами, пастовые бусы, около 200 мелких золотых изделий, обломки веретена, бронзовая сковородка, нож, железные скобы и гвозди. В отдельной яме находилось захоронение коня с бронзовым уздечным гарнитуром. В 1977 г. курган доисследовался экспедицией Днепропетровского университета.

После весьма длительного перерыва исследования курганов скифской знати на Правобережье возобновилось лишь в 1960-х гг. При строительстве дороги на окраине г.Николаева у пос.Новый Водопой был разрушен большой курган высотой 10 м, диаметром 70 м, доисследованный В.Никитиным в 1965 г. В центре **Николаевского кургана** открыта ограбленная катакомбная гробница. На дне входной ямы лежали скелеты двух коней с уздечками, украшенными бронзовыми деталями. В камере найдены гераклейская амфора с клеймом и фрагменты амфоры типа Солоха II.

В 1964-1965 гг. у г.Орджоникидзе Днепропетровской обл., в зоне разработок Орджоникидзевского горно-обогатительного комбината, Скифской экспедицией ИА АН УССР под руководством А.И.Тереножкина были начаты массовые раскопки курганов, в том числе и скифской знати.

Страшная Могила. Раскопки А.И.Тереножкина 1965 г. Высота 7 м, диаметр 50 м. По основанию насыпь была окружена мощной крепидой и кольцевым рвом. Под курганом открыта единственная ограбленная катакомбная гробница. У входа в подземелье лежал скелет слуги с железным браслетом и колчаном со стрелами и ножом. В камере найдены обломки амфор, две костяных рукоятки ножей, фрагменты трех дротиков и клинка меча, наконечники стрел, около 20 золотых бляшек, кости жертвенной пищи, выброшенные из котла. Рядом, в отдельной яме, находилось сопровождающее захоронение коня с бронзовым уздечным набором.

С 1969 г. работы у г.Орджоникидзе возглавил Б.Н.Мозолевский, с именем которого в отечественном скифоведении связаны многие замечательные исследования курганов скифской знати.

Хомина Могила – у г.Орджоникидзе Днепропетровской обл. Раскопки Б.Н.Мозолевского 1970 г. Высота 3,2 м, диаметр 34-44 м. По основанию окружен каменной крепидой. В кургане открыты три катакомбных гробницы.

В центральной гробнице, на дне входной ямы, в нишах, находились захоронения двух коней с уздечками, снабженными серебряными украшениями фракийского типа. В ограбленной камере найдены кости человека и животных, наконечники стрел, обломки железных меча, наборного пояса, наконечников копий, гвоздей и скоб, бронзового сосуда, амфор, детали костяного гребня, мелкие золотые изделия и ручка деревянного сосуда в виде золотой скульптурки вепря.

В первой впускной гробнице, ограбленной в древности, обнаружены человеческие кости, обломки амфор, пастовые бусы, более ста мелких золотых изделий, серебряные фиала и килик, детали костяных веретена и гребня.

Во второй впускной гробнице в специальной нише-подбое, устроенной в стенке входной ямы, у ее дна, находилось сопровождающее захоронение коня в уздечке с железными украшениями. В камере при захоронении подростка найдены наборной пояс из серебряных пластин, колчан со стрелами и ножами с костяными ручками, кости животного из жертвенной пищи, наконечники копий и дротиков, амфора. Курган датируется концом IV в. до н.э.

Толстая Могила – у г.Орджоникидзе Днепропетровской обл. Раскопки Б.Н.Мозолевского 1971 г. Высота 8,6 м, диаметр 60 м. По основанию насыпь была окружена кольцевым рвом, содержавшим остатки обильной тризны. В кургане обнаружено две гробницы.

Центральную гробницу на уровне подкурганной поверхности окружал кромлех диаметром 32-37 м из каменных плит. Возле нее обнаружен комплекс сопровождающих захоронений – две конских могилы с костяками 7 коней в богатой сбруе, декорированной золотыми, серебряными и бронзовыми украшениями, и три захоронения «конюхов», один из которых имел золотую гривну, железный браслет, колчан со стрелами и двумя ножами. Центральная гробница ограблена, однако сохранившиеся вещи дают представление о пышности захоронения некогда погребенного здесь «царя». На входе в коридор, соединявший входную яму с камерой, лежал скелет слуги. В коридоре были найдены бронзовые сосуды, амфора, два колчана со стрелами и ножом, два портупейных пояса, покрытых железными чешуйками, два ножа, парадный меч с обложенными золотом рукоятью и ножнами, обвитая золотой лентой нагайка, золотые бусы. Здесь же находилась и знаменитая пектораль – массивное парадное нагрудное золотое украшение, композиция которой отражает религиозно-мифологические представления скифов. В камере сохранились остатки разрушенного захоронения. Здесь обнаружены обломки железного чешуйчатого панциря, наборной пояс, бронзовые поножи, остатки горита с серебряной обивкой и золотыми накладками, копья и дротики, золотые обивки ритона, обломки серебряного килика, золотой перстень, более 600 золотых бляшек, украшавших одежду, обломки амфор, кости животных из жертвенной пищи и др.

В боковую гробницу вели два входа, через которые были последовательно захоронены знатная скифянка и ее ребенок. Возле первичной входной ямы найдено скопление уздечных наборов и украшений погребальной повозки. Оба входа в подземелье закрывали остатки повозок. Захоронения сопровождали в потусторонний мир четверо слуг. Возле погребенных стояли стеклянные, чернолаковый и серебряный сосуды, набор туалетных принадлежностей (зеркало, булавки, румяна, белила), бронзовые пряжки. На «царицу» был одет головной убор, украшенный золотыми пластинами, одежда была расшита золотыми бляшками. Шею украшала золотая гривна, запястья – золотые пластинчатые браслеты и перевязи из бус, пальцы – десять перстней. Ребенок имел золотые гривну, сережки, перстни и пластинчатый браслет, ожерелье. Его одежда также была густо расшита золотыми бляшками. При нем находился набор миниатюрной серебряной посуды – кубок, килик и ритон. Памятник датируется серединой – третьей четвертью IV в. до н.э.

Денисова Могила – у г.Орджоникидзе Днепропетровской обл. Раскопки Б.Н.Мозолевского 1972 г. Высота 2 м, диаметр 40 м. Насыпь окружена кольцевым рвом. Под курганом находилась гробница в катакомбе с двумя входами. Возле первичной входной ямы найден набор бронзовых украшений погребального

кортежа. В дважды ограбленной могиле найдены кости животных от жертвенной пищи, обломки амфор, железного наконечника копья, три костяных рукоятки ножей, детали костяного веретена, ворварки, фрагменты серебряного килика, бронзовые наконечники стрел, около 200 мелких золотых изделий, среди которых выделяется роскошный перстень с поворотным щитком с гравированным и рельефным изображениями сцен терзания с обеих сторон. Памятник датируется второй половиной IV в. до н.э.

Чабанцова Могила – у г.Орджоникидзе Днепропетровской обл. Раскопки Б.Н.Мозолевского 1972 г. Высота 2,85 м, диаметр 30-32 м. Насыпь имела сложную структуру, сочетавшую черноземное ядро насыпи с перемежающимися мощными материковыми и черноземными досыпками. По основанию курган окружала крепида и кольцевой ров. В кургане обнаружено две гробницы в ямах с подбоями. В центральной гробнице найдены обломки железного пластинчатого панциря, кости животных из жертвенной пищи, костяная ручка ножа, наконечник стрелы и золотая обивка чаши. Во впускной гробнице обнаружен фрагмент железной пластины. Памятник датируется V в. до н.э.

1-я Завадская Могила – у с.Горняцкое Никопольского р-на Днепропетровской обл. Раскопки Б.Н.Мозолевского 1973 г. Высота 4,35 м, диаметр 34 м. В структуре насыпи также прослежены глинистые досыпки. По основанию насыпь была окружена каменной крепидой и кольцевым рвом. В кургане обнаружена основная гробница в большой глубокой прямоугольной яме, перекрытой мощным деревянным накатом. Ее сопровождали захоронения трех взнузданных лошадей в двух отдельных ямах. В ограбленной гробнице обнаружены железный клевец, обломки пластинчатого панциря, наборного щита и пояса, наконечников копий, наконечники стрел, золотые обивки пяти деревянных чаш, железное тесло, обломки бронзового сосуда, бронзовые и серебряные ворварки и пр. Курган датируется серединой – третьей четвертью V в. до н.э.

Желтокаменка - у ж.д. ст. Желтокаменка Апостоловского р-на Днепропетровской обл. Раскопки Б.Н.Мозолевского 1974-1975 гг. Высота 9,5 м, диаметр 76 м. Курган был сооружен в два приема. В структуре первичной насыпи прослежены четыре конструктивных досыпки, каждая из которых имела земляные «крепиды» того же характера, что и в Чертомлыке. Курган был окружен по основанию насыпи каменной крепидой и кольцевым рвом, содержавшим остатки богатой тризны. Курган использовался для захоронения знатных погребенных дважды. В центре находилась катакомбная гробница, в камере которой был сооружен склеп из тесанных известняковых плит. В стенах камеры были устроены ниши. В эту же гробницу было произведено подзахоронение через длинный дромос, прорытый от северной полы кургана. Центральная гробница была ограблена дважды. В ней обнаружены сопровождающие захоронения четырех слуг, фрагменты 11-12 амфор, кости животных, железные гвозди, скобы, муфты, кольца, крюки, обломки наконечников копий и дротиков, меча, топор, наконечники стрел, шесть ножей с костяными ручками, фрагменты чернолакового и лепного сосудов, костяные ворварка, пластина от шкатулки, амулет, около 400 разнообразных мелких золотых изделий. В дромосе подзахоронения находились скелеты двух коней с серебряными украшениями уздечек, нагрудников и седел. Под западной полой кургана была выявлена впускная катакомбная гробница, где

была погребена рядовая скифянка. Курган датируется второй половиной IV в. до н.э.

Славянка, курган 4 – у с.Славянка Апостоловского р-на Днепропетровской обл. Раскопки И.Ф.Ковалевой и С.С.Волкобоя 1976 г. Высота 4,3 м, диаметр 38-42 м. Сооружен в два приема. По основанию первичной насыпи был окружен каменной крепидой. Содержал две ограбленных катакомбных гробницы. В центральной гробнице найдены кости от жертвенной пищи с двумя ножами, фрагменты бронзовых сосуда и зеркала, чернолакового и лепного сосудов, части костяного веретена, пастовые бусы. Во впускной гробнице найдены отдельные золотые украшения. В грабительском лазе, который вел в это захоронение, обнаружены останки погибшего под обвалом грабителя (?), при котором найдены пастовые бусы, ракушки, около 30 мелких золотых изделий.

Малый Чертомлык – у подножия кургана Чертомлык. Раскопки Б.Н.Мозолевского 1979 г. Высота 1,9 м, диаметр 30 м. Насыпь имела сложную черноземно-глиняную структуру. По основанию насыпь была окружена каменной крепидой и кольцевым рвом. Единственная центральная гробница в обширной яме с подбоем была дважды ограблена. Здесь найдены человеческие кости и кости животного от жертвенной пищи, чернолаковая миска, золотые и серебряный перстни, золотые наконечник гривны и калачиковидные височные подвески, костяные шкатулка и гребень, более 1000 разнообразных мелких золотых изделий. Курган датируется второй половиной V в. до н.э.

В конце 1970-х гг. начались раскопки курганов скифской знати в правобережной части Херсонщины. В 1978 - 1982 гг. был исследован крупный курганный могильник «Золотая Балка» у с.Шевченовка Нововоронцовского р-на Херсонской обл. Три из курганов можно рассматривать как погребальные комплексы скифской знати.

Золотая Балка, курган 13 – раскопки А.И.Кубышева и С.В.Полина 1978-1979 гг. Высота 4,6 м, диаметр 30 м. Сооружен в два приема. Обе насыпи по основанию были окружены каменными крепидами, последняя – еще и кольцевым рвом. Содержал 8 захоронений в катакомбах. В насыпи встречались фрагменты амфор, кости животных, части скифской антропоморфной стелы. Избежали ограбления погребения № 5 и 7. В погребении № 5 обнаружено захоронение ребенка с серебряной гривной, бронзовым браслетом и чернолаковой миской. В погребении № 7 захоронен воин в сопровождении золотых серьги и перстня, двух колчанов со стрелами, кожаного сосуда, набора из 2 копий, длинной пики и дротика, амфоры, жертвенной пищи с ножом. Курган датируется второй половиной IV в. до н.э.

Золотая Балка, курган 15 - раскопки А.И.Кубышева и С.В.Полина 1979-1982 гг. Высота 6 м, диаметр 60 м. Курган сооружен в три приема. В структуре первичной насыпи выделялись три конструктивных досыпки, аналогичные прослеженным в Желтокаменке и Чертомлыке. Здесь также фиксировались черноземные «крепиды». Вторая и третья насыпи были укреплены каменными крепидами в виде стенок и набросками камня по склонам. Курган окружал кольцевой ров. На вершине кургана обнаружен гранитный менгир. В кургане открыто три последовательных захоронения, совершенных в общей катакомбе в центре кургана через отдельные входные ямы, соединявшиеся с основной камерой дополнительными ходами различной длины. Возле первичной входной ямы найдены железные оковки колеса. Под крепидой обнаружена

отдельная впускная могила в катакомбе, полностью разрушенная грабителями. В кургане открыт ряд сопровождающих захоронений – страж под крепидой в отдельной яме и в центральной гробнице – двое слуг. В центральной камере обнаружены останки трех основных погребенных, а также бронзовый котел, ручка серебряного килика, кости напутственной пищи, наконечники копий и дротиков, обломки костяных гребня и веретен, костяные же ворварки, наконечники стрел, бусы, оселок, железные крюки, бронзовые сосуды, фрагменты амфор и лепного сосуда, пастовые бусы, золотая начельная лента и более 450 мелких золотых украшений. Курган датируется серединой – второй половиной IV в. до н.э.

Золотая Балка, курган 22 – раскопки А.И.Кубышева и С.В.Полина 1979-1982 гг. Высота 5,15 м, диаметр 40 м. По основанию окружен каменной крепидой и кольцевым рвом. Содержал одно ограбленное женское захоронение в катакомбе, с двумя нишами в стенках, где находились захоронение служанки и два костяка овец. В камере после ограбления найдены большое количество костей животных, бронзовое зеркало, колчанный набор, железный крюк, детали костяного веретена, пастовые бусы, фрагменты наконечников копий и дротиков, ворварки, нож, железные скобы, около 20 мелких золотых изделий. Курган датируется серединой – второй половиной IV в. до н.э.

В середине 1980-х – начале 1990-х гг. продолжались исследования курганов скифской знати на юге Днепропетровщины.

Бабина Могила – у с.Тарасо-Григорьевка Апостоловского р-на Днепропетровской обл. Раскопки Б.Н.Мозолевского и С.В.Полина 1986 г. Высота 8,15 м, диаметр 60 м. Сооружен в три приема. В структуре первичной насыпи прослежено 6 конструктивных досыпок с характерными прослойками грунта в основаниях, аналогичными зафиксированным в Чертомлыке, Желтокаменке, Золотой Балке-15. Все три насыпи были укреплены по основанию мощными крепидами, а первичную насыпь, кроме того, покрывал сплошной каменный панцирь. На вершине кургана стояла стела. По основанию курган окружал кольцевой ров с остатками многолюдной тризны и земляной вал. Курган использовался для погребений четырежды. Все захоронения кургана практически полностью ограблены.

В первичном погребении захоронена скифянка в сопровождении слуги. В камере найдены фрагменты лепного сосуда и амфоры, обломки железных скоб, наконечников копья и дротика, бронзового зеркала и костяного веретена (?), кости животных из жертвенной пищи, пастовые бусы, несколько золотых бляшек. С этим захоронением связан набор украшений погребального кортежа, найденный в первичной насыпи.

Следующее в кургане погребение знатного скифа совершено в большой поперечной катакомбе, в камеру которой от северной полы кургана вел длинный дромос. В начале дромоса сохранилось захоронение двух взнузданных и оседланных верховых коней с роскошными серебряными наборами уздечных украшений работы греческих ювелиров. В эту же камеру, через вторую входную яму, было совершено подзахоронение женщины, с которым связано скопление украшений погребального кортежа во рву. В погребении найдены сопровождающее захоронение слуги, обломки железных скоб, гвоздей, наконечников копий и дротиков, бронзовые наконечники стрел, гвозди, бляшки, серебряные и стеклянные бусы, большое количество обломков амфор, костяные

детали шкатулки, ворварка и кольцо, остатки женского головного убора – золотые пластина с изображением богини и венчик с шумящими подвесками, около 30 мелких золотых украшений.

Последнее по времени захоронение в кургане было совершено в отдельной катакомбе. В нем были обнаружены обломки наконечников копья и дротика, костяная ворварка, обломки амфор. Курган датируется серединой – второй половиной IV в. до н.э.

Водяна Могила – у с.Каменка Апостоловского р-на Днепропетровской обл. Раскопки Б.Н.Мозолевского и А.В.Николовой 1986 г. Высота 6,5 м, диаметр 60 м. Сооружен в один прием. Насыпь состояла из пяти конструктивных досыпок, аналогичных прослеженным в Чертомлыке, Желтокаменке, Золотой Балке-15 и Бабиной Могиле. По основанию насыпь была обнесена крепидой из камня и окружена кольцевым рвом. На ее вершине найден большой менгир из кварцита.

В кургане открыта единственная катакомбная гробница, сопровождавшаяся захоронениями двух оседланных коней с бронзовыми уздечными наборами и «конюшего». Они были совершены в отдельных ямах. В ограбленной гробнице найдены фрагменты амфор, кости животных из жертвенной пищи, бронзовые наконечники стрел, костяные детали веретена, рукоять ножа и ручка зеркала, обломки наконечников копий, меча, пластинчатого доспеха. Курган датируется третьей четвертью IV в. до н.э.

Каменская Близница – у с.Каменка Апостоловского р-на Днепропетровской обл. Раскопки С.Е.Мухопада и А.В.Андросова 1986 г. Высота 4,55 м, диаметр 47 м. Сооружен в три приема над тремя последовательными захоронениями. В структуре первичной насыпи отмечены три конструктивные досыпки и земляные «крепиды», аналогичные по своей структуре прослеженным в Чертомлыке, Желтокаменке, Золотой Балке - 15 и др.

По основанию насыпь кургана была окружена каменной крепидой и кольцевым рвом с остатками тризны, среди которых обнаружен скелет ребенка. Все три захоронения устроены в катакомбах, ориентированных к центру и соединенных позднее грабительским ходом. Возле входной ямы гробницы № 3 найдены 6 бронзовых наверший. В камерах обнаружены человеческие кости, кости животных, фрагменты лепного сосуда и амфоры, две ручки ножей, наконечники стрел, золотая подвеска, фрагменты металлических деталей повозки, гвозди и скобы, обломки наконечников копий и дротиков, железного псалия, костяные пластины шкатулки, и др. В гробнице № 2, в нише, сохранилось сопровождающее захоронение служанки. Памятник датируется второй половиной IV в. до н.э.

Соболева Могила – у с.Горняцкое Никопольского р-на Днепропетровской обл. Раскопки Б.Н.Мозолевского и В.П.Белозора в 1991-92 гг. Высота 6 м, диаметр 50 м. Был сооружен в три приема. По основанию насыпь окружал кольцевой ров. Являлся семейной усыпальницей скифского знатного рода среднего ранга.

В кургане были последовательно погребены трое мужчин, женщина и подросток в сопровождении захоронений слуг и взнузданной лошади. Большинство погребений ограблено. В женском захоронении № 3 сохранились два тайника, где найдены серебряные уздечные наборы фракийского типа и серебряный килик. Уцелели от ограблений захоронения воина и подростка.

В погребении воина найдены три амфоры, бронзовый котел, пять ножей, золотые и серебряные бусы, костяное веретено, золотые серьга, шейная гривна и наручные браслеты, два перстня, лента – украшение нагайки, горит с луком и стрелами, украшенный наборным покрытием из различных пластин, меч с обложенной золотом рукоятью, около 140 нашивных бляшек, украшавших одежду, оковки деревянной чаши, набор серебряной посуды, наконечники копий и дротиков, бронзовые поножи, многочисленные железные скобы и гвозди. В погребении подростка найдены золотые серьга, гривна, серебряный кубок и амфора.

Курган датируется серединой – третьей четвертью IV в. до н.э.

Надеемся, что дальнейшие археологические исследования скифских курганов в окрестностях Никополя и прилегающих районах Степи, позволят составить более полное представление об этом уникальном, по сути едином, огромном скифском некрополе V – IV вв. до н.э.

Тема 5. Курганы скифской элиты в междуречье Нижнего Днепра и Дона

Концентрация больших курганов V и IV вв. до н.э. по обе стороны от важнейшей днепровской переправы в районе современных гг.Никополь и Каменка-Днепровская очерчивает, вероятно, центр Скифского государства того периода. Скопления курганов меньших размеров указывают на наличие ряда региональных центров. На рассматриваемых землях один из таких центров находился в Северном Приазовье. Хотя Крымские степи в географическом отношении и не входят, строго говоря, в очерченные выше территориальные рамки, они являются как бы естественным продолжением степных районов Левобережья Нижнего Днепра и Северного Приазовья. Их объединяют не только общие природные и климатические условия, но и, зачастую, общность исторических судеб населения, обитавшего здесь в эпоху древности и средневековья. В полной мере это относится и к скифскому периоду. Согласно Геродоту **[Геродот, IV, *20*]**, кочевые угодья скифов-царских, считавших всех прочих скифов своими рабами, протянулись от низовий Дона до Днепра и далее, через Перекопский перешеек, в Степной Крым. Здесь также можно выделить два своеобразных военно-территориальных центра, прослеживаемых по концентрации больших скифских курганов у г.Белогорск в Крымских предгорьях, и на Керченском полуострове. Раскопки курганов у Белогорска начались лишь сравнительно недавно и их материалы еще недостаточно полно опубликованы. Более известны погребальные памятники скифской знати, открытые на Керченском полуострове. Среди них самое заметное место занимает курган Куль-Оба неподалеку от современной Керчи, построенной на руинах древнего Пантикапея. Здесь был похоронен скифский владыка IV в. до н.э., удел которого непосредственно примыкал к границам Боспорского царства.

Курган Куль-Оба имел надмогильное сооружение высотой около 10 м, сложенное из камня. В теле этой своеобразной курганной «насыпи», сложенной, в отличие от скифских курганов северопричерноморских степей, не из пластин дёрна, а из плит известняка, был сооружен погребальный склеп «боспорского» типа размерами 4,3 х 4 м со ступенчатым сводом высотой 5 м. Для его строительства использовался тесаный камень. В склепе были обнаружены

погребения скифского вельможи в деревянном саркофаге, вероятно номарха[2], и его жены в саркофаге из кипариса. Саркофаг был расписан и декорирован пластинами из слоновой кости, на которых были выгравированы сцены из скифской жизни и сюжеты греческой мифологии. На высокий социальный статус погребенной указывает также сопровождавший ее роскошный инвентарь, не уступающий по своей ценности вещам, что находились подле самого скифского владетеля. За саркофагами был обнаружен скелет слуги.

По счастливой случайности склеп не был ограблен в древности. Найденные здесь вещи, многие из которых являются подлинными шедеврами древнегреческого ювелирного искусства, поражают своей роскошью и изысканностью.

Большую историческую и художественную ценность представляют вещи с изображениями скифов. Прежде всего, это знаменитый электровый кубок, где запечатлены различные сцены – по Д.С.Раевскому, они иллюстрируют одну из скифских генеалогических легенд, и золотая гривна, окончания которой оформлены в виде скульптурок конных скифов. Немало достоверных в своих этнографических деталях (элементы одежды, вооружения, прически др.) изображений этих номадов сохранилось на золотых нашивных бляшках. Самые известные из них – сцены братания двух скифских воинов.

Но не только находками определяется роль Куль-Обы в становлении скифоведения как отдельного направления археологической науки. Его изучение, проведенное эмигрантом из Франции П. де Брюксом и градоначальником Керчи И.А.Стемпковским, является своего рода промежуточным звеном между инициированными А.П.Мельгуновым работами на Литом кургане, которые можно назвать археологическими раскопками только с большой натяжкой, и уже достаточно квалифицированными исследованиями скифских древностей, которые начались, как уже отмечалось выше, около середины XIX в.

В 1859 году было основано учреждение, опекавшее древности всей необъятной страны – Императорская археологическая комиссия. Первый Председатель археологической комиссии граф С.Г.Строганов развернул свою деятельность на новом посту с того, что направил усилия своего ведомства на исследования больших курганов Нижнего Днепра. Исполнителем и проводником замыслов графа С.Г.Строганова стал сорокалетний московский историк Иван Егорович Забелин (1820 – 1908). Начав свою служебную карьеру канцеляристом Оружейной палаты в Москве, он умер там же в чине тайного советника, будучи фактическим руководителем созданного при его участии Исторического музея (формально главой Музея был великий князь Сергей Александрович). Испытывая на протяжении всей своей научной жизни глубокий интерес к российской истории и посвятив ей целый ряд своих работ, которые не утратили своего значения и в наши дни («Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.», «Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.», «История города Москвы» и др.), И.Е.Забелин, в силу ряда обстоятельств, занялся и археологией. Он оказался не только удачливым раскопщиком, которому посчастливилось найти немалую часть сокровищ скифских царей, но и стать квалифицированным полевым

[2] Согласно Геродоту [**IV, *63-66***], вся Скифия делилась на три «царства» во главе с верховным царем. Эта трехчленная структура, в свою очередь, складывалась из крупных военно-территориальных подразделений, которые Геродот, по аналогии с административным делением древнего Египта называет «номами», а их предводителей – «номархами».

исследователем, а его работы на скифских курганах можно считать классическими для того времени в методическом отношении. И.Е.Забелин приобрел широкую известность и как теоретик археологической науки, обосновав ее историческую сущность и вытекающую отсюда главную задачу археологов: опираясь на изучение материальных остатков былой жизни, стараться реконструировать последнюю во всем многообразии ее проявлений.

И.Е.Забелин раскопал ряд больших скифских курганов на просторах Правобережной, а, затем, и Левобережной степи. Подлинным венцом его изысканий стали исследования кургана Чертомлык**,** после которого в 1865 г. И.Е. Забелин раскопал курган Козел. Это был первый, профессионально раскопанный, курган в степном Левобережье.

Курган Козел – гробница одного из властелинов скифской державы, вероятно, члена скифского царского рода, умершего во второй половине IV в. до н.э. Памятник находится у с.Ново-Александровка Нижнесерогозского района Херсонской области. Под 14-метровой насыпью с западной стороны И.Е.Забелиным были выявлены три конских могилы с 11 лошадьми и могилы конюхов возле них.

Центральную могилу кургана с входной ямой глубиной 9,6 м и четырьмя подземными камерами по ее углам, ограбили в древности через грабительский ход, вырытый с севера. Из-за опасности обвалов полностью подземелья кургана исследовать не удалось. Было найдено лишь несколько золотых пуговиц и одна пластинка, где изображена в профиль голова Афины в шлеме в виде маски льва. Полностью сохранились бронзовые и серебряные украшения конской узды. При трех конях найдены золотые обивки седел, при двух – бронзовые наборные нагрудники. Могилы двух конюхов были перекрыты досками, раскрашенными красной и голубой краской – вероятно, это были борта повозок.

Следующим памятником, открытым И.Е.Забелиным в этом регионе в 1867-1868 годах, стал курган Большая Цимбалка, равный по своим размерам кургану Козел.

Большая Цимбалка - курган-усыпальница представителя высшей аристократии Скифии была возведена в 350-330 гг. до н.э. Находится на правом берегу р.Белозерка, в 4 км на запад от центра поселка Большая Белозерка Запорожской области. Насыпь высотой 15 м была раскопана сквозной траншеей, в ней выявлена ограбленная катакомба (глубиной 8,5 м) с тремя погребальными камерами и отдельная могила шести коней. От одежд погребенных сохранились части панциря, боевого пояса, золотые пластинки с изображением Медузы, грифона и зайца. Четыре коня имели бронзовые уздечные наборы с серебряными наносниками, еще два – с большими золотыми пластинчатыми. На одном из них изображены два грифона в геральдической позе, на другом – змееногая богиня, мифическая прародительница скифов. Последняя пластина – один из наиболее известных шедевров греко-скифской торевтики. Нащечники последних двух коней имеют форму крыла и украшены стилизованными изображениями голов дельфинов.

После работ И.Е. Забелина в исследовании курганов Левобережья наступает пауза – до раскопок Д.Я. Самоквасова в 1884 г. Тогда он раскопал на окраине **с.Большая Знаменка** семиметровый курган, который до него пытались разрыть крестьяне. Информация об этом памятнике крайне скудна, но ее достаточно, чтобы понять, что курган возвели в первой половине V до н. э. Учитывая, что это

самая большая насыпь того времени, можно предположить, что под ней был погребен верховный царь Скифии того времени.

Следующий этап исследований скифских курганов на Левобережье Днепра связан с именем Николая Ивановича Веселовского. Следует заметить, что Н.И.Веселовский, как и И.Е.Забелин, имел высокого покровителя в лице Председателя Императорской Археологической комиссии графа Алексея Александровича Бобринского. Благодаря А.А.Бобринскому, возглавлявшему Археологическую комиссию с 1886 по 1917 г., при нем она из особого чиновничьего комитета превратилась в авторитетный научно-исследовательский центр.

Огуз – один из самых больших курганов Восточной Европы (высота насыпи – около 20 м), находится в степи между Днепром и Молочной, у поселка Нижние Серогозы Херсонской области, близ древней сухопутной трассы. Она связывала городища Лесостепи и античные города Восточного Крыма. Курган был сооружен в конце IV ст. до н.э. как усыпальница верховного царя Скифии.

Раскопки кургана начались в 1891 году и продлились четыре полевых сезона, вплоть до 1894 года. Н.И.Веселовский в северной части насыпи заложил раскоп, в конце которого, для сокращения расходов, провел четыре «мины» (т.е. подземных хода) длиной по 15 м. В 1892 г. работы проводились на западном, южном и восточном склонах насыпи. Основные работы 1893 г. Н.И.Веселовский вел на южном (главном) раскопе и сообщал, что «в центре кургана вырыта погребальная яма очень больших размеров, именно более 9 сажен (19,2 м) в диаметре». Последний сезон работ Н.И.Веселовского был наиболее удачным. Он писал: «…чтобы обнаружить весь провал по материку… потребовалось 5 недель времени при 50-60 рабочих, т.к. пришлось делать выемки боков на высоту 8 сажен (17 м). Яма оказалась 4-угольною, длиною и шириною одинаково по 4 сажени и 2 аршина (9,9 м. – *автор*)». Далее сообщалось, что обнаружен каменный склеп и три ниши под стенками котлована. В двух нишах оказались сопровождающие погребения: в северной нише – женщины, в западной – подростка и взрослого. Восточная ниша была пустой. С юга был частично (на 16 м) открыт широкий, около 2 м, дромос (подземный коридор, ведущий в могилу), в котором в 4 м от склепа лежал вооруженный охранник огромного (почти 1,9 м) роста. Склеп оказался ограбленным, лишь под одной из плит, упавшей на пол, удалось собрать около 140 золотых бляшек, украшавших одежду. Н.И.Веселовский считал, что склеп грабили трижды – два раза подземным ходом и один раз сверху.

Таким образом, за четыре полевых сезона в Огузе были открыты: гигантская яма (котлован), склеп в ней и часть дромоса, составляющие Центральное погребальное сооружение кургана. Раскопки кургана считались завершенными, но вскоре о нем вновь заговорили.

Осенью 1901 г. дожди размыли южную стенку котлована Центрального погребения, открыв полузаваленный дромос. Крестьяне в этом дромосе (длиной 36 м) нашли золотые предметы. Предыдущие раскопки Н.И.Веселовского и это событие подогревали «золотую лихорадку». Новая вспышка кладоискательства, которая затронула курганы вокруг Серогозской балки, пришлась на конец декабря 1901 года. Тогда хищническим раскопкам подверглись многие курганы в окрестностях Огуза**.** Эти события вынудили руководство Археологической комиссии обратиться к Таврическому губернатору с просьбой организовать

охрану курганов и содействовать возвращению награбленного. Губернатор 22 мая 1902 г. сообщал в Петербург, что «…прекращены самовольные тайные раскопки крестьян…14 января 1902 года полицией обнаружены и привлечены к законной ответственности 257 человек, поставлены полицейские посты».

В конце марта 1902 г. по просьбе Археологической комиссии в Нижние Серогозы для дальнейшего исследования кургана Огуз прибыл помощник заведующего раскопками в Херсонесе подпоручик В.Рот. В подземных сооружениях было найдено сравнительно немного золотых, железных и костяных предметов. Большую часть «находок» В.Рота составляли отобранные у кладоискателей золотые и серебряные украшения конской узды, принадлежавшие, по крайней мере, десяти лошадям. Основная масса находок поступила в Эрмитаж, малая часть попала в частные коллекции Одессы, Харькова, Киева. Незначительная доля находок, в основном из собрания Б.И.Ханенко, хранится сейчас в Музее исторических драгоценностей Украины в Киеве.

Деятельность В.Рота завершает первый дореволюционный этап исследований Огуза. Вернулись к кургану лишь 70-ю годами позже. В 1972 г. А.М.Лесков предпринял попытку докопать Огуз. К началу его работ курган представлял собой огромную подковообразную насыпь высотой 12 м. С помощью бульдозеров было заложено по четыре траншеи на северном и восточном участках. Находок вещей эти работы не принесли, но удалось зафиксировать устройство насыпи. Работы на кургане были приостановлены на несколько лет.

В 1979 г. к раскопкам Огуза приступила экспедиция Института археологии АН Украины, руководимая Ю.В.Болтриком. Ее задачей было полное доисследование кургана. В первый полевой сезон была снята оставшаяся часть насыпи, расчищены сохранившиеся участки крепиды, выявлен кольцевой ров, прослежены другие элементы устройства кургана. В 1980 г. исследована значительная часть подкурганного пространства. Близ Центральной могилы, открытой Н.И.Веселовским, выявлена ритуальная дорожка, устланная камкой. Под северной полой кургана обнаружена ранее неизвестная боковая Северная могила. Несмотря на ее ограбление в древности, было найдено значительное количество вещей, в том числе более 6 тысяч золотых украшений. Уровень исполнения миниатюрных предметов торевтики из Огуза является уникальным для Скифии. Среди них многоярусные и многолепестковые розетки, серьга в виде сфинкса, подвески в виде льва и барана, личины с негроидными чертами; пластинки с изображениями персонажей античной мифологии: Афины, Аполлона, Геракла, Горгоны. Кроме того, обнаружено несколько тысяч костяных пластинок со следами гравировки – детали аппликации, украшавшей деревянные стенки дорогого античного саркофага.

В 1981 г. на Огузе были открыты дромос и котлован Центрального погребального сооружения, связанная с ним культовая дорожка и конская могила. Также были повторно расчищены обнаруженные В.Ротом подземные сооружения и ходы боковой Южной могилы, а под западной полой кургана в яме с подбоем было открыто погребение воина-лучника.

Так в течение трех полевых сезонов были окончательно исследованы остатки насыпи кургана (высотой более 21 м, диаметром 135 м), сложенной из блоков дерна. Ее охватывали известняковая крепида, ров и вал. Под курганом усилиями археологов разных поколений было открыто 3 могилы – Центральная и

2 боковых, ограбленные в древности. Центральная представляла собой сложное погребальное сооружение: в большом котловане был возведен каменный склеп, к которому вел длинный (35 м) дромос, вырубленный в материковой глине. Центральная могила сообщалась посредством специального хода с Южной. Среди уцелевших вещей были найдены золотые скифские и серебряные фракийские украшения узды, принадлежавшие более чем 14 коням. На запад от склепа, на погребальной дорожке, находился еще один конь, а за ним – яма с 4 конями. Вход в склеп охраняли три охранника – один, имевший при жизни большой рост, лежал в дромосе, два – у западного входа на погребальную дорожку. В боковой Северной могиле, которую устроили в уже возведенном ранее кургане, была погребена, видимо, жена царя в сопровождении служанки и 3 коней. От этого захоронения сохранились детали декора катафалка, костяные аппликации саркофага, около 6 тысяч золотых украшений.

Деев курган – гробница знатного скифа, умершего в 30-х годах IV в. до н.э. Находился в 2 км к востоку от поселка Нижние Серогозы Херсонской области. В 1891 году, до раскопок гигантского Огуза, Н.И.Веселовский решил на «пробу» раскрыть курган меньших размеров. Под насыпью (высотой 4,2 м), охваченной рвом, была открыта основная мужская могила. После древнего ограбления в ней остались обломки меча и две золотые бляшки.

В боковой катакомбе, открытой крестьянами в 1896 году, оказалось нетронутым погребение знатной скифянки, с которым связано скопление из 11 раздавленных амфор. На некоторых из них были клейма.

Это погребение доисследовал в 1897 году директор Керченского музея К.Е.Думберг. Интерес представляет комплекс женского парадного головного убора в виде шапки с золотыми аппликациями, среди которых выделяются пластинки с танцующими Менадами. Здесь были также найдены: пара золотых подвесок в виде сфинкса, девять золотых перстней, золотой браслет, сложное золотое ожерелье из полусфер, которые чередуются с фигурками уток и цветов. К западу от основной могилы открыто погребение охранника с конем.

В 1898 году внимание археологов привлек на Левобережье еще один курган скифской элиты – Чмырева Могила.

Чмырева Могила. В свое время этот курган был известен находкой десяти серебряных сосудов и одних из самых богатых в Скифии уздечных наборов. Но эти вещи погибли осенью 1941 года при бомбежке эшелона, увозившего в Уфу исторические драгоценности из Харьковского музея. Уцелевшие вещи из кургана хранятся в Эрмитаже, Харьковском и Запорожском музеях.

Памятник раскапывали: в 1898 г. Ф.А.Браун, в 1909-1910 гг. Н.И.Веселовский, в 1994 г. - Ю.В. Болтрик.

Чмырева Могила и 17 курганов ее группы находятся у северной окраины села Большая Белозерка Запорожской области. К моменту раскопок высота кургана составляла 5,7 м, но первоначально насыпь Чмыревой Могилы должна была быть выше. В 1994 г. удалось выяснить, что диаметр кургана равен 70-75 м, а это соответствует параметрам восьмиметровых курганов, таких как Гайманова и Толстая Могилы.

Ф.Брауном были частично открыты центральная и боковая могилы, глубиной, соответственно, 12 и 9 м. Из-за опасности обвала сводов погребальных камер, работы пришлось прекратить. Главная удача ожидала исследователя к западу от этих могил. В огромной яме нашли костяки десяти коней. Их головы и

седла, одетые на коней, были украшены двумя сотнями блях и пластин. Особо выделялись золотые рельефные бляхи с изображениями бородатого Геракла в львином шлеме. Интересны золотые бляшки с головой Медузы Горгоны. На одних Медуза показана почти привлекательной особой (если не считать высунутого языка) с роскошными волосами. На других она изображена настоящим чудовищем, в которое обратила ее Афина Паллада – извивающиеся змеи на голове вместо волос, и выпученные глаза, взгляд которых, согласно греческой мифологии, мог превращать все живое в камень.

Вскоре после работ Ф.А.Брауна в 5-6 саженях к югу от Чмыревой Могилы крестьяне нашли три бронзовых навершия

Через 11 лет Н.И.Веселовский с 18-ю рабочими вновь вскрыл подземелья Чмыревой Могилы. Удалось пройти глубокий (12,4 м) входной колодец, стены его расширялись ко дну, а сам он был завален огромными глыбами известняка. Через шесть недель работы открыли погребальную камеру боковой(?) могилы площадью около 30 м^2. В ее западной стене обнаружили нишу-тайник, где оказались десять сосудов из серебра. Среди них – три фиалы, украшенных золоченым орнаментом, на одной из них веночек из растений и меандра; чаша, украшенная фризом с ловящими рыбу лебедями; высокий грушевидный сосуд с двумя золотыми ручками и крышкой; два кубка, ковшик и кувшин с ручкой. Интерес представлял килик (сосуд на тонкой ножке с изящными ручками), внутри которого на позолоченном медальоне находилось изображение нереиды на гиппокампе (фантастическом морском коне).

Нереиды в древнегреческой мифологии – морские нимфы, 50 миловидных дочерей морских богов Нерея и Дориды. Наиболее известные из нереид – Амфитрита, супруга бога морей Посейдона, и Фетида, мать героя Троянской войны Ахилла. Вполне вероятно, на килике из Чмыревой Могилы изображена сцена, когда Фетида везет под стены Трои шлем, сделанный для ее сына божественным кузнецом Гефестом.

Помимо содержимого тайника, удалось найти много золотых бляшек, которыми расшивали одежды. Это были: треугольники с зернью и тремя маленькими петлями на обратной стороне; изображения Медузы и Афины в львиноголовом шлеме; Геракла, борющегося с Немейским львом, морды льва, летящей птицы, собак, грифонов в геральдической позе, борющихся скифов, грифона, терзающего оленя, пантеры, стоящей на спине козла. У западной стены камеры нашли череп женщины, а по сторонам его – две золотые серьги в виде дутых калачиков с филигранью. К ним было прикреплено по 20 цепочек с фигурками птичек на концах. Вес каждой серьги равнялся 47 граммам.

В 1973 году остатки насыпи Чмыревой Могилы снесли местные дорожники. Тогда же нашли три бронзовых навершия, украшенные фигурами грифонов, стоящими на ажурном яйцеподобном основании, способном производить звон благодаря наличию железного язычка внутри него.

После разрушения насыпи найти в 1994 г. Чмыреву Могилу удалось лишь благодаря кольцу из известняковой крошки от крепиды на пахоте, указывавшему внешние границы кургана. Тогда были проведены небольшие работы на кургане. Удалось исследовать часть памятника, сохранившуюся ниже уровня пахотного слоя. Выяснилось, что скифы построили свою насыпь на небольшом кургане эпохи бронзы.

В юго-западной части кургана было открыто погребение молодого слуги. Его телом как бы закрыли «погребальную дорожку», положив головой к центру кургана, т.е. в сторону, где лежал его господин. По аналогии с другими большими скифскими курганами погребение этого юноши можно уверенно трактовать как захоронение «ритуального помощника».

Скифы, как и другие древние народы индоиранской языковой группы, считали, что человек в этом возрасте являлся наиболее чистым с ритуальной точки зрения, безгрешным. Мальчики были своеобразными жрецами и помогали при выполнении ряда ритуалов. Они же считались наиболее подходящими жертвами подземным богам.

Неподалеку от погребения юноши, в западной поле кургана, удалось расчистить большое скопление разбитых амфор – более десяти сосудов. Эти амфоры, наряду с многочисленными костями животных, были следами большой поминальной тризны, состоявшейся у западного склона кургана.

В 1994 г. удалось обнаружить, что конская могила, как и в других курганах, находилась на погребальной дорожке. Могила оказалась ориентированной с севера на юг, длиной 6,5 м, шириной 2,5 м, глубиной 2,1 м.

Полная картина устройства подземной части Чмыревой Могилы остается все еще неясной. Но очевидно, что главный погребенный, умерший около 345 - 325 гг. до н.э., являлся близким сподвижником скифского царя.

В 1912-13 гг. Н.И.Веселовский раскапывает **курган Солоха**, что стало венцом его археологической деятельности. Насыпь этого гиганта привлекла внимание сотрудников Археологической комиссии еще в ту пору, когда И.Е.Забелин ехал к Огузу и отметил Солоху как второй большой курган в степях Левобережья.

Предполагается, что курган содержал две могилы скифских царей, предшественников царя Атея. Находится в 7 км к югу от села Большая Знаменка Запорожской области. Под мощной насыпью высотой 18 м открыты две последовательно устроенные могилы – конца V в. до н.э. и 80-х годов IV в. до н.э. С первой, в виде колодца с двумя камерами под противоположными стенками, связана могила двух коней с золотыми украшениями узды. Главным элементом убранства коней были большие налобники в виде спаренных рыб.

Камеру главного погребенного ограбили в древности, а камера с бытовыми принадлежностями уцелела. В ней были большой бронзовый котел с деревянным черпаком, три амфоры, деревянная чаша, украшенная золотыми накладками, бронзовая жаровня на колесиках, деревянный табурет.

Второй погребальный комплекс состоял из подземной галереи длиной 10 м с тремя нишами, могилы пяти коней и конюха при них. После его сооружения насыпь была увеличена в высоту на 4,5 м. Кони имели узду с золотыми и серебряными украшениями. Главного погребенного сопровождали двое слуг. Его одежда была расшита тремя сотнями пластинок, убранство дополняли золотые украшения: витая гривна и пять браслетов. Рядом находился гребень со скульптурной группой сражающихся воинов. Этот гребень – один из наиболее известных шедевров скифо-античной торевтики, изображает противостояние пешего воина, потерявшего коня, двум другим – всаднику и пехотинцу.

Вооружение царя составляли: греческий шлем; бронзовые и железные доспехи; бронзовая булава-шестопер; меч в золотых ножнах; горит, украшенный серебряной с позолотой пластиной с изображением сцен сражения пяти воинов и

терзания лани. Посуда представлена тремя бронзовыми котлами, лутерием (бронзовым тазом), семью серебряными сосудами и украшенной золотом деревянной чашей, 12 амфорами. Три крупные амфоры с грибовидным венцом неизвестного центра (они получили название “тип Солоха I”), девять амфор с коническим туловом считаются продукцией острова Пепарет. В тайнике находилась большая золотая фиала со сценами терзания.

Погребения Солохи предлагают отождествлять с усыпальницами сыновей царя Ариапифа – Октамасада и Орика, последовательно царствовавшими в Скифии во второй половине V в. до н.э. Однако, на наш взгляд, трактовка впускного погребения в Солохе как царского, невзирая на необычайное богатство его инвентаря, не бесспорна.

В начале XX века на левом берегу Нижнего Днепра был раскопан еще ряд курганов скифской знати. Среди них **Мордвиновский** и **Второй Мордвиновский курганы**, которые имели катакомбы, повторяющие планировку подземных сооружений царских курганов Чертомлык и Козел – в виде косого креста с уходящими к северу дромосами-лазами. Вероятно, это были могилы одного правящего царского рода.

В 1914 году был исследован курган (высота насыпи составляла 11 м) близ поселка **Верхний Рогачик** нынешней Херсонской области. Боковая женская могила в этом кургане, в отличие от других, располагалась в северном секторе. Вслед за автором раскопок Н.И.Веселовским принято было считать женскую могилу центральной, а сложное сооружение с двумя камерами – боковой могилой. Реально женская могила не является центральной могилой. В Верхнем Рогачике ею было сооружение с двумя входами, ведущими в расположенную к востоку от центра камеру. В центре же кургана находилась входная яма, а не камера, как считалось прежде, поэтому в нее и вели грабительские мины – ситуация обычная для входных ям центральных могил. Вторая входная яма этого сооружения находилась в юго-восточном секторе кургана, ее местоположение и побудило автора раскопок называть могилу боковой. К центру от второй входной ямы шел пятнадцатиметровый дромос, который перпендикулярно входил в другой дромос (длиной 4,25 м), соединявший центральную входную яму и камеру.

Устройство кургана Верхний Рогачик было подобно конструктивным схемам подземелий, зафиксированных в соседних менее высоких курганах Рогачицкого поля.

Пятьдесят насыпей вокруг кургана Верхний Рогачик исследовали в 1976-77 и 1990 годах киевские археологи, проводившие работы в зонах мелиорации, они продолжали цикл охранных исследований, начатых А.М.Лесковым и А.И.Тереножкиным в середине шестидесятых годов. Одним из наиболее знаменитых среди открытых тогда курганов, была Гайманова Могила.

Гайманова Могила. Наряду с Чмыревой, Толстой, Лемешовой, Желтокаменской Могилами и Краснокутским курганом входит в один круг погребальных памятников высшей скифской знати.

Она находилась в 6 км к юго-западу от с.Балки Васильевского района Запорожской области. Насыпь высотой 8 м и диаметром 70 м была сложена из блоков дерна и окружена каменной крепидой (кладкой-наброской). Курган раскапывался в 1969-1970 годах экспедицией Института археологии АН Украины под руководством В.И.Бидзили. Под западной частью крепиды на уровне древней дневной поверхности открыты бронзовые детали погребального кортежа в виде

уздечных наборов и наверший, декорировавших погребальную повозку. Они увенчаны изображениями оленей, грифона и птиц.

Комплекс погребальных сооружений состоял из центральной и трех вспомогательных могил. Основные находки были обнаружены в Северной гробнице, имевшей две входных ямы. Здесь уцелела хозяйственная ниша, заполненная столовой и кухонной посудой скифской и греческой работы. Пять амфор с вином были доставлены сюда с греческих островов Пепарет и Фасос. Гарнитур из тонкой высококачественной бронзы, состоящий из ойнохои (кувшина для вина), ситулы (ведерка для смешивания вина с водой) и бронзового блюда, попал в Таврические степи из Македонии, что заставляет вспомнить об имевшем в то время место противостоянии этой державы и скифского объединения. Наибольшую ценность в комплексе Гайматовой Могилы представляют вещи из тайника Северной гробницы. В небольшое углубление в полу были сложены серебряные и золотые сосуды: два ритона, кувшин, кубок, чашечка. Но наиболее ценной вещью из тайника является чаша с изображением двух пар беседующих скифских вождей в богатом одеянии, с парадным вооружением. Изображенные на фризе чаши подробные детали одежды и оружия являются важным историческим источником.

Из находок в других катакомбах Гайматовой Могилы следует упомянуть фрагменты уникального костяного гребня, на одной из сторон ручки которого выгравировано изображение сфинкса, а на другой – сцена сражения скифов с фантастическим чудовищем. Гребень происходит из женского погребения в южной части кургана.

Весь комплекс Гайматовой Могилы следует относить примерно к середине 30-х годов IV века.

Последним из курганов элиты был раскопан в 1990 году Братолюбовский курган на Херсонщине. На нем прервалась цепь исследований больших курганов в XX столетии.

Братолюбовский курган высотой 7 м был раскопан под руководством А.И.Кубышева. Его комплекс состоит из центрального погребального сооружения с двумя входами, у каждого из которых находятся могилы коней, и тремя могилами сопровождающих лиц. Найденный в полу камеры центральной могилы тайник содержал подлинные шедевры древнего ювелирного искусства. Среди них были: золотой культовый ведеркоподобный предмет, покрытый сценами терзаний хищниками быка, коня, лани и оленя, золотая чаша, украшенная композицией в виде сегнерова колеса из шести конских голов, которая использовалась как крышка для ведеркоподобного предмета, золотая, плетенная из шести лент, гривна с частично сохранившимися подвесками-пальметками и плоскими наконечниками в виде конских голов. Четвертым предметом в тайнике был серебряный ритон с четырьмя золотыми накладками с изображением оленя, его окончание венчала золотая насадка в виде головы льва.

Выше мы рассмотрели ряд наиболее ярких погребальных комплексов центральной зоны Скифии, главную ось которой венчали Огуз на юге и Александрополь на севере Правобережья Нижнего Днепра. Иной центр – региональный, маркировали курганы, сосредоточенные в низовье реки Молочной в северо-западном Приазовье. Здесь исследованы Мелитопольский курган и расположенные в этом же районе курганы Шульговка, Тащенак и Кара-Тюбе.

Мелитопольский курган. Первый курган скифской элиты в Северном Причерноморье, раскопанный в советское время. К середине XX столетия город Мелитополь стал разрастаться от железнодорожной станции в сторону степи. Так на территории некоторых усадеб оказались частично разрушенные курганы. Владелец одной из них весной 1954 г. рыл яму для хозяйственных нужд и открыл длинное подземелье. В провале среди глины он заметил золотые пластинки. Об этом происшествии сообщили в городской музей. Предварительные раскопки показали, что золото древнее. Только на одном квадратном метре собрали более 200 золотых украшений. Чтобы определить характер подземелья, сотрудники музея прокопали его до глубины 5,5 метра. Стало очевидно, что, не имея опыта исследования глубоких скифских могил, трудно разобраться в ситуации под землей. Тогда они обратились за помощью к археологам Академии наук Украины.

Срочно организованную экспедицию возглавил киевский ученый А.И. Тереножкин. Приехав на курган, он установил, что провалился свод погребальной катакомбы, в которой, судя по обнаруженным вещам, захоронен знатный скиф. От кургана к этому времени осталось немного – большая часть насыпи была срыта и застроена. Но в центре сохранились ее остатки высотой 3 м., а также часть полы кургана, засаженная фруктовыми деревьями. Работы, начавшиеся в мае, продолжались три с половиной месяца.

Когда удалили остатки насыпи, под ними открылись две больших могилы: одна под северной полой кургана, другая – в центре. Рядом с центральной могилой находилось еще и захоронение двух коней. Центральное погребение оказалось полностью ограбленным. Но, в не замеченном грабителями тайнике, уцелели бронзовый боевой пояс и 50 золотых бляшек с вытесненными на них изображениями богини с зеркалом и стоящего перед ней скифа с ритоном в руке, и горит с 70 стрелами, украшенный золотой обкладкой с изображением сцен на мифологические сюжеты. Подобные золотые обкладки были найдены еще в трех курганах знати в разных районах Скифии – Чертомлыке (на Днепре), Ильинцах (на Буге) и Пятибратнем (в дельте Дона). В конской могиле были обнаружены захоронения двух взнузданных и оседланных коней. Украшения узды и седел были бронзовые.

Во второй, боковой, могиле похоронили женщину. Это погребение было также ограблено в древности. Но к моменту ограбления уже рухнул свод камеры, засыпав ее содержимое толстым слоем земли. Поэтому часть погребального инвентаря грабители не заметили, а это 3500 мелких золотых предметов – бляшек, бус, различных подвесок. Не потревожили и саму погребенную, одетую в парадные платье, головной убор и обувь, расшитые золотыми бляшками. Наряд дополняли богатые золотые украшения шеи, ушей, рук и ног. В дромосе – коридоре, соединявшем входную яму с погребальной камерой, на деревянном помосте лежал скелет рабыни. Рядом стояли 11 амфор и бронзовый котел, заполненный костями разрезанной на большие куски туши овцы. Во входной яме, на дне, лежали остатки погребального катафалка. Уцелевшие в обеих могилах вещи свидетельствуют о высоком ранге погребенных в них особ. Скорее всего, под курганом были похоронены скифский номарх и его жена или наложница.

Бердянский курган - усыпальница правителя Северного Приазовья, ушедшего из жизни примерно в 70-е гг. IV века до н.э. Находился на северо-восточной окраине города Бердянск, на краю правого высокого берега р.Берды. Раскапывался беспрерывно чуть более года (1977-1978) экспедицией Института

археологии АН Украины под руководством Н.Н.Чередниченко. Насыпь кургана высотой 8,4 м и диаметром 70 м была сложена из блоков дерна и обложена кусками гранита. Под курганом открыты три одновременные катакомбы – главная и две дополнительных. Все они ограблены в древности. Входные колодцы катакомб были заложены слоями камней и морской травы (камки).

В главной катакомбе глубиной 15 м находилось погребение мужчины в сопровождении двух слуг. Роскошную одежду хозяина украшали золотые пластинки. Часть погребального инвентаря развесили на железных крюках, вбитых в стены камеры. Погребение сопровождали 20 амфор, античные краснофигурные сосуды, деревянные чаши, меч с золотой рукояткой, копья, дротики, клевцы, пояса с подвешенными к ним колчанами, бронзовые поножи, железный панцирь, конская упряжь с золотыми украшениями.

Южная могила, находившаяся рядом с главной, имела хозяйственное назначение. В ней оставили запас пищи. В том числе, были обнаружены два бронзовых котла, в которых, кроме напутственного мяса, находились также железный киаф (черпак) и вилка.

В Восточной могиле была погребена знатная женщина, вероятно жрица. В потусторонний мир ее сопровождал юноша, возможно возничий. Остатки погребального кортежа в виде частей катафалка, упряжи и бронзовых наверший были обнаружены в погребении. Здесь же были найдены золотые украшения и оружие.

В заключение отметим, что материалы элитных погребений скифской знати демонстрируют основные, археологически фиксируемые, признаки существования у скифов раннеклассового общества и государства. Требовавшее очень значительных затрат труда сооружение всего курганного комплекса в целом и обширных, сложных по планировке и глубоких могил в частности, наличие в последних многочисленных, зачастую уникальных по своим художественным особенностям произведений древних ювелиров, богатые наборы оружия, бытовой утвари и т.д., сопровождающие захоронения различных по статусу категорий слуг, а также многочисленных коней – все это должно было подчеркнуть особое положение скифской знати, тот социальный разрыв, который реально существовал между скифской верхушкой и основной массой кочевых скотоводов.

Тема 6. Племена Восточноевропейской Лесостепи в скифскую эпоху

Начиная с VII в. до н.э. в Восточноевропейской Лесостепи – от бассейнов Верхнего и Среднего Днестра на западе до бассейна Среднего Дона на востоке – получают достаточно широкое распространение элементы вещевого комплекса той всаднической культуры, которая известна в науке под названием скифской. Это, в частности, разнообразное вооружение, детали конской упряжи, предметы, оформленные в традициях так называемого скифского звериного стиля, а также подкурганный обряд погребения с характерными чертами ритуала, свойственными миру евразийских номадов.

Как это ни парадоксально, но в эпоху скифской архаики (начало VII – первая половина VI вв. до н.э.) это культурное явление наиболее ярко проявилось не в Северопричерноморской Степи, где, следуя письменной традиции, должны

были обитать пришедшие из глубин Азии и вытеснившие киммерийцев скифы. Классическая, если так можно выразиться, раннескифская культура гораздо четче представлена в памятниках Лесостепи и, прежде всего, Среднего Поднепровья и Лесостепного Поднестровья.

Ряд специалистов (В.Ю.Мурзин и др.) объясняет это явление тем, что в данный период степные районы Северного Причерноморья были относительной периферией Скифии, военно-политический центр которой находился восточнее, на равнинах Северного Кавказа. Эта ситуация, которая сохранялась примерно до середины – второй половины VI в. до н.э., хорошо фиксируется средствами археологии. Мы имеем в виду концентрацию памятников высшей кочевой знати эпохи глубокой скифской архаики в равнинных районах Предкавказья и Прикубанья, особенно заметную на фоне малочисленных и относительно скромных по своим размерам и инвентарю раннескифских погребений в северопричерноморских степях.

Между тем, к западу и востоку от Среднего Днепра, в основном по течению крупных рек, которые в древности, как правило, были естественными границами расселения тех или иных племен, в ходе исследований в XIX – XX вв. были обнаружены и изучены многочисленные памятники скифского периода. В том числе около 2000 погребений, более 200 городищ и не менее 500 открытых поселений.

Большое количество поселений, в том числе укрепленных, свидетельствует о высокой плотности населения на территории Восточноевропейской Лесостепи и высокой степени его социальной консолидации. Городища и селища сооружались, как правило, с учетом особенностей рельефа местности, в местах удобных для обороны и ведения хозяйства. Чаще всего, это возвышенные участки плато, окруженные балками и ярами, берега больших и малых рек. Размеры городищ разные – от небольших (1 га и более) до таких, что имеют площадь в десятки, сотни и даже тысячи гектаров.

Следует отметить, что традиция сооружения укрепленных поселений в Лесостепной зоне уходит своими корнями еще в доскифскую эпоху. Примерно в IX в. до н.э. появляются городища у племен чернолесской культуры Правобережного Поднепровья, на пограничье со Степью. В это же время, или несколько позже, возводятся оборонительные сооружения в Среднем Поднестровье. С VIII в. до н.э. немногочисленные городища появляются на территории расселения племен бондарихинской культуры (Днепровское Лесостепное Левобережье). Большинство исследователей связывает строительство оборонительных сооружений с усилившейся агрессией степных племен, в частности – киммерийцев. Нужно подчеркнуть, что городища предскифского времени в Лесостепи, как правило, имели небольшие размеры и являлись скорее временными убежищами, в отличие от укрепленных поселений скифского периода, часто отличающихся весьма значительной площадью и мощной системой обороны.

Наиболее известными городищами на территории Правобережной Лесостепи являются: Трахтемировское городище (более 500 га) в бассейне р.Рось, Мотронинское (около 200 га) в бассейне р.Тясмин, Немировское (около 100 га) в бассейне р.Южный Буг. Самым крупным, но практически не изученным городищем скифского времени на Правобережье является Большое Ходосовское городище (более 2000 га) в Киевском Поднепровье. Ждёт своего исследователя и

огромное городище (площадь около 700 га) у с.Журжинцы в междуречье Роси и Гнилого Тикича.

На Левобережье к числу наиболее известных городищ относятся: в бассейне р.Ворскла Бельское городище (более 4000 га), отождествляемое некоторыми исследователями с городом Гелоном, о котором сообщает Геродот [**IV, *108-109***], и городище Полковая Никитовка (54 га), Басовское (87 га) в бассейне р.Сула и ряд других. В Левобережной Лесостепи, поблизости от г.Переяслав-Хмельницкий, расположено самое значительное по размерам (более 6000 га) и наиболее загадочное городище скифского времени – Каратульское.

Названные огромные, даже на фоне крупных городских центров древности и средневековья, городища – Большое Ходосовское, Бельское, Каратульское городища, несомненно, являлись важными политическими, экономическими и культовыми центрами населения обширных регионов Лесостепи.

Сооружение большинства городищ относится к VII-V вв. до н.э. Они имели прекрасно продуманную систему обороны в виде рвов, земляных валов, часто усиленных деревянными конструкциями. Остатки таких деревянных сооружений в системе обороны были открыты, в частности, на Трахтемировском, Пастырском, Шарповском городищах на Правобережье Днепра, Бельском (Рис.1), Люботинском и Кнышевском городищах на Левобережье, причем при исследовании валов у въездов на городища были зафиксированы остатки привратных башен, изготовленных с использованием деревянных конструкций. В ряде случаев дополнительно эскарпировались склоны холмов, на которых сооружались городища.

Сохранившиеся остатки оборонительных сооружений и поныне поражают грандиозностью и величием. Так, высота земляных валов на Бельском и Немировском городищах и сейчас достигает 8 - 9 м. Ширина вала иногда составляет 25-35 м (Бельское, Мотронинское городища). Глубина рва Мотронинского городища – до 7 м, ширина рва Восточного укрепления Бельского городища – 8,2 м. Несомненно, в древности названные оборонительные сооружения имели еще более впечатляющие размеры, что делало некоторые из городищ практически неприступными. На многих городищах есть внутренние укрепления – своеобразные акрополи. При раскопках поселений открыты остатки жилищ, хозяйственных и культовых сооружений, которые составляли жилищно-хозяйственные комплексы или усадьбы. Характер застройки проследить удается редко. Тем не менее, отдельные элементы планировки зафиксированы, например, на Трахтемировском городище и особенно – на Кнышевском, где имела место кольцевая система размещения усадеб.

Жилища, открытые на поселениях, различаются по типам: наземные каркасно-столбовой конструкции с глинобитными стенами и срубы, наиболее распространенные на Левобережье Днепровской Лесостепи, а также полуземлянки и землянки (Рис.2). Неодинаковы и размеры жилищ. В них встречаются остатки очагов или печей, земляные лежанки, хозяйственные сооружения. Остатки хозяйственных сооружений, часто в виде погребов и зерновых ям, нередко располагаются и рядом с жилищами. Почти на всех городищах Лесостепи найдены следы железоделательного и бронзолитейного производств, а на некоторых из них – остатки производственных сооружений (например, на Шарповском и Бельском городищах).

Для проведения религиозных обрядов жители городищ сооружали специальные жертвенники, в том числе из глины, нередко украшая их спиральным орнаментом. Подобные алтари найдены на Трахтемировском, Пастырском, Мотронинском городищах (Рис.3). На многих поселениях располагаются зольные холмы различных размеров, так называемые «зольники», вероятно связанные с культом домашнего очага.

В процессе раскопок городищ и селищ выявлены многочисленные находки, которые характеризуют различные стороны жизни древнего населения Лесостепи: посуда местного изготовления и импортная греческая, орудия труда, украшения, вооружение, предметы культа и иные категории вещей (Рис.4).

Население Лесостепи скифского времени хоронило своих покойников в курганах и в грунтовых могильниках. Последние, не имеющие внешних признаков, как правило, обнаруживаются случайно, в основном при строительных работах. Число известных специалистам грунтовых могильников пока невелико. Наиболее известные среди них: Пироговский в Киевском Поднепровье, у с.Грищенцы в Поросье, Светловодский и у с.Заломы на пограничье Правобережной Лесостепи и Степи. Курганные могильники расположены на возвышенностях и, зачастую, достаточно удалены от поселений. Количество курганов в могильниках различно – от нескольких насыпей до десятков и даже сотен.

В Лесостепном Днепровском Правобережье во второй половине XIX в. были раскопаны некрополи, которые насчитывали до 100 (около с.Берестняги в бассейне р.Рось) и даже до 400 (возле с.Чубовка в бассейне р.Тясмин) курганов. На сегодняшний день крупный курганный могильник, в котором насчитывается более 400 насыпей, сохранился в лесистой местности вблизи с.Староселье в бассейне р.Тясмин.

Не менее значительные могильники известны и в Лесостепном Левобережье, например, в бассейне р.Сула, где отдельные курганные группы состоят из более чем 100 насыпей, на р.Северский Донец (Люботинский могильник – около 450 насыпей, могильник у с.Большая Гомольша – более 700 насыпей). Наиболее грандиозным курганным могильником скифского времени на территории всей Восточноевропейской Лесостепи, из сохранившихся доныне, является могильник Скоробор возле Бельского городища, который включает в себя более 1000 насыпей.

Курганы скифского времени в Лесостепи имеют разные размеры. В Лесостепном Правобережье их максимальная высота 10-11 м. Наиболее крупными курганами в этом районе являются курган Перепятиха (11 м) и курганы у сел Глеваха и Иванковичи (более 10 м) на Киевщине (Рис.5).

В Левобережной Лесостепи самые высокие курганы сосредоточены в бассейне р.Сула. Некоторые из них достигали высоты 20 м и более при диаметре свыше 50-60 м (например, Старшая Могила у с.Аксютинцы, курган возле хутора Шумейко вблизи с.Волковцы).

По своим масштабам насыпи указанных курганов ни в чем не уступают величественным курганам скифской элиты IV в. до н.э. в степной части Северного Причерноморья.

Насыпи большей части курганов сооружались из грунта, иногда использовался камень. Некоторые из них имеют весьма сложную конструкцию,

являясь поистине архитектурными сооружениями (например, курган Перепятиха). Часто вокруг курганов делали концентрические рвы и валы.

Умерших хоронили под насыпями на уровне древней поверхности или в ямах. Последние различны по устройству и размерам. Наряду с небольшими ямами, перекрытыми деревянным накатом, встречаются достаточно обширные могильные ямы с облицованными деревянными плахами или срубами стенами и деревянным настилом на полу. Зафиксированы также сооружения в виде «шатров» из бревен или жердей. Практиковались два обряда погребения: ингумация и кремация. Доминировал обряд ингумации.

В погребениях обнаружена всевозможная посуда (керамическая, деревянная, металлическая), оружие, украшения, предметы туалета, культа, орудия труда, а также напутственная пища (главным образом, мясная) и питье (нередко вино в греческих амфорах).

Захоронения воинов иногда сопровождались погребениями боевых взнузданных коней или конским снаряжением, украшенным в традициях звериного стиля, которое символизировало конские захоронения (например, знаменитые воинские курганы V в. до н.э. возле с.Журовка в бассейне Тясмина, Стеблёвский могильник в Поросье).

После завершения захоронения устраивали поминальную тризну, следы которой в виде скоплений обломков винных амфор, костей животных, некоторых предметов-подношений, кострищ нередко фиксируется возле могилы, в насыпи или во рву рядом с курганом.

Размеры погребальных сооружений, количество и ассортимент вещей, которые помещали в могилу, соответствовали прижизненному имущественному и социальному статусу покойников.

Общество Лесостепи скифского периода в социальном плане было достаточно дифференцировано. На фоне скромных по размеру и инвентарю могил рядового населения резко выделяются величественные курганы воинов-дружинников, знати, племенных вождей-«царей», в которых встречается большое количество оружия, конского снаряжения, украшений, многие из которых выполнены из драгоценных металлов (золота, серебра), Нередко они сопровождаются погребениями слуг или зависимых особ. Такие, например, Посульские курганы в Левобережной Лесостепи, курганы Перепятиха, у сел Глеваха и Иванковичи, Большой Рыжановский – на Правобережье Среднего Днепра (Рис.6).

Основу хозяйства лесостепных племен составляли пашенное земледелие и скотоводство, причем на некоторых территориях (например, в бассейне р.Тясмин на Правобережье) последнее являлось доминирующей отраслью хозяйства. Культивировались просо посевное, ячмень пленчатый, пшеница мягкая, пшеница пленчатая или полба-двузернянка, овес, рожь. Выращивались также бобовые – горох, фасоль и другие культуры. Просо, по-видимому, было преобладающей культурой в Лесостепи. Наряду с полеводством практиковалось садоводство и собирательство. Следы садоводства были зафиксированы, в частности, на ряде поселений в бассейнах рек Ворсклы и Северского Донца.

В состав стада животных входили крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинья. В процентном соотношении преобладал крупный рогатый скот, который по количеству особей на различных территориях занимал первое или второе место. В целом, соотношение численности тех видов домашних животных,

которые выращивались в различных районах Лесостепи, не было одинаковым. Это, вероятно, обусловлено как природными условиями, так и местными традициями. В определенной степени были развиты охота и рыболовство. Имели место различные промыслы, в частности изготовление глиняной посуды, прядение и ткачество, обработка шкур, кожи, кости, рога, камня, дерева. Лесостепь Восточной Европы была одним из важнейших центров обработки черного и цветных металлов. На высоком уровне было развито бронзолитейное производство, следы которого встречаются практически на всех лесостепных поселениях.

Широкое распространение основных элементов скифской культуры на территории Восточноевропейской Лесостепи едва ли может быть объяснено лишь скифским культурным влиянием. Этот феномен становится понятен лишь в том случае, если допустить факт непосредственного проникновения в лесостепной регион носителей скифской всаднической культуры – степных номадов, более того, обитания их на указанных землях. Эта концепция восходит к известным идеям М.И.Ростовцева, получившим в 60-90-х гг. XX в. дальнейшее развитие в трудах украинских ученых.

Скифов, как и предшествующих им киммерийцев, также проникших в Лесостепь в конце VIII в. до н.э., этот регион привлекал своим высоким экономическим потенциалом: развитым земледелием, наличием центров железоделательного и бронзолитейного производства, возможностью контроля над торговыми коммуникациями, соединявшими оседлые районы Лесостепи с окружающим миром.

Таким образом, освоение лесостепной территории открывало для скифов заманчивые перспективы отчуждения прибавочного продукта у местного населения без рискованных походов в более далекие страны.

Продвижение кочевников в Лесостепь носило неравномерный характер и в отдельных регионах лесостепной области Восточной Европы имело свои особенности.

Ныне на археологических материалах выделяются три основные волны или три этапа продвижения кочевников-скифов в Лесостепь.

Кочевники первой волны (начало VII в. до н.э.), пришедшие на Юг Восточной Европы из глубин Азии, вначале освоили лишь южную часть Правобережной Лесостепи, прежде всего бассейн Тясмина и, в определенной степени, Поросье. Очевидно, они входили в состав крупного объединения, которое в степной зоне Северного Причерноморья столкнулось с киммерийцами. Затем оно разделилось на две части, одна из которых ушла в степные и предгорные районы Северного Кавказа, где было создано политическое объединение скифов, известное по ассирийским письменным источникам как «страна Ишкуза» или «Ашкуза», а вторая продвинулась в Лесостепь. В количественном отношении она уступала, судя по всему, местному оседлому населению (основное ядро которого, очевидно, составляли праславяне – носители позднечернолесской культуры). Но, вместе с тем, номады явно превосходили последнее по силе за счет четкой военно-иерархической организации. Несомненно, в состав нового кочевого объединения вошли также обитавшие здесь с более раннего времени группы родственных скифам по образу жизни киммерийцев. О характере взаимоотношений пришельцев первой волны и населения южной части Правобережной Лесостепи судить сложно. По-видимому,

они, прежде всего, сводились к сбору дани с оседлого населения. Номады-иранцы, особенно в первой половине VII в. до н.э., и местные племена были, очевидно, достаточно изолированы друг от друга в социально-политическом и культурном отношении. Погребения с кочевническими чертами этого времени выполнены по обряду ингумации, как правило, они одиночные, мужские, воинские.

Скифы в это время стремятся расширить сферу своего влияния в Лесостепи, эпизодически проникают в Среднее Поднестровье и на Левобережье Днепра, в бассейн р.Ворскла. Со второй половины VII в. до н.э., несомненно, можно говорить об усилении связей с местными племенами. Свидетельство тому – парные мужские и женские, а также коллективные погребения, в которых фиксируются кочевнические черты.

Это время, т.е. вторую половину VII в. до н.э., следует рассматривать как начальную фазу формирования некоего единства, которое в более поздний период приобрело черты политического объединения.

Важнейшим рубежом в истории населения скифской эпохи для большей части Восточноевропейской Лесостепи, а также ряда территорий Восточной и Средней Европы явились бурные события третьей четверти VII – рубежа VII-VI вв. до н.э. Они были связаны с завершением скифской экспансии на территории, простирающиеся к югу от Главного Кавказского хребта. Как отмечалось во вводной лекции, это привело к оттоку значительных групп кочевых скифов из равнинных районов Северного Кавказа, утративших свое былое стратегическое значение, на другие территории. В Восточной Европе это было Среднее Поднепровье, в частности бассейн р.Сула и ряд иных районов, в Средней Европе – бассейн р.Муреш в румынской Трансильвании. Очередное проникновение кочевников в лесостепные области в самом конце VII – начале VI вв. до н.э. следует рассматривать в качестве второй волны продвижения в данный регион ираноязычных носителей скифской культуры. По всей видимости, пришедшие в Среднее Поднепровье кочевники не представляли собой единой и монолитной этнокультурной общности, чем и объясняются различия в деталях погребального обряда, отмеченные в захоронениях этого периода на указанной территории.

Кочевники второй волны принесли в Лесостепь военно-всадническую культуру, окрашенную переднеазиатско-кавказским колоритом, а также сложившуюся общественную структуру. Обогащенные опытом многолетней борьбы с передовыми в военном отношении державами Закавказья и Передней Азии (в первую очередь – Урарту и Ассирией), они заняли господствующее положение во многих районах Лесостепи – от пограничья со Степью на юге, до Полесья на севере. Об этом свидетельствует появление здесь в данное время значительного количества погребений с элементами характерного для скифов погребального обряда.

В результате, на территории Днепровского Лесостепного Правобережья оформилось скотоводческо-земледельческое военно-политическое объединение пришлых скифов-иранцев и автохтонного населения. Ведущую роль в нем стала играть скифская военно-кочевая знать. Ее выдающиеся представители – вожди, похоронены в курганах конца VII - начала VI вв. до н.э. на Киевщине – у сс. Глеваха, Иванковичи и Марьяновка (курган Перепятиха).

В это время кочевники продолжают осваивать и более западные районы Лесостепи, в частности – Поднестровье.

По мнению некоторых исследователей, весьма сходная картина имела место в междуречье Днепра и Дона. Продвинувшиеся сюда с территории Северного Кавказа номады-иранцы также покорили местные оседлые племена. Пришельцы и прежде всего кочевая аристократия, несомненно, продолжительное время сохраняли свой традиционный образ жизни, не разрушая коренным образом и уклада земледельческого общества.

Взаимодействие двух групп населения, пришлого и местного, в этот период протекало значительно активнее, чем в период первой волны. В это время появляются даже единичные захоронения, в которых обряд кремации с последующим захоронением праха кремированных в сосудах-урнах (местная погребальная традиция) сочетается с рядом деталей, характерных для собственно скифских захоронений. Вероятно, такие погребения оставлены автохтонным населением, испытавшим мощное культурное воздействие со стороны скифов.

Как полагают некоторые авторы, в течение VI в. до н.э. в Приднепровской Лесостепи начинается и постепенно набирает силу процесс сложения единой этнической общности – при преобладании кочевого элемента, с характерной для нее синкретической материальной культурой.

В конце VI в. до н.э. наблюдается дальнейшее распространение в пределах Восточноевропейской Лесостепи племен Лесостепного Поднепровья, ядро которых составляли потомки номадов-иранцев второй волны, в частности, в Лесостепном Подонье. Их верхушка составила на Среднем Дону властвующую элиту. В указанном регионе, как и в остальных лесостепных землях, возникло некое вынужденное социально-экономическое единство двух различных экономических укладов – степного полукочевого и лесостепного оседло-земледельческого. Формы экономической эксплуатации военно-аристократической элитой зависимого оседлого населения могли быть различными: регулярная дань (продукты земледелия, ремесла, металлообработки), различные формы «кормления», «дары», контроль над торговыми операциями населения Лесостепи с античным миром, возможные трудовые повинности, например, при строительстве погребальных сооружений аристократии и т.п.

Вместе с тем, номады, пришедшие в Лесостепь, а также их потомки составляли, по-видимому, костяк местных дружин и несли основное бремя защиты от вторжения степняков. Показательны в этом плане курганные захоронения V в. до н.э. прекрасно вооруженных конных воинов, сконцентрированные на самом пограничье Правобережной Лесостепи и Степи, например, у сел Грушевка, Журовка, в которых, вероятно, следует видеть дружинников – потомков скифов-иранцев второй волны.

События конца VI в. до н.э., вызванные с одной стороны перемещением с территории Северного Кавказа основного ядра скифских племен в степное Северное Причерноморье, с другой – продвижением в указанный регион какой-то части номадов с более восточных территорий Евразии, привели к дальнейшей консолидации общества Лесостепи. В этот период в украинской Лесостепи, особенно на юге, в районах, расположенных поблизости со Степью, наблюдается строительство оборонительных сооружений на поселениях. В бассейне р.Ворскла возникает грандиозная крепость – Бельское городище, охватывающее своими оборонительными конструкциями существующие ранее укрепления. Несомненно, это была реакция населения Лесостепи на возрастающую угрозу, которая шла из степного ареала.

Дальнейшая история взаимоотношений населения Правобережного и Левобережного Лесостепного Поднепровья с кочевым югом проходила, по нашему мнению, различными путями.

V-IV вв. до н.э. на большей части Днепровского Левобережья, за исключением, пожалуй, лишь террасовой Лесостепи – время безусловного расцвета и подъема социально-экономической жизни. В эту пору возникает много новых поселений, имеет место прогресс всех отраслей хозяйства, развиваются ремесла, усложняется технология и повышается качество изделий. Процветает торговля, наблюдается рост количества импортных изделий, свидетельствующих об оживлении связей с греческими центрами. Нет никаких свидетельств социально-экономического регресса и на поселениях этого периода на Среднем Дону.

Совершенно иная картина наблюдается в Лесостепном Днепровском Правобережье. С начала V в. до н.э. начинается постепенно нарастающее давление степняков на южные лесостепные районы. С этого времени можно говорить о третьей волне вторжений степняков в Лесостепь, идущей из Северопричерноморской Степи, волне, значительно растянувшейся во времени. В первой половине V в. до н.э. степная экспансия, очевидно, реализовывалась главным образом в виде более или менее продолжительных набегов. Вероятно, следами таких грабительских походов являются впускные погребения мужчин-воинов, зафиксированные в различных районах Правобережья (например, в курганах вблизи с.Яснозорье в Поросье). Однако в это же время некоторые районы Правобережья уже находились под полным контролем кочевников-степняков. Подтверждение тому – Стеблёвский могильник в Поросье. Все скифские погребения здесь основные, что свидетельствует о прочном военно-политическом положении номадов в этом районе. Возможно, в начале дружины местного населения, костяком которых были воинственные потомки иранцев-номадов второй волны, сдерживали натиск северопричерноморских степняков. Ситуация существенно изменилась со второй половины V в. до н.э. Степная агрессия стала нарастать. Прекращает существование ряд городищ, иные приходят в упадок (например, Трахтемировское, Мотронинское, Пастырское, Шарповское). Сократилось и количество неукрепленных селищ. На оставшихся следы жизнедеятельности незначительны. Жизнь продолжается, в основном, на небольших (8-9 га и менее) городищах. Скифы-кочевники уже контролируют всю значительную часть территории Лесостепного Правобережья вплоть до бассейна р.Рось. Свидетельство тому – выявленные здесь погребения (около 40) в типичных степных могилах-катакомбах.

Усиление степной агрессии, очевидно, в значительной степени было связано с резким увеличением количества населения в Северопричерноморской Степи и, соответственно, поголовья скота, для выпаса которого пастбищных ресурсов Степи было уже недостаточно. В такой кризисной ситуации, когда Степь с ее ресурсами уже не могла прокормить все население, часть кочевников вынуждена была перейти к оседлости и занятиям земледелием. Одновременно с этим, степняки стремятся расширить свои пастбищные угодья, захватывая те территории Лесостепи, которые были удобны для выпаса скота.

Этот процесс имел более широкий характер, охватывая не только Днепровское Правобережье, но и, очевидно, террасовую Лесостепь, протянувшуюся узкой полосой вдоль левого берега Днепра, где известны

достаточно многочисленные погребения скифов-кочевников в катакомбах степного типа.

Вероятно, с IV в. до н.э. можно говорить о прямом вхождении южной части Правобережной Лесостепи в состав Северопричерноморской Скифии в качестве одного из периферийных ее районов.

В конце IV – начале III вв. до н.э. наблюдается общий упадок экономики населения большинства Лесостепных территорий Восточной Европы. Разумеется, определенную роль в этом сыграло нарушение традиционной системы ведения хозяйства автохтонного населения в связи с захватом степными кочевниками ряда территорий под пастбища, а также чрезмерная эксплуатация местного населения номадами, но в большей степени – те события, которые привели к гибели Северопричерноморской Скифии.

Как правило, в их числе называют:

1) вторжение сарматских племен с востока, из-за Дона;
2) резкое изменение природно-климатических условий, оказавшее разрушительное воздействие на экономику населения Северного Причерноморья, губительное для Скифии;
3) хозяйственный кризис, постигший Скифию в конце IV – начале III вв. до н.э.;
4) опустошительные рейды в Северное Причерноморье из районов Карпато-Подунавья военных отрядов кельтов или галатов, упоминавшихся в ольвийском декрете в честь Протогена;
5) так называемый управленческий кризис в Скифии, истоки которого таились в самом военно-политическом устройстве скифской кочевой орды;
6) неблагоприятное сочетание многих факторов, прежде всего экономического и политического характера.

Среди упомянутых выше гипотез весьма убедительной является версия об отрицательной роли сарматского фактора в конечной судьбе Скифии. В этой связи вполне резонным представляется мнение некоторых исследователей, полагающих, что разгром Скифии осуществлялся в ходе серии опустошительных набегов или масштабной военной акции, а не путем массового переселения сарматов, которое состоялось позже – в середине и второй половине II в. до н.э., и хорошо документируется погребальными памятниками.

Похоже, в сферу сарматской агрессии попали и некоторые районы Восточноевропейской Лесостепи. Так, последствиями сарматского набега объясняют некоторые исследователи гибель на рубеже IV – III вв. до н.э. Коломакского городища в бассейне р.Ворскла (там обнаружены сгоревшие постройки, останки убитых обитателей). С этими же событиями соотносятся массовые захоронения погибших (?) жителей на Семилукском городище на Верхнем Дону, следы пожаров и разрушений на Кнышевском городище в верховьях р.Псел и некоторых иных поселениях скифского времени Днепровского Лесостепного Левобережья.

Ситуация на Правобережье Лесостепного Поднепровья была несколько иной. Сарматы стали совершать эпизодические набеги на эту территорию в более позднее время, лишь с конца II – I вв. до н.э., что привело к интенсивному строительству оборонительных сооружений автохтонными племенами

зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье. Массовая же миграция сарматов в область Правобережья Среднего Приднепровья состоялась на рубеже новой эры.

Как бы то ни было, население скифской поры, в том числе этнические скифы, обитавшие в южной части Днепровского Лесостепного Правобережья, избежали трагической участи скифов степной зоны Северного Причерноморья. По-видимому, здесь скифская всадническая культура не исчезла столь стремительно, как в степном регионе, а продолжала еще какое-то время бытовать, медленно затухая, возможно, вплоть до конца III в. до н.э. Этот тезис вполне подкрепляется материалами из захоронений скифской аристократии в Большом Рыжановском кургане (южная часть украинской Правобережной Лесостепи), относящемуся к концу первой – второй четверти III в. до н.э.

Вероятно, остатки лесостепных племен позднескифской культуры приняли участие в формировании новой этнокультурной общности – населения среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры, что нашло отражение в материальной культуре и погребальном обряде «зарубинцев».

Тема 7. Военное дело скифов

> *«У скифского племени одно самое значительное из всех человеческих дел устроено самым мудрым образом сравнительно со всем, что нам известно…Самое же значительное их достижение состоит в том, что никто из тех, кто вторгся к ним, не может спастись бегством, а если они пожелают, чтобы их не обнаружили, захватить их невозможно: ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения скота; жилища у них на повозках. Как же им не быть непобедимыми и недоступными для нападения?»* [**Геродот, IV, *46***].

Начиная с момента выхода скифов на арену мировой истории, они выступают как мощное военное объединение, которое принимало самое активное участие в наиболее важных исторических событиях той поры, происходивших на огромных пространствах от Северного Причерноморья Передней и Малой Азии.

На стороне Ассирии скифы принимали участие в ее борьбе с восставшими мидийцами. Когда мидийцы осадили столицу Ассирии - Ниневию, ассирийцам помогло *«...огромное войско скифов, которых вел царь скифов Мадий»* **[Геродот, I, *103***]. Затем *«...мидийцы, вступив со скифами в бой и потерпев поражение в битве, лишились власти, а скифы завладели всей Азией»* [**Геродот, I, *104***], «*и пошли на Египет. Когда они достигли Палестины, Псамметих, царь Египта, встретив их дарами и мольбами, убедил далее не продвигаться»* [**Геродот, I, *105***]. Фараон побоялся открытого боя со скифами. Они вернулись на территорию Мидии и Ассирии.

Восточные походы не прошли для скифов бесследно. Участвуя в бурных событиях и войнах, проходивших на Ближнем Востоке в VII в. до н.э., постоянно меняя союзников, скифы обогатились знаниями тактики и стратегии, которые

применяли армии великих переднеазиатских государств. Они научились воевать с разными противниками, получили бесценный военный опыт, пополнили состав своего вооружения образцами, стоящими на уровне лучших достижений военной техники той эпохи.

Во время великих походов на Древний Восток, в «героический период» их истории, у скифов стал складываться характерный комплекс вооружения. Их знакомство с образцами оружия, распространенного в Ассирии, Мидии, Урарту, Вавилонии и других государствах, вместе с которыми или против которых они сражались, дало мощный импульс развитию военного дела скифов в целом и, прежде всего, их защитного оружия. До переднеазиатских походов скифы, как впрочем, и остальные народы Великого пояса евразийских степей той поры, такого оружия не знали. На Востоке скифы познакомились с оригинальной системой приготовления панцирей. Их кожаная основа покрывалась набором из металлических (обычно, железных) пластин сравнительно небольших размеров, которые образовывали покрытие наподобие рыбьей чешуи. Крепились пластины на основе и между собой с помощью кожаных шнурков или жил. Продуманная система набора позволяла в любой точке доспеха так располагать пластины, что они составляли 2-3 слоя (Рис.1,*1*). Такой панцирь был достаточно удобен. Он не очень стеснял движения воина, позволяя ему управлять конем, стрелять из лука, сражаться мечом, копьем, боевым топором (Рис.2).

Панцири скифов были очень разнообразны. Многие из них индивидуальны. Обычно металлическим набором покрывалась лишь часть доспеха, защищавшая грудь и живот воина. Были и образцы со сплошным металлическим покрытием различного покроя. Со временем все больше и больше стал распространяться ближний бой, в котором всадники рубились длинными мечами. Основной их удар обычно приходился на плечи, что требовало дополнительного усиления защиты плечей. Поэтому, наряду с панцирями в виде безрукавок или рубах с рукавами разной длины, начали применять доспехи с оплечьями. Здесь пластины лежали в 3-4 слоя (Рис. 2,*5*).

Большое внимание уделялось украшению панцирей. Бронзовые пластины набора полировались, в состав железного набора панциря включались расположенные в определенном порядке бронзовые пластинки. В нескольких панцирях часть железного набора была покрыта тонким слоем золота. Украшались панцири бронзовыми или золотыми деталями, выполненными в скифском зверином стиле.

Характерными для скифов были боевые пояса. Пояс был непременной принадлежностью скифа-воина. На поясе скифы носили практически весь набор оружия и снаряжения – меч, кинжал, горит (футляр, в котором помещался лук и стрелы), точильный камень, боевой топор, нагайку, чашу (Рис.2,*4*).

Помимо этой, очень важной функции, скифские боевые пояса выполняли еще одну – защитную. Для этого поперек кожаной основы был нашит набор из узких металлических пластин. Обычно такие пояса удачно дополняли панцири. Особую немногочисленную группу образуют широкие пояса с металлическим набором из нескольких рядов (Рис.2, *3*). Парадные пояса включали в систему набора бронзовые бляхи, золотые украшения (Рис.2, *4,5*).

Голову скифских воинов надежно защищал шлем (Рис. 3, *6*). В VII - VI вв. до н.э. использовались массивные литые бронзовые шлемы «кубанского» типа, прикрывавшие верхнюю часть головы (Рис.3, *1*). Для защиты затылка и щек на

кожаную подкладку шлема нашивали набор, аналогичный панцирному. Шлемы этого типа обычно находят на территории Северного Кавказа. Отсюда и его название. Лишь несколько лет тому назад подобный шлем был найден неподалеку от Чигирина.

С V в. до н.э. обычная скифская шапка-башлык, очень хорошо известная по изображениям скифов в греческой торевтике и вазовой живописи, получает железное покрытие, весьма близкое по характеру панцирному. Она становится надежным и удобным средством защиты головы воина от оружия противника. У этих наборных шлемов в обязательном порядке присутствуют все элементы, присущие лучшим защитным головным уборам древности – шлемам греческих типов – назатыльники и нащечники (Рис.2,*2,5*). Производить их было намного легче, чем цельнокованые греческие шлемы, изготовление которых достигало предела технических возможностей эпохи.

Начиная с V в. до н.э. на территории Скифии используются шлемы разнообразных античных типов, которые изготовлялись оружейниками Средиземноморья. Их обычно делят на несколько типов, названных по регионам Греции, в которых такие шлемы традиционно производились. Сначала это были шлемы коринфского, иллирийского, халкидского типов. В IV в. до н.э. воины Великой Скифии используют аттические и южногреческие. Это были легкие, выкованные из золотистой полированной бронзы шлемы, которые блестели как золото (Рис.3,*1-3,6*).

Античными шлемами дорожили. В случае повреждения они подвергались переделке. Отрезали нижнюю разбитую часть – нащечники, назатыльники, наносники, компенсируя их утрату металлическим набором, аналогичным набору панцирей.

Значительное внимание оружейники Скифии уделяли разработке средств защиты ног воинов. Их обычно делали, используя привычные приемы изготовления панцирей. Сейчас выделяется несколько типов ножных доспехов – наборные наголенники-поножи, набедренники, штаны с панцирным набором спереди и на боках. Набор из металлических (обычно, железных) пластин на внутренней поверхности ног и сзади отсутствовал, он делал невозможным езду на коне (Рис. 2, *5*).

С V в. до н.э. в скифских воинских погребениях иногда встречаются греческие поножи – кнемиды. Они выкованы из золотистого бронзового листа и напоминают голенища сапог с разрезом сзади. Легкие и красивые, они рельефно подчеркивали развитую мускулатуру голени, колен и надежно защищали от травм ноги.

Следует отметить, что образцы греческого защитного вооружения, попадавшие к скифам, использовались воинами Великой Скифии не так, как это делали сами греки. Если в Элладе шлемы и поножи (кнемиды) были обычным вооружением тяжеловооруженных пехотинцев – гоплитов, сражавшихся в плотном строю малоподвижной фаланги, то в Скифии они были только у тяжеловооруженных всадников. Воины Скифии, исходя из своих нужд, иногда модернизировали греческое вооружение. Они отрезали у поврежденных экземпляров шлемов назатыльники, нащечники и наносники, заменяя их кожаными деталями с привычным панцирным набором. У поножей вырезали с внутренней стороны голени часть доспеха, подшивали тут кожу или войлок;

чтобы облегчить управление конями с помощью ног («шенкелями»), отрезали наколенники.

Надежным средством защиты воина был щит. Основная масса щитов, как это было обычно у кочевников, изготовлялась из дерева, прутьев и кожи, и поэтому не сохранилась. Известна лишь их разнообразная форма, воспроизведенная на многих предметах торевтики, найденных в скифских курганах – гребень и горит из кургана Солоха, сосуды из скифских царских курганов Куль-Оба и Гайманова Могила и др. (Рис.3, *6*; 4, *1,2*).

Многочисленна группа щитов с панцирным покрытием. К ним относится круглый щит из Келермесса. Форма большинства щитов с панцирным покрытием обычно не восстанавливается ввиду разрушения большинства находок во время ограбления могил. При исследовании серии скифских погребений были обнаружены остатки щитов с металлическим покрытием. Сплошным металлическим листом был усилен щит из Костромского кургана VII в. до н.э., украшенный знаменитой золотой пластиной в виде оленя. Как и олень из Костромского кургана, массивная золотая львица, украшавшая келермесский щит, относится к шедеврам торевтики эпохи скифской архаики (Рис.3 и 5).

Раскопки последних десятилетий позволили выделить группу щитов с панцирным покрытием, абсолютно аналогичных по всем параметрам щиту бобовидной формы, изображенному на золотом гребне из скифского царского кургана Солоха (Рис.3, *6*). Эти щиты надежно крепились к панцирю всадника на спине и предплечьях, оставляя свободными руки воина для управления конем и действия оружием. Поворотом плеча и руки воин мог менять положение щита, прикрывая ту или иную часть своего корпуса от ударов противника. Находки щитов этого типа, сохранившихся достаточно полно (Ново-Розановка, Красный Подол, Гладковщина и др.) убедительно продемонстрировали надежность такого источника как памятники торевтики, почти с фотографической точностью воспроизводящих предметы вооружения.

Удачная конструкция щитов типа изображенного на гребне из Солохи, была проверена временем. Аналогичная схема применения доспехов подобного рода использовалась самураями средневековой Японии, воинами арктического Севера.

Щиты с панцирным покрытием состояли на вооружении конных воинов-дружинников. Основная масса воинов Скифии была вооружена легкими щитами из кожи, дерева и прутьев.

Защиту имел не только сам воин, но и его боевой конь. Помимо кожаных или войлочных деталей, которые в той или иной мере защищали коня, использовались и усиленные металлом элементы защиты. Для предохранения головы коня еще со времени скифской архаики применялись бронзовые литые или кованые налобные пластины. Для защиты корпуса делали попоны и нагрудники, иногда усиленные металлическим панцирным набором.

Необходимо отметить, что более или менее полный набор защитного доспеха встречается лишь в очень немногих погребениях (Рис.1, *6*). При этом следует учитывать то печальное обстоятельство, что большинство таких наборов находилось в погребениях знати, которые разрушались грабителями в первую очередь. Поэтому далеко не всегда возможно не только установить тип доспеха, но даже его вид. Зачастую в документации о раскопках отмечается лишь факт находки частей металлического набора. Однако относительная немногочисленность находок тяжелого защитного вооружения в погребениях

отражает в определенной мере реальную ситуацию. Конечно, защитное вооружение имели не все воины Скифии, а лишь небольшая их часть. Тем не менее, бесспорным является факт, что на территории юга Восточной Европы защитного оружия в погребальных комплексах обнаружено больше, чем в погребениях, оставленных населением, жившим здесь около двух следующих тысяч лет. А после скифов на просторах современной Украины обитали такие воинственные народы, как сарматы, готы, гунны, аланы, авары, половцы, печенеги и другие.

Среди скифских погребений Северного Причерноморья с достаточно полным набором защитного и наступательного вооружения в первую очередь, пожалуй, следует вспомнить не ограбленное захоронение в кургане у с.Гладковщина на Черкащине. Вместе с воином-дружинником в могилу положили чешуйчатый панцирь, дополнительные детали к нему, шлем, ножные доспехи, щит, пару копий, лук с несколькими десятками стрел (Рис.1, *6*; 2, *2*).

При раскопках этого погребения для сохранения защитного оружия его взяли отдельными блоками. При реставрационных работах впервые удалось воочию представить себе огромный труд, который затрачивался оружейниками Скифии при изготовлении полного набора защитного доспеха. На изготовление набора защитного оружия понадобилось 3233 железных пластины различной формы и размеров (сам панцирь – 775, дополнения к нему – 905, шлем – 775, щит – 778).

Стало возможным определить общий вес всего набора вооружения. С учетом использовавшейся в качестве основы кожи (6 м^2), железа, дерева и бронзы он достигал 25 кг. Носить и использовать его мог только всадник.

В погребениях скифской поры хорошо представлено наступательное оружие. Основным оружием поражения у скифов были лук и стрелы (Рис. 4, *3*).

Совершенно справедливо Геродот, описывая Скифию, отмечал, что это страна «*...где каждый конный стрелок»* **[IV, *46*]**, что подтверждается данными археологических раскопок. Наконечники стрел являются самым массовым материалом, который происходит из погребений. Они в обязательном порядке присутствуют почти во всех мужских, многих женских и части детских погребений.

Небольшой (60-70 см) скифский сложный лук изготовлялся из различных пород дерева, кости, сухожилий. В силу каких-то (по-видимому, идеологических) представлений, скифы лук в могилу не помещали. Из почти 3 тысяч скифских погребений происходят лишь 3 лука, которые дают представление об их размерах и форме. На количество погребений в Лесостепной части Украины (до 2 тысяч), известна всего одна реальная находка лука. Это не дает возможности установить его конструкцию. Представление о форме луков скифского типа можно получить на основании их изображений на предметах торевтики и на каменных изваяниях. Форма скифского лука напоминает несколько растянутую греческую букву “сигма” с асимметричными плечами, перехватом в средней части, где лук берут руками. Концы лука слегка отогнуты наружу. Писатель раннего средневековья Аммиан Марцеллин [**Истории, XXII, *8-10***] писал: *«В то время, как луки всех народов сгибаются из гнущихся древков, луки скифские... выгнутые с обеих сторон широкими и глубокими внутрь рогами, имеют вид луны во время ущерба, а середину их разделяет прямой и круглый брусок».* В другом месте своего труда

он сравнивает форму скифского лука с очертаниями северного побережья Черного моря.

В скифских погребениях иногда сохраняются древки стрел длиной от 45 до 84 см, изготовленные из дерева различных пород. Наконечники скифских стрел отливались из бронзы, реже ковались из железа, иногда вырезались из кости или дерева. В составе набора наконечников стрел их количество непостоянно и колеблется в пределах от нескольких штук до 200 и более. Нередко в могиле количество наборов было большим, чем один. В Пятибратнем кургане найдено 16 комплектов наконечников, а общая численность их превышает тысячу.

Античная литературная традиция считала скифов лучшими лучниками мира. Скифы одинаково хорошо стреляли двумя руками, будучи пешими и конными. Наконечники их стрел обладали большой убойной силой. При раскопках иногда находят кости погибших, в которых стрелы застряли на значительную глубину.

Стрела, выпущенная из скифского лука, летела на большое расстояние. В Ольвии была найдена каменная плита, сообщавшая о выстреле из лука (бесспорно, скифского типа) на расстояние, которое превышает 520 м. По подсчетам специалистов по баллистике, стрела из лука могла пролетать до 500 м. Урартский царь Аргишти (начало VII в. до н.э.) выстрелил из лука на 476 м. На площади Стрел в Стамбуле, где проводились соревнования лучников, высечена запись XVIII в. о выстреле из лука на 878,5 м. В «Книге рекордов Гиннесса» зарегистрирован рекорд 1978 г., когда стрела, выпущенная из ручного лука, пролетела 1126,2 м. Таким образом, почти 25 веков и создание новых композитных материалов понадобилось для того, чтобы вдвое увеличить дальность рекордного выстрела Анаксагора, сына Димагора (так звали человека, чей рекорд зафиксирован на каменной стеле из Ольвии).

Обязательным предметом воинского снаряжения, характерным только для Скифии, был горит – футляр, в котором одновременно помещались и лук и стрелы. Гориты часто воспроизводили на предметах торевтики и на скифских стелах.

Гориты изготовлялись из дерева, обтягивались плотной тканью, кожей или мехом. Большое внимание уделялось украшению горитов. Их расписывали красками, расшивали аппликацией, золотыми бляшками. Выделяется серия парадных горитов, происходящих из курганов высшей скифской знати. И не только скифской. В «гробнице Филиппа Македонского» среди вооружения великого царя – отца Александра Македонского, находился горит, покрытый золотой пластиной с изображением сцены штурма города. Этот горит, скорее всего, попал к Филиппу как дипломатический дар во время переговоров со скифами или как трофей. Точно такой же горит, но украшенный серебряной пластиной, происходит из кургана конца IV в. до н.э. на Северном Кавказе. Парадные гориты скифов изготовляли сериями по одной матрице. В курганах Скифии найдены 4 одинаковых парадных горита «Чертомлыкской» серии. (Рис.4, *5*).

Эффективным метательным оружием была праща.

Заметное место в составе скифского комплекса оружия занимали копья и метательные дротики (Рис.1, *10*). Численность их в исследованных скифских погребениях приближается к тысяче. Обычно длина их колеблется в пределах 2 м. Лишь отдельные экземпляры имеют длину более 3 м. Короткие копья

использовались для ближнего боя и для метания. Метали и дротики. Длинные копья применяли лишь в конном бою как пику.

В погребениях на территории Скифии известно около 300 мечей и кинжалов. Как правило, они двулезвийные (Рис.1, *9*). Лишь немногие (чуть более 10 экземпляров) – однолезвийные. На протяжении всего существования этого оружия меняется и в целом, и в отдельных элементах, форма навершия и перекрестия. На этой основе построена хронология развития скифских мечей и кинжалов. Обычно длина скифского меча колеблется в пределах 50-60 см. Немало мечей имеет большую длину, а длина отдельных образцов достигает 1 м. Мечи позволяли эффективно сражаться во всех видах конного и пешего боя.

Их носили в ножнах из дерева, обтянутого кожей, и украшенных кожаной аппликацией, золотыми пластинками. Ножны парадных мечей покрывались золотыми накладками, которые были украшены штампованными изображениями зверей, сценами терзания (Рис.5). Изготовлению мечей оружейники Скифии уделяли особое внимание. На их производство шел лучший металл, иногда ненамного уступавший требованиям, предъявляемым к современному оружию.

В Скифии найдено около 100 боевых топоров различных типов. Намного реже применялось ударное оружие – булавы, боевые молотки. Известен один шестопер.

Скифское вооружение по праву считалось одним из наиболее совершенных для своей эпохи. Скифы создали комплекс оружия, не претерпевший сколько-нибудь заметных изменений и дополнений вплоть до изобретения огнестрельного боя. За всю последующую историю развития оружия, вплоть до развитого средневековья, состав вооружения воинов Евразии дополнили только сабля и кольчуга.

Большинство оружия делали сами скифские оружейники. Большая часть металла, производимого в Северном Причерноморье, шла на изготовление оружия и конской сбруи. Это касается не только железа и бронзы, но и золота. Новейшие технические достижения (впрочем, так это было всегда в истории человечества) прежде всего реализовались в процессе производства оружия. Для скифской знати и по скифским образцам, лучшие греческие мастера, работавшие в мастерских северопричерноморских городов, также делали парадное оружие, богато украшенное золотом. Парадные мечи, гориты, панцири, боевые пояса поступали в руки скифских владык. После смерти их владельцев, они попадали вместе с хозяевами в курганы и сквозь тысячелетия дошли до наших дней, украсив лучшие музеи мира.

Превосходное скифское оружие оказало большое влияние на развитие вооружения соседних народов. Греки, проживавшие в колониях на берегах Черного моря, полностью восприняли весь основной набор скифского оружия. В целом скифское оружие получило распространение у многих народов Евразии, зачастую удаленных от Скифии на многие тысячи километров.

Вся жизнь скифов, организация их общества были подчинены войне. Разделение Скифии на три царства, традиционно возводимое к легендарному Колаксаю, по-видимому, сохранялось и в последующее время. В войне скифов с персами принимали участие войска скифов и их союзников, разделенные на три части – «войска», во главе с тремя царями под общим главенством одного. Это деление не было вызвано военной необходимостью. Более того, с самого начала войны произошло объединение двух из трех войск. Очевидно, деление войска на

три части соответствовало делению Скифии на три части, каждая из которых выставляла по одному крупному воинскому формированию. Административными и воинскими единицами были «округа» и «номы» скифов, о которых сообщал Геродот.

По сообщению Геродота, скифское войско состояло из конных и пеших воинов. По-видимому, соотношение конницы и пехоты в составе войска менялось со временем и в значительной мере определялось особенностью ведения боевых действий и их масштабом. В переднеазиатских походах принимали участие исключительно конные воины.

Обычно каждый скиф был воином. Воинами были и скифские женщины. В войне с персами принимало участие все население Скифии, способное сражаться. На протяжении всей истории скифов конница играла главную роль, численно и качественно преобладая над пехотой. Даже на финальном этапе скифской истории в одной из битв соотношение скифской пехоты и конницы составляло 1:2. Такого не знала военная история древности. В армии Александра Македонского, у которого конница получила наибольшее развитие в античном мире, соотношение пехоты и конницы обычно не было большим, чем 6:1.

Основной ударной силой скифских войск была тяжеловооруженная дружинная конница. Она знала определенный строй, была в достаточной мере дисциплинирована, безукоризненно владела конем и оружием.

О войнах, которые скифы вели на всем протяжении их истории, практически ничего не известно. Лишь в самых общих чертах можно представить, как скифы воевали во время своих переднеазиатских походов. В основном они выступали не как самостоятельная военная сила, а в качестве союзников тех или иных держав Востока. В этом случае они, по-видимому, воевали так же, как и их союзники, осваивая те или иные приемы ведения боевых действий, которые были выработаны в этом регионе.

Единственным примером ведения скифами войны с сильным противником была война с персидским царем Дарием, происходившая на территории южных районов Скифии в летние месяцы одного из годов между 515 и 512 до н.э. Основные события скифо-персидской войны известны из довольно обстоятельного рассказа Геродота и некоторых других античных авторов. К сожалению, в рассказе Геродота остается много неясного, противоречивого. Не со всем, что писал «Отец истории», можно согласиться.

По-видимому, причиной вторжения Дария в степи Северного Причерноморья было стремление обезопасить северные границы державы от повторения опустошительных набегов воинственных северных кочевников – скифов и савроматов, происходивших в VII в. до н.э. Это приобретало особую важность в конце VI в. до н.э., когда Дарий готовился к войне за подчинение Греции персам.

Для вторжения в Скифию Дарий I – владыка мощного государства с 50-миллионным населением, собрал большие силы. По сообщению Геродота, силы персов достигали 700 тыс. сухопутных войск и флота в 600 судов. Ктесий Книдский приводит данные о численности войск Дария в 800 тыс. Эти цифры явно нереальны. Подобных войск не знала история вплоть до нового времени. Для авторов древности (и не только древности) было правилом непомерно преувеличивать силы сторон, участвовавших в вооруженных конфликтах. Но сам

факт многократного превосходства персов над скифами, численность которых тоже неизвестна, не вызывает сомнения.

План ведения войны, принятый персами, по-видимому, сводился к следующему: после переправы через Боспор, закрепиться во Фракии, вторгнуться в Скифию, разгромить в открытом бою скифов и через Кавказ вернуться в пределы империи. После переправы через мост на Дунае, в план были внесены коррективы. Предусматривалась возможность возвращения в Персию тем же путем, которым проникли в Скифию. Был определен контрольный срок продолжительности похода (60 дней) и возврата к мосту в случае возможных осложнений.

Скифский план ведения войны заключался в том, что *«...они, отдав себе отчет в том, что они одни не в состоянии отразить войско Дария в открытом бою, стали посылать гонцов к соседям»* **[Геродот, IV, *102*]** с предложением о совместном отпоре врагу. Но попытка создания «антиперсидской коалиции» из племен, населявших Северное Причерноморье, удалась лишь частично – согласилась выступить против Дария лишь часть соседей. Это вынудило скифов внести в план существенные коррективы. Было решено *«...ни в коем случае не давать открытого сражения, поскольку эти союзники к ним не присоединились, но постепенно отходя и угоняя скот, засыпать колодцы и источники, мимо которых они (*персы. *– автор) будут проходить, истребляя растительность на земле»* **[Геродот, IV, *120*].** Войска скифов и их союзников были разделены на две части. Одна (наиболее мобильная) отступала перед персами, оторвавшись на один дневной переход, истребляла растительность в полосе наступления персов, угоняла скот, засыпала и отравляла источники воды. Вторая (основные силы скифов) – нависала над персами с севера, не давая возможности тем войти в не пострадавшие от войны районы. Скифы собирались постоянными налетами тревожить и изматывать врага (Рис.6, *1*).

Свой план скифы претворяли в жизнь неукоснительно. Применение «стратегии измора» позволяло скифам, не неся потерь в открытых боях с сильным противником, изматывать его и наносить большой физический и психологический урон.

Подсчет темпа продвижения войск персов, использование примеров из истории войн древности и средневековья, в которых участвовали большие массы конных и пеших войск, позволили прийти к выводу, что, при максимальном напряжении сил, персы в отведенные Дарием на поход сроки в 60 дней могли дойти лишь до Приазовья, в район нынешнего Бердянска. Оттуда они повернули к Дунаю.

План ведения войны с превосходящими силами противника был успешно выполнен. Их стратегия, названная в последующем военными историками «непрямыми действиями», принесла скифам успех. Не приняв открытого боя, сохранив силы, скифы одержали победу, заставив персов с позором бежать.

О других войнах скифов имеются лишь отрывочные сведения.

На протяжении всей своей истории скифы стремились к продвижению на запад. Они осуществляли походы в Среднюю Европу и к IV в. до н.э. приступили к освоению земель на правом берегу Дуная. Здесь они столкнулись с войсками отца Александра Македонского – Филиппа II – выдающегося государственного и военного деятеля, претендовавшего на эти же территории. Скифами, принимавшими участие в скифо-македонском конфликте, правил 90-летний царь

Атей (Рис.4, *4*). Битва произошла в 339 г. до н.э. Скифы столкнулись с могучей македонской фалангой – строем тяжеловооруженных пехотинцев, реорганизацию которой незадолго до войны удачно провел Филипп. Сильная конница Филиппа помещалась на флангах. В то время, как отборные отряды тяжеловооруженных всадников Атея, скорее всего, «по скифскому обычаю» находившиеся в центре боевого порядка, вели бой с фалангой, удар македонской кавалерии по флангам и тылу скифов мог решить исход сражения. Скифы потерпели поражение, царь Атей погиб, македонцы захватили много скота и пленных.

Однако поражение скифов не сказалось катастрофически на судьбах Скифии. В определенной мере скифы взяли реванш, разгромив уже в 331 г. до н.э. войско полководца Александра Македонского – Зопириона, вторгшегося в Скифию. Та же судьба постигла в 310 г. до н.э. другого полководца Александра Великого – Лизимаха.

Достаточно подробное описание одной из битв, в которой принимали участие скифы, оставил писатель I в. до н.э. Диодор Сицилийский. После смерти царя Боспора – Перисада, началась борьба за престол между его сыновьями. На стороне законного наследника – Сатира, выступили его скифские союзники – 10 тысяч всадников и 20 тысяч пеших воинов. Кроме того, в армии Сатира было 4 тысячи наемников (по 2 тысячи греков и фракийцев). Претендента поддержало одно из кубанских племен – фатеи, выставившие 20 тысяч пехоты и 22 тысячи конников. Битва произошла на одном из притоков Кубани – р.Фат, в 310/9 г. до н.э.

В центре боевого порядка Сатира находилась тяжеловооруженная скифская конница – «отборные воины», на правом фланге – наемники, на левом – скифская пехота. Аналогичным образом выстроилось и войско претендента на престол. Важной особенностью боевого порядка скифов было наличие в их тылу боевого лагеря – опорного пункта, окруженного возами. С целью обезопасить себя от удара в тыл, скифы перешли реку.

Исключительная важность описания хода битвы, приведенного Диодором, заключается в том, что Сатир – царь Боспора *«...построил войско и сам по скифскому обычаю стал в центре строя»*. Ко времени битвы при Фате боевой порядок – «строй» скифов, о котором достаточно неопределенно писал Геродот в рассказе о скифо-персидской войне, уже превратился в «обычай». Скифы выработали определенные тактические построения, успешно их опробовали в минувших битвах.

Началась битва встречным боем (*«произошло упорное сражение»*), который не принес успеха ни одной из сторон. Затем тяжеловооруженные конники скифов, находившиеся в центре, при поддержке основной массы конницы разгромили противостоящую им конницу противника (Рис.6, *1*) и, нанеся ей значительный урон, обратили в бегство и начали преследование, *«убивая всех попавшихся на пути»*.

В это время бой на правом фланге, где находились наемники (греки и фракийцы) для Сатира складывался неудачно. Наемники обратились в бегство.

И тут скифская конница совершает маневр, который казался абсолютно нереальным. Командовавший ею царь Боспора, воевавший «по скифскому обычаю», прекратил преследование и поспешил на помощь побежденным наемникам, нанеся противнику удар в тыл. Судьба битвы была решена.

Находившаяся в распоряжении Сатира скифская конница оказалась на высоте положения. Тот ответственный маневр, который они совершили, требовал непререкаемого авторитета военачальника, высокого мастерства каждого воина, высокой дисциплины. Скифские конники сумели не только прорвать боевой строй противника, но и начать его преследование. Намного сложнее было прекратить преследование деморализованного противника, восстановить свои боевые порядки, кардинально изменить направление удара, направив его в тыл части войск противника, которая успешно выполняла свою задачу. Подобный сложнейший маневр могли провести очень и очень немногие войска не только древности, но и средневековья, и даже нового времени.

Велик вклад скифов в развитие военного дела Евразии. У скифов первых среди народов континента конница стала действительно основным видом войск, численно преобладавшим над пехотой, а во время переднеазиатских походов – единственной силой. В Скифии впервые в степях появляется тяжеловооруженная конница. Термин «катафрактарий» – тяжеловооруженный воин, который в древности обычно применялся по отношению к коннице парфян и сарматов, в гораздо большей мере подходит к скифам. У скифской конницы полностью присутствуют все те признаки, которые характерны для конницы катафрактариев – наличие защитного доспеха у воина и, возможно, коня, длинных копий и длинных рубящих мечей, использование определенного боевого порядка, прежде всего, сомкнутого строя.

Скифы первыми (насколько об этом позволяют судить источники) в истории войн успешно применили стратегическое отступление с целью коренного изменения соотношения сил в свою пользу. Они первыми пошли на разделение войска на две взаимодействующие части с четкой постановкой отдельных задач перед каждой из них. В своей боевой практике они удачно применяли способ ведения активных действий, названный античными авторами «малой войной». Скифы продемонстрировали умение вести активные боевые действия на различных по характеру театрах военных действий (в условиях гор и предгорий на Востоке и равнин – в Северном Причерноморье). Они удачно провели военную кампанию на обширном театре военных действий, приведшую к изгнанию измотанных войск противника (война с Дарием), были способны победить в открытом бою значительные силы врага (разгром Зопириона и Лизимаха, битва при Фате). Не случайно в античной традиции за ними закрепилась слава и право «*...быть непобедимыми и недоступными»* [**Геродот, IV, *46***].

Тема 8. Экономика и быт степных скифов

Сложность изучения экономики древнего населения состоит в том, что опирается оно, в основном, на археологический материал. Его всестороннее осмысление в рамках поставленной задачи подразумевает использование не только традиционных историко-археологических методов анализа, но и возможностей смежных наук – этнографии, экономической географии, палеоэкологии и др. В полной мере сказанное выше относится и к реконструкции экономики и быта степных скифов.

Как известно, наиболее массовым источником для изучения скифской культуры являются погребальные памятники. На сегодняшний день в Степи исследовано более 4000 скифских погребений. Однако, привлекая эти материалы,

необходимо помнить о специфичности такого рода памятников, которая предопределяется их сакральным характером. Кроме того, следует учитывать, что большинство из них были ограблены в древности или средневековье, а датировка их иногда затруднена.

В конце V – IV вв. до н.э. Нижнем Поднепровье возникают первые памятники оседлости. Это городища Каменское, Капуловское, Совутинское. Пространство между городищами было заполнено небольшими поселениями и селищами, крайне редко – стойбищами. Городища, поселения, селища и стойбища Нижнего Поднепровья, насчитывающие на сегодняшний день 106 пунктов, формировали массив первичной оседлости в Приднепровье.

Приступая к изучению экономики степных скифов, необходимо подчеркнуть, что продуктивность их экстенсивного хозяйства, как и у других кочевников, во многом определялась состоянием и качеством пастбищных и водных ресурсов.

Применительно к истории древних обществ понятие экономика впервые применил С.Н. Бибиков. Сейчас принято разделять понятия «хозяйство» (совокупность отношений в обществе, возникающих в процессе производства, род занятий того или иного человеческого сообщества) и «экономика» – совокупность отношений, возникающих в процессе производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ изучаемого общества. Поэтому изучение экономики скифов сводится к реконструкциям:

- фазы производства, в том числе основных отраслей экономики степных скифов (скотоводства, земледелия); видов производства (обработки продуктов скотоводства, деревообработки, обработки камня, прядения и ткачества и т.п.) и промыслов (охоты, рыболовства, бортничества и др.); региональных особенностей развития палеоэкономики и ее зависимости от палеоэкологического районирования;
- фазы потребления путем изучения главных компонентов быта степных скифов: жилища, пищи, утвари;
- фазы распределения, т. е. торговых отношений, их роли в экономике Северного Причерноморья.

Ведущей отраслью аграрной экономики Степной Скифии было скотоводство, которое развивалось в кочевой и полукочевой формах. Основным источником для характеристики кочевого скотоводства у скифов в VI – середине V вв. до н.э. является «История» Геродота. Содержащиеся в ней сведения часто подтверждаются материалами немногочисленных погребений этого времени. Кочевые скифы преимущественно разводили лошадей и овец, в меньшей степени – крупный рогатый скот. Отсутствуют данные о содержании ими поголовья свиней и ослов. Перекочевки были длительными, а местами зимовок кочевников, по нашему мнению, были так называемые «поды» и «блюдца», расположенные, как правило, в открытой степи.

В конце V – начале IV вв. до н.э. в степной зоне Северного Причерноморья происходят вполне закономерные для любого степного кочевнического объединения изменения. В результате ограниченности пастбищных территорий и экстенсивного, чрезмерного их использования, ухудшается состояние пастбищ – развивается пастбищная дигрессия. Часть скифов переходит к полукочевому способу ведения скотоводства. Местом обитания скифов-полукочевников на рубеже V – IV вв. до н.э. становится Приднепровье – территория, обладающая

природными ресурсами, пригодными для ведения как скотоводства, так и земледелия.

Соответственно меняется и состав их стада. В нем на первое место выдвигается крупный рогатый скот (от 43,2 до 55,4%), но уменьшается количество лошадей (23% - 34%) и еще в большей степени – овец (17,6 %). Вместе с тем, начинает практиковаться разведение свиней (от 2 до 4,7% стада, характерного для обитателей Каменского городища и поселения Лысая Гора). Это весьма симптоматично, поскольку эти домашние животные не приспособлены к длительным переходам, неизбежным в условиях кочевого быта.

Кроме палеозоологических материалов из скифских памятников IV в. до н.э., для характеристики основных пород домашнего скота определенные возможности открывают также изображения животных на металлических изделиях. Изображения коров с телятами, овец, лошадей и коз на пекторалях из Толстой Могилы и Большой Близницы позволяют обратить внимание на некоторые особенности экстерьера домашних животных и сделать вывод о мясо-рабочем направлении продуктивности крупного рогатого скота степной зоны.

Об экстерьере степных лошадей можно судить по изображениям лошади с жеребенком на пекторали из Толстой Могилы, боевым лошадям с гребня из Солохи, и из сцен, запечатленных на фризе Чертомлыкской амфоры. Это невысокие, сильные лошади «сухой» конституции.

Экстерьер овец можно представить по изображениям на изделиях из Толстой Могилы, Большой Близницы, Гайматовой Могилы. Запечатленные на них овцы отличаются руном улучшенного качества, однородностью шерсти, некоторой изнеженностью и близки к современной цигайской породе. О качестве получаемой овечьей шерсти можно судить по результатам анализа шерстяных тканей из Чертомлыка, проведенных Б.А.Шрамко. Образец бурой ткани сделан из волокон неоднородной шерсти, в которой, кроме тонких основных волокон, встречаются более толстые. Такая шерсть соответствует современной цигайской. Второй (красная ткань полотняного переплетения) имеет пряжу, состоящую из волокон тонкой шерсти, соответствующей современной мериносовой.

В соответствии с изменениями в составе стада изменяются маршруты сезонных перекочевок. В первую очередь изменяется их направленность – от водораздела к пойме, сокращается протяженность маршрутов. По-видимому, припойменные пастбища закрепляются за определенными родами. Как известно по этнографическим материалам, пастбища зимовок захватываются обычно наиболее могущественными родами, которые создают там поселения и селят на них обедневших сородичей. Этим и объясняется локализация в Поднепровье наиболее богатых курганных могильников и сравнительно бедных памятников оседлости.

Как складывались отношения между оседлыми скифами и их кочевыми сородичами, можно судить по этнографическим параллелям. В местах зимовок, во время окота разбивались небольшие посевы. Отгон скота двумя-тремя пастухами в это время происходил на небольшие расстояния. Пока молодняк подрастал, «земледельцы» успевали провести посевные работы. После чего основное стадо перекочевывало на летние пастбища. При этом складывались самые разнообразные имущественные отношения производственных партнеров. Скотовод мог передать «земледельцу» скот во временное пользование для доставки урожая, а также разнообразные продукты животноводства (шерсть, сыр). Последний «опла-

чивал» эти услуги и товары, передавая скотоводу часть урожая в виде соломы, зерна, храня лишний скарб кочевника (институт «торгового друга»). Сбыт скота производился весной и осенью у скотопрогонных трасс и на сезонных торжищах.

Таким образом, археологические материалы позволяют говорить о том, что в степной зоне Северного Причерноморья в конце V – IV вв. до н.э. скотоводство существовало в двух формах – кочевой и полукочевой.

Новым явлением в экономическом развитии Степной Скифии в IV в. до н.э. становится земледельческая отрасль экономики. Природные ресурсы припойменных районов Днепра допускают существование здесь земледелия в примитивной форме. Возникая в степи в скотоводческой среде, земледелие степной зоны заметно отличается от земледелия племен Лесостепи. Не последней, а может быть первой, причиной его возникновения стали потребности скотоводческой отрасли, которые постоянно возрастали и уже не могли быть удовлетворены за счет скотоводства. Происходит переход части населения к круглогодичной оседлости и выращиванию культурных растений. Материалы приднепровских памятников оседлости (отпечатки зерен на лепной посуде, результаты промывки культурного слоя Каменского городища и поселения Лысая Гора, промывки заполнения зерновых ям на некоторых селищах в Поднепровье) свидетельствуют о культивировании здесь, в основном, фуражных злаковых растений – пленчатого ячменя и проса. Найденные на поселениях и в некоторых курганах орудия по обработке земли (мотыги с железными наконечниками, костяные лопаточки), сбору урожая (серпы из Каменского городища и некоторых погребений), обработке зерна (зернотерки) позволяют восстановить практически весь процесс выращивания, сбора и обработки культурных растений.

Для земледелия, развивавшегося в припойменной части Приднепровья, характерны: переложная система землепользования, бесплужная обработка земли, преобладание среди культурных растений засухоустойчивых видов. Следует заметить также, что система земледелия Степной Скифии не связана по происхождению ни с земледельческой системой Лесостепной зоны Северного Причерноморья, ни с земледелием обитателей античных поселений. Не связана она и с земледелием населения поздней бронзы, отделенной от скифского периода значительным хронологическим отрезком.

Археологический материал IV в. до н.э. свидетельствует о независимом от внешних факторов формировании земледельческого компонента в Степной Скифии. Его возникновение в экономике региона обусловлено не в последнюю очередь внутренними потребностями развития скотоводства, когда кормовые ресурсы данной территории перестают обеспечивать сбалансированное развитие соответствующей отрасли экономики. Это явление подтверждено археологическими материалами поселения Лысая Гора и других памятников оседлости Нижнего Поднепровья.

Преобладание в составе сельскохозяйственных культур кормовых - пленчатого ячменя и проса, а также оценка объемов запасов зерна, свидетельствуют о том, что выращиваемые в Степном Поднепровье злаки могли удовлетворить лишь внутренние – пищевые и кормовые – потребности в зерне.

Сопоставление результатов исследования земледелия Степной и Лесостепной зон позволяет усомниться в существовании торговли хлебом между скифским населением и населением античных центров. К аргументам А.Н.Щеглова, высказанным им по этому поводу, добавим следующие:

- не экспортный состав выращиваемых в Скифии зерновых культур. В частности, основная зерновая культура в раннем железном веке в Северном Причерноморье – пленчатый ячмень был очень дешев на рынках Греции. Согласно Плинию, пленчатый ячмень шел на корм скоту и на лепешки рабам;
- невозможность (вплоть до второй половины XIX в., когда были построены железные дороги до черноморских портов) организации сколь-нибудь масштабного транспорта зерна в античные центры;
- отсутствие потребности в привозном из Лесостепи хлебе у населения северопричерноморских античных центров, в частности, Ольвии, хоры которых обеспечивали все потребности в зерне.[3]

Особое значение для выработки представлений об уровне и соотношении ремесла и домашних занятий у населения Степной Скифии имеют материалы Каменского городища из раскопок Б.Н. Гракова, П.Д.Либерова, Н.А. Гаврилюк. Набор изделий и орудий труда из производственных комплексов городища, был сопоставлен с материалами других памятников оседлости и инвентарем синхронных им погребений. Результаты такого сравнения позволили согласиться с Б.Н. Граковым в том, что Каменское городище было ремесленным центром степных кочевников, а их ремесленное производство отличалось теми же особенностями, что и в других кочевых обществах. В частности, обращает на себя внимание факт кратковременного существования производственных комплексов (два-три поколения) и, вследствие этого, ограниченная преемственность передачи по наследству умения и навыков ремесленного производства; отсутствие строгих разделения труда и пространственного размещения мастерских. Однако в том, что некоторые виды изделий произведены вне рамок домашнего производства (скифские ножи, шилья с костяными ручками; некоторые виды вооружения) не приходится сомневаться.

Более низкий уровень развития ремесла Степной Скифии по сравнению, например, с Лесостепью, обусловлен рядом причин. В первую очередь тем, что

[3] В этой связи считаем, как Ответственные редакторы, необходимым заметить следующее. У подавляющего большинства специалистов сам факт экспорта зерна из Скифии никогда не вызывал особых сомнений. Но речь, естественно, идет о зерне, выращенном в Лесостепных ее районах местным земледельческим населением, а не о продукции собственно скифских племен степной зоны. Соответствует такому пониманию ситуации и упоминание Геродота [**IV, *17***] о скифах-пахарях, (которых исследователи уверенно отождествляют с населением Среднего Поднепровья), сеявших хлеб не для собственного употребления, а на продажу. Безусловно, это следует воспринимать как подтверждение того, что объемы экспортных поставок зерновых значительно превышали объемы их собственного потребления. Возможно, здесь также отражены различия в видовом составе зернового экспорта (преимущественно пшеница) и злаковых, возделываемых для внутренних нужд (просо, ячмень, мягкие сорта пшеницы, рожь, бобовые и др.). Несмотря на отсутствие железных дорог, которое мы с прискорбием вынуждены признать, экспорт зерна мог, как и позднее, осуществляться по традиционным сухопутным и речным коммуникациям. Среди последних особое значение имели Южный Буг и Днепр. При движении вниз по течению, Днепровские пороги не были непреодолимым препятствием для небольших деревянных судов. Об этом свидетельствует вся практика Днепровского судоходства вплоть до начала XX в. Основными потребителями «скифского» хлеба были не греки Северного Причерноморья, а население античных центров Малой Азии и Материковой Греции. На это прямо указывал Демосфен в речи против Липтина [**Демосфен, XX, *32***], упоминая об огромном хлебном потоке (более 16 тысяч тонн ежегодно), что шел через Боспор в Афины. Безусловно, наибольшую выгоду от сложившейся ситуации получала скифская кочевая верхушка, контролировавшая не только основные пути транзитной торговли, но и подчинившая своей власти значительную часть населения Лесостепи (*В.Ю.Мурзин, Г.Н.Тощев*).

среда, в которой осуществлялись производство, сбыт и использование продукции, являлась полукочевой средой**.** К важным причинам относится «молодость» ремесленного производства на Каменском городище: традиция ремесленного производства на нем прослеживается в течение не более трех поколений, что может обеспечить невысокий уровень преемственности занятий ремеслом, сохранения, накопления и развития навыков «рудознатцев, литейщиков и кузнецов Каменского городища », как их называл Б.Н. Граков.

Анализ находок в скифских памятниках показывает, что основная масса продукции «непищевой сферы производства» Скифии производилась в рамках домашнего производства. О характере и уровне развития любого домашнего производства весьма верное и общее представление можно получить, рассматривая инструментальную базу. Некоторое представление о применяемых скифами инструментах дают археологические находки. Среди них ножи, оселки, проколки, гвозди и стержни, веретена, иголки, пряслица, зернотерки, терочники. Погребения, содержавшие инструменты, относительно немногочисленны, а набор инструментов приблизительно одинаков как в материалах поселений, так и курганов. На поселениях лишь чаще встречаются орудия труда, связанные с обработкой скотоводческого сырья и деревообработкой.

Как известно, наибольшее значение для кочевых и полукочевых народов имеет переработка продуктов скотоводства (обработка кости, рога, кожи, изготовление войлока, веревок, ремней), которая базируется на практически безотходном использовании сырья. Скотоводство могло обеспечить кочевника почти всем необходимым для существования – пищей, одеждой, обувью, конским снаряжением, многими орудиями труда. Излишки производства, если они появлялись, шли на обмен.

Прекрасным материалом для изучения этого вида домашнего производства стала «мастерская» из раскопа 13 Каменского городища, возникшая на рубеже V – IV вв. до н.э. В результате изучения обработки костяных изделий из памятников оседлости и погребальных, мы приходим к заключению, что среди находок выделяются две группы изделий из кости и рога. Первую составляют изделия скифских мастеров (ручки орудий труда, некоторые виды оружия, орудия по обработке земли, инструменты кожевенного производства), вторую – привозные, чаще всего греческие изделия (наборные веретена, стрелы, изготовленные с применением токарного станка, ручки ножей из рога). Удалось реконструировать технологию обработки кости степными скифами в целом и выделить основные приемы косторезного производства – раскалывание кости, резание и сострагивание, пиление, шлифовка и сверление. В технологическом процессе отмечается использование специализированных инструментов (скальпелеподобный резец, лучковое коническое сверло) и приспособлений, хотя в целом набор орудий невелик – нож, топоры различных размеров, пилы, отбойники, абразивы, подставка, прокладки, оправки.

Уровень квалификации косторезов Степной Скифии можно определить как профессиональный, что подтверждается особой их уверенностью в работе с костью, выражающейся хорошей соразмеренностью силы и направленности ударов при раскалывании и огранке. В продукции мастерской из раскопа 13 чувствуется своеобразная небрежность, свидетельствующая не о недостатке опыта, а, скорее всего, о производстве, поставленном «на поток», когда каждое изделие стремятся сделать как можно быстрее.

Мастерскую по обработке кости и рога Каменского городища можно сравнить с аналогичной мастерской на Бельском городище, исследованной В.Е.Радзиевской и Б.А.Шрамко. Мастерские подобны: по организации производства; по ассортименту изделий, хотя в мастерской из Бельска он более разнообразен (встречаются костяные и роговые псалии, чаши из человеческих черепов); по технологическим операциям (обезжиривание костного сырья, рубка топором, распиловка, строгание ножом, заглаживание мокрым песком, сверление); по составу используемых орудий труда (ножи, долота, топоры, стамески и шилья и т.д.). Однако они отличаются размерами и большим количеством находок на Бельском городище; технологическим уровнем (мастера Бельска владели более сложными приемами обработки материала, в том числе нанесением циркульного орнамента); оснащенностью инструментом (набор инструментов мастерской Бельского городища включал найденные в ней детали лучкового сверла, мелкозубчатую, специально предназначенную для продольной распиловки кости, пилу); уровнем специализации (в мастерской на Бельском городище производились только ножи, а мастерская Каменского городища занималась еще и обработкой кожи, кузнечным делом). Продукция мастерской на Бельском городище отличается более высокими потребительскими качествами, поэтому она нашла распространение практически во всей Скифии – Степной и Лесостепной.

Обработке кости и рога почти всегда сопутствовала обработка кожи и наоборот. Кожа использовалась для пошива не только одежды скифов, но и экипировки коня. Остатки кожи в виде обрывков одежды, фрагментов основ защитного доспеха, сосудов, сумочек, футляров зафиксированы в 26 погребениях Степной Скифии, значительная коллекция орудий труда кожевенного производства происходит из материалов Каменского городища и поселения Лысая Гора.

Обычно мастер, снимая кожу, уже предполагал ее будущее использование. У скифов чаще всего кожа шла на изготовление ремней. Самыми прочными считались ремни, вырезанные из шкуры, снятой чулком с ноги животного. Другой операцией, которой, безусловно, владели скифы, была обваровка костей, поскольку она является обязательной операцией в косторезном деле. В ходе этой операции получались вещества (жир), необходимые для кожевенного производства. Поэтому сочетание в одном месте и косторезного производства, и кожевенного было удобным с точки зрения комплексного использования сырья.

Ремни для сбруи чаще всего не плелись, а сшивались (1-ая Завадская Могила). Плетеные ремни встречаются редко. У кочевников известны три вида плетения ремней: петельное из одного ремня; в косу из трех ремней и круглое из 3-4 ремней. У скифов плетеный ремень из трех полос зафиксирован лишь в кургане Солоха. В экипировке воина и в конструкции боевых щитов, панцирей, шлемов, кожаная основа имеет вид ремней с прикрепленными к ней пластинками (пояс из Толстой Могилы). Из ремней делалась также окантовка щитов (1-ая Завадская могила, курган №4 группы Испановых Могил). К такой же основе крепились пластины панцирей, штанов. На изготовление основ щитов шла дубленая кожа. Источником естественного дубителя растительного происхождения была кора ивы, в изобилии произраставшей в поймах рек.

Кожаные изделия часто украшались либо нашивными пластинами, либо тиснением. Остатки полихромного тиснения зафиксированы на находках из Толстой

Могилы, на колчане из кургана №1 у с. Ильинка. Кожаные подстилки часто фиксируются в погребениях с деревянными конструкциями, точнее – с носилками.

Имеющиеся в настоящее время материалы свидетельствуют о наличии у степных скифов таких разновидностей обработки кожи, как кожевенно-шорное и скорняжное мастерство. Применялись кожи различной выделки, имелись разнообразные инструменты для их обработки и шитья различных вещей из кожи и меха. Техника изготовления крупных кожаных изделий предполагает появление определенной специализации, хотя большинство кожаных изделий изготавливалось еще домашним способом.

Чаще всего кожевенным производством занимались мужчины, по-видимому, зависимые. Так, Гиппократ (или один из его учеников) сообщает, что амазонки с умыслом калечили мужчин, заставляя их заниматься унизительным для кочевников ремесленничеством: «Они пользуются мужчинами как ремесленниками для работ кожевенных, медных или других, требующих сидячего образа жизни» [**Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местности,** ***29***] В пределах скотоводческого хозяйства была сосредоточена и обработка шерсти, изготовление войлока. Это производство, несомненно, существовало в скифском обществе, но, по археологическим материалам, прослеживается еще хуже, чем кожевенное. Тем не менее, в пяти погребениях Степной Скифии IV в. до н.э. войлок все же зафиксирован. Иногда фиксируются войлочные подкладки под шлемы (Солоха) или иные доспехи. Войлочные подкладки были подшиты под кожаные ремни, крепившие поножи из погребения 2 кургана №1 у с. Ильинка. Войлок, использованный при шитье одежды, зафиксирован в погребении девочки в кургане Вишневая Могила. Часто войлок входит в конструкцию футляра для зеркала, например, погребение 2 кургана №3 у с.Богдановка. Этот материал упоминается и в письменных источниках - Страбон пишет: «Что касается кочевников, то их войлочные палатки прикрепляются к кибиткам, в которых они живут» [**Страбон, VII,** ***17***].

Суммируем сказанное выше. С переходом к полуоседлому способу ведения хозяйства на рубеже V – IV вв. до н.э. возникают хозяйственные комплексы типа мастерских, открытых на Каменском городище, изучение которых позволило реконструировать важнейший вид домашнего производства степных скифов – обработку скотоводческого сырья.

Скотоводство могло обеспечить кочевника почти всем необходимым для существования – пищей, одеждой, обувью, конским снаряжением, многими орудиями труда. Излишки производства скотоводства, если они появлялись, шли на обмен.

Сфера обработки скотоводческого сырья составляла значительную часть экономики Степной Скифии. В ряде случаев в IV в. до н.э. она вышла за пределы семейного круга, в целом оставаясь ориентированной на удовлетворение в основном внутренних потребностей степного населения.

Археологический материал, накопленный в результате раскопок памятников оседлости и погребений кочевников, дал достаточную информацию для реконструкции других видов домашнего производства степных скифов – прядения, ткачества, обработки дерева, камня, плетения.

Значительное влияние на развитие прядильного дела оказали, вероятно, контакты населения Степи и Лесостепи. Некоторые орудия и элементы прядения

(например, наборные костяные веретена) проникают в Степь из греческих центров.

Несмотря на распространение одежд из кожи и войлока изделия из тканей составляли значительную часть одежд степных скифов. Ткачество было одним из самых распространенных домашних занятий степных скифов. Правда, коллекция тканей немногочисленна. Сохранились их фрагменты, в которые заворачивались наконечники стрел, монеты или железные изделия – курганы из Мордвиновской группы, из Акташского могильника или могильника у с.Вильна Украина. Скифы знали вертикальный станок, распространенный в Восточной Европе с древнейших времен.

В погребениях, содержащих находки веретен и пряслиц, часто присутствуют иглы, спицы и вязальные крючки. Их изучение позволяет получить ряд сведений о характере и качестве продуктов прядения. В пяти погребениях IV в. до н.э. в степной части Северного Причерноморья и в материалах Каменского городища найдены фрагменты игл с ушками. Чаще всего они встречаются возле рук погребенных.

Железные вязальные спицы найдены в кургане №3 у с. Отрадное Баштанского р-на Николаевской обл. Но вязание крючком было более популярно. Несколько вязальных крючков обнаружено в степных скифских памятниках. И если крючками, найденными на Каменском городище или на поселении Лысая Гора, можно было вязать изделия из сравнительно тонких нитей, скорее всего – из сырья растительного происхождения, то крючки из Тавельских курганов и могилы у с. Барабаново в Крыму были предназначены для вязания шерстяных изделий.

Степным скифам была известна обработка дерева. Фрагменты деревянных деталей погребальных сооружений встречаются, примерно, в каждом шестом скифском степном погребении. На поселениях деревянные изделия фиксируются крайне редко. Лишь в материалах городища Лысая Гора нами прослежены деревянные опоры крыши полуземлянки, а на Первомаевке 2 – следы каркаса землянки и железные скобы с отпечатками дерева. Наиболее широко древесина использовалась для изготовления утвари. Деревянные изделия зафиксированы в 57 известных нам погребениях Степной Скифии. В них встречаются блюда (большинство), чаши, бочки, шкатулки, игольники, основы для футляров зеркал, ножен мечей, головных уборов, ручки орудий труда. Степные скифы владели следующими операциями обработки дерева: рубкой, расколом, строганием, ручным сверлением, долблением, гнутьем, возможно, резьбой.

Анализ изделий из камня, найденных в погребениях на поселениях Степной Скифии, позволяет выделить основные приемы обработки камня. Но орудия из камня, где использовалась бы в первую очередь его прочность, в скифское время встречаются крайне редко. Это чаще всего тесла – небольшие плоские клиновидные изделия из плотного песчаника или кварца со следами сработанности. Наиболее широко в скифское время камень использовался для изготовления зернотерок, терочников, рудотерок и т.п. Способы обработки камня не менялись с неолитических времен. Применялась грубая и точечная обивка, шлифовка, полировка, пиление, сверление, резьба по камню и окраска изделий из мягких пород камня. Чаще всего обработка камня сочеталась с другими видами хозяйственной деятельности, т.е. уровень обработки камня на протяжении многих столетий оставался постоянным и не выходил за рамки домашнего производства.

Дополнительные продукты питания получали степные скифы за счет различных промыслов – охоты, рыболовства, собирательства и бортничества.

Потребление продуктов производства и их первичное распределение осуществляется в бытовой сфере, материальным воплощением которой являются поселения, жилища, пища, одежда, утварь.

Господствующим типом жилища степных скифов был, по-видимому, легкий шатер на телеге. С переходом части степняков к полукочевому способу жизни шатер разбивают над врытой в грунт основой. В результате появляется новый тип жилища – полуземлянка. Именно такими были двухкамерные полуземлянки поселения Лысая Гора.

На других поселениях (Каменское городище, поселения Чернеча, Первомаевка), кроме полуземлянок, зафиксированы также землянки. Многие из этих жилищ имели очаги открытого типа, некоторые – скамейки-лежанки, которые шли по периметру помещения. Известно также, что вкопанные в землю помещения считаются наиболее теплыми (точнее – теплоустойчивыми) и, если они невелики по площади, практически не требуют больших затрат на отопление.

По материалам Каменского городища восстанавливаются наземные сооружения с плетневыми стенами, представленные прямоугольными многокамерными постройками трех типов. Большинство остатков дверных проемов располагается в южных (юго-западных, западных) стенах раскопанных жилищ, т.е. при строительстве жилища скифы учитывали “розу ветров”, характерную для региона в холодную пору года.

Раскопки поселений Приднепровья свидетельствуют об отсутствии планомерной застройки. Такую планировку кочевнических поселений, например, у казахов, называют гнездовой.

Потребности степных скифов в мясных и молочных продуктах полностью удовлетворялись за счет разведения домашних животных. Кочевники предпочитают вареное мясо, для чего скифы использовали бронзовые котлы и лепные горшки больших размеров. Жареное мясо кочевниками почти не употребляется, а если и употребляется, то без жира или с использованием курдючного жира, а не растительного. Поэтому утверждение о том, что в Степную Скифию поступало оливковое масло в больших количествах далеко от истины. Скорее всего, экспорт масла в Северное Причерноморье ограничивался античными центрами. Молоко употреблялось в виде кисломолочных продуктов – свежее молоко, как правило, кочевники не пьют. Среди напитков следует упомянуть напиток типа кумыса и, вероятно, молочную водку. Отсюда такое быстрое восприятие степными скифами виноградного вина и нежелание разбавлять его водой, которое так удивляло греков. Здесь следует отметить и некоторую разницу в наборе вин, поступавших в Приднепровье и в глубинные районы Степной Скифии – на поселениях района Каменского и Капуловского городища потреблялось довольно дешевое вино в гераклейской и фасосской таре. Вина более дорогие (например, в амфорах из Менды) поступали в «кочевую степь».

Кратко следует сказать об употребления степными скифами хлеба. С технологической точки зрения, хлебом называют изделия из кислого теста, замешанного на пшеничной муке. Кроме того, для выпечки хлеба требуется очаг закрытого типа. Считается, что хлебные изделия, в собственном смысле этого слова, впервые появились у греков. Такой хлеб степные скифы в VI - IV вв. до н.э.

печь не могли. Они не обладали необходимыми ни исходными продуктами (пшеничной или ржаной мукой), ни орудиями производства – жерновами (на зернотерке муку получить трудно). Скифам была доступна только «мука» очень грубого помола (вырабатываемая на известных по материалам степных скифов зернотерках и в ступах) и очаги открытого типа, пригодные для выпечки лишь лепешек. В целом система питания степных скифов была сбалансированной, что стало естественным условием быстрого развития общества и роста трудовых ресурсов.

Состав утвари степных скифов отражает некоторые особенности организации их быта. Именно на рубеже V – IV вв. до н.э. формируется керамический комплекс степных скифов – набор лепной посуды, который можно считать этническим индикатором степной скифской культуры. Неотъемлемой частью утвари кочевника всегда была деревянная посуда. Деревянные блюда для мяса встречаются достаточно часто в погребениях. Иногда фиксируются деревянные чаши и даже бочки. В среде богатых представителей скифского общества достаточно широко были распространены сосуды из бронзы и железа.

Потребности степняков в столовой посуде и таре в V – IV вв. до н.э. удовлетворялись за счет греческой гончарной керамики. Преобладали амфоры, чернолаковая, сероглиняная, красноглиняная посуда. Кроме посуды употреблялись ножи, щипцы для мяса и другие приспособления, связанные с бытом степных скифов. Отметим также, что в IV в. до н.э. на быт степных скифов заметно влияла античная культура.

В целом, уровень развития основных отраслей и видов производства Степной Скифии соответствовал уровню развития типичного кочевого общества. Но, в отличие от предыдущих кочевников, населявших Северное Причерноморье, скифы достаточно свободно владели технологиями производства многих типов орудий труда и оружия из железа. Высокий технологический уровень развития производства и определенное влияние античной цивилизации вместе с благоприятной на первом этапе существования общества палеоэкологической обстановкой, позволили этому кочевому народу довольно долго оставаться экономической доминантой в степной зоне Северного Причерноморья.

Заключительной фазой экономического процесса является распределение произведенного в обществе продукта. Распределение, как правило, осуществляется в основном через торговлю - как внутреннюю, так и внешнюю. Дары, дань, результаты грабежей в экономической науке считается «внеэкономическими» источниками валового продукта. Поступление таких продуктов, во-первых, несистематическое и, во-вторых, вещи, полученные через дань или грабеж, как, впрочем, и дары, очень часто поступают в оборот как обычный товар с низкой себестоимостью.

Внутренняя торговля в Степной Скифии имела традиционный для кочевников обменный характер. Состав экспорта и импорта можно проследить по археологическому материалу и письменным источникам. В составе античного экспорта в Северное Причерноморье отмечается посуда, вкусовые продукты, оружие, украшения.

В торговле между греками и степными скифами сохранялось естественное соблюдение принципа нетто-баланса. Нами высказано предположение, что одним из наиболее возможных видов товара, вывозимого из Скифии, могли быть рабы, встречные поставки которых могли быть компенсацией потоку золотых изделий,

хлынувших в степь в IV в. до н.э. Показательно, что развитие греко-скифской работорговли во времени совпадает с развитием в античных центрах как рабовладения, так и денежных отношений.

Скифская торговля существовала в степной зоне в двух формах. В виде обменно-товарных отношений, распространенных по всей Степной Скифии и товарно-денежной, которая существовала в контактных с греками зонах – в Нижнем Побужье, Нижнем Поднепровье, Крыму. Находки монет в виде отдельных находок на поселениях Нижнего Поднепровья и кладов (клад, найденный на Каменском городище в скифском горшке, клад в Донцовой балке), позволили высказать предположение, что, по крайней мере, во второй половине IV в. до н.э., Приднепровскую контактную зону можно расширить за счет Каменского городища и его округи. Но в других районах Степной Скифии, то есть на основных ее просторах, обменные отношения оставались господствующими.

Формирование рассматриваемой экономической системы начинается в Северном Причерноморье с приходом сюда скифов. Ключевым моментом в этом процессе было формирование производственного центра в Нижнем Поднепровье, которое отличалось от других частей степной зоны сосредоточением основных природных ресурсов, степенью концентрации и развития производительных сил. Это прекрасно подтверждается археологическим материалом.

Переход к частичной оседлости сопровождался изменениями в организации экономики – происходит территориальное распределение труда, и глобальная эколого-экономическая система распадается на локальные образования - эколого-экономические районы. В степной зоне Северного Причерноморья в IV в. до н.э. выделяется семь эколого-экономических районов – Каменский, Капуловский (Базавлуцкий), Крымский, Приольвийский, Приднестровский Левобережный, Приднестровский Правобережный, Елизаветовский.

Таким образом, на материалах Степной Скифии прослежен полный цикл экономического развития нового кочевого социально-политического образования на территории Северного Причерноморья – от его возникновения и расцвета до периода упадка и полного исчезновения.

Экономика Степной Скифии второй половины IV в. до н.э. находилась в предкризисном состоянии, причем причины последующей гибели Скифии носили комплексный характер. Кризис в экономике Степной Скифии обусловлен сочетанием неблагоприятных палеоэкологических явлений и низкой адаптационной способностью к ухудшающимся условиям обитания в рамках кочевого и полукочевого ХКТ населения Приднепровья.

Тема 9. **Города на колесах**[*]

[*] Основу лекции составляет работа: Rolle Renate. Städte auf Rädern. Zur Entwicklung des nomadischen Wohnwagens // Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine.- Schleswig, 1991. Авторизированный перевод и редактирование В.Ю.Мурзина.

Одной из самых примечательных особенностей скифского образа жизни было, с точки зрения древних греков, отсутствие у кочевников городов, таких привычных для представителей античной цивилизации. Это обстоятельство, по их мнению, делало скифов практически неуязвимыми для врагов. «Отец Истории» пояснял в этой связи **[Геродот, IV, 46]**, что захватить их невозможно: «ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего скота; жилища у них на повозках. Как же им не быть непобедимыми и недоступными для нападения?» Это же подтверждает Геродот [**IV, 127]**, словами ответа Иданфирса Дарию I: «*У нас нет ни городов, ни возделанной земли, и боязнь, что они будут захвачены и разорены, не заставят нас скорее вступать с вами в сражение»* Впрочем, к числу народов, ритм кочевой жизни которых определялся неторопливым движением многочисленных табунов, отар и стад, за которыми быки влекли неповоротливые «колесные жилища» номадов, относились также сменившие скифов в восточноевропейских степях сарматы, аланы, гунны, печенеги, половцы и другие племена вплоть до монголов, татар и калмыков.

Повозки всегда были своеобразной, «мобильной», как мы бы выразились сегодня, формой жилища. В повозках протекала суровая и не всегда понятная для носителей городской культуры жизнь, полная загадок и экзотики. Не случайно, на протяжении нескольких тысяч лет существовала традиция ее идеализации как антипода образу жизни изнеженных горожан с их погоней за удовольствиями и роскошью, а сами кибитки и их обитатели зачастую приобретали некий поэтический ореол.

Начало этой традиции, насколько мы можем судить, было заложено еще великим Гомером, который упоминает в «Илиаде» **[XIII, *1 - 7*]** дивных доителей кобылиц – «гиппемологов» и «абиев», бедных и самых справедливых людей. Страбон **[VII, 3, *4*]** по этому поводу разъясняет, что «абиями» можно назвать живущих в кибитках. «Ведь в виду того, что несправедливости возникают главным образом при торговых сделках и приобретении денег, правильно назвать «справедливейшими» людей, ведущих простую жизнь при столь ограниченных потребностях…». Уже почти наш современник, по сравнению с временами Гомера, А.С.Пушкин в своей поэме «Цыгане» вторил древним:

«Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход…

Все скудно, дико, все нестройно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной
Как песнь рабов однообразной.»

Большинство древних писателей не задавалось вопросом, где искать истоки кочевого способа жизни. Лишь несколько римских авторов обсуждали, где она зародилась и приобрела свое наиболее яркое выражение **[Аммиан Марцеллин, 31, 2, *10*]**.

Как свидетельствуют современные археологические данные, «жизнь на повозках», хотя и была впервые со всей определенностью зафиксирована в письменных источниках у скифов, к началу I тыс. до н.э. имела уже многовековую историю, поскольку повозки, в том числе и крытые (кибитки), на

территории северопричерноморских земель были уже хорошо известны в эпоху бронзы.

Находки таких ранних повозок в погребениях с богатым инвентарем, нередко сооруженных под большими курганными насыпями (Сторожевая Могила), подчеркивает их связь с представителями высших социальных слоев общества. В данном случае повозки, по-видимому, играли двоякую роль. Во-первых, они мыслились как своеобразное «транспортное средство» для доставки умерших в царство мертвых, и, во-вторых, с их помощью внутренний «интерьер» могилы приобретал вид привычного для степняков жилища. Подобная традиция существовала очень длительное время, поскольку и позднее, в эпоху раннего железа, в курганах зафиксированы находки деталей погребального кортежа (колеса, навершия, разнообразные бляхи и др.), а самым могилам – например, вырубленным в материке погребальным камерам скифских катакомб – придавалась характерная для кибиток сводчатая форма.

Многочисленные модели, даже если они имеют миниатюрные размеры (Рис. 1), дают нам наглядное представление о технических особенностях повозок бронзового и раннего железного веков. Среди них выделяются повозки-жилища с массивными сплошными деревянными колесами – от двух и более, разнообразным покрытием и ярмами для волов. Такие этнографически достоверные детали свидетельствуют, что модели достаточно точно передают реалии повседневной кочевой жизни, несмотря на то, что были они, скорее всего, детскими игрушками. Во всяком случае, большинство их обнаружено в погребениях детей.

Археологические материалы показывают, что наряду с тяжелыми жилыми повозками, в которые впрягались быки, в эпоху средней бронзы существовали и легкие боевые колесницы. Они имели по два колеса со спицами и упряжку из лошадей. Подобные колесницы получают распространение с середины II тыс. до н.э. Они хорошо представлены в известном могильнике Синташта, исследованном в Челябинской области, где выявлено пять таких колесниц (Генинг В.Ф. и др., 1992). Диаметр их колес, снабженных десятью радиальными спицами, составлял около 90 – 100 см, а расстояние между колесами достигало, примерно, 1,2 м. Многие ученые считают, что могильник Синташта и другие подобные ему памятники Южного Урала, можно связывать с культурой древних индоиранцев (ариев). Несколько позднее носители этой культуры заняли соседние области, в частности междуречье Волги и Дона (абашевская культура конца II тыс. до н.э.), где обнаружена наибольшая концентрация склепов воинов-колесничих (Пряхин А.Д., Беседин В.И., 1998).

В отличие от колесниц, приспособленные под жилье крытые повозки использовались в течение более длительного времени. Одна из самых ранних находок такого рода зафиксирована в погребении ямной культуры (III тыс. до н.э.) в Лукьяновском кургане неподалеку от г.Кривой Рог. Длина повозки, которая имела аркообразный верх, составляла 2,2 м (Рис. 2). Подобные же крытые повозки обнаружены в погребальных памятниках Закавказья 2-ой пол. II тыс. до н.э., в частности в Лаченских курганах, исследованных на побережье Севанского озера в Армении. Здесь было найдено более 20 различных повозок, в том числе один экземпляр со сложным верхом высотой до 2 м. Сохранилось также дышло с ярмом, свидетельствующие о высоких «технических характеристиках» этого колесного дома (Рис. 3). Анализы материалов, которые применялись при

строительстве лаченских повозок, показали, что в этих целях использовалась древесина дуба, тиса, вяза.

Выше речь шла об относительно небольших (Х.Хаейен назвал их «короткими») и тесных крытых повозках ранней эпохи. Между тем, в скифское время получили распространение и более просторные и вместительные повозки-жилища. Псевдо-Гиппократ **[О воздухе, водах и местностях, 25]**, который, возможно, опирался на собственные наблюдения, писал, что скифы живут в кибитках, «из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие – шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя отделениями; они непроницаемы ни для воды (дождей), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов…». Их конструкция, в частности система соединения различных частей повозки, в свое время изучаласьХ.Хайеном (H.Hayen,1983).

Согласно Лукиану **[Токсарис или дружба, 45]** именно поозки и скот были мерилом ценностей у кочевников. Рядовые номады, происходившие «из толпы простых скифов», восьминогими», так как владели лишь парой волов и одной повозкой **[Лукиан. Скиф или гость, 1]**, в которой жила, вероятно, одна небольшая (индивидуальная) семья из 4-5 человек. Знатные кочевники владели десятками и сотнями кибиток. Так, один из таких степных аристократов по имени Адимарх был владельцем 80-и кибиток **[Токсарис или дружба, 46]**. Исходя из этнографических параллелей, можно предположить, что в данном случае речь не идет о его личном имуществе, а о численности подчиненного ему кочевого подразделения – ведь и много позднее количественный состав орды или ее составляющих определялся «в кибитках», подобно тому, как у земледельцев число населения учитывалось «в дымах», а у крымских татар – «в казанах». Следовательно, Адимарх был предводителем сравнительно небольшого кочевого подразделения с общей численностью номадов, примерно, от 320 до 400 человек, которое, в случае необходимости, могло выставить около 80 боеспособных воинов.

Для скифского времени характерными являются находки в гробницах многочисленных деталей погребальных повозок. До сих пор не ясно, почему в могилы помещались повозки, разобранные на части. Возможно, это было связано с верой в то, что в потустороннем мире они будут вновь собраны воедино. К сожалению, попытки реконструкции таких повозок в натуральную величину с применением натуральных материалов (как это было сделано на основе остатков повозок из среднеевропейских памятников гальштаттской культуры), практически не предпринимались. Это мешает уточнить их конструктивные и технические особенности.

Редким исключением является реконструкция повозки скифского времени, детали которой были обнаружены на территории Горного Алтая в 5-ом Пазырыкском кургане. Ее длина составляла 3,05 м, высота – 2,65 м, ширина межколесной базы – 1,95 м. Она была найдена в разобранном виде, поэтому ее достоверное восстановление представляло для специалистов весьма сложную задачу. Повозка имела четыре колеса диаметром 1,5 м, закрепленных на неподвижных осях. К ним крепилась двойная рама с сидением для возницы и помостом из брусьев, перекрытых тонкими досками и войлоком. В погребальную колесницу впрягались четыре лошади. Поскольку неподвижная передняя ось поворачивалась с трудом, что затрудняло поворот самой повозки, колея была

извилистой. Повозка легко демонтировалась, так как практически все составляющие ее части соединялись между собой лишь посредством ремней. Поэтому она в разобранном виде могла легко транспортироваться вьючными лошадьми или быками.

В Европейской Скифии получили распространение, главным образом, повозки, снабженные четырьмя колесами со спицами, но известны и двухколесные их экземпляры. Примером последних является повозка из погребения жрицы в Бердянском кургане (Чередниченко Н.Н., Фиалко Е.Е.). Погребальная повозка была, вероятно, изготовлена еще при жизни жрицы в предвидении ее близкой смерти – возраст знатной скифянки превышал 50 лет, она страдала тяжелой формой артроза, из-за чего не могла передвигаться самостоятельно. В отличие от большинства колес, которые изготавливались только из дерева, колеса повозки из Бердянского кургана имели железные оковки и шины (Рис. 4, 1).

Особого упоминания заслуживают немногочисленные случаи, когда возле повозок были обнаружены останки «возничих». Они зафиксированы только в «царских курганах» скифов. Наиболее известным примером такого рода является боковая гробница Толстой Могилы, куда вели два дромоса. Оба входа в подземелье закрывали остатки повозок. Рядом с одной из них был погребен молодой человек 23-25 лет.

Согласно рассказу Геродота **[IV, 71]**, после смерти скифский царь, если точнее – его бальзамированное тело, совершал свое последнее путешествие по землям подвластных ему племен. Понятно, что для этого путешествия использовалась повозка, однако как она выглядела, мы не знаем. Можно предположить, что это была пышно декорированная погребальная колесница с балдахином, укрепленным на увенчанных навершиями шестах.

Что касается скифских повозок-жилищ, то, несмотря на достаточно подробные их описания в нарративных источниках, попытки их научного изучения в процессе предметной и достоверной реконструкции практически не предпринимались. Возможно, это объясняется тем, что последние никогда не были обнаружены непосредственно в могилах. Как правило, части разобранных повозок использовались как заклад устья погребальных камер. Интересно, что последние, вырубленные в материке, зачастую имели форму, напоминающую интерьер кибитки. Мы знаем также несколько достоверных случаев, когда стены и свод камеры были оштукатурены. Например, это зафиксировано в могильнике у с.Львово Херсонской обл. (раскопки Г.Л.Евдокимова) и могильнике Носаки (раскопки В.И.Бидзили), открытого поблизости г.Днепрорудный Запорожской обл.

Наши представления об этом типе повозок можно значительно расширить за счет большой группы их моделей, которые, несмотря на свои миниатюрные размеры, отличаются достоверностью в передаче конструктивных деталей (Рис. 5 – 6). Они датируются достаточно широким отрезком времени в пределах I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э. Разнообразие в оформлении этих моделей придает им не только заметную индивидуальность, но и свидетельствует о правдивости этого источника информации. Несомненно, эти модели были игрушками. Многие из них происходят из античных центров Северного Причерноморья, где ими забавлялись дети греческих колонистов, для которых жизнь окружающих племен была частью их привычного мира.

Они удивительно точны в передаче технических деталей и их функционального назначения. На повозках имеются подножки, которые облегчали доступ в жилое помещение. Оно изготавливалось из войлока или кожи, закрепленных на каркасе, и было съемным, что позволяло при необходимости легко переставлять его на другую повозку и, возможно, при длительных остановках устанавливать его непосредственно на земле. В его стенках делались прорези для лучшей циркуляции воздуха, которые, как и входные проемы и окна, при плохой погоде могли закрываться скатываемыми в жару пологами из того же войлока или кожи. Дышло, по-видимому, могло крепиться как к передней, так и к задней части повозки и легко переставлялось. Это, вероятно, упрощало маневрирование повозок в тесноте кочевого бивака, в порядках которого каждая из повозок должна была занять определенное место.

Возможность быстрой организации такого лагеря из сгруппированных определенным образом повозок, несомненно, имело и защитную функцию. Из средневековых источников мы знаем, что такой лагерь из многочисленных юрт и шатров, окруженных «крепостной стеной» из тесно составленных повозок, производил на стороннего наблюдателя впечатление большого города. Эти «города на колесах» могли легко сняться с места и вновь двинуться в путь. Не являлись препятствием этому и суровые зимы. Когда замерзал Боспор Киммерийский (современный Керченский пролив), скифы, живущие в Крыму, легко пересекали его по льду вместе со своими крытыми повозками и совершали набеги на живших на противоположном берегу синдов **[Геродот, IV, 28]**.

Повозка оставалась символом богатства и социального положения восточноевропейских степных скотоводов на протяжении всей их истории. Как высшее проявление свойственного им образа жизни повозка служила прибежищем для скотовода и самой малой частицей, из которой строились кочевые «города» и укрепления. Несомненно, что такие «крепости на колесах» («Wagenburg») прочно входили в арсенал военно-тактических приемов скифов. Они занимали столько пространства, сколько можно было прикрыть имеющимися у данной группы кочевников повозками. По-видимому, они достигали своих максимальных размеров в периоды значительной военной угрозы и в суровые зимние месяцы, когда родственные племена стремились объединиться, чтобы более уверенно противостоять врагу или стихии.

Различные варианты таких «крепостей на колесах» были широко распространены и в более близком прошлом. Знаменитым примером такого боевого построения является лагерь Аттилы на Каталаунских полях, который был сплошь обнесен защитной «стеной» из повозок. К тому же само по себе огромное скопление внутри лагеря повозок, юрт и шатров усиливало его защитные свойства в плане обороны.

Описание подобного же лагеря алано-сарматов оставил нам Аммиан Марцеллин **[XXXI, 2, *17*]**. «Придя на изобильное травой место – пишет историк, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках».

Одним из вариантов дальнейшего развития повозок с плетенным в виде короба каркасом, покрытым войлоком или кожей, стали повозки, на которых были установлены юрты или шатры. Они хорошо известны по материалам средневекового времени, в частности, такие «транспортные средства» были

широко распространены у половцев (Рис. 7, *1*). Известны они и по археологическим материалам, в частности по находке в кургане у с.Большемихайловка, расположенного южнее Днепропетровска. Остатки этой повозки датируются XII - XIII вв. (Рис. 7, *2*). Иллюстрации к средневековым хроникам изображают половецкие возы с установленными на них юртами. Возы имеют высокие колеса (согласно археологическим наблюдениям – свыше 1,5 м в диаметре). В таких защищенных от внезапного нападения врага кативших по равнинам «поселках» и «городах» половцы продвигались к месту будущих сражений, о чем свидетельствуют древнерусские письменные источники. Военная компания начиналась с провокационных действий кочевников, которые служили своеобразным «casus belli» - они требовали так называемого «кормления» (одна из форм внешнеэкономической эксплуатации) в виде скота, пастбищ для стад и водопоев. В случае успеха предприятия, численность повозок с нуждающимися в «прокорме» могла увеличиваться, а эскалация такого прикрытого грабежа нарастала.

Несколько иную технику в применении повозок как боевого средства можно проследить на примере военных столкновений между казаками и татарами уже в XVII в. Г. де Боплан, французский военный инженер и капитан артиллерии на службе у польского короля, имел возможность наблюдать такую тактику непосредственно. При движении по контролируемым татарами участкам степи, казаки строили «крепость на колесах», которая состояла из авангарда и арьегарда, каждый из которых состоял, в свою очередь, из нескольких рядов повозок. Внутри этих полукружий двигались казаки с мушкетами, копьями и т.д. В разные стороны от крепости высылались разъезды, которые должны были предотвратить внезапное нападение врага. Во время атаки противника, как отмечает де Боплан, казаки отстреливались из-за сомкнутых возов, не давая возможность татарам подойти к этому укреплению ближе, чем на выстрел. Как свидетельствует этот же автор, однажды, когда он в сопровождении 50 или 60 казаков двигался по степям, на них напало около 500 татар, но они так и не смогли овладеть казачьим укреплением на колесах.

Своеобразным реликтом такой жизни на повозках были чумацкие обозы («валки»), которые пересекали бескрайние северопричерноморские степи еще в XIX в. Они представляли собой хорошо организованную структуру и отличались высокой дисциплиной чумаков. Валки состояли из 30-40 возов, в которые были запряжены волы (Рис. 8). После захода солнца, на ночном привале, возы выстраивались в виде правильного каре длиной 8-10 и шириной 5-6 м.

Память о чумаках и их валках сохранилась не только в многочисленных описаниях современников и в экспозициях музеев, но и до сих пор живет в украинском фольклоре.

Тема 10. Металлургия и металлообработка в Скифии

Как известно, уровень развития того или иного общества во многом определяется уровнем его технологической оснащенности. Одной из иллюстраций этого тезиса является история северопричерноморского населения позднейшего предскифского и скифского времени. Именно в I тыс. до н.э. окончательно завершается начавшийся еще в эпоху меди-бронзы процесс формирования на рассматриваемой территории двух хозяйственно-бытовых укладов – степного, основанного на кочевом скотоводстве, и лесостепного, который базировался, главным образом, на пашенном земледелии. Это событие, во многом определившее судьбы народов Северного Причерноморья не только скифского, но и многих последующих периодов, в значительной степени было обусловлено именно заметным прогрессом в технологическом развитии древнего общества, прежде всего, достижениями в области металлургии и металлообработки в целом и широким распространением железа в частности.

Существование собственной металлообработки у степных скифов отмечал Геродот. Так, он рассказывает о бронзовом котле, который был отлит по приказу царя Арианта из наконечников стрел, которые должны были принести все скифы. В результате такой своеобразной «переписи населения» был, якобы, отлит котел объемом 600 амфор и толщиной стенок в 6 пальцев [**IV, *81***]. Несомненно, в данном рассказе присутствует элемент преувеличения – принимая во внимание средний объем греческих амфор, легко подсчитать, что в высоту эта огромная отливка должна была достигать, примерно, высоты 2-го или 3-го этажа современного дома, что нереально. По-видимому, и в данном случае, как и во многих других, в основе рассказа «Отца истории» лежала скифская фольклорная традиция, которая с помощью достаточно прозрачной аллегории подчеркивала многочисленность и единство скифских племен. Однако бронзовые котлы - естественно, гораздо меньших размеров - предназначенные для варки мяса, достаточно часто находят в могилах скифской знати. Отметим, что посуда такого рода, очень удобная в условиях подвижного быта, была распространена практически у всех кочевников на протяжении многих веков. Но котлы, бывшие в употреблении у разных народов, заметно отличаются техникой их изготовления (литые или клепаные из отдельных листов бронзы), формой, орнаментацией и т.д. Наличие таких индивидуальных особенностей прямо свидетельствует, что производство этих, незаменимых в кочевом быту предметов, было налажено внутри самой кочевой общины. Яркие индивидуальные особенности имеют и скифские котлы. Их форма напоминает срезанную в верхней трети сферу, по верхнему бортику расположены отлитые вместе с котлом ручки, внизу находится небольшая цилиндрическая «ножка». Таким образом, скифский котел не подвешивался над огнем, как у большинства других народов, а устанавливался прямо на земле. Его устойчивость и обеспечивалась за счет ножки, которая опускалась в узкое отверстие, вырытое в земле. Огонь разводился непосредственно вокруг котла. Оригинальность формы и конструкции скифских котлов не оставляют сомнения, что они изготавливались скифскими мастерами. О местном их производстве упоминает и Геродот [**IV, *61***].

Однако выявить реальные следы металлургии и металлообработки в Скифии не удавалось до начала XX в. Тогда Н.А.Зарецкий обнаружил не заточенные полуфабрикаты наконечников стрел на городище Разоренная Могила на Харьковщине, а В.А.Городцов в зольнике № 9 на Бельском городище нашел большое количество руды и наконечники стрел с не отрубленными литниками, вышедшие только из литейной формы. Однако важность этих находок не была оценена по достоинству и скифская культура до середины XX в. продолжала изучаться, в основном, по погребальным памятникам. Вопрос о ремесленном производстве скифов просто не поднимался, поскольку памятники оседлого быта были известны только по разведывательным работам. Изготовление металлических изделий, даже характерных только для скифской материальной культуры, приписывалось греческим мастерам, которые якобы сразу же после основания первых северопричерноморских колоний изучили вкус и потребности автохтонного населения и наладили производство вещей для удовлетворения спроса местного рынка.

Ситуация начала меняться примерно с конца 30-х гг. XX в., когда началось изучение городищ и поселений скифского времени на территории Лесостепи. Так, при раскопках Шарповского городища VI-V вв. до н.э. были обнаружены остатки печи производственного назначения, очевидно открытого типа. От нее сохранился лишь контур нижней части со стенками высотой 25 см. Зольный слой вокруг печи содержал много кусков железной руды, рудосодержащих пород, кусок медного шлака, мелкие орудия труда, наконечники стрел, среди которых были и не заточенные полуфабрикаты. В других местах городища также были выявлены куски печины и большое количество железных шлаков.

Добыча и обработка железа на Шарповском городище являлись явно основным занятием местных ремесленников, однако они занимались также обработкой цветных и драгоценных металлов. В пользу последнего предположения может свидетельствовать находка на городище не завершенной мастером золотой пластины со стилизованным изображением головы быка.

В слоях поселения на Тарасовой Горе у с.Жаботин, которое датируется концом VIII-VII вв. до н.э. была найдена глиняная льячка, а также обломки литейной формы, в которой отливались бронзовые булавки, капли металла, бронзовые стержни-заготовки. Упомянем, кроме того, звено бронзовых удил со стремечковидным окончанием, испорченное при литье. Самой мастерской обнаружено не было, но примечательно, что в данном случае прослеживается некоторая преемственность цветной металлообработки раннескифского и позднечернолесского времени.

В начале VI в. до н.э., в бассейне р.Тясмин возникает целый ряд значительных по размерам городищ – Макеевское, Плискачевское, Пастырское, Мотронинское. Известны эти памятники в основном по материалам разведок, только на Мотронинском городище с 1988 г. производятся постоянные раскопки. В их ходе были обнаружены следы обработки цветных металлов скифского времени: шлаки, в том числе с каплями металла, фрагмент стенки тигля, бронзовые слитки. Предварительная датировка открытых участков – VI – начало V вв.до н.э.

Севернее, в Поросье, на протяжении VII -VI вв. до н.э. функционировало Трахтемировское городище, при исследовании которого были обнаружены железные и медные шлаки. Хотя следы обработки металлов на этом городище в

целом незначительны и, возможно, здесь работали заезжие мастера, этот памятник на сегодняшний день является самым северным из центров раннескифского времени на Правобережье Среднего Днепра, где зафиксированы следы обработки металлов.

На территории данного региона следы металлообработки обнаружены на поселении Грищенцы близ Канева (V в. до н.э.), где выявлены бронзовые шлаки, капли бронзы, бракованные изделия, преимущественно булавки, полуфабрикаты изделий, товарные слитки меди. Кроме того, на городище было открыто производственное помещение. Оно имело размеры около 6,60 х 1,6-2,2 м и было углублено в материк на 0,3-0,4 м. Северо-западный угол его был занят печью, от которой сохранился золисто-угольный слой толщиной 10 см размерами 1,8 х 1,4 м. Над этим слоем и к юго-западу от него, по всему помещению обнаружено большое количество печины в виде тонких глиняных плиток, ошлакованных до стекловидного состояния, куски обожженной глины в виде комков или плиток с одной сглаженной поверхностью, являвшихся, по-видимому, частями свода печи. Тут же были обнаружены куски бронзовых шлаков, слитки металла и бракованная посоховидная булавка. Находки булавок, - готовых и поломанных, недоделанных и бракованных, свидетельствуют об их местном производстве. Кроме того, большинство булавок в Лесостепи найдено в междуречье Роси и Днепра, то есть, на территории близкой к поселению Грищенцы и, возможно все они были изготовлены в мастерских этого центра.

На поселении были найдены также моточки бронзовой проволоки для изготовления сережек и браслетов, что указывает на использование местными мастерами такого металлообрабатывающего приема, как волочение. Обнаружено здесь и несколько миниатюрных бронзовых зубил, предназначенных, по-видимому, для производства ювелирных работ.

В дальнейшем на поселении Грищенцы проводились лишь разведывательные работы, в результате которых были обнаружены бронзовый стержень – вставка в литейную форму для отливки наконечников стрел, посредством которой фиксировались створки и формировалась втулка стрелы, а также заготовки и отходы литья, полуфабрикаты стрел.

Из Правобережья происходит также несколько случайных дореволюционных находок литейных форм, в которых отливались наконечники стрел. До войны они хранились в Киевском государственном историческом музее. Одна из них была найдена близ с.Букрин на Киевщине. Она представляет собой каменную створку и бронзовый стержень для сцепления створок и формирования втулки, аналогичный находке с поселения Грищенцы. Условия ее находки неизвестны. Найденные же вместе две части свидетельствуют, что они не просто утеряны, а происходят из конкретного комплекса – разрушенного погребения или клада.

Одна створка от трехстворчатой формы поступила в Киевский исторический музей вместе с коллекцией скифских древностей А.А.Бобринского. Место ее находки неизвестно, но, так как все остальные вещи коллекции происходят из окрестностей г.Смела, то, вероятно, что и литейная форма была найдена там же.

Еще одна створка литейной формы, в которой отливались наконечники стрел, происходит из с.Стайки Киевской губ. Находилась она в коллекции Б.Н и В.И.Ханенко и дальнейшая ее судьба, как и условия находки, неизвестны. В

книге «Древности Поднепровья» эти коллекционеры упоминают еще и о штампе для изготовления бусин, найденном также близ с.Стайки, о котором в публикации литейных форм из дореволюционной коллекции ГИМ упомянуто не было. Две находки такого рода из одного пункта не могут быть случайными. Однако поселений явно скифского времени здесь не обнаружено. В археологическом справочнике по Киевской области упоминается о трех городищах в окрестностях этого села, но они не исследовались. Поэтому датировать их скифским временем и, соответственно, связывать с ними находки форм и штампа преждевременно.

На левом берегу Днепра самые выразительные остатки металлургии и металлообработки обнаружены на Бельском городище в Полтавской обл. Впрочем, это вполне естественно, поскольку этот уникальный памятник исследуется уже многие и многие годы. Различные изделия, орудия производства ремесленников, полуфабрикаты, бракованные изделия, шлаки, слитки металла, заготовки, литейные формы, остатки мастерских с плавильными печами, части стенок от горнов, кузницы – нигде не найдены в таком количестве на территории Скифии, как на Бельском городище.

О первой мастерской, открытой В.А. Городцовым, сведений не сохранилось. В 1965 и 1969 гг. Б.А. Шрамко открыл на Восточном укреплении еще две мастерские. В первой из них сохранились остатки печи с массивным подковообразным основанием стен, подом и обломками свода. Стенки печи толщиной 27 см сильно прокалены и с внутренней стороны ошлакованы. Под печи почти круглый, с внутренним диаметром 40-43 см. Внутри печи найдены древесный уголь, зола, шлаки и небольшие слитки бронзы. В стенке с северной стороны имеется круглое отверстие, предназначенное для установления сопла, через которое осуществлялся поддув воздуха. Большое количество бронзового шлака, слитков и просто капель бронзы, а также скопления древесного угля находились в культурном слое вокруг плавильной печи.

Вторая мастерская бронзолитейщика конца VI-V вв. до н.э. была обнаружена также на Восточном укреплении. В заполнении культурного слоя вокруг плавильной печи, кроме обычных в таких случаях шлаков и древесного угля, находились обломки тиглей и 87 фрагментов глиняных литейных форм. Некоторые из них служили для отливки изделий, орнаментированных в скифском зверином стиле. В частности, один из обломков свидетельствует о производстве местными мастерами щитовых умбонов в виде лежащего оленя, подобных знаменитой бляхе из кургана у ст.Костромская. До этого изготовление золотых щитовых умбонов приписывалось переднеазиатским или греческим мастерам.

Кроме этих мастерских на Восточном укреплении Бельского городища найдены отдельные слитки бронзы, куски шлаков, сплески, аморфные слиточки меди и свинца, обломки тиглей, пробойники, точильные камни были обнаружены в трех землянках и четырнадцати наземных помещениях. Подобные находки обычны также в заполнении хозяйственных ям и погребов, которые использовались для сброса в них мусора.

Весьма интересны находки на Восточном укреплении Бельского городища каменной наковальни и мерной линейки-локтя, железных пробойников и зубила, напильника со следами меди в поперечной насечке, лучковых сверл, обломка пилы, ширина лезвия которой позволяет предположить, что ею производились

работы по металлу, бронзовой наковаленки для ювелирных работ, бронзовых штампов для тиснения бляшек. Здесь же был обнаружен инструмент в виде шпателя, по-видимому - стека, предназначенная для изготовления глиняных литейных форм. По наблюдению историков металлургии, литейными формами, как правило, не торговали, их изготовляли для себя сами мастера. Возможно, существовало некоторое разделение труда в производственных коллективах, в которых отдельные мастера специализировались на изготовлении литейных форм.

Можно говорить о функционировании в VI-V вв. до н.э. бронзолитейной мастерской и на Западном укреплении Бельского городища. В 1968 г. в верхней части одного из зольников были обнаружены обломки печи и древесный уголь. По-видимому, сюда выбросили после ремонта остатки большой печи производственного назначения. Толщина отдельных кусков глиняных стенок достигала 7-10 см. При этом они сильно обожжены, а некоторые от высокой температуры даже ошлакованы с внутренней стороны. Встречаются и куски стекловидного шлака, бронзовые шлаки, в том числе и с кусками глиняных ошлакованных стенок от печи, обломки плавильных тиглей.

Интересна находка в помещении № 9, исследованном на Восточном укреплении в 1959 г., слитка олова. Он представлял собой скопление зернистой массы, имевшей вид распавшегося на кусочки бруска. После нагревания этой массы был получен слиток олова весом 252 г.

Обычными на городище являются находки обломков стенок массивных литых котлов, которые использовались как металлический лом, поскольку, как правило, таким находкам сопутствуют следы литья – обломки тиглей, шлаки и пр.

Следы обработки металлов обнаружены и на территории Большого Бельского городища.. Так, на поселении «Лисовый Кут», расположенном в северо-западной части Большого городища, сотрудниками совместной Украинско-Немецкой экспедиции были обнаружены обломок стенки котла и бронзовый стержень, являвшийся фрагментом литейной формы для отливки наконечников стрел.

Весьма выразительны находки на Бельском городище, связанные с металлургией и обработкой железа. Остатки руды и шлаков, содержащих около 60% железа, найдены в зольниках VII-VI вв. до н.э. на Западном укреплении и в слоях этого же времени на Восточном укреплении. Железо восстанавливали из бурого железняка, который перед загрузкой в сыродутный горн обогащали, для чего руду дробили и отделяли от нее пустую породу. Хотя хорошо сохранившихся горнов на Бельском городище пока не обнаружено, обломки стенок с приставшими к ним с внутренней стороны железистыми шлаками встречались неоднократно. Анализы показали, что при плавке в качестве флюса добавлялся известняк. Топливом служил древесный уголь, в частности дубовый. Продуктивность была низкой: из руды извлекалось далеко не все железо. Большое количество его (от 27 до 60%) уходило в отбросы вместе со шлаком. Полученное кричное железо с низким содержанием углерода (менее 0,2%) было непригодно для изготовления орудий труда и оружия. Увеличения твердости достигали путем науглероживания (получение стали), термообработкой стальных изделий (закалка, отпуск), уплотнением металла (наклеп). Все эти приемы были известны ремесленникам скифской эпохи.

Одним из способов получения стали мастерами Бельского городища была цементация. Готовое изделие или заготовку помещали в горшок с древесным углем, затем его ставили в печь, где поддерживался сильный огонь. Поверхность железа науглероживалась и получала большую твердость.

Важным приспособлением для нагрева металла был кузнечный горн. Остатки такого горна были найдены на Восточном укреплении. Диаметр его 65 см, стены сильно прокалены. В юго-восточной стенке имелось отверстие, в которое вставлялось глиняное сопло для подачи воздуха. Рядом с горном было большое скопление древесного угля, кусочки шлаков. Здесь же найдена большая каменная наковальня из кварцита и обломок гранитной наковальни. Возле наковальни найден большой точильный камень из песчаника. Помимо общей сточенности плоскостей на нем видны желобчатые следы от заточки каких-то острых стержневидных орудий.

Основным способом обработки железа кузнецами скифской эпохи была свободная ручная ковка, позволявшая с помощью сравнительно простых орудий получать изделия разнообразных форм и достаточно высокого качества. Тяжелые кувалды для проковки криц и массивных заготовок первоначально изготовлялись из камня. Позже появляются железные наковальни и молоты. Среди инструментов для обработки металла известны молотки, клещи, пружинные щипцы, кузнечные, слесарные и ювелирные зубила, пробойники, чеканы, штампы, напильники.

С 1971 г. исследуется городище VI-V вв. до н.э. около с.Полковая Никитовка в Богодуховском р-не Харьковской обл. В западной части городища были вскрыты остатки плавильной печи, развал которой занимал около 20 кв.м. Округлая в плане, она имела полусферический свод и каркас из реек шириной до 5 см. Рейки переплетались с прутьями и были обмазаны глиной. Внутренняя часть печи была просто заглажена, а внешняя побелена. Здесь же были обнаружены медные шлаки, древесный уголь и обломки литейных форм. Практически каждый год при раскопках на этом городище находят товарные слитки меди и олова, обломки льячек, полуфабрикаты изделий.

Большой интерес представляет Коломакское городище, расположенное в урочище Лозовый Яр, на правом берегу р.Коломак – левого притока Ворсклы. Здесь была обнаружена плавильная печь, а поблизости от печи, в двух ямах и культурном слое вокруг них, были собраны обломки тиглей, бракованные изделия, железное зубило, пробойники, лучковое сверло. На вскрытых площадях, в среднем 350-500 кв.м, были собраны в большом количестве медные шлаки, капли бронзы, товарные слитки меди, свинца, олова со следами рубки, обломки стенок котлов, тиглей, литейных форм. Некоторые изделия позволили определить ассортимент производимой продукции – панцирные чешуйки, однолезвийные ножи, высокохудожественные браслеты и пр. Вдоль западного склона Лозового Яра, в непосредственной близости от городища, располагались три селища, где были собраны многочисленные медные шлаки и обломки тиглей. Селища эти широко не исследовались и говорить что-либо о характере и объеме производства на них преждевременно. Возможно, они были своеобразными ремесленными «филиалами» Коломакского городища, являвшегося центром небольшого производственного района.

Значительные следы ремесленного производства были обнаружены на Люботинском городище на Харьковщине. Остатки, связанные с бронзолитейным

производством, концентрируются преимущественно в трех усадьбах. В усадьбе № 2 найдены две литейные формы и слиток бронзы, в усадьбе № 11 - литейная формочка и заготовки в виде обломков стенок бронзового котла, а в усадьбе №5 - литейная формочка, тигель, сопло и также обломок стенки бронзового котла. В других усадьбах нет такой концентрации находок, но все же в усадьбах №№ 3, 5, 7, 10 и 18 имеются, хотя и отдельные, но достаточно выразительные находки в виде тиглей, обломка льячки, полуфабриката наконечника стрелы IV в.до н.э. с литником, колчанной застежки с заусеницами, оставшимися после литья.

Деятельность ремесленников, занимавшихся добычей и обработкой железа на Люботинском городище, представлена кусками железной руды и сопутствующих пород, железными шлаками. Сыродутных горнов не обнаружено, но то, что на городище производилось обогащение руды, предполагает и местную выплавку железа. На городище также производилась очистка криц от шлака, а также цементация заготовок и готовых изделий. Печка для цементации и сильно обуглившиеся горшки были обнаружены в усадьбе № 7. Обнаружены также осколки двух массивных наковален из кварцита и инструменты – железное зубильце, пробойник с согнувшимся от удара концом, топорик-молот.

VI-V вв.до н.э. датируется Лихачевское поселение в Котелевском р-не Полтавской обл. Исследовалось оно мало, но буквально первые раскопки показали, что на этом памятнике производились работы с цветными металлами. Об этом свидетельствуют обломок тигля и кусок стенки котла. За четыре года была вскрыта площадь около 1500 кв.м. Культурный слой содержал куски шлаков с корольками меди, бронзовые заготовки в виде четырехгранных в сечении стержней, бронзовые и оловянные слитки, обломки тиглей, льячки, шлаки. Инструменты представлены пробойниками и точильными камнями.

В бассейне среднего течения р.Псел в VI-V вв. до н.э. наиболее значительным было Кнышевское городище, где была исследована площадь более 5 тыс. кв.м. О местной металлообработке свидетельствуют десятки обломков оплавленных стенок горнов с остатками железа и бронзы, медные шлаки, фрагменты тиглей и льячек со следами меди. Из инструментов известны обломок кварцитовой кувалды со следами многочисленных ударов по поверхности, железные зубила и пробойник. С обработкой цветных металлов следует также связывать и четыре обломка стенок котлов, которые являются частыми находками практически на всех скифских городищах, где есть следы бронзолитейного ремесла, поскольку использовались как вторичное сырье при переплавке и могли выполнять роль товарных слитков.

В более северных районах Левобережья следов местной металлообработки почти не обнаружено. В Посулье наиболее крупным и достаточно исследованным памятником является Басовское городище, на котором зафиксированы находки железных шлаков и известна бронзовая крестовидная булавка VI в. до н.э. с двойной орлиной головкой и со следами литейного брака.

Как видим, в Среднем Поднепровье было достаточно поселений и городищ, на которых выплавляли и обрабатывали металлы. Возвращаясь к вопросу о роли северопричерноморских колоний в обеспечении металлическими изделиями земледельческого населения Лесостепи, следует отметить, что это население само могло производить вещи из железа, и цветных металлов, полностью удовлетворявших спрос местного рынка. Вместе с тем, несомненно, что торговля с греческими центрами была важным стимулом в развитии местного ремесла.

Следует сказать еще об одной категории находок, связанных с металлообработкой. Речь идет о литейных формах, происходящих из погребений. Примечательно, что ни в одном погребении близ ремесленных центров, которые можно связывать с местными некрополями, не обнаружено никаких аксессуаров металлурга, то есть при захоронении ремесленников не выделяли из общей массы общинников. Однако, на сегодняшний день известны два погребения V в. до н.э., сопровождавшиеся литейными формами и достаточно удаленные от поселений. Так, в Киевском государственном историческом музее до войны хранился фрагмент створки литейной формы из кургана № 2 у с.Аксютинцы в Посулье. В форме отливались уздечные наносники в форме головки петуха или грифона. Сам наносник, полностью совпадающий с полостью формы, также был обнаружен в этом кургане, но в другом погребении.

Еще одна литейная форма, в которой отливались бляшки в виде головки барса или пантеры, была обнаружена в Марицинском могильнике, в урочище Аджигол, неподалеку от Ольвии. Традиционно эта находка привлекалась для характеристики металлообрабатывающего ремесла Ольвии. Однако погребение, в котором была обнаружена форма, по своим характеристикам соответствует и основным характеристикам скифского погребального обряда V в. до н.э., и обычному для них набору погребального инвентаря.

Традиция класть в погребения ремесленников орудия их производственной деятельности присуща, в основном, эпохе ранней и средней бронзы. Как правило, такие погребения отдалены от памятников оседлого быта и поэтому связываются с деятельностью странствующих (бродячих) мастеров-металлургов, которые умерли или погибли вдали от дома и их коллеги при погребении хотели акцентировать принадлежность умершего к металлургическому ремеслу. По всей видимости, и в скифское время существовала традиция выездного промысла мастеров-металлургов, возможно - из лесостепных ремесленных центров. Не исключено что именно в этом ключе следует рассматривать захронение литейщика у Аджигола.

Судя по всему, деятельность странствующих мастеров распространялась не только на скифское население, но и на территорию греческих полисов. Возможно, работой таких мастеров можно объяснить варварский облик украшений из ранних слоев Березанского поселения и Ольвии. По-видимому, работали странствующие мастера и на Ягорлыцком поселении в низовье Днепра, на Кинбурнском полуострове, которое по целому ряду признаков может быть определено как сезонное ремесленное торжище.

С работой заезжих (бродячих) мастеров из варварского окружения следует связывать изготовление одной из ранних денежных форм в Ольвии – так называемых «дельфинчиков». Исходя из того, что эта категория изделий типологически весьма разнообразна - сейчас выделяют более семидесяти их вариантов, а также использование при их изготовлении, по меньшей мере, семи типов сплавов, можно с уверенностью говорить, что в их производстве участвовало большое количество мастеров с индивидуальными ремесленными традициями. Учитывая, что уровень цветной металлообработки у греков в Нижнем Побужье в архаическое время был весьма низкий, это обстоятельство можно связывать с работой различных странствующих (бродячих) мастеров.

В конце V в.до н.э. жизнь практически на всех лесостепных поселениях и городищах постепенно затухает. В слоях IV в. до н.э. на этих памятниках

никаких следов местного ремесленного производства не выявлено. Зато значительно активизируется ремесленное производство в Степи. С конца V – начала IV в. до н.э. можно говорить и о существовании достаточно развитой металлообработки в греческих колониях Северного Причерноморья. Известные произведения торевтики, обнаруженные в скифских курганах этого времени, были изготовлены, несомненно, греческими мастерами. Ведущую роль при этом играли мастерские Боспора.

Для IV в. до н.э. единственным памятником оседлого быта в степной зоне Скифии является Каменское городище на Днепре, на котором обнаружены значительные следы местной металлургии и металлообработки. Б.Н.Граков даже отмечал, что Каменское городище – постоянное поселение преимущественно мастеров-металлургов. Действительно, на городище были обнаружены отдельные фрагменты и один целый кузнечный горн уникальной для Северного Причерноморья конструкции. Он имел форму неправильного четырехугольника размером 1,35 х 1,35 м. Стенки его сужались кверху и имели размеры 1 х 1 м. Высота горна 0,7 м. Кроме того, на городище найдены куски болотной руды и собрана достаточно представительная коллекция инструментов – молот-пуансон, 24 пробойника, зубило.

Цветная металлообработка на Каменском городище, представлена литейными шлаками меди и кусками металлической меди - очевидно товарными слитками, пластинками со следами распиливания, литниками, обломками тиглей, льячек со следами медной окиси. Конечно, такие находки не оставляют сомнений в ремесленной направленности деятельности основной массы населения Каменского городища, однако и в топографии городища и в металлообрабатывающем производстве обращают на себя внимание некоторые противоречивые моменты.

Центральную часть городища составлял акрополь, обнесенный валом, остатки которого сохранились на северо-западной околице с.Большая Знаменка. Значительная часть акрополя сейчас затоплена водами Каховского водохранилища, но на его территории до этого никаких следов производственной деятельности не зафиксировано. Все остатки металлообрабатывающего производства, обнаруженные Б.Н.Граковым, концентрируются в районе Каменских кучугур, которые располагаются в нескольких километрах севернее и северо-восточнее от акрополя. Такая удаленность производственных комплексов от основной территории городища не может быть объяснена простой изоляцией ремесленного производства от центра поселения в целях избежания пожаров. Тем более, что площадь поселения в кучугурах значительно превышает площадь акрополя и равняется 1200 га. Это самая большая площадь из всех городищ скифского времени, кроме, пожалуй, Бельского городища, которое, впрочем, состояло из трех отдельных укреплений, соединенных общим валом.

Если на акрополе при строительстве преимущественно использовался камень, то на кучугурах, в основном, строились плетневые и столбовые дома без каких-либо следов обмазки, то есть не утепленные. Жить в таких домах зимой в условиях сурового климата было невозможно. Кроме домов строились и землянки довольно большой площади – 150-200 кв.м. Интересно и то, что в помещениях не обнаружены производственные комплексы, они находились за стенами построек, а, значит, не могли функционировать зимой. Кроме того, при наличии достаточно выразительных следов цветной металлообработки, на

Каменском городище не обнаружено плавильных печей, ни одной литейной формы и никаких инструментов литейщика кроме обломков тиглей и льячек, которые, по всей вероятности, были выброшены за ненадобностью, поскольку не подлежали восстановлению. Аморфные кусочки обожженной глины, которые Б.Н.Граков предположительно называет осколками форм для литья по восковой модели, не находят себе аналогий среди известных фрагментов подобных форм, например, с Субботовского и Бельского городищ и таковыми не являются.

Совокупность описанных признаков, а именно: значительная удаленность ремесленной части городища и акрополя, отсутствие в кучугурах долговременных жилых комплексов и специальных производственных помещений, отсутствие некрополя, а также тот факт, что на городище не обнаружено ни одной литейной формы и других специализированных инструментов литейщика, позволяет усомниться в непрерывности производственной деятельности ремесленников на Каменских кучугурах. Скорее всего, это было сезонное поселение-торжище, аналогичное Ягорлыцкому поселению в устье Днепра, на котором работали заезжие мастера. Они съезжались сюда в теплое время года и торговали изготовленной на месте продукцией. Акрополь городища располагался у брода-переправы, который функционировал еще в средневековое время. То есть, это было место пересечения сухопутного и водного торговых путей. О большой роли торговли в экономике городища свидетельствует огромное количество греческой керамики. Кроме того, землянки с большой площадью и без отопительных очагов могли быть складскими помещениями, именно в таких землянках обнаружено до нескольких сотен фрагментов греческих амфор.

Особо следует сказать о получении скифскими мастерами товарного металла. Никаких местных источников меди, а тем более олова или свинца, у местных мастеров не было. В этом отношении они полностью зависели от привозного и вторичного сырья. Особую роль, как уже отмечалось, при этом играли обломки стенок литых бронзовых котлов. Одной из характерных черт сплавов, используемых при отливке котлов, было малое количество лигатуры (определенных добавок для придания металлу необходимых свойств) – в среднем не более 2-3% свинца, реже олова. Это позволяло мастерам при производстве других изделий смело добавлять в расплав стенок котлов необходимое количество лигатуры, как в «металлургически чистую» медь. Однако нельзя не учитывать указания авторов раскопок на находки собственно медной руды. Это дало основание говорить о выплавке металла из привозной руды.

В свое время возможность выплавки меди из руды на скифских городищах подвергла сомнению Т.Б.Барцева – известный исследователь скифской металлообработки. По ее мнению, для таких утверждений нет ни аналитических, ни археологических данных, а то, что иногда считают рудой, могло быть просто большим скоплением медного шлака, полученного уже при переплавке металла. Основным аргументом при отрицании возможности выплавки меди из руды обычно называют нерентабельность доставки в скифские центры руды из горно-металлургических областей. Тем более что основные источники меди находились на значительном расстоянии. Единственно близкий источник меди – это медистые песчаники Донбасса, которые разрабатывались в XIV-XI вв. до н.э., а ко времени появления скифских племен в Европе были забыты. Правда, не все донецкие рудопроявления были исследованы археологами. Поэтому

эпизодическая добычи руды в небольших количествах здесь в скифское время не исключена. Однако, во-первых, аналитические данные свидетельствуют об отсутствии среди скифских изделий из меди химической группы МП (медистые песчаники), которая характеризует геохимический состав донецкой меди, а во-вторых, если даже сырье Донбасса и использовалось скифскими металлургами, то в весьма ограниченных размерах из-за, в общем-то, небольших запасов руды.

Мастерами Лесостепного Поднепровья мог использоваться еще один источник медной руды. Разветвленная сеть днепровских притоков связывала Среднее Поднепровье с Поволжьем и Южным Уралом, откуда мог поступать металл химической группы ВУ (волго-уральский металл) и ЕУ (Елено-Ушкаттинское рудопроявление). Это тем более вероятно, поскольку доля восточного сырья в скифском металле архаического времени, по наблюдениям историков древней металлургии, составляет 24%. О возможности использования волго-уральской меди скифскими мастерами писал еще в первые послевоенные годы Б.Н.Граков. По его мнению, целый ряд признаков свидетельствует в пользу такого предположения. Во-первых, это традиция позднебронзового века, что подтвердилось последними данными спектрального анализа, а во-вторых, наличие постоянного торгового пути из Ольвии в Поволжье и на Урал, о котором писал Геродот. Следует также отметить, что выплавка металла из руды производилась не всегда в месте ее добычи. Одним из важнейших условий для работы металлургов было наличие древесного угля. При отсутствии леса в местах рудопроявлений руду могли перевозить на довольно далекие расстояния, несмотря на значительное количество шлаковой массы, которая образовывалась при плавке, и была, по существу, бесполезным грузом.

Историкам древней металлургии известны многие примеры перевозки обогащенной руды, например, из Монголии в Забайкалье к лесистым местностям, что составляет более 1000 км. Поэтому возможность получения металла из привозных руд лесостепными мастерами вполне вероятна. Возможно, объем выплавки меди из руды не был большим и ведущую роль в металлообработке играл металл, полученный в товарных слитках из металлургических центров. Следует лишь подтверждать такие выводы аналитическими данными в каждом конкретном случае.

На примере исследованного цветного металла лесостепного Днепровского Левобережья картина используемого сырья выглядит следующим образом. Самая высокая доля приходится на сырье «СК» (Северный Кавказ) - 45%. На втором месте стоит сырье «В» (восточное) – 31%. Сюда включены химические группы ВУ и ЕУ, а также небольшое количество изделий, изготовленных из южносибирского сырья. Всего 24% составляет сырье типа «З» - западный металл.

Не равнозначны показатели использования различных источников металла по временным периодам. Так, VI в. до н.э. сырье «СК» составляет 54%, «В» – 24%, «З» – 22%. В V в. до н.э. доля сырья «СК» хотя и остается ведущей, но составляет уже всего 39%, возрастает доля сырья «В» – 36%, возрастает также, хотя и остается довольно низкой, доля сырья «З» – 25%. В IV в. до н.э. изменения, в целом, не существенны. Доля северокавказского сырья равняется 44% и уравниваются доли восточного и западного источников.

Ведущим типом сплава для периода архаики следует считать медно-оловянный рецепт – 64%. Доля оловянно-свинцовых бронз составляет 21% и совсем малочисленные группы «металлургически чистая» медь - 4%, сложные

сплавы с добавками мышьяка и сурьмы - 11%. В V в. до н.э. происходит значительное увеличение доли оловянно-свинцовых сплавов - до 47%, доля оловянных бронз, хотя и остается ведущей, падает до 50%. В IV-III вв. до н.э. оловянно-свинцовые сплавы (77%) окончательно вытесняют оловянные бронзы (14%). Появляются новые медно-свинцовые сплавы, хотя доля их невелика – 6%. Продолжает оставаться низкой доля рецепта «металлургически чистая» медь – 3%.

Как видим, материал, характеризующий металлургию и металлообработку в Среднем Поднепровье достаточно многочисленен и представителен. Он позволяет пересмотреть мнение о роли античных ремесленных центров в истории Северного Причерноморья в пользу мастерских Среднего Поднепровья и утверждать, что здешние мастера обладали навыками и богатым опытом, владели разнообразными приемами обработки металлов и могли в полной мере удовлетворять спрос соплеменников, а также, частично населения степной части Скифии, на металл и металлические изделия.

Тема 11. Религия скифов

Религиозные представления древних доклассовых и раннеклассовых обществ являлись органическойа частью общественного сознания. Поэтому их изучение существенно дополняет наши знания относительно культуры и истории этих обществ. Каждое божество древних религий имело какую-то определенную функцию, важную для общества в целом, то есть оно как бы регулировало отношения между природой, человеком и обществом. Все многообразие этих функций сводилось к трем главным: управление, плодородие, защита. Это так называемая теория трехфункциональности индоевропейских обществ, разработанная французским ученым Ж.Дюмезилем. Этим методом интуитивно пользовались и в древности, «переводя» содержание культов одних народов путем сравнения с более известными культами, например, античными. Широко и плодотворно используют этот метод современные ученые, используя данные фольклора, письменных источников, археологии, изобразительного искусства.

По происхождению скифская религия относилась к числу религий древнеиранских народов, которые, в свою очередь, примерно до конца II тыс. до н.э. входили в индоиранскую языковую и культурную общность. Она составляла часть более широкой – индоевропейской общности, разделившейся в III–II тыс. до н.э. в результате расселения племен – предков современных народов этой обширной языковой семьи. Соответственно, для реконструкции скифских религиозных верований и мифологии привлекают образы, сюжеты и представления различных хронологических пластов. Поэтому важным источником для реконструкции этой стороны духовной жизни скифов являются культовые тексты (сборники гимнов, заклинаний и т.д.): древнеиранские (Авеста), древнеиндийские (Ригведа), эпические сказания современных иранских народов – таджиков, осетин и других. Неоценимая информация содержится в труде Геродота, который записал различные сведения о скифских божествах и обрядах, культовые легенды. Эти данные существенно дополняют материалы, полученные в ходе археологических раскопок.

В классификационном плане скифская религия относилась к числу политеистических «природных» религий, суть которых – обожествление природных явлений и социальных категорий (в отличие от религий «этнических», к которым относятся поздние мировые религии, в том числе христианство, ислам

и другие). По обрядности и способу общения с божеством скифскую религию можно отнести к шаманистским. Для этих религий, распространенных в древности в Сибири и Центральной Азии, характерны представления о делении Вселенной на верхний, средний и нижний миры, посредником между которыми является шаман. Во время камлания шаман с помощью наркотических средств впадает в транс и в таком состоянии, обычно с помощью «духов-помощников», посещает иные миры, где получает необходимые пророчества или помощь от их обитателей. Важной чертой шаманизма является вера в сверхъестественные способности животных: большинство духов-помощников имело звериный или полузвериный облик, сам шаман обладал способностью «превращаться» в различных животных. Многочисленные свидетельства шаманизма – утварь, одежда, изображения, найдены в алтайских и тувинских курганах скифского времени. В скифской религии черты шаманизма не столь очевидны, но все же достаточно выразительны. Скифская религия в различные периоды испытала воздействие со стороны развитых религий Передней Азии и Греции, а также верований и культов местного северопричерноморского населения.

Религиозные представления различаются и по их социальному содержанию, то есть, они находятся в зависимости от того, с какими формами социальной общности людей (род, племя, государство и т.д.) они связаны. В этом плане скифская религия была типичной племенной религией с тенденцией превращения ее в религию национально-государственную. Об этом, в частности, свидетельствует наличие пантеона из семи верховных божеств, которые разделялись на три иерархические уровня. Согласно Геродоту [**IV,*59***], все скифы почитали только следующих богов: прежде всего **Гестию**, затем **Зевса** и **Гею**, после них **Аполлона** и **Афродиту Небесную, Геракла** и **Ареса.** А царские скифы почитали также **Посейдона**. В таком виде скифский пантеон существовал во времена Геродота, приблизительно в середине V в. до н.э., когда сложились условия для образования государства. Геродот, что особенно ценно, приводит в ряде случаев скифские соответствия греческим «переводам» имен божеств. Но, прежде чем перейти к непосредственной характеристике скифских культов и обрядов, следует кратко охарактеризовать их представления о строении Вселенной и происхождении народа, извлеченные из рассказов Геродота и других античных авторов, а также частично реконструированные на основе индоиранских и индоевропейских аналогий.

Скифские легенды, записанные Геродотом [**IV, *8-10***], в мифической форме передают их историю от «изначальных времен», от появления первого человека. По одной из легенд, все скифы произошли от трех сыновей первого человека Таргитая, рожденного от Зевса и дочери реки Борисфен (Днепр). При них с неба упали пылающие огнем золотые дары: чаша, плуг с ярмом, секира. Овладеть ими смог лишь младший брат, Колаксай, получивший, в результате, право быть первым царем. От Колаксая произошел род скифских царей или сословие воинов. Два других брата, вероятно, стали родоначальниками иных сословий: жрецов, земледельцев и скотоводов.

По другой версии легенды, сочиненной, видимо, греками, первыми людьми в скифской земле были Агафирс, Гелон и Скиф, родившиеся от греческого героя Геракла и местной полудевы-полузмеи, обитавшей в священной местности Гилея. Старшие братья были изгнаны матерью, так как не смогли выдержать испытание, завещанное им отцом – натянуть его лук и опоясаться его поясом. Это удалось

лишь младшему брату – Скифу, от которого и произошли скифские цари. Итак, в первой легенде обосновывается божественное происхождение сословий и главенство рода скифских царей, а во второй – главенство скифов над иными племенами, оттесненными с мест их прежнего обитания. Таким образом, скифский эпос, подобно эпосу иных иранских народов, наибольшее значение придавал идеям социальной стабильности, в частности, прославлению справедливого царя, установившего главные моральные и социальные законы. Эти идеи запечатлены в сюжетах эпико-мифологических изображений на золотых и серебряных сосудах из скифских курганов IV в. до н.э. (их главная тема – торжество справедливости в борьбе за власть). Что касается скифской космологии (система представлений о Вселенной), то они сводились к следующему. Упорядоченная Вселенная (в отличие от окружающего ее хаоса) имеет форму квадрата, южной границей которого является океан, а северной – Рипейские (Уральские?) горы, достигающие небес. За горами, у северного моря, находилась «обитель блаженных» (гипербореев). Такой моделью Вселенной было, вероятно, навершие из урочища Лысая Гора в виде мирового дерева с четырьмя ветвями (Рис. 1, *1*).

Пантеон. Во главе скифского пантеона стояла троица верховных божеств: Табити, Папай и Апи. «Прежде всего», по словам Геродота, скифы почитали *Табити* (Гестию). В античной религии Гестия – одно из древнейших божеств, сестра Зевса, Геры и других олимпийских богов, но она старше их. По другой схеме она – один из первородных космических элементов (огонь), источник всего живого. Во времена Геродота Гестия почиталась главным образом как божество очага, как семейного, так и храмового, служившего символом социального и политического единства общества. Так, огонь Гестии в афинском пританее и очаг Весты (аналогичное божество) в Риме, считались преемниками древнего царского очага. Но «главными» божествами, несмотря на высокий моральный авторитет, эти божества не были. В целом для этого периода во всех индоевропейских пантеонах характерно преобладание (верховенство) мужских божеств.

Вероятно, высокое положение Табити-Гестии в скифской религии можно объяснить особым почитанием огненной стихии, включая небесный огонь очага, характерным для всех иранцев. Огнепоклонниками были персы (западные иранцы). У них существовали специальные святилища огня, где огонь горел постоянно, и существовали сложные ритуалы его тушения в случае смерти царя и возжигания при каждом новом воцарении. У них же зафиксированы представления об исключительной святости «царских огней», в которых заключались счастье и вся жизнь царя. У скифов подобные святилища не известны, но огонь как очищающая стихия играл видную роль в погребальном культе. Вероятнее все же, что главное в культе Табити – это олицетворение священного огня царского очага, в котором воплощалось единство всего народа. Клятва «царскими гестиями», вероятно, божествами царского очага, согласно Геродоту, считалась наиболее священной и ее нарушение якобы, приводило к болезни царя. Имя этого божества когда-то, вероятно, было общим для индо-иранцев и означало «та, что согревает». Оно сохранилось в древнеиндийском эпосе Махабхарата (дочь солнца Тапати). Изображений Табити, скорее всего, не было – божества огня обычно не имеют образного воплощения. Многие исследователи, тем не менее, отождествляют с Табити (исходя из эпитета «царица скифов», приводимого Геродотом) довольно многочисленные изображения

сидящей богини с зеркалом и стоящим перед ней скифом (о семантике этих сцен см. ниже в связи с культом Аргимпасы).

Папай (Зевс) и *Апи* (Гея). Характерно, что они названы вместе и образуют супружескую пару (в древнегреческой мифологии Зевс – внук Геи). Скифская пара божеств находит аналогии в древнеиндийской мифологии, где существовало понятие «небо-земля» как источник всего живого. Олицетворением неба, судя по аналогии с Зевсом, был и Папай (имя Зевс – индоевропейское и означает «светлое небо»). А имя *Папай* иранского происхождения и означает «отец», «защитник». В скифских мифах он выступает как прародитель всех людей и их владыка, и в этом он схож с Зевсом Олимпийским. Неизвестно, однако, насколько развитым был его культ, и не ограничилась ли его роль порождением всего живого, соблюдением высших принципов справедливости. В индоевропейской мифологии небесный бог-творец обычно ассоциировался с шаманским деревом. Поэтому изображением Папая-Зевса обычно считают уже упоминавшееся бронзовое навершие из урочища Лысая Гора. Это – божество плодоносящих сил природы и громовержец, обитающий на мировом дереве. Над головой божества его священная птица – орел, на четырех ветвях дерева – звери и птицы (духи-помощники), держащие цепочки с колокольчиками, полумесяцами и кружками – символами грозы и небесных светил. Подобные навершия использовались в шаманских ритуалах. Пребывание на мировом дереве – источник мудрости, поэтического вдохновения и вещего дара, поэтому некоторые исследователи отождествляют божество на упомянутом навершии со «скифским Аполлоном».

Апи (Гея) – наиболее, пожалуй, понятное божество скифского пантеона. Имя Апи происходит от корня, обозначающего в индоевропейских языках воду или реку. Это – олицетворение влажной земли. Например, у древних иранцев существовало божество водных источников – Апат-Напам, в индийской мифологии – водные нимфы «апсарас», живущие на деревьях. В легендах о происхождении скифов прародительницами выступают девы – порождения земли или воды, в одной из легенд – это полудева-полузмея. Кстати, в древнегреческой мифологии Гея (древнее доолимпийское божество, мать-земля) также является матерью Эхидны – девы-змеи, и других чудовищ. Возможно, именно легендарная прародительница скифов или сама богиня Апи изображена на конском налобнике из кургана Цымбалова Могила (Рис. 4, *4*). Над ее головой – стилизованное изображение головы быка – символ божества, которое почиталось вместе с нею (бык в ряде индоевропейских религий был олицетворением земных вод). Из туловища богини вырастают на длинных шеях головы горбатых грифонов, змей, а также растительные побеги. Вообще змеиные черты мифологических персонажей или божеств всегда указывают, что это – порождение земли. Изображение женских духов (демонов) земли, туловище которых вырастает из растительных побегов или заканчивается несколькими парами голов змеи или грифонов, иногда крылатых, были широко распространены в скифское время, в особенности в Крыму и на Таманском полуострове. В этих образах переплелись древние иранские и греческие представления. Змееногие персонажи долгое время существовали в народных культах славян и иных народов.

Апи была, скорее всего, местным божеством, культ которого восприняли скифы – все пришельцы почитают землю, на которой им предстоит жить.

Аргимпаса (Афродита-Небесная) – одно из самых почитаемых божеств, известное как по свидетельствам античных авторов, так и многочисленным

культовым изображениям. Этот культ скифы заимствовали во время пребывания в Передней Азии, о чем свидетельствует ее культовый эпитет «Небесная» (Урания). Согласно преданию [**Геродот, I,** ***105***], скифы разграбили древнейший храм Афродиты Урании (точнее, ее разновидности – богини Деркето) в сирийском городе Аскалоне, за что богиня покарала их потомков «женской болезнью» (см. ниже об энареях). Это – божество плодородия, в основном животного и человеческого. В странах Ближнего Востока и Средиземноморья она почиталась издавна под разными именами – Иштарь, Астарта, Кибела, Мать Богов, Восточная Артемида, Афродита Урания и т.д. Важной ее чертой было заступничество, покровительство человеческому роду. Было аналогичное божество и у древних иранцев. Так, персы почитали Анахиту – божество плодоносных вод, покровительницу богатырей, которая с IV в. до н.э. стала божеством царской династии.

Изображения этого ирано-ближневосточного божества встречаются в скифских курганах на Северном Кавказе с VII в. до н.э. Богиня изображалась крылатой, с двумя усмиренными грифонами или кошачьими хищниками по бокам. Этот культовый образ в Греции и на Востоке назывался Владычица зверей. Функция Владычицы зверей для скифской Афродиты была одной из самых существенных, так как культ дикой природы у кочевников играл большую роль. Некоторые изображения сидящей богини в позе оранты (поза моления), видимо, копируют культовые статуи, созданные по античным образцам (Рис 4, *3*). Встречаются также изображения богини в окружении копытных животных – оленей или ланей. Возможно, это более древний местный персонаж (богиня охоты), который позже воспринимался как разновидность Аргимпасы (?). Этот культовый образ оказался наиболее живучим, он сохранился в народных вышивках до наших дней (богиня с конями или оленями по бокам).

Жрицами Аргимпасы-Афродиты были, вероятно, женщины царского рода. Их хоронили в уборах, украшенных изображениями богини, где она предстает божеством загробного мира. Богиня сидит с зеркалом в руке, а перед ней с ритоном – умерший, вкушающий напиток бессмертия (Рис. 4, *2*). Все эти находки относятся к IV в. до н.э.

Гойтосир (Аполлон). В скифском пантеоне он следует за тройкой верховных божеств. В его имени не вызывает возражений лишь толкование второй части – «сурос» – «могучий», «герой». Это божество существовало, вероятно, у племен Восточной Европы еще во времена индоевропейской общности (реконструкция Б.А.Рыбакова). Его обычно сравнивают с иранским Митрой и функционально близким ему греческим Аполлоном архаического периода, когда он, по выражению известного исследователя греческой мифологии А.Ф.Лосева, представлялся чуть ли не важнее самого Зевса. Одна из архаичных и существенных функций Митры – охрана договора и общественного согласия. Из образов Митры и Аполлона можно реконструировать божество Солнца и света, охранителя стад (эпитеты Митры в Авесте – «дающий прекрасноконное богатство», «владеющий обширными пастбищами»), стрелка и победителя чудовищ. Митра-Аполлон путешествует по небу в солнечной колеснице, запряженной четверкой лошадей, управляя сменой дня и ночи, сезонов года, поддерживает всеобщий космический порядок на небе и на земле.

Еще одна важная сфера деятельноси Аполлона – отправление культов. Он источник вдохновения певцов и музыкантов, автор и исполнитель гимнов,

великий прорицатель. В античной традиции существовал мифологический цикл Аполлона Гиперборейского – о путешествиях Аполлона на север, в страну «блаженных» гипербореев – жрецов и слуг этого божества. Аполлон был главным покровителем греческих переселенцев, основавших Ольвию. Здесь он почитался в основном как защитник, целитель (спаситель) и провидец (исследования А.С.Русяевой).

Изображения Аполлона сложно выделить (если они были) среди изображений лучников и героев-победителей чудовищ и волшебных животных. Иногда Аполлоном не без оснований считают божество, венчающее навершие в виде мирового дерева из урочища Лысая Гора, которое традиционно отождествляют с Папаем-Зевсом, божеством неба.

Геракл. Как уже упоминалось, Геродот записал легенду о рождении от Геракла и полудевы-змеи трех сыновей – родоначальников племен агафирсов, гелонов и скифов. В другой же легенде родоначальником скифов назван местный полубог-полугерой, первый человек Таргитай. Не исключено поэтому, что Геракл мог ассоциироваться у греков с этим персонажем. Подобные божества издревле были у всех индоевропейских народов: Индра у ведических ариев, Тешуб у хеттов, Тор у скандинавов и т.д. Главная их функция – физическая мощь, военная доблесть, защита, а основной подвиг – победа над чудовищем, трехглавым драконом (олицетворением зла) и освобождение воды. Почти все они были божествами грозы. Победа божества грозы или персонажа, который с ним отождествлялся, над чудовищем, занимала главное место в новогодних царских ритуалах. Соответственно, эти сцены нередки в изобразительном искусстве различных индоевропейских народов. Скифские цари в V–IV вв. до н.э., видимо, почитали Геракла как своего предка или покровителя. Его изображения помещались на монетах царей Эминака и Атея, которые чеканились в греческих городах. Образы Геракла и его сыновей, как полагают исследователи (Б.Н.Граков, Д.С.Раевский), широко использовались в идеологических целях: для утверждения идеи единовластия в глазах подданных и утверждения престижа в глазах эллинского мира.

Известны изображения так называемого «скифского Геракла» – героя в скифском одеянии, сражающегося с грифоном либо драконом (Рис. 1, *2*). Более широко, однако, были распространены греческие изображения Геракла. Это золотые бляшки из погребений конца IV в. до н.э., скопированные с античных монет: голова Геракла в львиноголовом шлеме, изображение подвигов Геракла (Геракл и немейский лев, Геракл с яблоками Гесперид). Изображения его подвигов вообще были одним из самых популярных сюжетов эллинистического искусства в различных странах Европы и Азии. Как человек, ставший богом за свои заслуги, Геракл воплощал надежду на личное бессмертие для каждого человека.

Арей (Арес). Его Геродот называет последним в числе младших божеств, но в общественной жизни Скифии этому культу принадлежала наиболее видная роль. Это следует из описания культового сооружения и обряда. *«В каждой области по округам воздвигнуты такие святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти в 3 стадии, в высоту же меньше. Наверху устроена четырехугольная площадка: три стороны ее отвесны, а с четвертой есть доступ. От непогоды сооружение постоянно оседает, и поэтому приходится ежегодно наваливать сюда*

полтораста возов хвороста. На каждом таком холме водружен древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже больше, чем прочим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека…Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч… А внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем, после заклания других животных, оканчивают обряд и удаляются. Рука же остается лежать там, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно». [**Геродот, IV, *63*].** Таким образом, это типичный племенной культ. Проводился он ежегодно по округам – «номам». По мнению большинства специалистов, это какие-то достаточно крупные подразделения Скифии, игравшие важную роль в ее административно-политической структуре. Возможно, они соответствовали территориям племен, и племенной центр был основной базой религиозной жизни. Племенные формы культов характерны для обществ, организация власти в которых может быть определена как «вождество» или военная иерархия (классический пример – индейцы Северной Америки).

Сооружавшиеся из хвороста гигантские алтари Арея очень напоминают культовые сооружения современных народов Сибири, предназначавшиеся для почитания духов – охранителей местности, в том числе для шаманских камланий. Четырехугольная форма характерна для древнейших культовых сооружений многих индоевропейских народов, в том числе индоиранских. Страбон **[XV, *14*]** сообщает, например, что персы сооружали гигантские жертвенники из дерева, которые сжигали во времена жертвоприношений. Археологи не без основания сравнивают деревянные шатрообразные сооружения, нередко сожженные, под насыпями скифских курганов с алтарями Арея.

Что касается происхождения культа скифского Арея, то сейчас наибольшее число сторонников имеет точка зрения А.Ю.Алексеева. Согласно ей, Арей принадлежал первоначально к божествам средней, воздушной сферы и был разновидностью древнего индоарийского божества северного ветра и смерти Вайю, воспоминания о котором сохранились в осетинской мифологии (великан Вайюг) и славянской (Вий). У ряда индоевропейских народов божества-воины нередко были и подателями изобилия – ведь война и военная добыча являлись источниками благополучия. У монголов, например, бог войны был и покровителем скота – основного богатства кочевников. Вероятно, скифы принесли этот культ в северопричерноморские степи со своей восточной прародины.

Остается загадкой, почему Геродот не приводит скифское имя этого, столь популярного божества? Высказывались разные предположения: имя было табуировано; его вообще не было, поскольку божество отождествлялось с мечом (образ бога-меча известен в культах и мифологии разных народов). В любом случае, отождествление скифского бога войны с греческим Ареем вполне правомерно. Греческий Арей почитался в основном как необузданное и жестокое божество войны (божеством упорядоченной, организованной войны считалась Афина). Арею в древнейшие времена также приносили человеческие жертвы, местом отправления культов были холмы (например, Ареопаг – «холм Арея» – в Афинах).

У скифов, подобно иным воинственным народам древности, существовали кроме упомянутого культа различные *военные обычаи и обряды*. Это, прежде всего, скальпирование убитых врагов. Скальпы прикрепляли к уздечке коня; кожей, снятой с правой руки трупа, украшали колчаны и т.д. Скиф также пьет кровь первого убитого им врага; головы убитых в бою он приносит царю, чтобы получить свою долю добычи. Один раз в год каждый «номарх» наполнял вином большой сосуд, из которого пили лишь воины, убившие врагов. Кто не смог этого сделать, сидели отдельно, что считалось величайшим бесчестием. А те, кто убил много мужей, пили сразу из двух кубков [**Геродот, IV, *64-66***]. Это еще одно из проявлений племенных культов. Следует также упомянуть использование оружия в магических целях. Еще одним подтверждением этому являются воткнутые в дно могилы наконечники копий, дротиков, мечи. Оружию умерших, в особенности «героев», приписывали особую «силу». Существуют предположения, что в древности специально проникали в могилы, чтобы вынести оттуда оружие.

Тагимасад (Посейдон). Он не входил в семерку верховных божеств. Почитали его лишь царские скифы. Имя этого божества остается неясным, а что касается сущности культа, то в последнее время она постепенно проясняется. Геродот, сопоставляя его с греческим Посейдоном, имел в виду, скорее всего, «водный» и «конский» аспекты этого божества. Посейдон относился к числу древнейших индоевропейских богов, он олицетворял не только плодородные воды – морские и пресные, но и первозданные стихийные силы вообще. Позднее могущество «колебателя земли» потеснили олимпийские боги во главе с Зевсом. Его аналогом в иранской мифологии был Мазда, а в индийской – Варуна, связанный с космическими водами, луной, магией и т.д. Древним культовым животным этих божеств был бык – олицетворение плодородных вод. Позже, с усилением роли всадничества, божества водных потоков принимают конский облик. В фольклоре иранских народов Средней Азии до наших дней сохранился образ водяного коня, иногда крылатого, обитающего в водном источнике. Еще одна черта, сближающая скифского Тагимасада с греческим Посейдоном: последний почитался также как прародитель знатных родов и покровитель аристократических союзов. Он посылал успех в битвах, ему жертвовали военные трофеи.

Вполне вероятно, что изображение Тагимасада в образе крылатого водного коня помещено на серебряной позолоченной амфоре из кургана Чертомлык (Рис. 2). Она сплошь покрыта изображениями культово-мифологического содержания, среди которых - сцены приручения или жертвоприношения коня. Амфора наверняка использовалась в ритуалах самого высокого ранга. С культом Тагимасада, вероятно, можно связывать и конские нащечные бляхи V–IV вв. до н.э. в виде рыб. Их можно считать, как и широко известную золотую пластину в виде рыбы конца VI – начала V вв. до н.э. из «клада» в Виташкове (Феттерсфельде), персонификациями женской сущности водной стихии.

Не исключено, что культ Тагимасада царские скифы заимствовали на берегах Азовского моря или Керченского пролива, до которых доходили владения этого племени, и через который они совершали походы в земли синдов. Фольклорным преемником скифского Тагимасада-Посейдона был, как полагает исследователь нартского эпоса Ж.Дюмезиль, осетинский «Вождь рыб» или «Владыка пролива», который мог чудесным образом вызвать из морских глубин целую лавину воинов. Боспорские цари полуварварской династии Спартокидов

почитали потомка Посейдона и Геракла – героя Евмолпа. Его символ – трезуб – изображался на боспорских монетах римского времени.

Дионис. Это божество скифы, по словам Геродота, не признавали и даже осуждали эллинов за приверженность богу, который «приводит людей в безумие». Скифский царь Скил, принявший в Ольвии посвящение в таинства Диониса-Вакха, поплатился за это жизнью [**Геродот, IV, *79 ,80***].

Вероятно, это был период противостояния двух культур (и формирования собственного общегосударственного пантеона?). Но примерно через сто лет после того, как была написана «История» Геродота, знатных женщин уже хоронили в головных ритуальных уборах, украшенных золотыми пластинами с изображением пляшущих менад – спутниц Диониса. Изображения эти скопированы с греческих оригиналов и в руках у менад, одетых по-эллински, их обычные атрибуты: кинжал, часть туши козла, жезл с растительными побегами. Пять погребений открыты в Степи, два – в Лесостепи, все они типично скифские, есть среди них и погребения царского ранга (Огуз). Как известно, скифы были большими любителями греческого вина, что даже вошло у греков в поговорку, и что подтверждают многочисленные находки амфор и сосудов для питья вина в курганах. Но могли ли они перенять аграрный культ бога виноделия и организатора оргий? Скорее всего, скифская знать восприняла этот культ, приспособив в какой-то мере к традиционным верованиям и обрядам культа плодородия, из боспорских культов. На Боспоре культ Диониса приобрел особую популярность после утверждения около 438 г. полуварварской династии Спартокидов, имевшей, как полагают исследователи, фракийские «корни» (во Фракии культ Диониса был чрезвычайно популярным). Скифам могли быть близки мистические настроения, пронизывающие дионисийские культы, сам образ умирающего и воскресающего бога-спасителя и целителя (одна из важнейших функций Диониса). Мистические учения, широко распространившиеся в IV в. до н.э., привлекали людей надеждой на посмертное возрождение через самоусовершенствование и совершение специальных обрядов, после чего умерший возрождался якобы в образе бога. Мистические учения вполне могли быть известны скифской знати, породнившейся с греками или эллинизированными фракийцами.

На Бельском городище в бассейне Ворсклы открыты остатки деревянного храма с колоннами, который, как полагают его исследователи (Б.А.Шрамко, Ю.Н.Бойко), был храмом Диониса, а культ последнего был распространен в среде местной воинской знати и аристократии в V-IV вв. до н.э. Эти выводы опираются, в частности, на свидетельство Геродота о городе Гелоне в стране племени будинов, с деревянными домами и храмами, где обитали гелоны, выходцы из эллинских колоний. Каждые три года, – пишет Геродот [**IV, *108***], – будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление.

О возникновении синкретических явлений в сфере религии свидетельствуют также многочисленные золотые бляшки в скифских погребениях конца IV – начала III вв. до н.э. с изображением Афины, Геракла, Коры, Деметры, сатиров и медуз, копирующих античные монетные типы. Отбор инокультурных символов не был значительным (круг божеств довольно ограниченный).

Погребальный культ. Погребальный культ, по определению С.А.Токарева, - это совокупность религиозно-мистических обрядов и представлений, связанных с погребением умерших и самим умершим. Этот культ относился у скифов к числу

семейно-родовых. С конца V в. до н.э., когда формируются курганные могильники, преобладал семейный характер захоронений – в одной могиле или, чаще, под одной насыпью. В пределах больших могильников выделяются мелкие курганные группы, соответствующие семейным или семейно-родовым группам.

Судя по данным погребального обряда и сведениям Геродота, загробная жизнь представлялась продолжением земной. Специальные божества загробного мира не известны. Геродот **[IV, *71,73,75*]** оставил чрезвычайно интересное описание погребально-поминальной обрядности на примере похорон скифских царей. Скифов, как простых, так и «царей», после смерти 40 дней возили по всей округе и друзья покойного устраивали угощение для всего погребального кортежа и для него самого. Тела царей бальзамировали и возили на повозке по территориям всех подвластных племен, население которых с выражением глубокой скорби (обстриженные в кружок волосы, расцарапанные лица, надрезы на руках и т.д.) присоединялось с погребальными дарами к траурной процессии. Таким образом, похороны царя превращались в событие общескифского значения. Вместе с царем хоронили, удушив, одну из наложниц и виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника и лошадей, клали золотые чаши. По истечении года на могиле устраивали обряд окончательного провода умершего. Вокруг кургана на кольях устанавливали чучела 50 коней, на них усаживали трупы 50 удушенных юношей из царской свиты, которые сопровождали царя в потусторонний мир. Коням придавалось большое значение при переселении умершего в загробный мир. Эти представления существовали у всех индоиранцев, их пережитки сохранились до наших дней. Коней хоронили в одной могиле с умершим или в отдельной могиле, иногда – вместе с конюхом. Вместо коня могли также положить уздечку. Обряд погребения скифских царей можно считать ярким проявлением культа вождей, присущего обществам развитых вождеств. Умершие цари присоединялись к сонму богов, их могилы становились объектом почитания, как и могилы могущественных шаманов и вождей. Величественные курганы царей (некоторые из них достигали в высоту 20 м и более) были также символами социального престижа. По выражению римского историка Плутарха, «скифы гордятся своими могилами». Ко второй половине IV в. до н.э. погребальный культ принимает гипертрофированные формы (огромные насыпи, глубокие катакомбы, разнообразный богатый инвентарь, конские и человеческие жертвоприношения).

Культ плодородия. Скотоводческие обряды и поверья были тесно связаны с культом дикой природы. Большинство из них было приурочено к сезонным праздникам, в основном весенним и осенним. С новогодним весенним праздником связаны, очевидно, изображения на золотой пекторали – (деталь царского ритуального убранства) из кургана IV в. до н.э. Толстая Могила в г.Орджоникидзе Днепропетровской обл. (Рис. 3, *1*). В верхнем ярусе пекторали изображены домашние животные с приплодом, сцены доения овец, а в центре – два пожилых скифа, занятые, видимо, пошивом ритуального одеяния из шкур. Вероятно, это покровители скотоводства (в индоевропейской мифологии это обычно парные божества), воплощавшие два аспекта царской власти – сакральный и военный. А главный смысл этого изображения – магическая формула благополучия, прежде всего умножение скота. В нижнем ярусе пекторали представлен мир дикой природы (сцены терзания копытных животных хищными), который противопоставляется упорядоченному человеческому миру, жизни и созиданию.

Значительный интерес представляет рассказ Геродота [**IV,** ***7***] о скифском новогоднем празднике, учрежденном якобы Колаксаем, первым скифским царем, в честь священного золота, которое упало с неба и было предназначено именно ему. Главные компоненты праздника: ночное бдение у священного золота ритуального заместителя царя, его убийство через некоторое время, объезд царем-всадником земельного надела. В ритуале праздника была, вероятно, и пахота – имитация священного брака царя и божества земли. Эти два элемента праздника реконструированы на основе мифологических сюжетов и обрядов иных индоевропейских народов. В целом, в этом празднике и связанных с ним культовых легендах слились, видимо, элементы среднеевропейской аграрной мифологии (мотив священного плуга) и индоиранской концепции царской власти. Это произошло, вероятно, в результате тесных контактов скифов-кочевников и местных земледельческо-скотоводческих племен, на земле которых, возможно, и проводился этот праздник.

Обряды, совершавшиеся во время новогоднего празднества, повторяли сакральные действия при творении мира. И в то же время это было новое творение мира, обновление всего природного жизненного цикла. Главное место в новогодних ритуалах занимал поединок героя-первопредка с чудовищем. Победа героя означала торжество света, добра над силами зла, с нее начинался новый годовой цикл.

Культы предков, героев и вождей. Культ предков тесно связан с погребальным культом и культом плодородия. Умершие становились духами – покровителями местности, способными управлять природными стихиями, к которым обращались за помощью в повседневной практике (к помощи высших богов прибегали лишь в исключительных случаях). Разрушение могил предков было поводом к войне, как следует из ответа царя Иданфирса Дарию [**Геродот, IV,** ***127***]. Причем это не столько личные предки, сколько умершие мужчины племени (рода) вообще – бывшие защитники и богатыри. Именно культ богатырей (героев) имел, видимо, в скифском обществе гораздо большее общественное значение, чем культ предков, более характерный для земледельческих народов. В числе почитаемых героев могли быть и иноземцы, и полумифические исторические личности. Парными или близнечными божествами-героями считают изображения так называемых побратимов – двух скифов, пьющих из одного ритона. Эти персонажи можно, видимо, сравнивать с божественными близнецами – индийскими Ашвинами и греческими Диоскурами. Могилы героев были объектами особого поклонения. Им ставили каменные изваяния (см. ниже). Судя по атрибутике изваяний, их почитали как защитников и подателей плодородия, в том числе и человеческого. *Культ вождей* имел формальное сходство с культом героев, но уже являлся идеологическим обоснованием новой, деспотической власти вождя-царя. В скифском обществе культ вождей существовал в развитом виде. Это следует из мифологии (божественное происхождение царской власти), роли царя в религиозной сфере, погребального обряда, изобразительного искусства – сцены божественной инвеституры - венчания на царство (Рис, 3, *2*) и приобщения умершего царя Великой Богине (Рис. 4, *2*).

Жречество. Отправление культов. Культовый инвентарь. У древних иранцев существовало специальное сословие жрецов. Видимо, так было и у скифов. Споры лишь ведутся о том, была ли это обособленная сословно-кастовая

группа, наподобие «атраванов» – жрецов огня или мидийского племени магов – носителей религиозной мысли общества в древней Персии, либо скифские «предсказатели» были подобны вещунам и ворожеям языческих племен Севера и Востока Европы. Согласно Геродоту [**IV, *67*],** среди скифов было много «предсказателей», которые гадали с помощью большого числа ивовых прутьев, раскладывая и складывая их на земле. Этот способ гадания археологически засвидетельствован у родственных скифам племен Сибири и Средней Азии (находки прутьев в погребениях). Более известны были энареи-андрогины, т.е. «не мужчины» [**Геродот, I, *105*; IV, *67]*,** или «евнухи» **[Псевдо-Гиппократ, О воздухе, водах и местностях, 29].** Они носили женскую одежду, занимались женскими работами и даже разговаривали «по-женски». Способ гадания у них также был женский: они переплетали и расплетали полоски липовой коры, разрезанные на три части. Судя по всему, это были жрецы культа Аргимпасы-Афродиты. Скифы считали, что «женская болезнь» (импотенция) энареев – это наказание за грехи предков, некогда разграбивших древнейший храм богини. Подобные «превращенные» шаманы у многих народов считались наиболее «сильными», в особенности, если они, как в данном случае, получили свой дар от могущественного божества.

Функции скифских «предсказателей» были, видимо, подобны функциям служителей культа такого уровня у иных народов. Это, прежде всего, врачевание болезней, а также «управление» атмосферными явлениями и военная магия. Скифские «предсказатели», вероятно, сопровождали войска в походе, подобно персидским магам и монгольским шаманам. В их ведении были и судебно-карательные функции: отыскивание разного рода злоумышленников. Высшим авторитетом в судебных делах, в том числе касающихся веры, был царь. Перед лицом царя происходили судебные разбирательства, он руководил действиями «предсказателей» в случаях конфликтов между ними и даже казнил их. Во времена Геродота были обычны столкновения между царем и предсказателями. Их нередко казнили за «ложные пророчества» [**Геродот, IV, *68-69*].** Возможно, в основе лежал конфликт новой волны кочевников «царских скифов» и старой могущественной аристократии, в том числе жреческой. Сами цари также выполняли определенные жреческие функции, например, приносили жертвы в честь священных золотых реликвий, якобы дарованных небесным божеством первому царю.

Скифам, как и иранцам вообще, было присуще преобладание мужчин в культовой сфере. Античные авторы, в том числе Геродот, упоминают лишь мужчин-жрецов. В особенности это касалось более официальных форм культа. За женщинами оставались, главным образом, домашние культы, а также обряды, связанные с погребениями и некоторые эзотерические (тайные) обряды. К ним относились различные хтонические культы, связанные с почитанием демонов плодородия. Общественное значение этих культов и роль женского жречества вообще усиливается в IV в. до н.э., что было обусловлено некоторой утратой былого значения воинской идеологии. К этому периоду относятся многочисленные погребения знатных жриц в украшенных золотом уборах, в сопровождении коней и повозок.

Основным видом ритуальной деятельности были жертвоприношения. Они проводились без участия специальных жрецов. Обряд жертвоприношения был крайне прост. Жертвенное животное душили петлей, накинутой на шею

(бескровные жертвоприношения), взывая при этом к божеству. Потом мясо варили в котлах, причем часть мяса и внутренностей (доля бога) бросали перед собой на землю [**Геродот, IV, *60-62***]**.** Приносили в жертву быков и других животных, за исключением свиней, но более всего коней. Исключительная роль конской жертвы, а также бескровный обряд жертвоприношений сближают скифскую обрядность с древнеиндийской. Наиболее ценными были человеческие жертвоприношения, например, в культе Арея; кумир божества орошали кровью. На золотой пластине головного убора из кургана близ с.Сахновка на Черкащине изображено пиршество-жертвоприношение. В нем участвуют скифы-мужчины в обычном одеянии: коленопреклоненный вождь с ритоном и скипетром перед сидящей богиней, слуга с опахалом, двое воинов, пьющих из ритона, бородатый певец, аккомпанирующий себе на струнном инструменте, прислужники, разливающие вино и несущие жертвенного барана (Рис. 4, *1*).

Культовый инвентарь. Это, прежде всего, длинные бронзовые ножи, иногда они встречаются в погребениях парами. При жертвоприношениях пользовались также ритуальными топориками и клевцами, украшенными изображениями животных. Универсальным культовым атрибутом были навершия различного типа, увенчанные головой или целой фигурой животного, иногда с бубенцами. В IV в. до н.э. появляются плоские «штандарты» с антропоморфными фигурами и сюжетными композициями. В ритуалах использовались и предметы, имевшие также утилитарное назначение: зеркала, каменные блюда овальной формы, бронзовые котлы и различные парадные сосуды для питья, нередко украшенные изображениями животных, а иногда композициями с культово-мифологическими сюжетами.

Тема 12. **Искусство народов Скифии**

На просторах Великого пояса евразийских степей в I тыс. до н.э. обитали многочисленные ираноязычные племена. Общность языка и кочевого образа жизни, частые контакты как мирного (политические и торговые связи), так и военного характера способствовали сложению на территории Восточной Европы, Южного Приуралья, Казахстана, Алтая и Тувы огромного массива родственных по материальной и духовной культуре племен и народов.

Естественно, каждому из мощных объединений ираноязычных номадов – будь то скифы, савроматы и сарматы, саки, массагеты и др., наряду с общими для всех этих народов культурными традициями были присущи и частные их проявления. В полной мере эта тенденция сказалась на развитии скифо-сибирского звериного стиля ранних кочевников, в рамках которого выделяется целый ряд локальных вариантов. Во многом эти различия определялись источником того импульса инокультурного влияния, который шел извне. Так, например, племена восточной ойкумены евразийского пояса Степей испытывали такое влияние со стороны искусства Древнего Китая, позднее – Парфянского государства и т.д.

Если обратиться к истории собственно скифского искусства, то на ранних стадиях развития определенную индивидуальность на него наложили художественные вкусы мастеров Переднего Востока, позднее – художественные традиции античного мира, а также западных соседей скифов – фракийцев. Тем не

менее, учитывая общую основу, несомненно, присутствующую в искусстве племен, составлявших круг скифо-сибирского этно-культурного единства, для реконструкции скифского искусства в узком смысле, вполне правомерно привлекать художественные произведения, созданные мастерами родственных скифам народов. Это тем более оправдано, поскольку изобразительное искусство скифов известно нам, в основном, по тем образам, которые были запечатлены в металле – золоте, серебре, бронзе. В восточных районах Евразии, в силу специфических природных и климатических условий, в некоторых погребальных памятниках скифского времени (наиболее знаменитые из них – Пазырыкские курганы в Горном Алтае) сохранились и художественные изделия из дерева, кожи, войлока.

Они не только придают своеобразный, теплый колорит торжественному и холодному блеску золотых шедевров древних ювелиров, но и позволяют нам полнее представить себе тот особый мир скифского изобразительного искусства, образы и символика которого были понятны и близки этим древним кочевникам. Однако, хотя декоративно-прикладное искусство и является одной из главных составляющих художественной сферы духовной жизни скифов, последняя не исчерпывалась только им.

У скифов, как и у других ираноязычных народов, была богатая *фольклорная традиция.* Своей письменности древние кочевники не имели. Но труды античных авторов сохранили отрывки их мифологии и эпических преданий.

Так, в изложении Геродота до нас дошли два варианта одного из главных сюжетов скифской мифологии – легенды о происхождении скифов. Их содержание было подробно изложено в предыдущем разделе, что избавляет нас от необходимости их повторного пересказа. Отметим лишь, что характерными чертами легенды, как считают специалисты по фольклору, является присутствие в ней некоторых необыкновенных, невероятных моментов. В нашем случае – это происхождение родоначальника скифов Таргитая от Зевса и дочери реки Борисфен (первый вариант), или рождение Скифа от брака Геракла со змееногой богиней (второй вариант). Наличие таких «сказочных» мотивов в генеалогических легендах вполне оправданно, поскольку легенды призваны обосновать богоизбранность и единые этнические корни данного народа, выразить его самосознание и отделить себя от окружающих этносов по принципу «мы – они», «свои – чужие» или, наоборот, объяснить свою этно-культурную близость с соседями. Примером последнего рода может служить легенда о происхождении савроматов, которые говорят на скифском языке, но издавна плохо, поскольку происходят от смешанных браков скифских юношей с амазонками [**Геродот, IV, *110-117***].

В отличие от легенд, исторические предания основываются на реальных фактах и создаются, если так можно выразиться, «по горячим следам». Со временем, в результате утраты одних и гиперболизации других деталей, они приобретали устойчивую форму героического эпоса. Как уже неоднократно упоминалось, в том числе и на страницах данной книги, многие новеллы Геродота об историческом прошлом скифов являются, по сути, авторизованным пересказом наиболее ярких эпизодов скифского эпического цикла. В частности, это сюжеты о сражении киммерийских царей; о войне скифов с потомками рабов, о походе персидского царя Дария в Скифию и др.

Как и у каждого народа, были у скифов и своя *музыка*, и свои песни. Но они, к сожалению, утеряны для нас безвозвратно. Древнегреческие писатели обошли своим вниманием эти виды искусства древних номадов. Считается, что скифы не признавали ни греческой музыки, ни греческих инструментов. Их слуху милее были свист стрел да пение ветра в натянутой тетиве лука. В подтверждение этого обычно приводят рассказ Плутарха о царе скифов Атее и греческом флейтисте Исмении (подробнее см. *Тему 3*).

Находки музыкальных инструментов или их остатков в памятниках скифского времени на юге Евразии крайне редки. Следует упомянуть так называемые восточные *музыкальные зеркала*. Пока известно всего три таких находки – две на Алтае: 2-ой Пазырыкский (Рис.1, *3*) и 5-ый Рогозихинский курганы, и одна на Урале – 8-ой Мечетсайский курган (Рис.1, *4*). Зеркала представляют собой круглый диск, состоящий из двух соединенных половинок. Одна сторона зеркала гладкая с отростком-ручкой, вторая украшена рельефным орнаментом в виде выступа в центре и двух валиков, пространство между которыми покрыто гравированными рисунками. В полости внутри зеркала помещались застывшие капли олова, которые при сотрясении предмета издавали чуть приглушенные мелодичные звуки. Кроме своего прямого назначения, эти зеркала служили оригинальными музыкальными инструментами, которые, быть может, использовались и в танце.

Известны остатки и *струнных инструментов*. Самый ранний щипковый инструмент типа арфы достаточно простой конструкции, датируется VI в. до н.э. Он найден в погребальной камере 2-го Башадарского кургана на Урале. Длинный корпус его вырезан из цельного куска дерева; к нему приклеивалась (или крепилась шнурком) кожаная дека-мембрана; струнодержатель вставлялся в специальное ушко на корпусе. Последняя деталь, очевидно, была съемной ввиду подвижного образа жизни ее хозяина. Мембрана и корпус были окрашены красной краской. Арфы с кожаными резонаторами были также известны в Древнем Египте и Месопотамии, да и в античной ойкумене. В Афганистане примитивная арфа, похожая на скифскую, дожила почти до наших дней.

Музыкальная культура и искусство скифов постоянно развивались. Иллюстрацией тому может служить найденный в могиле 2-го Пазырыкского кургана (V в. до н.э.) смычковый инструмент совершенно новой конструкции (Рис.1, *2*). Кузов его, вырезанный из цельного куска колоды, полый внутри, сужен в средней части. С обоих концов кузов покрывала кожаная мембрана, прикрепленная к стенкам деревянными гвоздиками; средняя его часть закрывалась декой в виде тонкой деревянной дощечки с прорезным узором. Две струны (сделанные из сухожилий) натягивались одна над другой на вертикально крепившиеся к противоположным сторонам кузова струнодержатель и «гриф». Расположение струн и явные поперечные потертости на самой узкой части корпуса свидетельствуют, что звуки из инструмента извлекались с помощью смычка. При игре эту архаическую «праскрипку» располагали вертикально или наклонно, грифом вверх, днищем корпуса к музыканту, декой со струнами, соответственно, от него. Именно так и сегодня держат скрипку музыканты многих народов.

Еще один струнный инструмент большого размера (типа домры) с железными деталями происходит из женского погребения 8-го Мечетсайского кургана IV в. до н.э. В двух случаях шумящие и щипковые инструменты

принадлежали женщинам - «музыкантшам», а, возможно, и танцовщицам. Вполне вероятно, что у кочевых народов, обитавших в VI–IV вв. до н.э. на обширных пространствах Евразийского степного пояса, были специально обученные музыкантши и танцовщицы, попавшие к ним из восточных стран. Смычковый же инструмент принадлежал мужчине и игра на нем, очевидно, имела ритуальное значение. Обычай играть на смычковом инструменте при общении с божествами и духами сохранился и дожил вплоть до наших дней у казахов и каракалпаков.

В произведениях изобразительного искусства единственным подтверждением наличия у скифов щипковых инструментов является золотая пластина от головного убора из Сахновского кургана. Один из персонажей многофигурной композиции представлен играющим на струнном инструменте типа кифары (Рис. 1, *1*). Поскольку на пластине с инструментом изображен бородатый мужчина, это подтверждает, что музыка у скифов не была привилегией (или обязанностью) только женщин.

Скифы знали различные виды *прикладного искусства*, но многие образцы его не дошли до наших дней из-за разрушительной силы времени. Вещи из тканей, кожи, дерева практически полностью истлевают в гробницах. Не сохранились такие виды прикладного искусства, как деревянная резьба и скульптура, многоцветные аппликации из кожи и тканей, хорошо известные сегодня по находкам в памятниках ранних кочевников Сибири. Об *аппликации по ткани* некоторое представление дают остатки костюма девочки-подростка, погребенной в Вишневой Могиле – рукава ее белой полотняной рубахи украшали полосы ярко-оранжевой и алой атласной ткани. Подобные аппликативные украшения были характерны и для кожаной одежды скифов. Оригинальными образцами кожаной полихромной аппликации служат золотые ажурные пластины из курганов второй половины IV в. до н.э. и, в особенности, золотая пластина с изображением Гойтосира-Апполона из кургана у с.Гюновка, прикрепленная к кожаной основе ярко-синего цвета с алыми вставками. Лучше всего сохранилась золотая аппликация одежды в погребениях представителей скифской знати. Практически все детали верхней одежды – головные уборы и накидки-покрывала к ним, плечевая одежда, штаны и даже обувь – расшивались золотыми выпуклыми бляшками различных размеров и формы с изображениями растений, животных, героев или богов, призванных оберегать и защищать владельца этой одежды. Об этом виде прикладного искусства свидетельствуют как во множестве сохранившиеся в погребениях золотые украшения, так и многочисленные изделия торевтики, изображающие скифов в одежде, отделанной аппликацией.

С искусством *вышивки* скифы были знакомы достаточно хорошо. Чудом уцелевшие в нескольких погребениях фрагменты тканей позволяют говорить о том, что одежду украшали и декоративной вышивкой, орнаменты которой были выполнены в технике строчки – узором «мережка». Лучше других сохранился обрывок ткани с вышивкой, найденный в Рыжановском кургане (Рис.1, *5*). Узор имел вид восьмилепестковой розетки с подчеркнутыми вышивкой же контурами, выполненной толстыми нитями растительного происхождения в технике тамбурного шва. Этот способ декоративного шитья был хорошо известен в древности на различных территориях Евразии. К сожалению, сохранность тканей и их фрагментарность не позволяют восстановить орнаменты найденных вышивок целиком.

Определенный интерес представляют и произведения *коропластики* - небольшие глиняные антропоморфные и зооморфные скульптурки (Рис. 2), связанные с культом плодородия. Этот вид прикладного искусства был широко распространен в течение длительного времени. Зооморфные фигурки появляются на поселениях в XI–IX вв. до н.э., антропоморфные позже – в памятниках Поднестровья и Прикарпатья в VIII–VII вв. до н.э., а в Поднепровье – в V в. до н.э. Антропоморфные статуэтки представляют мужские и женские фигурки, в их числе фаллические статуэтки мужского божества; хотя чаще встречаются схематичные изображения без подчеркнутых половых признаков. Среди зооморфных чаще изображали различных домашних животных – быка, лошадь, корову, овцу, свинью, собаку. Реже встречаются статуэтки диких зверей (рыси, медведя, лося, бобра), птиц и фантастических существ (грифоны, крылатые кони). В особую группу выделяются небольшие модели лепешек, хлебцев и зерен. Все эти фигурки делались довольно небрежно из необожженной глины и предназначались для разового использования в культовых обрядах, во время которых они разбивались. Поэтому чаще всего их находят во фрагментах и, главным образом, в культовых комплексах городищ (прежде всего – Бельского и Трахтемировского) Лесостепной зоны Скифского мира. В погребальных памятниках подобных вещей нет. У скифов, как и у индоиранцев в целом, глиняная пластика развития не получила. В Лесостепной зоне этот вид изобразительного искусства исчезает практически одновременно с окончанием скифской эпохи.

В *декоративном искусстве* народов Северного Причерноморья в скифскую эпоху отмечается три направления или стиля. Геометрический стиль связан с использованием в орнаментике геометрических форм, звериный стиль – с изображением зверей и звериных мотивов, антропоморфный стиль – с изображением эпических героев и божеств в человеческом облике.

Орнаменты, выполненные в *геометрическом стиле*, чаще всего составлялись из прямых или ломаных линий, образующих треугольники, трапеции и ромбы в различных сочетаниях. Такие узоры наиболее характерны для керамической посуды из Лесостепной зоны Среднего Поднепровья. Рисунок нарезали на черной лощеной поверхности сосуда, составляя сложные фризы, и часто затирали белой краской, делая его таким образом более ярким и нарядным (Рис. 3, *1-3*). Иногда геометрический орнамент использовался для отделки костяных и бронзовых деталей конской узды. Так, например, из курганов у с.Жаботин происходят псалии, украшенные в одном случае резными треугольниками, в другом – квадратами с кружком в центре каждого из них.

Геометрические мотивы использовались также в орнаментации собственно скифской металлической и деревянной посуды. Выпуклый зигзагообразный или Х-образный орнамент украшает тулова бронзовых котлов из курганов Чертомлык, Солоха и Раскопана Могила (Рис. 3, *7-8*). В последнем случае декор разбит на три фриза: нижний украшен зигзагом, средний - растительным орнаментом, верхний - концентрическими окружностями и букраниями. Принцип размещения разнообразных типов геометрического орнамента поясами часто использовался на различных по форме и назначению предметах – например, бронзовых ритуальных ножах из Репяховатой Могилы (Рис. 3, *6*). Достаточно популярным был и так называемый S-видный орнамент, состоящий из спиралей и завитков, напоминающих латинскую букву «S». Так орнаментированы ажурные бронзовые

«ковши» из курганов Чертомлык, Козел и Гайманова Могила (Рис. 3, *9*), навершие из Чертомлыка (Рис. 3, *4*) и золотые обивки деревянных ритуальных чаш из курганов у сс.Александровка и Журовка (Рис. 3, *5*). Так же украшены глиняные площадки жертвенников-святилищ (Рис. 3, *10*), открытые в Лесостепи (Западное Бельское, Трахтемировское городища, поселение Тарасова Гора у с.Жаботин). Среди комбинированных мотивов можно упомянуть сочетание кружков, вписанных в треугольник, чаще всего встречающееся на золотых нашивных аппликациях одежды.

В геометрическом стиле сохранились традиции прикладного искусства предскифского периода. Тем не менее, он не получил широкого распространения и дальнейшего развития в декоративном искусстве степных скифов.

«*Скифский звериный стиль»* – это самобытное художественное течение древнего декоративно-прикладного искусства. Образы зверей, запечатленные скифскими мастерами, нельзя спутать с изображениями животных, которые встречаются в традиционном искусстве многих народов разных времен. Образцы скифского зооморфного искусства найдены при раскопках многих древних памятников на территории современных Украины, России, Казахстана и соседних регионов.

При изучении звериного стиля скифской эпохи рассматриваются несколько аспектов этого феномена – художественные особенности, семантика образов и его происхождение. Если исследование первых двух вопросов не вызывает особых разночтений, то при решении вопроса о происхождении звериного стиля мнения исследователей резко расходятся. Существует четыре основных точки зрения относительно его истоков.

1. **По *теории античного происхождения* (А.Фуртвенглер, Б.В.Фармаковский, К.Шефольд, М.Эберт) решающая роль в сложении звериного стиля принадлежала ионийскому искусству, изобразительные традиции которого скифы заимствовали у переселившихся в Северное Причерноморье греков. Теория не нашла широкого распространения.**
2. **Согласно п*ереднеазиатской теории* (М.И.Ростовцев, М.И.Артамонов и др.) скифская культура, а вместе с тем и искусство звериного стиля сформировались вследствие походов скифов в Переднюю Азию, где они и восприняли изобразительные традиции, которые, со временем несколько видоизменив, распространили в евразийских степях. Эта теория весьма популярна и сегодня, тем более что «переднеазиатские корни» некоторых образов скифского звериного стиля достаточно очевидны. Однако очевидно и другое – речь может идти именно об отдельных образах, а не всем комплексе зооморфного искусства в целом.**
3. **В основу *теории центральноазиатского происхождения* (наиболее последовательный сторонник – А.И.Тереножкин) положены материалы**

раскопок кургана Аржан в Туве, где обнаружены наиболее ранние (примерно, середины VIII в. до н.э.) образцы «скифского» звериного стиля.

4. **По *теории местного происхождения* (Э.Миннз, Г.И.Боровка, Б.Н.Граков и др.) истоки стиля следует искать в местных культурах эпохи неолита и бронзы Евразии. Эта теория имеет достаточно давние традиции. Одной из современных ее разновидностей является так называемая *теория «полицентризма»* (М.П.Грязнов, Д.С.Раевский, И.В.Яценко). Согласно данной концепции, определить территорию первоначального формирования скифо-сибирского звериного стиля не представляется возможным, поскольку этот процесс проистекал в разных районах Евразии параллельно и самостоятельно.**

Однако теория «полицентризма» вышла за рамки спора об истоках скифо-сибирского звериного стиля. Она была поддержана и расширена сторонниками концепции автохтонного, восточноевропейского происхождения скифского этноса и скифской культуры, ибо позволяла «вынести за скобки» противоречащие этой научной гипотезе объективные факты. Прежде всего, находки в восточных районах Евразии вещей, которые и по времени своего изготовления, и по форме могут рассматриваться как возможные прототипы основных категорий раннескифской материальной культуры (наконечники стрел, бронзовые удила и псалии, короткие мечи и др.), а также характерного для скифского зооморфного искусства архаического периода устойчивого набора основных образов и способов их стилизации. Однако игнорирование того или иного факта вовсе не означает его отсутствия. Тем более что после открытия Аржана была выделена целая группа памятников, которые составляют с ним один культурно-хронологический пласт и археологически подтверждают тезис о формировании протоскифской культуры, в том числе ее художественных традиций, в глубинных районах Азии. Эта точка зрения, которую настойчиво и последовательно отстаивал А.И.Тереножкин, находит все больше сторонников.

Репертуар образов скифского звериного стиля достаточно ограничен. Он включает четыре группы – это хищники, копытные, птицы и фантастические существа. Причем набор видов внутри каждой из этих групп также невелик. Из хищников чаще других изображались кошачьи: пантера, рысь, барс, лев. Гораздо реже встречаются медведь и волк. Среди травоядных излюбленными были образы оленя и лося, реже изображались горный козел, баран, лошадь, кабан и бык. Среди изображений птиц преобладают хищные, в основном орел, но встречаются и водоплавающие. Известна также серия изображений рыб. Фантастических животных представляют грифоны, образы которых жили в воображении людей, объединив в себе черты и части тел разных животных – лапы, когти, рога, гребни, крылья, хвосты. Различаются два основных вида грифонов: орлиноголовые и львиноголовые. Реже встречаются изображения так называемых грифо-баранов – существ с клювом хищной птицы и закрученными рогами барана. В сущности,

этим и ограничивается перечень изображавшихся животных. Многие из окружавших скифских мастеров животных оказались «незамеченными» ими, в то время как, например, лев или леопард, которые не водились в Причерноморье, были среди наиболее любимых и часто изображаемых образов.

Вряд ли только силой или красотой можно объяснить популярность образов определенных видов животных. Скорее, здесь уместно обратиться к мировоззренческим представлениям кочевников евразийских степей. Дело в том, что многие народы древности представляли себе Вселенную разделенной на три вертикальные зоны – верхнюю (небесную), среднюю (земную) и нижнюю (подземную). В научной литературе подобное представление о мире называется концепцией мирового дерева (которое растет вертикально и имеет три главные составляющие – крону, ствол и корни). Мышление древних было достаточно конкретным и воплощалось в определенных образах, в данном случае зооморфных. Так, верхний мир (или зона) был связан с птицами, средний - с копытными животными, а нижний – с рыбами и пресмыкающимися, у скифов нижний мир маркировали также хищные звери. По схеме мирового дерева ствол его мыслился не просто как ось мира, но и как путь из одной зоны в другую и для богов, и для людей. Осуществляли связь между различными зонами определенные животные. Роль такого посредника отводилась, например, кабану, поскольку, с одной стороны, он относится к копытным, а с другой – к плотоядным, т.е. хищным животным. Поэтому он и стал своеобразным связующим звеном, так называемым медиатором, между нижней и средней зонами Вселенной.

Наиболее наглядным материальным воплощением мировоззренческих представлений скифов являются навершия. Они состоят из трех основных элементов – втулки, бубенца и венчающей его фигурки животного. Очевидно, иллюстрируя идею вертикального строения мира, эти вещи использовались в погребальном ритуале, когда умерший «перемещался» из одной зоны в другую.

Если рассматривать скифский звериный стиль сквозь призму упомянутой выше концепции мироздания, то становится понятным и ограниченный репертуар сюжетов, и отнюдь не случайный их выбор. То есть, каждый зооморфный образ представляет собой конкретный знак или символ, выражающий общую идею, и создавался он при помощи вполне определенных, более или менее условных, изобразительных приемов.

Скифский звериный стиль отличен от иных зооморфных изображений особенными художественными приемами, которые использовали скифские мастера.

Одним из ведущих признаков скифского звериного стиля является *способ моделировки поверхности предмета*. Все тело животного, включая и отдельные мелкие его части, оформлено в виде нескольких плоскостей, сходящихся под углом. Такое изображение воспринимается как многогранное, объемное за счет игры света и тени. Этот изобразительный прием свойственен только скифскому звериному стилю. Считается, что выработался этот стиль в вышивке, аппликации и резьбе по дереву. Скорее всего, именно работа с деревом натолкнула художника на мысль о перенесении подобного приема на другие материалы. Изображения зверей исполнялись из кости, рога, бронзы, золота, реже железа и серебра. Использовалась и различная техника – литье, штамповка, чеканка, крайне редко гравировка. Преобладают низкий и высокий рельеф, встречаются и скульптурные

изображения. Чаще всего они профильные двухмерные, трехмерные крайне редки.

Наиболее популярными у кочевников были звери, обладавшие силой и выносливостью, стремительностью и быстротой реакции, цепкостью и мощным ударом, зоркостью и тонким обонянием. Стремление подчеркнуть наиболее важные достоинства того или иного животного, так высоко почитаемые кочевниками, привело к выработке скифскими мастерами еще одного изобразительного приема – *акцентированию признаков*. Определенные части тела животного намеренно преувеличивались. Ветвистые рога оленя соответствуют размеру его тела; загнутый в спираль клюв птицы больше самой ее головы; круглый глаз настолько велик, что порой выступает за пределы головы; то же происходит с круглыми ноздрями-колечками или разинутой пастью с подчеркнуто огромными клыками; преувеличено большими часто представлены уши копытных зверей и когти птиц.

Этой же цели служил и еще один прием, получивший название «*зооморфных превращений»*. Суть его заключается в том, что для усиления или подчеркивания каких-либо деталей их оформляли дополнительными изображениями животных или наиболее «важных» частей их тел. Так, завитки рогов оленей и лосей, концы лап хищников, копыта травоядных зачастую изображались в виде птичьих головок с загнутыми клювами. Иногда концы лап зверей украшены фигурками свернувшихся в кольцо хищников. Нередко различные фигурки помещаются на бедре или лопатке животного.

Интересно, что прием акцентирования внимания зрителя на различных частях тела животного привел к появлению «самостоятельных» изображений этих деталей. Так появились предметы в виде голов птиц и животных (Рис. 4, *8-10*), птичьих когтей и крыльев, ног хищных животных и конских копыт (Рис. 4, *3-4*), оленьих рогов. Таким образом, используя определенные изобразительные приемы, скифские мастера подчеркивали в своих произведениях черты животного, которые они считали основными, определяющими образ конкретного зверя в сознании кочевников.

Характерной особенностью скифского звериного стиля является крайне ограниченный *набор канонических поз*. Кажущееся на первый взгляд многообразие их на самом деле сводится всего к четырем: свернувшийся в кольцо хищник; животное с опущенными ногами; ноги согнуты под углом; поджатые под туловище ноги лежат одна на другой (Рис. 4, *1-2,5,7*). Птицы изображаются с распростертыми крыльями.

Изображенные по всем канонам стиля звери изолированы от окружения. Они показаны отдельно, крайне редко встречаются звери, составляющие горизонтальные или вертикальные ряды. *Сюжетные сцены* – речь идет о так называемых сценах борьбы и терзания, появляются относительно поздно – лишь в конце V в. до н.э. В них уже вполне очевидны греческие акценты и влияния.

Как это не парадоксально, но именно определение позы животного вызывает споры у исследователей. Наиболее загадочной оказалась поза оленя с подогнутыми ногами. Ее определяют как готовность к прыжку, сам прыжок или «стоп-кадр» его апогея, «летящий» галоп, позу жертвенного или, наконец, спящего животного. Но, как выяснилось, в природе подобная поза для оленей вообще не характерна. Следовательно, звери переданы не в какой-то

определенный момент действия, а в условной позе, которая подчеркивала динамизм и экспрессию движения.

Классическим образцом такого рода произведений скифского искусства является золотой олень из кургана VI в. до н.э. у станицы Костромской на Кубани (Рис. 4, *2*), некогда украшавший щит. Олень изображен в профиль с подогнутыми ногами с острыми копытами и вытянутой вперед головой. Тело его смоделировано в виде широких плоскостей, сходящихся под углом, выделяющих лопатку и бедро. Намеренно преувеличенный рог тянется вдоль всей спины в виде ряда завитков, два таких же завитка находятся надо лбом животного. Длинное ухо как будто прижато. Круглый глаз выделен рельефом, ноздря – маленьким кружком, а пасть – двойным валиком. «Костромской» олень великолепно демонстрирует органическое слияние обобщенного реализма и строгой стилизации, столь характерное для скифского звериного стиля.

Еще одна золотая нащитная бляха, часто называемая «келермесской пантерой», происходит из Келермесского кургана конца VII или начала VI вв. до н.э., что на Кубани (Рис. 4, *7*). Здесь перед нами редкий случай нарушения строгого профильного принципа изображения – хотя тело передано в профиль, видны все четыре лапы животного, согнутые под тупым углом. Тело резкими гранями расчленено на широкие плоскости. Шея вытянута вперед, на опущенной вниз тупой морде обозначены выступающие ноздри и ухо, в оскаленной пасти показаны зубы. Лапы пантеры оканчиваются изображениями свернувшихся в кольцо маленьких пантер, еще шесть таких же фигурок расположились на хвосте. Это изображение дополнено инкрустацией.

Ярким примером изображения свернувшегося в кольцо хищника может служить бронзовая бляха с фигурой волка из кургана Кулаковского (V в. до н.э.), раскопанного близ Симферополя (Рис. 4, *1*). При сохранении характерных признаков зверя, заметно нарушены пропорции его тела. Подобный прием, обусловленный необходимостью «вписать» изображения в предмет заданной формы, хорошо известен в скифском искусстве. Шея и туловище непомерно вытянуты. Сомкнувшиеся лапы образовали ажурный овал внутри бляхи. На плече волка – фигурка горного козла с поджатыми ногами, под ним голова лося. Бедро, плечо, кончик хвоста и лапы усилены стилизованными орлиными головками. Значительная степень стилизации изображения не лишила образ изящества и не повлияла на его «узнаваемость».

Среди часто встречающихся изображений головы животного интересна бронзовая бляха в форме головы лося из кургана V в. до н.э. близ с.Жовнино Черкасской обл. (Рис. 4, *10*). На морде с характерным изгибом выделен непомерно большой круглый глаз, почти треугольное ухо прижато, довольно своеобразно показана раскрытая пасть с сомкнутыми губами. Рога представлены в виде двух головок хищных птиц с мощным загнутым клювом, такая же голова помещена и на шее лося. По манере изображения эта бляха перекликается с другой – в виде головы грифо-барана из Семибратнего кургана (Рис. 4, *9*).

На протяжении своего существования звериный стиль подчинялся единым законам и руководствовался общими изобразительными приемами. И тем не менее, в развитии его прослеживается *два основных этапа* – ранний (VII–VI вв. до н.э.) и поздний (V–IV вв. до н.э.). Для изображений раннего этапа характерны, прежде всего, слияние реализма со знаковостью; целостность образа, стремление мастера приспособить зооморфный мотив к форме вещи; свободное размещение в

пространстве; лаконичность и отсутствие сюжетных сцен. Излюбленными образами являются олень, баран, грифо-баран, конь, орел, хищники кошачьей породы, лось, горный козел. Для более поздних изображений характерны: усиление схематизма; перенесение акцента на форму украшаемой вещи; меньший лаконизм и увеличение пышности; появление растительных мотивов и сюжетных сцен. Излюбленными образами являются лев, горный козел, кабан, появляются изображения волка, а место грифо-барана занимает ионийский грифон. К концу этого периода влияние греческого искусства настолько усиливается, что скифский звериный стиль этого времени иногда называют «греко-скифским».

Может создаться впечатление, что звериный стиль имел чисто декоративный характер – ведь все изображения животных, независимо от материала, в котором они воссозданы, украшали вещи утилитарного или сакрального назначения. Прежде всего, это предметы, жизненно важные для скифов-воинов – оружие, конская узда, вещи культового назначения и одежда. Так, рукояти мечей венчали навершия в форме двух когтей или овала с вписанным в него кошачьим хищником или оленем. Иногда на рукояти акинака размещались многофигурные композиции. Ножны мечей украшались фигурками копытных, кабанов, а их окончания-бутероли оформлялись в виде головы хищной птицы или свернувшегося кошачьего хищника. На щиты и колчаны чаще всего помещали изображения оленей и кошачьих хищников, реже птиц. Что до конской сбруи, то здесь украшались почти все ее детали – налобники, наносники, нащечники, фалары, псалии, пронизи и даже ремни. Причем в украшении коня использовалось, пожалуй, наибольшее количество образов и сюжетов – здесь были задействованы все персонажи, включая рыб и змей, а также знаменитые сцены терзаний. Ритуальные навершия венчали объемные изображения, преимущественно, грифонов, птиц и оленей, изредка – быка и кабана. Среди деталей одежды, украшавшихся в зверином стиле, можно назвать пряжки для поясов и застежки – первые чаще в виде головы кошачьего хищника, вторые – в форме фигурки копытного или птицы. Наиболее распространенным видом украшения одежды были штампованные нашивные бляшки, чаще всего с изображениями кошачьих хищников, оленей и сцен терзания. Если вспомнить о посуде, то наиболее часто зооморфными изображениями декорировались, главным образом, два ее вида – котлы (ручки их иногда оформлялись в виде фигурок козлов) и деревянные чаши. К их венчикам и стенкам прибивались золотые пластины с тиснеными изображениями самых разных животных. Эти вещи непосредственно связаны с подвижным образом жизни скифов, с одной стороны, и практиковавшимися ими обрядами – с другой. Особенно это касается деревянных чаш. Они, как правило, имели полусферическую форму (повторяя форму крышки человеческого черепа, из которого первоначально подобные чаши изготовлялись) и крепились к боевому поясу. Такая чаша была свидетельством воинской доблести – ведь пить вино на праздниках из нее мог только воин, убивший врага [**Геродот, IV, *64-66***].

Таким образом, изначально звериный стиль был привилегией мужчин. Однако со временем он распространился и на вещи, принадлежавшие женщинам. Фигурки зверей стали украшать зеркала, гребни, булавки, перстни и, конечно же, одежду.

Сложен вопрос о *содержании* скифского звериного стиля. Размещение изображений зверей и птиц на различных предметах отнюдь не ограничивалось

стремлением к украшательству. Решающую роль здесь играли магические представления. Животные воплощали черты, которые и в реальной жизни высоко ценились кочевниками в целом и скифскими воинами в частности. В представлениях многих народов изображения определенных животных или наиболее характерных частей их фигур символизируют перенесение присущих им достоинств на владельца изображения. Наиболее почитаемые среди них – сила льва и стремительность рыси, чуткость пантеры и зоркость орла, быстрота оленя и напористость лося. Значит и вещи, украшенные подобными изображениями, призваны были придать их обладателю силу и ловкость, легкость и непобедимость.

Кроме того, кочевники верили в охранительные свойства предметов с изображениями зверей и птиц, которые должны были устрашать и отпугивать врага и, таким образом, оберегать хозяина такой вещи. То есть выполненные в зверином стиле предметы служили оберегами-талисманами.

Вполне возможно, что на более поздних изделиях звериного стиля животные могли выступать как олицетворение или символ конкретного бога. В религиях многих народов определенные божества изображались в виде определенного животного. В греческом пантеоне, например, каждому богу соответствуют свои животные, составляющие своеобразную его свиту. Однако у скифов подобные четкие связи не прослеживаются.

В IV в. до н.э., особенно во второй его половине, на широких просторах Скифии звериный стиль претерпевает значительные изменения – по сути, начинается очевидный *процесс деградации* стиля. Изображения постепенно утрачивают свою самобытность в результате усиления греческого влияния с одной стороны, и увлечения собственно скифскими мастерами схематизмом и небрежной переработкой известных ранее сюжетов – с другой стороны. Возрастает парадно-декоративная функция украшенных в зверином стиле вещей. Воплощенный в золоте, этот стиль теряет связь с военным бытом и становится социально-ранговым определителем. Постепенно скифский звериный стиль перестает быть доминирующим видом изобразительного искусства, а в III в. до н.э. полностью исчезает.

Антропоморфизация скифского искусства, т.е. появление в нем изображений человека, более или менее широко начинает прослеживаться с V в. до н.э. Популярность антропоморфных образов и сюжетов особенно возрастает в IV в. до н.э. Однако единого стилистического направления известные изображения не составляют. Следует сказать, что в скифских памятниках известно большое количество человеческих изображений, но большинство их вышло из мастерских античных торевтов. Вещей же, которые безоговорочно можно отнести к скифским, едва ли наберется более десятка.

Антропоморфные образы связаны, прежде всего, с пантеоном скифских богов. Не касаясь религиозных представлений скифов (эта тема рассматривалась выше), остановимся лишь на изобразительных особенностях их образов. Изображения скифских богов дошли до нас, будучи запечатленными на престижных изделиях из драгоценных металлов и мелкой пластике. Возможно, что существовали они и в массовом народном искусстве в виде изображений на изделиях из кожи и дерева. Однако вещи с антропоморфными изображениями, на данный момент, встречены только в богатых погребальных памятниках представителей скифской аристократии.

Среди наиболее значительных образцов таких изделий вспомним уже упоминавшиеся выше бронзовое навершие из урочища Лысая Гора близ Запорожья (Рис. 5, *4*), золотую ажурную пластину из кургана у с.Гюновка.

Достаточно популярен был также образ Владычицы зверей. Наиболее раннее изображение богини украшало ажурные пластины и бронзовые навершия из царского кургана Александрополь (Рис. 5, *1,3*). На ажурных пластинах богиня показана обнаженной по пояс, в длинной юбке, голову венчает плоский головной убор, за плечами – распахнуты узкие крылья, а по бокам – полуфигуры двух оленей. Фигуры Богини на бронзовых навершиях, при полном повторении схемы предыдущего изображения, отличаются значительной стилизацией образа.

Скифы изображали не только богов, но и героев. Особой популярностью среди них пользовался Геракл. Наиболее яркой иллюстрацией такого изображения могут послужить бронзовые навершия из кургана Слоновская Близница (Рис. 5, *2*). Их венчает сложная композиция, в которой задействовано три образа: Геракл вступил в единоборство с огромным львиноголовым грифоном, напавшим на коня. Бесстрашный герой уже занес разящий акинак над грозным чудовищем.

Скифские антропоморфные изображения довольно схематичны и условны. Кроме того, характерной чертой их является сочетание с зооморфными образами. Так, Папай выступает в сопровождении орлов и волков, Апи показана в окружении оленей, рядом с Гойтосиром олень и конь, а мужское божество на Соболевской ажурной пластине (Рис.5, *5*) держит двух крылатых змей. Фигуры животных и птиц в этих композициях тоже весьма условны. Говорить об особых художественных достоинствах предметов с антропоморфными изображениями не приходится. В этом смысле они значительно уступают произведениям так называемого эллино-скифского искусства, сделанным руками греческих торевтов на потребу представителей скифской аристократии. Антропоморфные изображения воплощались скифскими мастерами и в монументальном искусстве – каменных статуях. Однако этот феномен художественного творчества скифов заслуживает отдельного рассмотрения.

Искусство скифов многогранно и отнюдь не статично. Оно развивалось и видоизменялось вместе с самим обществом. В произведениях этого искусства отразились не только мировоззрение и мироощущение самих скифов, но и их внешние связи и культурные заимствования.

Тема 13. **Скифское монументальное искусство**

Первый шаг в изучении скифского монументального искусства был сделан без малого две с половиной тысячи лет тому назад, между 445 и 455 гг. до н.э., и сделал его не кто иной, как сам “Отец истории” Геродот Галикарнасский. Среди бесценных заметок, охватывающих все многообразие материальной и духовной жизни скифских племен, имеется также свидетельство, касающееся наличия у скифов монументальной традиции. Оно, правда, имеет сугубо отрицательный смысл – Геродот утверждает, что у скифов *«... не принято воздвигать ни изображений, ни алтарей, ни храмов никому из богов».* Спустя полстолетия Ктесий Книдский, описывая обычаи страны саков – среднеазиатского средоточия скифского мира, воспроизводит легенду о золотой статуе царицы Зарины. После этого сообщения в изучении скифского монументального искусства образуется

гигантский хронологический пробел, исчисляемый тысячами лет, вплоть до новейших времен.

Как уже отмечалось ранее, к началу XX в. усилиями целой плеяды историков и археологов (И.Е.Забелин, Н.И.Веселовский, А.А.Бобринский, А.А.Спицын и др.) сложились уже достаточно отчетливые и устойчивые представления о скифской культуре и основных ее составляющих. Эти достижения были обобщены и систематизированы в фундаментальных трудах М.И.Ростовцева, изданных в первой четверти того же столетия. Особое внимание при этом уделялось наиболее ярким и характерным чертам материальной культуры и искусства скифов, нашедшим свое выражение в предметах вооружения, конской сбруи и специфическом направлении декоративно-прикладного искусства, т.н. зверином стиле. Позднее эти категории были объединены одним условным понятием – «скифская триада».

Однако памятники монументального искусства скифов в то время практически не рассматривались. Этот факт объясняется рядом причин. Во-первых, скифские изваяния относительно редки; во-вторых, если раскопки курганов в дореволюционный период охватывали в своей массе, в основном, Лесостепной регион зоны распространения скифской культуры, то скифские изваяния являются специфично степной категорией памятников; в-третьих, в отличие от изваяний средневековых кочевников, в изобилии находившихся в открытом виде и часто в первоначальном положении на курганах, скифские каменные изваяния в подавляющем большинстве погребены в курганных насыпях, главной причиной чему – повсеместные грабительские раскопы на вершинах скифских курганов, в воронки от которых и скатывались каменные истуканы. Незначительное число скифских изваяний, попавших в собрания богатых меценатов или музеев южных городов, растворилось в огромной массе памятников монументального искусства тюрко-язычных народностей Средневековья.

Основоположником подлинно научного изучения скифских каменных изваяний был А.А.Миллер (1925), затем его разработки были продолжены в работе Т.С.Пассек и Б.А.Латынина (1929) .

В конце 60-х гг. скифские каменные изваяния привлекли внимание известного исследователя античного искусства П.Н.Шульца. С его именем связаны наиболее детальные разработки этой проблемы в отечественной скифологии. Ко времени опубликования П.Н.Шульцем первой статьи уже было известно свыше трех десятков скифских изваяний. Его работы были первыми, претендующими на известную полноту освещения проблемы, включая определение территории распространения этих памятников, их хронологии и типологии, а также выяснение смыслового значения изваяний. Кроме того, им было уделено значительное внимание отдельным аспектам искусствоведческого характера. В результате исследований П.Н.Шульца наметились общие рамки хронологии скифских каменных изваяний, которым, за исключением минимальных поправок, следовали и другие ученые, обращавшиеся к этой теме.

Позднее в исследование скифских каменных изваяний включились Е.А.Попова, Д.С.Раевский, В.П.Белозор и другие специалисты. В 1994 г. В.С.Ольховским и Г.Л.Евдокимовым был опубликован полный каталог известных к тому времени более чем 150-ти изваяний.

Одним из наиболее интересных моментов в исследовании скифских каменных изваяний является изучение их территориального распространения (Рис. 1). Если в степной зоне Восточной Европы они выявлены практически повсеместно – от Северо-Восточного Кавказа до Добруджи, то севернее условной черты, разделяющей Степь и Лесостепь, такие изваяния практически отсутствуют. Учитывая почти неразделимое единство материальной культуры и искусства скифского времени в двух указанных географических зонах, данный факт, несомненно, требует удовлетворительного объяснения. Тем более, что по числу исследованных памятников скифского времени (в частности курганов) Лесостепь едва ли уступает более южным степным регионам, особенно в отношении памятников скифской архаики. В одном лишь бассейне р.Тясмин исследовано в дореволюционный период около 600 курганов, значительная часть из которых была скифскими. Раскопки производились вручную, отличаясь в силу этого особой скрупулезностью. Тем не менее, не было обнаружено ни одного скифского изваяния. Причиной отсутствия скифских изваяний в Лесостепи не может быть использование, как предполагалось, в качестве материала для их изготовления дерева, не сохранившегося вследствие естественных причин. Во-первых, такое предположение само по себе носит чисто гипотетический характер; во-вторых, многие курганы, исследованные в Лесостепи, содержали деревянные конструкции исключительно хорошей сохранности; в-третьих, изготовление изваяний в Лесостепной зоне исключительно из дерева не обусловлено никакими объективными причинами. Подтверждением тому служат каменные антропоморфные стелы эпохи энеолита, достаточно хорошо известные в этом регионе.

Таким образом, можно констатировать, что обычай создания каменных изваяний является яркой самобытной чертой именно степного населения скифского времени, которая приобретает в этой связи роль надежного определяющего признака, разграничивающего две культурно-исторические зоны скифского Причерноморья.

Для изготовления изваяний использовался камень самых разных пород: от твердых гранитов до мягких песчаников и известняков. В выборе материала для изготовления изваяния руководствовались, вероятно, доступностью добычи последнего, близостью к месту доставки и, главным образом, совпадением природной формы с предполагаемым результатом ваяния. Учитывая эти условия, выбор, как правило, падал на ближайшие выходы камня. В раннее время (VII–V вв. до н.э.) некоторое предпочтение отдавалось более твердым породам, в более позднее – мягким.

Наиболее ранняя группа скифских каменных изваяний (Рис. 2) включает в себя более тридцати монументов, датируемых в пределах VII – начала VI вв. до н.э. и происходящих с обширной территории: от предгорий Кавказа до Северо-Западной окраины Причерноморья в Добрудже. Особая концентрация памятников этого времени наблюдается в степных и предгорных районах Северного Кавказа. Для наиболее ранних экземпляров характерными являются три типа изваяний:

1. округлые или подквадратные в сечении, с тщательной проработкой поверхности;
2. овальные в сечении, с отсутствием явных признаков антропоморфности;
3. плоские, менгирообразные, с крайней схематизацией в передаче антропоморфных черт.

Первый тип отличается также детальным изображением элементов защитного доспеха и набора вооружения, представленных шлемами кубанского типа, нагрудными бляхами, гипертрофированных размеров горитами с луками, имеющими орлиноголовые окончания, мечами и топорами, подвешенными с правой стороны. *Второй тип* отличается полным отсутствием изображений оружия и иных предметов, *изваяния третьего типа* при крайней схематизации антропоморфного образа также скупо наделены атрибутами (пояс, меч). Памятники второго и третьего типа встречаются лишь на сравнительно узкой территории предгорных районов Центрального и Северо-восточного Кавказа и, таким образом, имеют характер локального явления.

Для VI–V вв. до н.э. можно выделить три тенденции в развитии скифских изваяний (Рис. 3). Одна продолжает стилистическую линию памятников Ставрополья и Степной Украины VII в. до н.э., для которой характерна тщательная обработка деталей при общих компактных формах изваяния, две другие следуют в своем развитии за менгирообразными изваяниями Северного Кавказа. Для всех трех линий развития скифских изваяний VI в. до н.э. следует отметить широкое распространение приема контурного изображения, почти не применявшегося в технологии изготовления древнейшей группы памятников. В дальнейшем, как увидим, этот прием используется все чаще, наряду со своеобразной технологией изображения глаз на камнях твердых пород посредством сверления.

Рубеж V–IV вв. до н.э. в истории Скифии отмечен постепенно возрастающим влиянием античной цивилизации. Если в IV в. до н.э. и, особенно, в последующее время, эллинизация скифского искусства проявляется как всеобъемлющее и разрушительное явление по отношению к исконным традициям художественной культуры кочевников, то в V в. до н.э. она выступает лишь как определенная тенденция и проявляется в форме наслоения на отдельные элементы скифского искусства и быта. Как одну из форм этого влияния можно рассматривать внедрение некоторых черт монументального искусства эллинского мира в скифскую традицию изготовления каменных изваяний. Это влияние не коснулось основного массива распространения скифских монументов и ощущается лишь в регионах непосредственного контакта скифского и греческого мира – в Прикубанье и, особенно, в Крыму. На сегодняшний день группа изваяний IV в. до н.э. (Рис. 4) включает наибольшее число памятников, непосредственно связанных с тем или иным археологическим комплексом, что позволяет с достаточной степенью уверенности судить об иконографических приемах, характерных для рассматриваемого времени. Бросается в глаза уменьшение средних размеров памятников. Если в предыдущий период высота изваяний нередко превышала два метра, то монументы IV в. до н.э., в основном, по этому показателю не выходят за пределы одного метра. Вторым характерным признаком изваяний этой поры является значительное их «уплощение». В отношении общей конфигурации можно выделить два типа изваяний:

1. с выделением головы посредством прошлифованного желоба или глубокого иссечения углов для выделения плеч;
2. с выделением головы и талии, в редких случаях обозначенной поясом.

Остановимся на некоторых особенностях скифских изваяний в передаче анатомии человеческого тела. Тщательность в передаче разных атрибутов на скифских изваяниях раннего времени сочеталась с особым стилем детализации

лица. В VII–VI вв. до н.э. чаще изображались усы и бороды, причем прием изображения был строго отработан и существовал в единой форме на территории всей Скифии от предгорий Кавказа до румынской Добруджи – усы изображались дугой в виде правильного полукружия, поданные в едином высоком рельефе вместе с носом и глазными впадинами. На выступе, имитирующем глазные впадины, изображались гравировкой уже собственно глаза миндалевидной формы, что создает характерный вид как бы припухших век.

Для VI–V вв. до н.э. более характерно изображение глаз при помощи круглых высверленных углублений. Более поздние памятники, исключая крымскую группу, отличаясь небрежной проработкой всех деталей, лишь в редких случаях имеют проработанные черты лица. Иногда на изваяниях изображаются уши. Они переданы, обычно, в виде четырехугольников, довольно небрежно. Особо остановимся на изображении фаллоса, как важного элемента при характеристике изваяния. Иногда он передан реалистически, во всех подробностях, но часто изображен условно. Изображения фаллоса более характерны для изваяний VI–V вв. до н.э., на более ранних они встречаются реже, а на изваяниях IV в. до н.э. не зафиксированы вообще.

Подведем краткие итоги, касающиеся вопросов хронологического, типологического и территориального аспектов изучения скифских каменных изваяний.

Скифские каменные изваяния являются типично «степной» группой памятников и в этом смысле могут служить надежным индикатором кочевого элемента в этническом конгломерате племен, входивших в состав политического объединения Большой Скифии. Отдельным хронологическим периодам в развитии скифских изваяний соответствуют определенные их типы и территория преобладающего распространения в пределах бытования скифской культуры в целом.

Памятники VII – начала VI вв. до н.э. встречаются повсеместно от Северокавказских предгорий до румынской Добруджи. Особая их концентрация наблюдается на Северном Кавказе. Памятники VI–V вв. до н.э. являются органическим продолжением трех линий в развитии скифских каменных изваяний предшествующего периода: а) памятников округлых пропорций, овальных или подквадратных в сечении, хорошо проработанных и детализированных; б) удлиненных, овальных в сечении камней – стел; в) менгирообразных уплощенных изваяниях, схематически воспроизводящих фигуру человека с ограниченным количеством атрибутов. Территориально этой хронологической группе соответствует обширный регион причерноморских степей от Дона до Приднестровья. В конце V в. до н.э. формируется особое направление иконографии скифских изваяний, связанное с пересечением скифской и греческой монументальных традиций. Эта линия развития доминирует в районах Крыма и прибрежной полосы Прикубанья. Для IV в. до н.э. характерен также резкий спад уровня мастерства в изготовлении каменных изваяний, а территория их распространения резко сужается до Нижнего Приднепровья, преимущественно порожистой его части.

Нет необходимости доказывать, какое значение для исследования скифской материальной культуры имеют разнообразные атрибуты, воспроизведенные на скифских каменных изваяниях. Вне зависимости от решения вопроса, кого конкретно они изображают – героизированного воина,

мифологического первопредка или же божества, – так или иначе, перед нами типичный образ представителя «властителей мира сего» своего времени, наделенного, соответственно, наиболее характерными атрибутами вооружения и воинского обихода. То, что определенные из этих предметов могли входить в канонический, «сакральный набор» (боевой топор, чаша, ритон, меч и т.п.), лишь подчеркивает наибольшую достоверность той или иной комбинации этих предметов. Ни мифологический герой, ни божество не могут мыслиться иначе, как в рамках конкретного времени и конкретной бытовой обстановки. Скифские изваяния, сохраняя определенный религиозно-мифологический смысл образа, достаточно адекватно отражают отдельные этапы в развитии скифской материальной культуры и, в частности, вооружения.

Изучение реалий, изображенных на изваяниях, имеет двоякий смысл. С одной стороны, учитывая наличие довольно основательно разработанных схем эволюции вооружения и защитного доспеха, оно позволяет более надежно обосновать дату отдельных изваяний и некоторых их серий, а с другой – даже выяснить в отдельных случаях неизвестные ранее по археологическим реалиям детали того же вооружения.

Наиболее распространенным атрибутом является пояс, затем горит, гривна, меч и ритон. Другие аксессуары представлены реже и характерны лишь для отдельных хронологических периодов.

Среди вопросов, касающихся скифского монументального искусства, имеется один, от решения которого, в конечном счете, зависит общее понимание проблемы. Это вопрос о происхождении скифских каменных изваяний.

Подход к решению проблемы генезиса и начальных этапов развития скифского монументального искусства у разных исследователей определялся их концептуальными позициями в вопросах происхождения скифского этноса и культуры. В основе взглядов П.Н.Шульца, например, находится положение о заимствовании скифами основных элементов материальной культуры и искусства Древнего Востока, получившее наибольшую законченность в работах М.И.Артамонова. По мнению П.Н.Шульца, скифы, проникнув в Переднюю Азию и, столкнувшись с богатыми формами наскальных рельефов хеттского времени и комплексом скульптуры ахеменидского Ирана, перенесли черты этих восточных произведений искусства на свое монументальное творчество. Взгляды П.Н.Шульца на происхождение скифской скульптуры нашли понимание и поддержку у Е.А.Поповой, которая довела до логического завершения его гипотезу, предполагая, что монументальное искусство скифов было привнесено ими из Передней Азии в практически сложившемся виде. Мы не отрицаем возможности и, более того, вероятности заимствования отдельных художественных приемов или иконографических схем древневосточного монументального искусства. Но, вместе с этим, мы ни в коей мере не можем разделить точку зрения Е.А.Поповой о том, что в этом «надо … видеть не просто влияние одного искусства на другое, а корни традиций скифского монументального искусства на Ближнем Востоке». Монументальное искусство Древнего Востока, обладая глубочайшей исторической традицией, основывается на отличной от скифской системе идеологических воззрений. Являясь одним из элементов системы идеального отражения социальных устоев древневосточных деспотий, как хеттские рельефы, так и более поздняя сиро-хеттская и ассирийская скульптура, представляют собой концентрированное отражение совершенно

определенной идеи – незыблемости и неделимости царской власти вне зависимости от того, кого они изображают – обожествленного царя или же само божество.

Значительное морфологическое сходство энеолитических стел Причерноморья и скифских каменных изваяний неоднократно привлекало внимание исследователей, однако громадный хронологический разрыв, отсутствие каких-либо указаний на связующие звенья в монументальном искусстве этих двух эпох, отдаленных друг от друга промежутком более чем в тысячу лет, приводили к однозначно отрицательному ответу на вопрос о генетической преемственности между двумя указанными группами памятников.

Обратимся к третьему региону, претендующему на роль колыбели скифского этноса и культуры – центральноазиатским степям. Еще не так давно эта концепция, наиболее последовательным сторонником которой был А.И.Тереножкин, выглядела несколько гипотетично, так как скифское время, по убеждению большинства исследователей, имело своим древнейшим пределом в регионе Центральной Азии и Южной Сибири начало, а то и середину VI в. до н.э. Открытия последних десятилетий, установившие, по крайней мере, единовременность наиболее древних памятников Европейской Скифии и центральноазиатского региона, поставили проблему этнокультурного единства в степях Евразии начала I тыс. до н.э. в ряд актуальных задач скифологии.

Исследователи давно обратили внимание на существование некой связи между скифской культурой и т.н. «оленными камнями» – монументальными памятниками I тыс. до н.э., распространенными преимущественно на востоке (Тува, Северо-Западная Монголия, Алтай, Забайкалье). Открытие генетической связи оленных камней Востока и Запада следует признать одним из самых выдающихся событий в археологии раннего железного века последнего времени, так как оно, бесспорно, свидетельствует о миграции части центральноазиатского населения в районы Северного Причерноморья. Это приводит к выводу о формировании скифского монументального искусства на основе евразийской традиции установки оленных камней, центром распространения которой, вне всякого сомнения, следует считать регион Центральной Азии.

Крайняя ограниченность письменных источников, дискуссионность оценки характера скифского общества с точки зрения соотношения его с определенной стадией развития и социального устройства, а вследствие этого и гипотетический, в значительной мере, уровень наших знаний о системе идеологических представлений скифов, создают чрезвычайные трудности для решения вопроса о функциональном назначении и семантике скифских изваяний. В отличие от чисто археологических аспектов, связанных с изучением скифских изваяний, проблема их функционального назначения и семантической интерпретации не имеет недостатка в оригинальных и подчас взаимоисключающих толкованиях. Следует отметить две основные линии в развитии взглядов исследователей на эту тему. Первая основывается на том предположении, что изваяния устанавливались на курганах с целью изображения конкретных лиц, покоящихся под ними. Такого мнения придерживался Б.Н.Граков, видевший в них образ героизированного умершего. Другая группа исследователей, более многочисленная, видит в установке изваяния своеобразный культурно-религиозный акт, при котором оно не изображает какое-либо реальное лицо, а передает мифологический образ божества или героя. Так, М.И.Артамонов видел в изваяниях обожествленного

мифического предка скифов Таргитая. Своеобразную позицию в этом вопросе занял П.Н.Шульц, считавший, что значение скифских изваяний претерпевает эволюцию от изображения предка-родоначальника до образа военного вождя-базилевса, изменяя при этом и идеологическую нагрузку от выражения чувства родоплеменной общности до утверждения идеи господства и подчинения. Функциональное значение изваяния определялось П.Н.Шульцем как мемориальное в прагматическом аспекте и анимистическое в религиозном. Как видим, и первая, и вторая линии смыслового и функционального толкования скифских изваяний наталкивались на существенные противоречия. С одной стороны, ни один из известных памятников (за исключением, быть может, медеровского) не обладает связью с погребениями не только царского ранга, но даже не связан с курганами, обычно причисляемыми к погребальным сооружениям богатейшей прослойки скифского населения. Таким образом, трактовка изваяний как изображений царя, или даже военного вождя, покоящихся в курганах, над которыми воздвигнуты изваяния, повисает в воздухе.

Вторая линия, трактующая эти памятники как иллюстрации мифа о первопредках, представляется более приемлемой, так как изображение фаллоса на многих изваяниях трудно интерпретировать иначе, как идею первородства, возрождения и, шире, плодородия. Однако при таком понимании остается не уясненной функция изваяния при самом акте его установки. Весь ход развития евразийской монументальной традиции, вплоть до скифской эпохи, подводит нас к выводу, что она, развиваясь в тесной зависимости от перемен общественно-экономического характера, содержала в себе и определенный запас представлений, сохранившихся от древнейших времен и получающих на каждом историческом этапе соответствующую социальную окраску. Новые системы общественных отношений, в корне меняя содержание идеологических воззрений, связанных с монументальной традицией, сохраняли, тем не менее, постоянным ее религиозный колорит. Отражая, на наш взгляд, в разные периоды единый по форме культ солярного божества, изваяния на каждом историческом этапе резко меняют суть его социальной направленности. Если в окуневской культуре (эпоха бронзы в Южной Сибири) оленные камни изображают, вероятно, общеродовое божество, связанное с культом предков по материнской линии, то в последующее время они приобретают значение как символ становления патриархальных отношений и выделения особой прослойки воинов. Резким толчком в антропоморфизации образа изваяний является новый этап в жизни скифов – образование раннескифского государства с присущей ему глубокой имущественной и социальной дифференциацией. Исторической вехой этого знаменательного события является скифская экспансия в Переднюю Азию. Невиданное до сих пор обогащение верхушки скифского общества, всевозрастающая роль дружины как главного инструмента роста благосостояния господствующего класса, должны были неминуемо повлечь за собой изменения идеологического характера по пути освящения и утверждения извечности таких институтов как особое, привилегированное положение в обществе военной прослойки, базирующейся на этой силе наследственной царской власти, безропотной зависимости основных слоев населения, производительный труд которых, в отличие от внеэкономических способов обогащения, был низведен до уровня презренного и рабского. Этот социально-экономический фон служил питательной средой для обработки генеалогических легенд, существовавших, по

всей вероятности, еще до времени их фиксации Геродотом, а также ускорил антропоморфизацию каменных изваяний как отражающих новые явления в идеологии посредством их связи с узкой прослойкой воинского сословия.

Не последнюю роль в этом процессе должны были сыграть идеологические основы переднеазиатских деспотий. Идея антропоморфности, давно таившаяся под спудом консервирующих ее пережиточных представлений предыдущего исторического этапа, под влиянием новой направленности идеологии и при очевидном благоприятном содействии переднеазиатского, традиционно антропоморфного искусства, проявляется теперь открыто и резко меняет облик всей серии скифских изваяний. Сохраняя в религиозном аспекте старую идею солярного божества, связанного с представлениями о путешествии в загробный мир предков, о возрождении и плодородии, выражаемых посредством фалличности, в социальном отношении скифские изваяния резко ограничивают свою базу до демонстрации их связи с представителями воинского сословия, являясь, в этом отношении, отражением культа с ярко выраженным классовым характером.

Отрывочность сведений, имеющихся в нашем распоряжении, относительно конкретного характера религиозных верований и культовых особенностей в скифском обществе, особенно наиболее ранних его этапов, значительно затрудняет идентификацию образа изваяния с каким-либо из упомянутых Геродотом божеств или мифологических персонажей.

На древнем индоарийском уровне прояснению образа каменных изваяний могут помочь исследования определенных черт божеств «солнечного» характера. К таковым относятся ведический Яма и иранский его аналог Йима, а также солнечное божество иранцев Митра. Для первых в религиозном аспекте характерна связь с культом предков. Оба, обладая ярко выраженными чертами солнечности, почитаются также как владетели потусторонней светлой обители и посредники между богами и людьми. Йима является устроителем социального порядка в обществе, как первый царь а также владельцем хварна или фарна - божественных даров, символизирующих сакральное право власти.

Исследователи убедительно связывают образ Йимы с героем скифской мифологии Колаксаем. Небезынтересно в этом отношении и сопоставление Митры с героем солнечного цикла более поздних нартовских сказаний Сосланом (Созрыко) - двойником Колаксая. Этот эпос был распространен у ряда народов Кавказа, прежде всего, у ираноязычных осетин. Оба рождаются из камня. Возможно этим и определяется выбор камня как материала для изваяний, учитывая его сакральность. Для всех упомянутых божеств и героев характерен момент трагической гибели, связанный с дальнейшим путешествием в царство мертвых и устройством там солнечной обители.

Соответственно, в образе Колаксая можно усматривать мифологическую ипостась солярных верований, героя цикла, связанного с представлениями об умирающей и воскресающей природе, посредника между богами и людьми, первопредка и покровителя аристократического сословия, первого обладателя сакральных даров и устроителя социальных основ скифского общества. Но именно всем этим характеристикам и соответствует в точности образ, являемый каменными изваяниями.

Таким образом, мы близки в своем понимании скифских изваяний как изображений солнечного божества или героя-прародителя воинского сословия

(племени), конкретным мифологическим персонажем которого, вероятно, мог быть Колаксай. Культовая функция изваяния, видимо, заключалась в осуществлении связи между загробным миром предков и последней обителью усопшего. В таком случае погребенный ассоциировался в этот момент с первым путешественником в загробный мир – солнцеподобным Колаксаем. С этим можно связывать описанный Геродотом обряд сопровождения погребенного скифского царя 50-ю умерщвленными всадниками, возможно, предводительствуемыми солнечным божеством, возносящим душу умершего в обетованный край.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что скифские каменные изваяния, являясь одним из важнейших аксессуаров ритуальной стороны погребального культа узкой прослойки воинского сословия, представляли собой образ синкретического по характеру посредника во время путешествия умершего в солнечную обитель – Колаксая. Изваяния, являясь его ипостасью, ассоциировались одновременно и с самим умершим, в чем и выражается их синкретичность. Это соединение в ритуале мифа с реальностью способствовало поддержанию на должном уровне идеологической доктрины богоизбранности воинского сословия в социальной структуре скифского государства.

РАЗДЕЛ 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКОЙ СКИФИИ: САРМАТЫ И ПОЗДНИЕ СКИФЫ

Тема 14. Сарматы Северного Причерноморья

Общая ситуация в регионе на рубеже III – II вв. до н.э. Основным этнополитическим катаклизмом данной эпохи на юге Восточной Европы был удивительно быстротечный упадок и гибель могущественной Скифии. Археологические источники сейчас «сняли обвинение» в этом с сарматов – изучение хронологии скифских и раннесарматских памятников на территории Северного Причерноморья показало, что их разделяет почти столетний интервал. Хотя очевидно также, что отдельные, но опустошительные рейды сарматских отрядов на территорию Скифии, отнюдь не способствовали военно-политической стабильности последней. Об одном из таких рейдов живописно рассказывает

древнегреческий писатель Лукиан в известной новелле «Токсарис или дружба» [39-41, 54-55].

В конце III в. до н.э. огромные пространства причерноморской Степи были почти свободны от кочевого населения. Остатки скифов осели в долине Днепра, в Крыму и Добрудже, создав объединения, известные из труда Страбона как Малая Скифия (точнее было бы говорить о «Малых Скифиях» – приднепровской, крымской, добруджанской). Изменилась хозяйственная основа общества – на смену кочевому и полукочевому скотоводству пришла равноукладная скотоводческо-земледельческая экономика. В этно-культурном плане население позднескифских городищ отличается заметной эллинизацией.

Общий кризис античного мира после распада державы Александра Македонского отразился и на причерноморских полисах. После ощутимого экономического подъема в конце IV – первой половине III вв. до н.э. Ольвийское государство вступает в полосу кризиса. В конце III – начале II вв. до н.э. подвергаются внешним ударам и также вступают в полосу кризиса Никоний и Тира. С середины III в. до н.э. эта же судьба постигла Херсонес и Боспорское царство. Крайний северо-восточный форпост античного мира – Танаис – в конце III – начале II вв. до н.э. обносится новыми стенами и башнями, реагируя на какую-то опасность (скорее всего, сарматскую). Таким образом, даже краткий обзор истории античных центров Северного Причерноморья демонстрирует те кризисные явления, которые были характерны для них на рубеже III – II вв. до н.э. Однако связаны они не с сарматским нашествием, а являются отражением общего кризиса античного мира в конце эпохи эллинизма.

Итак, ко времени появления сарматов в Северном Причерноморье здешние степи были свободны от предшествующего кочевого населения, сосредоточившегося в низовьях Днепра и в Крыму. На севере региона, в лесостепном Поднепровье, обитали племена зарубинецкой культуры, на юге переживали кризис античные центры.

В соответствии с существующими в науке разработками в истории сарматов выделяют три периода.

Раннесарматский период (II – I вв. до н.э.). Первым эпиграфическим источником, достоверно фиксирующим сарматов на этой территории, следует считать известный херсонесский декрет в честь Диофанта. В нем идет речь о скифо-херсонесской войне 112-110 гг. до н.э. В качестве союзников скифского царя Палака в декрете называются *ревксиналы*. Это - перепутанное резчиком или автором декрета впервые упомянутое название сарматского племени роксоланов. В труде Страбона [**VII, 3, *17***] территория их кочевий определяется в пределах степной полосы между Доном и Днепром.

Попутно отметим, что «География» Страбона, которая явилась результатом многолетнего труда и была написана, очевидно, в период с 31 г. до н.э. по 24 г. н.э, вместе с декретом в честь Диофанта может считаться первым по времени достоверным письменным источником, локализующим сарматов в Северном Причерноморье.

Идентифицируя определенные археологические памятники сарматов с роксоланами, следует обратить внимание на те из них, которые территориально и хронологически совпадают с сообщениями источников. На землях «между Танаисом и Борисфеном» ими являются сарматские погребальные памятники II – I вв. до н.э., где умершие положены головой на север.

Возвращаясь к данным Страбона, относящимся к раннесарматскому времени, следует отметить, что он называет и другие группировки сарматов в Северном Причерноморье: «*Вся страна, расположенная вдоль упомянутого побережья между Борисфеном и Истром, состоит, во-первых, из пустыни гетов, во-вторых, из области тирогетов, за которой идет область языгских сарматов так называемых царских и ургов…»* [**Страбон, VII, 3, *17***]. С языгами II в. до н.э. – середины I в. н.э. отождествляют погребения, где умершие положены головой в направлении юга.

Итак, уверенно говорить об обитании сарматов на территории Северного Причерноморья можно со II в. до н.э. Новые пришельцы довольно быстро овладели Северным Приазовьем и левобережьем Нижнего Днепра. Хотя определенные местные особенности и отличали культуру причерноморских сарматов от их восточных родственников, однако, судя по характеру памятников, это население было скорее наиболее западной частью единого сарматского этнического массива, нежели какой-то отдельной северопричерноморской общностью.

Ранняя история сарматов отражена в письменных источниках весьма скупо. Около 113 г. до н.э. в Херсонес, который уже вел войну против царя поздних скифов Крыма Палака, прибыл полководец Митридата Евпатора Диофант с войсками. Сразу же переправившись на ту сторону Севастопольской бухты (уже, очевидно, занятую неприятелем), Диофант разгромил Палака и затем обеспечил себе тыл, подчинив окрестных тавров. Позднее полководец продолжил операции против крымских скифов: взял их города Хабеи и Неаполь и, подчинив (вероятно, заручившись каким-то договором или клятвой) побежденного противника Митридату, отбыл в Понт.

Однако через год, в 112 г. до н.э. скифы нарушили договор. Поздней осенью Диофант с войском снова прибыл в Херсонес, отбил у скифов захваченную ими Керкинитиду и осадил Калос Лимен. Именно в это время Палак и привлек на свою сторону кочевавших к северу от Перекопа роксоланов, чьи 50 тыс. всадников во главе с Тасием прибыли на помощь скифскому царю. Столь мощная поддержка, увы, не спасла Палака от поражения. Союзники были разгромлены, да так, что из войска почти никто не спасся. О дальнейшей судьбе роксоланов в Крыму источники умалчивают.

Анализируя события сарматской истории I в. до н.э., необходимо помнить, что, возможно, сарматы приняли участие в Митридатовых войнах на стороне понтийской державы. Это засвидетельствовали Аппиан и диктатор Сулла в своей речи против Митридата в 85 г.

Роксоланы занимали центральную и южную части Левобережной Степи. Языги жили севернее и западнее их кочевий. В I в. до н.э. сарматы были ближайшими соседями позднескифских городищ Нижнего Днепра. Вероятно, традиция добрососедства, основанная Тасием и Палаком, продолжала существовать – выразительных следов нападений сарматов на городища пока не выявлено.

После распада гетской державы Буребисты (около 44 г. до н.э.) сарматы могли, не боясь за свой тыл, совершать рейды в зарубинецкие земли в Среднем Поднепровье. Собственно сарматские памятники здесь отсутствуют. Но некоторые зарубинецкие находки в сарматских могилах юга не исключают того, что в них были погребены «зарубинецкие» женщины – пленницы. Однако базовой

территорией кочевий оставались причерноморские степи. Лишь в конце последнего столетия до н.э. (в этом случае – явно после распада гетского объединения) сарматы получили возможность безопасно передвигаться по Правобережью. Таким образом, в I в. до н.э. сарматы, полностью освоившие степи междуречья Дона и Днепра, эпизодически появлялись на Правобережье, тревожили жителей зарубинецких городищ, достигали в своих набегах дунайских границ империи. Но уже в первом десятилетии I в. н.э. они полностью заняли степи между Днепром и Дунаем.

В 27 г. до н.э. была создана новая римская провинция Мезия. К этому времени римлянам удалось сломить сопротивление северных соседей – гетов и бастарнов – и установить границу по нижнему течению Дуная. Близость лимеса (границы) не могла не привлекать сарматских вождей. Как постоянную угрозу мезийскому лимесу, отмечает язигов сосланный в начале I в. н.э. в далекий провинциальный римский город Томы прославленный поэт Овидий. Его «сарматы» и «языги» появляются и угрожают «поселянам» всегда из-за Дуная. Это подчеркивает и Страбон в начале н.э.: «*Ибо и ныне эти народы* (сарматы. – *автор*.) *...живут рядом с фракийцами, главным образом* ***по ту сторону Истра*** (выделено мной. – *автор*), *но отчасти и по сю сторону»* **[VII,3,2].** Однако с середины I в. н.э. языги отмечены Тацитом и Плинием Старшим уже на Венгерской равнине, близ границ Паннонии. С этого же времени в античных источниках исчезают упоминания языгов в Северном Причерноморье.

В раннесарматский период был заложен фундамент Европейской Сарматии. Ее формирование происходило в несколько этапов и представляло собой не какую-то одноразовую акцию, а неминуемо длительный и многогранный процесс. Анализ археологических памятников ранних сарматов региона показал несостоятельность попыток отнести время проникновения сарматов на эту территорию к IV–III вв. до н.э. В междуречье Дона и Днепра нет ни одного сарматского комплекса, который мог бы уверенно датироваться временем ранее II в. до н.э. На карте Марка Випсания Агриппы (63 - 12 гг. до н.э.) западная граница Сарматии проходит по Днепру.

Среднесарматский период (I – середина II вв. н.э.) В первой половине I в. н.э. в Северном Причерноморье происходят бурные исторические события, непосредственно касавшиеся обитавших здесь сарматских племен. Образование провинции Мезия вплотную приблизило римскую границу к сарматским территориям, а быстрое формирование в Северо-Западном Причерноморье многолюдного сарматского объединения «обеспечило» Рим сильным и беспокойным соседом. Археологические памятники этого времени почти не отличаются от предыдущих. В погребальном обряде продолжают доминировать впускные погребения в прямоугольных ямах с ориентацией умерших головой на север, несколько меньший процент составляют погребения, где умершие ориентированы в южном направлении. Распространение памятников к западу от Днепра (Калантаево, Островец, Старые Дубоссары, Безены) очерчивает направление расселения языгов и роксоланов. Калантаевский могильник фиксирует сарматов уже практически на зарубинецкой территории (хотя в непосредственной близости от ее городищ сарматские погребения появляются позднее).

Судя по данным античных авторов и археологическим материалам, уже в первой половине I в. н.э. языги и роксоланы расширяют территорию своих

кочевий до Нижнего Дуная. Светоний, описывая правление Тиберия, сожалеет по поводу того, что из-за политики принцепса, «*отстранившего от себя заботы о государстве..., Мезия опустошалась даками и сарматами*». Тацит подчеркивает, что напали на Нижнюю Мезию «*роксоланы, народ сарматского племени*». Учитывая, что роксоланы вторгались в римские владения достаточно часто, можно предположить, что они жили сравнительно недалеко от дунайской границы. Современник этих событий Плиний Старший также локализует роксоланов где-то вблизи Истра. В 60-х гг. I в. н.э. легат Нижней Мезии Тиберий Плавтий Сильван «*возвратил царям бастарнов и роксоланов их сыновей*».

Впрочем, с середины I в. н.э. «сарматская» этнокарта степей Северо-Западного Причерноморья начинает изменяться. В «Хорографии» Помпония Мелы (закончена до 44 г. н.э.) у «*изгиба Меотиды*» рядом с рекой Букес (большинство исследователей считают эту «реку» Сивашом) помещаются загадочные амаксобии – *«живущие в повозках».* Несколько позже (до 79 г. н.э.) Плиний Старший локализует *«амаксобиев или аорсов»* еще дальше к западу. Он же впервые для Северного Причерноморья помещает здесь аланов. Считается, что с племенами аланского союза связаны сарматские памятники Украины середины I - начала II в. н.э. с яркими восточными чертами (Усть-Каменский, Молочанский и Подгороднянский могильники).

Таким образом, к середине I в. н.э. на исследуемой территории обитали сарматские племена (или племенные союзы) языгов и роксоланов. Несколько позже ситуация изменилась: языги откочевали в Тисо-Дунайское междуречье, а в Северном Причерноморье появились аорсы и аланы.

На протяжении второй половины I в. н.э. хронисты продолжают фиксировать нападения сарматов на дунайскую границу империи. Корнелий Тацит **[История, I,*79*]** пишет, что зимой 67/68 гг. «*роксоланы, народ сарматского племени*» вторглись в Нижнюю Мезию и «*вырубили две когорты*». Следующей зимой - 69/70 гг. сарматы «*в числе 9 тысяч всадников*» повторили набег. Однако III Галльский легион, случайно оказавшийся тут по пути в Италию, встретил их и отбросил к дунайским плавням, «*в болота*». В этом сообщении Тацит описывает сарматских катафрактариев: «*Катафракта – это составленное из железных или роговых пластин прикрытие их* ***вождей и всех благородных***» (выделено мной. - *автор*), подчеркивая тем самым, что тяжелая конница формировалась из представителей аристократии. Реальность описанных Тацитом событий подтверждает дублирование его сообщения Иосифом Флавием. О каких-то событиях 60-х гг. в Нижней Мезии идет речь в надписи на могиле легата этой провинции Тиберия Плавтия Сильвана: «*Он подавил возникшее движение сарматов... Ранее неведомых и враждебных римскому народу царей он привел на берег реки, который ему подчинялся, для того, чтобы они поклонились римским военным значкам*».

В последнее время получила распространение версия о том, что причиной, возможно, подтолкнувшей аорсов к приходу в степи Северного Причерноморья, было приглашение их римлянами для участия в совместной борьбе против Митридата в 49 г.

Но перекочевка аорсов была не единственной подвижкой в регионе в середине I в. н.э. В это же время – точнее сказать трудно из-за несовершенства датировок – сюда перемещается крупная восточная орда, оставившая могильники с диагональными погребениями. В составе (а, может быть, и во главе) этой орды

были цари Фарзой и Инисмей. Среди этих кочевников была часть аланов, объединившаяся с аорской знатью.

Новые кочевники быстро создали довольно прочное политическое объединение. Какая-то часть их избрала местом своих кочевий правобережье Среднего Поднепровья. О родстве тамошних сарматов с «восточными людьми» Фарзоя и Инисмея свидетельствуют могилы знати в Цветне, Петриках, Старой Осоте или найденная в Баштечках краснолаковая тарелка с родовым знаком (тамгой) Инисмея. Открытый в последние годы небольшой, но единообразный в культурном отношении некрополь сарматской знати второй половины I в. н.э. в Среднем Поднестровье близ сс.Севериновка, Гордеевка, Писаревка, Грушка, Пороги, Мокра – все погребения в радиусе не более 20 км – может быть своеобразным «Герросом» новых властителей. И хотя не исключено, что ими были ранние аланы, все же население этого объединения было известно соседям как аорсы. Об этом, кроме данных Плиния Старшего, свидетельствует и обломок декрета конца I в. н.э. о посольстве ольвиополитов в Аорсию, как греки называли Правобережье Днепра (Виноградов, 1994).

Судя по чеканке в Ольвии золотых и серебряных монет с именами и тамгами царей Фарзоя (64 – 79/80 гг.) и Инисмея (79 – начало 80-х гг.), в это время она заключила с ними союз при номинальном приоритете сарматов.

В «Борисфенитской речи» Дион Хризостом [**II,** ***48***], посетивший Ольвию незадолго до 95 г. н.э., писал: «*...Каллистрат* (ольвиополит. – *автор*)*... многих савроматов убил или взял в плен»* и далее: «*... вчера в полдень скифы* (т.е. сарматы. - автор) *совершили набег...»*, т.е., во время визита Диона город находился в конфронтации с сарматами. Вероятно, после смерти Инисмея взаимоотношения Ольвии и Аорсии изменились к худшему – по Диону, сарматам (точнее, жене их царя) принадлежал даже форт Алектор к югу от Ольвии. Он отмечает, что город постоянно находится в окружении варваров, называя их по традиции то скифами, то савроматами, то сарматами.

Неизвестно, были ли под контролем Фарзоя и Инисмея все сарматские племена Поднестровья и Подунавья. Но следует сказать, что с появлением к северо-востоку от Дуная орды этих царей жизнь римлян значительно усложнилась.

Наконец, еще одним последствием этого глобального передвижения в сарматском мире стала откочевка язигов в Тисо-Дунайское междуречье. Уже в 50 г. н.э. их конница воевала на стороне царя квадов Ванния против гермундуров и лугиев.

Биографы первых Флавиев и Антонинов постоянно отмечают факты военных столкновений с сарматами на дунайской границе. Светоний сообщает о войнах с сарматами в 89 и 92 гг. Правда, судя по всему, главным противником Рима на дунайской границе становится окрепшая Дакия. Походы против даков, которым предшествовало нападение последних на Нижнюю Мезию в 85 г., состоялись в 86 и 88-89 гг. (именно во время последнего даков поддержали сарматы).

Окончательное замирение нижнедунайской границы связано с политикой Траяна. Дакийские войны 101-102 и 105-106 гг. сломили сопротивление дакийского вождя Децебала, и Дакия стала римской провинцией. На стороне Децебала выступали роксоланы, поддерживали его какое-то время и языги. Весной 102 г. конница роксоланов приняла участие в походе Децебала в Нижнюю

Мезию. После окончания 1-й Дакийской войны, однако, возникли какие-то недоразумения с языгами, и Децебал вынужден был выступить против них в Олтении. Кстати, это и последующее события хорошо иллюстрируют непостоянство политических симпатий сарматов, как и любых кочевников. Децебал проиграл войну, Дакия стала провинцией, и роксоланы «забыли», что эту землю населяют их недавние союзники. Теперь перед ними был привычный противник – империя. В начале II в. н.э. они добиваются от Рима регулярной дани под видом подарков, а когда имперская администрация, сочтя ее чрезмерной, попыталась уменьшить выплаты, роксоланы взялись за мечи (107-117 гг.). Их «настойчивость» дала плоды, и Адриан в 117 г. был вынужден заключить с роксоланским царем Распараганом договор, по которому дань оставалась прежней. Однако сейчас же (117-118 гг.) роксоланы с востока, а языги с запада атакуют границы Дакии, в этих стычках даже гибнет наместник провинции. Чтобы избавиться от необходимости вести войну на два фронта, римляне в 118 г. заключили перемирие с роксоланами, после чего, наконец, нанесли поражение языгам. Юлий Капитолин пишет о войнах с аланами Антонина Пия около 157 г. на Дунае.

Другие регионы Северного Причерноморья, населенные сарматами, в конце I – первой половине II вв. н.э. остались вне поля зрения античных авторов. Поэтому реконструировать исторические события довольно трудно. Погребения этого времени имеются в степном и предгорном Крыму, отражая вхождение этих территорий в ареал сарматских кочевий. В Неаполе Скифском по материалам некрополя ощущается сарматизация населения. Теперь сарматские погребения появляются в степной части Крыма, в непосредственном соседстве с Неаполем, и среди них – царская могила в Ногайчинском кургане, датирующаяся именно этим временем.

Благодаря сарматам важные изменения произошли в Среднем Поднепровье. Постоянное проживание здесь значительной – судя по представительному количеству погребений – сарматской орды, вероятно, сделало окончательно невыносимой жизнь позднезарубинецкого населения. Следы сарматских набегов прослежены на некоторых городищах в виде пожарищ и находок сарматских наконечников стрел в валах с напольной стороны. Прекращаются похороны на многих могильниках. Население позднезарубинецкой культуры расселяется подальше от опасных соседей – на юго-запад, где возникает горизонт памятников Рахны – Почеп, в пойму Днепра и на северо-восток, в Подесенье, где позже формируется киевская культура. Интересно, что после такой дестабилизации этнополитической обстановки сарматы покинули опустевшее Среднее Поднепровье – их памятники после середины II в. н.э. там неизвестны.

Позднесарматский период. Последний подразделяется на две фазы: *начальную* (вторая половина II – середина III вв. н.э.) и *финальную* (вторая половина III–IV вв. н.э.).

Новая волна пришельцев – аланов из Поволжья и Подонья, появляется в Северном Причерноморье не ранее середины II в. н.э. Расширение римских границ при первых Антонинах вплотную затронуло интересы варварских вождей Европы: царей маркоманнов, квадов и других германских племен. В недавно образованной провинции Дакии еще живы были ветераны Траяновых войн, жаждавшие отомстить за свое поражение и гибель Децебала. Приход воинственных аланов как бы подтолкнул развитие событий.

В 167 г. н.э. разразилась первая Маркоманнская война. Обитавшие к северу от Паннонии германские племена маркоманнов, вандалов, квадов и др. составили коалицию с венгерскими сарматами-языгами и двинулись на Рим. С востока на провинцию Дакия в это время напали роксоланы и аланы в союзе с даками и их родственниками костобоками. Натиск северных варваров был так силен, что их войска уже через два года вторглись в Северную Италию. Император Марк Аврелий, чтобы избежать войны на два фронта, был вынужден в 175 г. заключить сепаратный мир с лидерами северной коалиции – маркоманнами и языгами. Однако в 177 г. союзники вновь открыли военные действия, а к восточной коалиции присоединились еще и карпы. Вторая Маркоманнская война получила даже название Сарматской, что указывает на роль участвовавших в ней сарматских племен. И вновь тонкий политик и философ Марк Аврелий применил принцип “divide et impera” (разделяй и властвуй). Он заключил очередной сепаратный мир с сарматами - языгами и роксоланами, позволив им сноситься друг с другом через провинцию Дакия. Этот эпизод интересен для нас тем, что указывает не только на силу и опасность для Рима сарматских племен Венгрии и Нижнего Подунавья, но и на их взаимное желание поддерживать связи. Нейтрализовав таким образом наиболее опасных врагов, Марк Аврелий сосредоточил все силы для борьбы с маркоманнами и аланами. Однако завершить войну пришлось уже его сыну императору Коммоду в 180 г.

В конце II в. н.э. на территории Северного Причерноморья происходит важнейшее событие, надолго определившее специфику его развития – переселение сюда племен готского союза. Помимо письменных источников, его фиксируют появившиеся здесь памятники вельбаркской культуры – культуры готов и гепидов. Судя по топографии памятников, сначала готы не продвинулись далеко вглубь сарматских земель, а оставались их близкими соседями с севера и северо-запада. Тем не менее, это соседство в какой-то мере дестабилизировало политическую обстановку в Степи. Археологическим выражением этой дестабилизации стала топография позднесарматских памятников. Они группируются в восточной и юго-западной частях Украины и достаточно редки в центральной. Думается, что причиной этому стало образование готского союза, контролировавшего указанный регион. Примечательно, что сложившаяся на начальной фазе периода ситуация сохраняется далее, получая окончательное оформление во второй половине III в. н.э. с образованием державы Эрманариха, удивительно хорошо совпадающей территориально с ареалом распространения черняховской культуры во второй половине III – первой половине IV вв. н.э. Она как бы расколола сарматский мир надвое. На востоке, в приазовско-донецких степях, немногочисленные погребения финальной фазы территориально тяготеют к Нижнему Дону, гранича с ареалом черняховской культуры. Находящиеся в непосредственной близости от него позднейшие памятники (Дмухайловка, 13/1, Кантемировка, шахта Моспинская) содержат характерные для черняховской культуры вещи (гребень, фибула, керамика). Такая топография памятников говорит, на наш взгляд, о том, что сарматы этой территории (аланы-танаиты) не входили в готское объединение. Иная ситуация сложилась в Нижнем Подунавье, где расположена западная группа сарматских памятников финальной фазы. Здесь сарматские могильники находятся непосредственно на черняховской территории в соседстве с памятниками этой культуры. И в этих могилах есть черняховские вещи (умбон щита в Курчи, фибула и гребень в Кубее). Катакомбы на

черняховских могильниках (Беленькое и др.) свидетельствуют о начавшейся этно-культурной интеграции сарматов и носителей черняховской культуры. Это памятники «европейских аланов» Аммиана Марцеллина – федератов готских королей.

Финал сарматской эпохи в Северном Причерноморье связан с вторжением в начале 370-х гг. гуннов. Согласно Аммиану Марцеллину, они, покорив аланов-танаитов, разгромили государство Эрманариха. Сарматские памятники этого времени достаточно редки (Казаклия, 14/1, Кубей, 8/1, Лихачевка, Дмухайловка, 13/1, шахта Моспинская). Все они суммарно датируются последней третью IV в. н.э., но насколько соотносятся по времени с гуннским нашествием – трудно сказать. Наконец, судя по пряжкам, явно современниками гуннов были люди, похороненные в Балковском кургане, Костычах и Кантемировке.

Социальная структура сарматского общества. Ко времени появления в северо-причерноморских степях сарматы достигли уровня раннеклассового общества. Ограниченные возможности экстенсивного скотоводства способствовали тому, что классообразовательные процессы в кочевом обществе происходили довольно медленно и не достигали своего логического завершения.

О существовании в сарматском обществе господствующего (а, следовательно, и подвластного) слоя населения свидетельствуют исторические источники, в которых часто упоминаются «царь», «предводитель», «знатные», «скипетроносцы» и другие представители господствующей верхушки. Наилучшей иллюстрацией этому являются археологические памятники, в которых представлены, с одной стороны, богатейшие «царские» погребения типа Порогов, Ногайчинского кургана, Соколовой Могилы, а с другой – масса погребений рядовых общинников, инвентарь которых ограничивается одним-двумя горшками, скромными украшениями или несколькими стрелами.

К сожалению, письменные источники не говорят ничего определенного о социальных слоях сарматского общества и о его устройстве. Но известно, что у кочевников военная структура основывалась на родоплеменной, а предводители общественных групп были одновременно военными руководителями.

Письменные источники проливают некоторый свет на характер верховной власти у сарматов Причерноморья. Из легенды об Амаге известно, что она получила власть от своего мужа. Там же говорится, что после убийства скифского царя Амага *«отдала власть сыну убитого».* Сомнительно, чтобы царица пошла на это, если бы в государственной практике ее времени не существовало такого обычая. Таким образом, невзирая на недостаток источников, мы вправе считать, что у сарматов существовал институт наследования власти. Свидетельством этого может быть эпитафия Плавтия Сильвана, в которой говорится о сыновьях сарматских царей, взятых в заложники. Наконец, установленные недавно родственные отношения сарматских царей Фарзоя и Инисмея также свидетельствуют о наличии в сарматской среде института наследования власти.

Без сомнения, сарматское общество имело какую-то определенную политическую структуру, определяющую форму его государственности. Вероятнее всего, это было наиболее типичное для кочевников, достигших уровня раннеклассового общества, временное военно-политическое объединение с такими атрибутами государственности как общая территория, верховная власть, определенная социальная стратификация общества, возможно, зачатки профессионального войска (царская дружина). Археологическими

свидетельствами существования у сарматов Украины каких-то группировок может быть топография памятников I в. н.э. между Днепром и Днестром. Они, объединенные общими чертами погребального обряда, достаточно четко отличаются от более восточных и западных. На этой же территории среди многочисленных бедных погребений расположены аристократические могилы типа Порогов, Грушки (где найдено изделие с тамгой Фарзоя), Соколовой Могилы. Не исключено, что эта группа памятников фиксирует территорию «царства» Фарзоя и Инисмея.

Рабство. Отдельно следует остановиться на вопросе о распространении рабства в сарматском обществе. Невзирая на то, что сарматы жили в рабовладельческую эпоху, рабство не получило развития в их среде. Это обусловлено способом хозяйства кочевников, в котором возможности для использования труда были весьма ограничены. Животноводство не требует большого количества рабочих рук и, вместе с тем, для него необходимы специальные навыки и профессиональная подготовка. Другими словами, труд скотовода довольно специфичен и квалифицирован. Кроме того, скотоводство требует относительно большей личной свободы, что небезопасно для владельца рабов. Рабский труд в животноводстве может использоваться в довольно ограниченной сфере – изготовление и переработка его продуктов. Этнографические параллели свидетельствуют, что рабство у кочевников имело домашний характер и большого количества рабских рабочих рук просто не требовалось. Многочисленный полон, который захватывали кочевники в набегах, давал большое количество рабов для продажи, но они не использовались в собственном хозяйстве.

Внешняя эксплуатация. Экономические особенности кочевого скотоводства способствовали тому, что основным путем получения прибавочного продукта у кочевников стала внешне-эксплуататорская деятельность. Среди многочисленных ее способов едва ли не главное место занимали даннические отношения, которые устанавливали кочевники с покоренными народами. Не были исключением и сарматы, как это следует из письменных источников. Согласно Тациту, сарматам Венгрии платили дань германцы – котины и осы. Об уплате римлянами в Мезии дани роксоланам есть свидетельство Элия Спартиана. Что касается территории Украины, то свидетельством даннических отношений между сарматами и их соседями являются данные декрета в честь Протогена, указывающего на существование двух форм дани. Не исключено, что дань платили сарматам зарубинецкие и позднескифские племена Поднепровья, жившие некоторое время в окружении сарматов.

Скотоводство. Основным занятием сарматских племен, проживавших на территории Украины, было экстенсивное кочевое скотоводство. Согласно Страбону **[VII, 3, *17*]** *«они идут за своими стадами, выбирая всегда местность с хорошими пастбищами – зимой в болотах возле Меотиды, а летом – и на равнинах»*. Судя по остеологическим остаткам, сарматы разводили в основном лошадей и овец. Только эти домашние животные могут переносить постоянные перекочевки, не теряя веса и жизненных сил. Кроме того, лошади способны тебеневать, то есть, добывать корм из-под снега, разрывая его копытами. Такому составу стада соответствует довольно подвижный тип кочевания, когда все население передвигается вместе со стадами, останавливаясь только для зимовки.

До сих пор не выяснено, оседала ли на землю какая-то часть сарматов. Существование этой теории обусловлено наличием нескольких грунтовых могильников в Нижнем Подунавье, Молдове, Румынии. Нужно сказать, что процесс седентаризации отражают не грунтовые могильники (они известны у кочевников, например, у гуннов), а поселения. Последние как раз и неизвестны у сарматов Украины. С другой стороны, у сарматов Венгрии, об оседании которых неоднократно писали античные авторы, известны многочисленные поселения. Кроме того, этнографические примеры свидетельствуют, что кочевники очень неохотно переходили к оседлому способу жизни. Это происходило при одном условии – крайней нищете, нехватке скота. Однако, как только семья или род становились более состоятельными, они сразу же возвращались к кочеванию. Инвентарь грунтовых могил имеет яркую кочевническую окраску (в частности, находки оружия и конской упряжи), что не характерно для оседлых обществ. Итак, вопрос о седентаризации сарматов на территории Украины остается пока открытым.

Ремесло. В сарматской среде определенное место занимали традиционные для скотоводческого общества ремесла: оружейное, кожевенное и другие. Находки прясел в женских могилах свидетельствуют о существовании ткацкого производства, по крайней мере, домашнего. Без сомнения, сарматские женщины валяли войлок, обрабатывали шкуры и другие продукты животноводства, хотя археологических остатков этих производств не сохранилось. Среди ремесел следует назвать изготовление лепной посуды и культовых предметов (курильниц, жертвенников), деревянной и кожаной посуды. В целом же ремесло в сарматском обществе имело вспомогательный характер, и уровень его развития определялся традиционными потребностями кочевого быта.

Торговля и обмен. Важное место в экономике сарматов имели торговые связи с окружающим миром. Наиболее активными и ближайшими контрагентами для них были античные города. Там сарматы получали необходимые им продукты земледелия: оливковое масло, вино, хлеб и другие продукты земледелия, ремесленные изделия определенных видов (ювелирные, кузнечные, предметы туалета и т.д.). Традиционными же статьями сарматского экспорта в античные города были скот и продукты скотоводства, а также рабы из многочисленного полона. В сарматских могилах найдено много образцов античной продукции: ювелирные украшения, краснолаковая, сероглиняная и красноглиняная керамика, амфоры, металлическая посуда. Основные центры, из которых к сарматам поступал импорт – это Боспор и Ольвия (столовая посуда), Мегара, Пергам и другие города Малой Азии (красноглиняная посуда, амфоры), римские провинции Ближнего Востока (ювелирные изделия, стекло) и Европы (металлическая посуда, фибулы). Вероятно, из Пантикапея и Ольвии к сарматам поступали зеркала, фибулы, пиксиды, ожерелья и другие мелкие предметы личного обихода. Однако античный мир был не единственным в географии торговых связей сарматов. Благодаря мобильности сарматского общества и постоянным контактам причерноморских сарматов с восточными сородичами, в сарматской среде на территории нынешней Украины появлялись товары из далекой Азии. Это были ювелирные изделия, китайские зеркала и шелк, драгоценные камни из Индии и Цейлона. Способствовало этому и то, что Северное Причерноморье находилось на западной оконечности Великого шелкового пути и местные сарматы сполна использовали такую ситуацию. Наконец, нельзя не вспомнить и торговые

отношения с собственно сарматским миром Подонья и Поволжья, откуда к причерноморским сарматам попадала характерная серолощеная керамика.

Импортные вещи очерчивают направление торговых связей сарматов Северного Причерноморья: Рим, европейские (металлическая и стеклянная посуда, определенные типы фибул, изделия с эмалью) и азиатские (стеклянные изделия в технике «миллефиори», серебряная посуда, ювелирные полихромные изделия, египетский фаянс) провинции, Китай (шелк, зеркала, определенные типы оружия). Из сообщения Страбона известно, что заметную роль в торговле с Востоком играли аорсы, которые *«вели караванную торговлю индийскими и вавилонскими товарами, получая их у армян и мидян и перевозя верблюдами»* **[XI, *5, 8*]**. Однако, вопреки распространенному мнению о непосредственном участии аорсов в торговых операциях, они, вероятнее всего, только конвоировали караваны через свои степи и брали оплату за это частью товаров. Как свидетельствуют этнографические данные, такое конвоирование иногда навязывалось кочевниками купцам под угрозой обычного грабежа, являясь своеобразным древним рэкетом и одним из путей внешнеэксплуататорской деятельности.

Быт и хозяйство. Как уже говорилось, сарматы были кочевыми скотоводами. Страбон и Овидий упоминают сарматские повозки и шатры. На фресках пантикапейских склепов первых веков н.э. есть изображения сарматских юрт, а в погребениях на территории Украины найдены несколько колес от сарматских повозок с 12 – 14 спицами.

Кочевой быт обусловливал состав пищи и домашней утвари. Хотя в распоряжении археологов почти нет материальных остатков сарматского «меню» (кроме костей овцы в погребениях), не будет ошибкой считать, что в их рационе заметную роль играла мясная пища. Согласно этнографическим параллелям, существенную часть мясного стола должна была составлять конина, но в погребальном обряде она почему-то не использовалась. Популярными у кочевников были молочные продукты (сыр, кумыс, молоко), и сарматы, вероятно, не составляли исключения. Торговые отношения и дань обеспечивали сарматов продуктами земледелия: зерном, мукой, овощами, оливковым маслом, вином.

Столовая и кухонная посуда сарматов достаточно разнообразна. В качестве последней использовались лепные горшки различных типов. Столовой посудой служили античные красноглиняные и меотские сероглиняные кувшины, миски, кубки. Состоятельные кочевники позволяли себе дорогую серебряную, бронзовую и стеклянную посуду провинциально-римского производства.

Военное дело. Сарматское общество, как и любое другое объединение кочевников, было глубоко военизировано. Сарматы к моменту своего прихода в причерноморские степи представляли собой так называемый «народ-войско», где все мужчины были воинами. Главным (если не единственным) родом войск сарматов была легкая конница. Сарматские воины были вооружены мечами и кинжалами, луками, копьями. Разным хронологическим этапам развития сарматской культуры соответствовали различные типы оружия.

В раннесарматское время основным типом клинкового оружия были железные мечи длиной 50 – 60 см с серповидным навершием. Наконечники стрел – железные, втульчатые, трехлопастные. Изредка встречаются бронзовые кельтские шлемы типа Монтефортино. В среднесарматское время ведущим типом оружия становятся короткие мечи и кинжалы с кольцевым навершием.

Использовались и длинные (до 1 м) мечи с рукоятью-штырем. Втульчатые наконечники стрел сменяются черешковыми. Позднесарматские воины были вооружены длинными мечами с рукоятью-штырем, иногда увенчанной навершиями из золота и полудрагоценных минералов.

Важной частью военного дела сарматов было боевое использование коня. Сарматское конское снаряжение разнообразно – простые железные удила с дуговидными и стержневидными псалиями, бронзовые налобники «с крючком», серебряные позолоченные фалары (полусферические бляхи, украшавшие сбрую).

Одним из основных видов боевых действий были различные по длительности и расстоянию набеги. Они имели целью не столько физическое уничтожение противника, сколько взятие добычи и демонстрацию военной силы с целью дальнейшего установления даннических отношений. Считалось, что отличительной чертой войска сарматов было наличие у них отрядов катафрактариев – тяжеловооруженных панцирных всадников, как основной ударной силы. Однако находки доспехов почти исключительно в Прикубанье не подтверждают этой точки зрения. Наличие панцирей только в богатых могилах согласуется с данными Корнелия Тацита, писавшего, что панцири у сарматов носят *«вожди и все благородные»,* т.е. представители знати.

Религия и культы. Как и для других сфер жизни сарматов, источниками реконструкции их религиозных представлений являются археологические материалы и сообщения древних авторов. Из труда Аммиана Марцеллина (IV в. н.э.) известно, что сарматы поклонялись мечу, олицетворявшему бога войны: *«У аланов обнаженный меч вонзают в землю и поклоняются ему как Марсу»* **[XXXI, *2, 23*].** Пр имечательно, что и у скифов меч был воплощением бога войны Арея. Что касается других общеиранских культовых представлений, то на археологических материалах установлено существование у сарматов культов огня и коня. С первым из них связаны многочисленные следы кострищ в курганах (насыпь Ногайчинского кургана была даже облита нефтью и подожжена) и могилах, а также курильницы, часто входившие в состав инвентаря женских погребений. Вероятно, именно женщины как хранительницы домашнего очага отправляли огненный ритуал. Роль женщин как служительниц культа отражают многочисленные амулеты в могилах. Они же свидетельствуют о наличии у сарматов анимистических верований.

Погребальный обряд. Эта сфера культового сознания отражает веру в загробную жизнь, существовавшую у сарматов. Часть погребений ориентирована в северном направлении, часть – в южном. Возможно, эта разница отражает представления различных сарматских племен о месте расположения «страны мертвых». Сопровождение покойных пищей, вином и вещами также является частью погребального обряда. Мужчинам в могилы помещали оружие, конское снаряжение, мужские орудия труда (оселки, ножи), посуду для вина. Женщин сопровождали на тот свет украшения, туалетная и столовая посуда, женские вещи – зеркала, прясла, иголки и прочее.

Материальным проявлением религиозных представлений сарматов являются их погребальные памятники – курганные и немногочисленные грунтовые погребения по обряду ингумации. В период со II в до н.э. до середины II в. н.э. в Северном Причерноморье преобладают впускные захоронения с ориентацией в северном секторе, оставленные роксоланами. Такие же погребения II в. до н.э. – середины I в. н.э., но с южной ориентацией, группирующиеся в Северо-Западном

Причерноморье, принадлежат язигам. На этом фоне выделяется культурно-хронологический горизонт памятников иного облика – основные погребения с ориентацией в южном секторе под невысокими насыпями, составляющие большие (Усть-Каменский, Молочанский, Подгороднянский) и малые (Вербки, Терны, Марьина Роща и др.) могильники. Эти памятники датируются второй половиной I – первой половиной II вв. н.э. и сосредоточены на Левобережье Днепра. Они очень близки синхронным погребениям Подонья – Поволжья и оставлены перекочевавшими оттуда племенами аланского союза. Позднесарматские могильники второй половины II – первой половины III вв. н.э. – это могильники из распаханных к нашему времени курганов над основными погребениями (Холмское, Васильевка, Петрешты и др.). Они, как и более поздние могильники второй половины III – середины IV вв. н.э. (Курчи, Кубей, Владычень и др.), сосредоточены в Днестро-Дунайском регионе и на противоположном конце Украины – в Донбассе и Приазовье. Позднесарматские памятники оставлены аланами.

По конструкции погребальные сооружения сарматов нескольких типов: простые прямоугольные ямы (самый распространенный тип погребений II в. до н.э. – середины III в. н.э) и синхронные им ямы с заплечиками, квадратные ямы с положением покойного по диагонали могилы (так наз. «диагональные» погребения второй половины I – середины II вв. н.э.), ямы с подбоем, появляющиеся в середине I в. н.э. и наиболее распространенные в позднесарматское время, и катакомбы (вторая половина III – середина IV вв. н.э.).

Одежда и украшения. Немногочисленные остатки – преимущественно из богатых могил, дают возможность реконструировать одежду сарматов. Мужчины носили короткую куртку, подпоясанную ремнем и застегивавшуюся фибулами, штаны и короткие мягкие сапоги, иногда перехваченные в подъеме ремешками с пряжками. Головным убором служил башлык. Костюм дополнялся плащом, застегивавшимся фибулой на левом плече. Женщины одевали длинное платье с рукавами до запястья или немного выше, по восточной моде поверх платья носился распашной халат, застегивавшийся фибулой на груди. С того же Востока в гардероб сарматской женщины попали шаровары, часто украшенные на щиколотках бисером. Одежда представителей знати отделывалась нашивными золотыми бляшками, пронизями и вышивкой (Соколова Могила, Ногайчинский курган, Сватова Лучка, Пороги).

Разнообразны сарматские украшения. Знатные воины носили золотые и серебряные гривны, золотые браслеты (Пороги, Весняное), пояса с драгоценной гарнитурой. Женщины украшали прически диадемами (Ногайчинский курган), носили золотые полихромные серьги (Соколова могила, Ногайчинский курган) и ожерелья (Михайловка, Сватова Лучка), бусы из полудрагоценных камней, фаянса, стекла, янтаря. Известны роскошные золотые полихромные (Соколова могила, Ногайчинский курган) и скромные бронзовые браслеты из погребений рядовых общинников. Со II в. до н.э. распространяются фибулы различных типов, в том числе золотые полихромные броши. В состав личного убора входили бронзовые зеркала разных и хронологически различных типов: простые круглые, с валиком по краю, прямоугольные, подвески с орнаментом на обороте.

Искусство. Как и у большинства кочевников, сарматское искусство носило прикладной характер. На разных этапах развития сарматской культуры, в соответствии с различным происхождением племен и изменчивостью внешних

влияний, истоки и художественные особенности сарматского искусства были разными.

Все произведения сарматского искусства (в основном это личные украшения и декор различных предметов) исполнены в определенных стилях, характеризующих сарматское прикладное искусство на разных этапах его развития.

Во II–I вв. до н.э. ощущается влияние позднеэллинистического, греко-бактрийского или ближневосточного искусства. Встречаются изображения античных божеств (фалары из Северского кургана и Янчокрака), животных (фалары из Старобельска и Твардицы), очень популярны растительные и геометрические мотивы. Техника исполнения – чеканка или гравировка по серебру и позолота. Золотые украшения (фибулы-броши, серьги) выполнены в позднеэллинистических традициях.

С I в. н.э. в сарматском искусстве доминирует так называемый «бирюзово-золотой» звериный стиль, происходящий из среднеазиатских и западносибирских земель и отмеченный ощутимым влиянием китайской иконографии. Основным его мотивом являются специфически стилизованные изображения реальных и фантастических зверей, чаще всего в момент единоборства. Техника исполнения – литое золото либо золотая плакировка железной или бронзовой основы; изделие щедро инкрустировано вставками бирюзы или близких по цвету материалов (фаянс, стекло), иногда в сочетании с кораллами. Прекрасные образцы этого стиля найдены в Порогах (гривна, поясные пряжки), Запорожском (поясные бляхи) и Ногайчинском (гривна) курганах.

С появлением на территории Украины позднесарматских племен (середина II в. н.э.) изменяются и направления в прикладном искусстве. Новые пришельцы принесли с собой любовь к геометрической орнаментации серебряных пряжек, наконечников ремней, фибул. Во второй половине III в. н.э. появляется такое яркое направление в прикладном искусстве сарматов как «сердоликовый» стиль. Украшения (поясная и уздечная гарнитура, серьги и браслеты) этого стиля состоят из бронзовой основы, плакированной серебряными пластинками, украшенными зернью, сканью, гравировкой и позолотой. В центре изделия помещалась вставка большого плоского сердолика (могильники Чауш, Градешка, Дружное). Позднее (в середине IV в. н.э.) этот стиль сменяется стилем клуазоне или перегородчатой инкрустации – инкрустация всего поля золотого изделия красными вставками (гранат, альмандин, эмаль, стекло) в гнездах-перегородках, создающих геометрический узор (могильники Кубей, Фрикацей).

Яркая и самобытная сарматская культура, одна из составляющих великого феномена древности – евразийской кочевой культуры – была и остается частью древней истории Украины.

Тема 15. «Малая Скифия» на Нижнем Днепре (II в. до н.э.-II в. н.э.)

Основным источником для изучения истории Малой Скифии являются труды античных авторов, в первую очередь – «География» Страбона. Он описывает несколько известных ему стран и отмечает, что область за Крымским перешейком до Борисфена называется Малой Скифией. Вторую Малую Скифию он локализует на болотистых землях Истра. Основываясь на данных археологии,

сейчас принято выделять Малую Скифию на Нижнем Днепре, Малую Скифию в Добрудже и Малую Скифию в Крыму. Исследователи нижнеднепровских городищ отождествляли некоторые памятники на берегах Днепра с городами, названными Птолемеем: Н.Н.Погребова считала Сароном Гавриловское городище, Б.Н.Граков называл Азагарием Каменское городище, Знаменское – Амадокой. По мнению М.И.Вязьмитиной, Сароном было Золотобалковское поселение.

А.И.Тереножкин и В.А.Ильинская считали, что городища Нижнего Поднепровья соответствуют «позднему этапу существования Скифии, когда оседлость скифского населения становится достаточно повсеместной». М.И.Артамонов указывал на принадлежность этих памятников местному скифскому населению. Б.Н.Граков прослеживал непрерывную линию культурного развития между населением Каменского городища и малых городищ Нижнего Днепра, рассматривая Знаменское городище в качестве акрополя Каменского. Эти мнения вытеснили более раннюю по времени трактовку нижнеднепровских городищ в качестве ольвийских факторий, которую назовем гипотезой Чиркова-Гошкевича. Позднее Г.Л.Скадовский, а вслед за ним и М.И.Ростовцев считали население этих городищ наполовину греческим. И.В.Фабрициус допускала наличие здесь римских военных поселений.

Анализ новых материалов, полученных при раскопках Анновского, Любимовского и Великолепетихского городищ, позволил нам присоединиться к гипотезе Чиркова-Гошкевича. В последние годы появляются антропологические и археологические материалы, подтверждающие эту гипотезу.

Материалы «постскифских» городищ Нижнего Поднепровья свидетельствуют об увеличении в сельском хозяйстве роли *земледелия.* Если в среднескифский период земледелие являлось лишь компонентом, дополняющим развитое скотоводство, то в постскифский период земледелие выступает в качестве самостоятельной отрасли, поставляющей обитателям нижнеднепровских городищ основную массу продуктов питания.

Постскифские городища были расположены на склонах возвышенностей, где почвы были пригодны для развития *земледелия* в его традиционных формах, о чем свидетельствует археологический материал «постскифских» городищ.

На первом месте среди выращиваемых культур – по-прежнему просо и пленчатый ячмень, но в «постскифский» период несколько увеличивается (судя по отпечаткам зерен на керамике) производство пшеницы, появляются новые культуры - овес, уверенно фиксируется культурная рожь. В целом, за теплолюбивыми, нетребовательными к природным условиям культурами остается, по-видимому, первое место.

Весьма показательны изменения в составе сельскохозяйственных орудий, хотя, как и в среднескифский период, серпов найдено мало (фрагмент серпа найден лишь на Любимовском городище). Заметным образом меняются способы измельчения зерна. Если в среднескифский период зерно подвергалось грубому помолу, точнее, – дроблению, исключительно на зернотерках, то в «постскифских» памятниках появляются и становятся нередкими жернова. Эти жернова принадлежат к эллинистическому типу, имеют форму четырехугольных камней с расширенным кверху коническим отверстием в центре. Фрагменты таких жерновов найдены на Золотобалковском поселении, а также на Знаменском, Анновском и Великолепетихском городищах. Принципиальное отличие этих

орудий труда от примитивных зернотерок, обеспечивающих только дробление зерна, в том, что прямоугольные жернова являются первыми ручными мельницами для получения муки. Таким образом, II в. до н.э. – по находкам первых снарядов для получения муки – датируется внедрение хлеба в рацион обитателей «постскифских» городищ Нижнего Поднепровья. По-видимому, произошло это под прямым влиянием греческой культуры. Но каши из грубо помолотых на зернотерках зерен сохранились в питании обитателей «постскифских» городищ.

Заметно отличается от среднескифского периода сама организация земледельческой отрасли. Проводившиеся в 50-е годы раскопки городищ были сосредоточены, в основном, на территориях акрополей, в то время как результаты аэрофотосъемки показывают наличие больших по территории предместий. Раскопками в предместьях Гавриловского и Анновского городищ установлено, что предместья состояли из небольших усадеб, центром каждой из которых было жилое сооружение – глинобитное или глинобитное на каменной основе, окруженное хозяйственными постройками и большим количеством хозяйственных ям. Такие усадьбы располагались на расстоянии 100-150 м друг от друга параллельно береговой линии и напольной линии оборонительных сооружений акрополя. Подобную планировку имеют сельскохозяйственные поселения Ольвийской хоры, начиная с архаического периода и кончая III в. до н.э. В виде усадеб планировались сельскохозяйственные поселения и Боспора.

Таким образом, земледелие обитателей нижнеднепровских «постскифских» городищ имеет много черт, общих с земледелием греческих колонистов, в первую очередь – обитателей ольвийской хоры.

Скотоводство, как и ранее, обеспечивало жителей нижнеднепровских городищ не только питанием, одеждой, но и сырьем для некоторых видов домашнего производства (косторезное, прядение и ткачество), а также тягловой силой.

Об изменениях в составе стада можно судить по костям животных. В отличие от памятников оседлости среднескифского периода, в кухонных остатках городищ Нижнего Поднепровья, по данным О.П.Журавлева, количество костей крупного рогатого скота уменьшается, количество костей овец-коз сохраняется неизменным, а вот численность поголовья свиней заметно возрастает. Уменьшается количество лошадей. Все это свидетельствует об уменьшении подвижности стад. Организация быта жителей городищ, планировка их акрополей может быть доказательством того, что скотоводство в стойловой форме с приусадебным выгоном скота (дневные перекочевки) было сосредоточено в предместье.

Новым элементом в животноводстве «постскифских» городищ могло быть птицеводство. Во всяком случае, яичная скорлупа встречается в материалах некоторых погребений Николаевского и Красномаяцкого могильников.

По всем признакам скотоводство обитателей нижнеднепровских городищ ближе к скотоводству античных колоний.

Значение *охоты* для населения Нижнего Поднепровья по сравнению с предыдущим периодом значительно возросло. Если в среднескифский период в кухонных отбросах кости диких животных составляли 3-6 %, то в «постскифских» памятниках кости диких животных составляют от 16 до 38 % костей животных. По-видимому, продукты скотоводства не обеспечивали потребности населения в

мясной пище в полной мере и обитателям «постскифских» городищ приходилось еще и охотиться. Основные промысловые животные населения «постскифских» городищ - олень благородный и дикий кабан, доставлявшие не только вкусное мясо, но и первоклассное кожаное, костяное и роговое сырье. Основным поставщиком мехов был речной бобер и барсук, кости которых часто встречаются в материалах «постскифских» памятников.

Широкое распространение по сравнению с предыдущим периодом получает *рыболовство*. Если рыбья чешуя и кости рыб зафиксированы в IV в. до н.э. лишь на Лысогорском городище, то в памятниках «постскифского» времени большое количество костей рыб и рыбьей чешуи присутствует повсеместно. Встречались кости сома, судака, сазана, осетровых рыб. Рыбу употребляли в пищу в свежем виде, сушили, коптили. Считается, что днепровская пресноводная рыба шла и на вывоз. Рыбу ловили сетями (находки грузил) и на удочку (находки рыболовных крючков). Большая роль рыболовства и употребление рыбы в пищу также сближает население «постскифских» городищ с греками-колонистами.

Основные продукты непищевой сферы (утварь, тару, железные изделия, орудия труда) обитатели нижнеднепровских городищ получали из какого-то не очень отдаленного от них центра, вероятнее всего, из Ольвии. В «постскифских» погребениях крайне редко встречаются амфоры, полностью исчезают котлы, не зафиксированы кожаные сосуды, сосуды с золотыми обивками, деревянные, бронзовые и каменные сосуды, крайне мало лепной посуды, ложек, серебряных сосудов. Эти виды утвари полностью вытесняются краснолаковой, красноглиняной, сероглиняной и светлоглиняной гончарной керамикой античного производства, а также стеклянными сосудами. В материалах городищ также уменьшается количество амфорной керамики, а количество столовой гончарной и лепной без учета амфор приблизительно одинаково. По-видимому, Ольвия выступала посредником в доставке в Нижнее Поднепровье этой импортной продукции.

Анализ утвари памятников оседлости и погребальных памятников позволяет нам сделать вывод о тесной связи материальной культуры «постскифских» памятников Нижнего Поднепровья и Ольвии. Лепная посуда местного производства не обеспечивала потребностей жителей этих городищ в утвари. Поэтому основная масса столовой керамики поступала в Поднепровье из ольвийских мастерских, а, если не из них, то через Ольвию из Южного Причерноморья и других причерноморских регионов.

Обобщение полученных данных об основных отраслях экономики «постскифских» городищ приводит к выводу о двухэтапном характере их развития. На первом этапе существования этих памятников для их обитателей характерна традиционная земледельческо-скотоводческая деятельность. Второй этап наблюдается со II в. до н.э., когда происходит полная переориентация характера экономической деятельности, связанная с новой, по нашему мнению, ольвийской этнокультурной и экономической доминантой.[4]

---

[4] Как считают исследователи (*подробнее см:* Крапивина, 1994), глубокий кризис, который переживает в этот период экономика Ольвийского полиса, вынудила часть жителей Ольвии и поселений в ее округе постепенно переселиться в позднескифские центры Нижнего Поднепровья. В.М.Зубарь (1996), который детально исследовал этот процесс, убедительно доказывает, что вследствие такой перманентной миграции греческое население смешивалось с местным, воспринимало определенные элементы культуры последнего и, в свою очередь, способствовало эллинизации «поздних скифов» Нижнего Днепра. Особенно усилился исход греков в Нижнее

Наиболее ранними типами *жилищ* на территории «постскифских» памятников являются: глинобитные сооружения с каркасной основой (тип 1), описанные Н.Н.Погребовой по материалам Знаменского и Гавриловского городищ; глинобитные сооружения на каменной основе (2 тип), известные по материалам Золотобалковского поселения и предместья Анновского городища.

Кардинальные изменения в жилищном строительстве Нижнего Поднепровья происходят в начале II в. до н.э. Он характеризуется возникновением и стремительным развитием каменного домостроительства. Материалом для каменных сооружений служил необработанный или слегка подтесанный местный известняк. Кладки трехслойные, высота стен могла достигать 2,5-4 м. Постройки состояли из нескольких прямоугольных в плане помещений. Описанные выше признаки характерны для «варварской» архитектуры Нижнего Поднепровья. Влияние античной культуры на возникновение такой строительной практики, несомненно.

В *планировке* всех «постскифских» городищ соблюдается принцип деления поселения на две части: укрепленную (типа акрополя с каменными оборонительными сооружениями) и не укрепленную или укрепленную только земляным валом (типа предместья). Весь ансамбль акрополя – оборонительные стены и жилая застройка в большинстве городищ – возводится приблизительно в одно и то же время – в конце II–I вв. до н.э. По-видимому, преобладала прямолинейная планировка – на Анновском городище она ориентирована на береговую линию. Глухие стены усадеб параллельны напольной оборонительной стене. Для всех городищ характерна высокая плотность застройки.

В планировке акрополей нижнеднепровских городищ многое напоминает принципы застройки Ольвии. Так, Дион Хрисостом, говоря об общем облике застройки Ольвии, отметил плотное расположение города на небольшом пространстве, тесно застроенном небольшими домами без промежутков. Плотность застройки Ольвии отмечается и по археологическому материалу.

Оборонительные сооружения городищ Нижнего Поднепровья представлены земляными валами высотой до двух метров (например, предместье Анновского городища), земляными валами с сырцовой кладкой по гребню (Знаменское городище); земляными валами с каменной стеной по гребню и башнями у входных ворот (Анновское городище).

Каменные оборонительные сооружения являются господствующим в Нижнем Поднепровье типом фортификационных построек. В нем много элементов (постелистая кладка, приемы сооружения башен), позволяющих говорить о близости каменных оборонительных сооружений городищ Днепра с позднеэллинистическими оборонительными сооружениями Ольвии. Несомненно, что система оборонительных сооружений Нижнего Поднепровья создавалась с учетом традиций античности и с участием мастеров-греков.

Создается впечатление, что по Днепру, в основном на его правом берегу, строится особо укрепленная линия обороны. Если считать Ольвию заинтересованной в ее сооружении, то основная военная опасность угрожала Ольвии и ее периферии из степей Днепровского Левобережья. Бурное каменное домостроительство, укрепление акрополей каменными оборонительными сооружениями, возведенными по всем правилам фортификации, позволяет

высказать предположение, что строительству линии укреплений по Днепру придается особое значение.

В конце II в. н.э. происходит затухание жизни на большинстве нижнеднепровских городищ. Исключением являются крупные городища - расположенные на правом берегу городище Красный Маяк и на левом берегу Днепра - Любимовское и Верхнелепетихинское, сохраняющие большинство признаков постантичной культурной принадлежности и в более позднее время. IV в. н.э. датируются наиболее поздние материалы «постскифских» нижнеднепровских городищ.

Тема 16. Поздние скифы в Крыму

В течение III в. до н.э. в Северном Причерноморье происходят глобальные политические, экономические и этнические перемены. Территория обитания скифов сокращается до пределов Нижнего Приднепровья, предгорного и Северо-Западного Крыма. Из скотоводов-кочевников они превращаются в оседлых земледельцев. Коренные изменения в образе жизни скифов привели к формированию нового комплекса материальной культуры, существенной трансформации социальных отношений и религиозных представлений. В этой связи очень удачными представляются принятые в современной научной литературе термины «поздние скифы», «позднескифская культура» как отражающие, с одной стороны, этническую и культурную преемственность от ранних скифов, а с другой – значительные изменения, которые произошли в результате перехода скифов к оседлости и включения в их состав многочисленных иноэтничных элементов.

Причины, которые привели к сокращению ареала обитания скифов и переходу их к оседлости не выяснены до сих пор. Долгое время считалось, что они военным путем были вытеснены из Северного Причерноморья сарматами. Однако исследования последних лет демонстрируют отсутствие в этом регионе памятников III в. до н.э., как скифских, так и сарматских. Следовательно, сарматы заняли во II–I вв. до н.э. пустынные области, не испытывая противодействия местного населения. Объяснить это историческое явление, как уже отмечалось выше, однозначно и уверенно пока не представляется до конца возможным, хотя комплексный характер этих деструктивных изменений уже достаточно очевиден.

В Крыму скифы селились в долинах рек, которые брали начало на склонах Главной гряды Крымских гор, впадая затем в Черное море или в Сиваш. Поселения поздних скифов открыты вдоль течения Качи, Альмы, Западного Булганака, Салгира, Бештерека, Зуи, Биюк- и Кучук-Карасу. При этом они расположены в пределах Внешней и Внутренней гряд Крымских гор. В степи, на Главной гряде и на Южном берегу позднескифских поселений нет. Нетрудно заметить, что район обитания поздних скифов характеризуется двумя важными обстоятельствами – наличием плодородных земель и источников воды. Скифы селились там, где существовали благоприятные для занятия земледелием условия. Поэтому неудобная для возделывания сельскохозяйственных культур Главная гряда служила естественной южной границей распространения позднескифских поселений. На востоке возможности для расселения были ограничены Ак-Монайским перешейком, по которому, вероятно, проходила граница Боспорского царства. Западное побережье Крыма ко времени возникновения позднескифских

поселений было колонизировано Херсонесом. С севера Крым естественным образом ограничен Перекопским перешейком, но четкого рубежа между скифами и другими племенами в степи не существовало.

Самое первое поселение в предгорном Крыму скифы, по всей вероятности, основали на окраине современного Симферополя еще в IV в. до н.э. Позднее на этом месте возник город, столица позднескифского государства. Своих максимальных размеров – 20 га защищенной площади – он достиг в конце III в. до н.э. В III в. до н.э. возникают еще два крупных поселения – Кермен-Кыр (расположено севернее Симферополя, у с.Мирное) и Булганакское (в 15 км к западу от Симферополя, у с.Пожарское). В «Географии» Страбона и в надписях упомянуты четыре позднескифские крепости – Неаполь, Хабеи, Палакий и Напит. Многие ученые старались соотнести эти названия с известными археологическими памятниками. С полной убедительностью сделать это никому не удалось. Обычно полагают, что в письменных источниках названы четыре крупнейшие позднескифские крепости. Три из них перечислены выше, а четвертое – это Усть-Альминское городище, расположенное у впадения реки Альмы в море, у с.Песчаное. По мнению большинства ученых, городище, которое находится на Петровских скалах в Симферополе, называлось в древности Неаполем.

Многолетние раскопки позволяют представить, как выглядел Неаполь во II в. до н.э. Место расположения города максимально облегчало задачу его обороны. С востока он был ограничен обрывами Петровских скал, с севера и с запада – крутыми склонами Петровской балки. С юга естественной защиты не было. Понятно, что именно здесь, между обрывами скал и склоном балки, была возведена мощная оборонительная стена. В нижней части, которая должна была противостоять ударам стенобитных машин, она была сложена из очень крупных известняковых камней, а в верхней, защищавшей оборонявшихся от стрел и камней, пущенных из пращи, – из сырцовых (не обожженных, а только подсушенных на солнце) кирпичей. Кладка сделана в типично варварском стиле: камни лишь слегка подтесаны, края их неплотно примыкали друг к другу. Такая система кладки, очевидно, создавала впечатление особой монументальности, «циклопичности». Стена была укреплена несколькими башнями или, точнее, башенными выступами, так как они не имели внутренних помещений, а были заложены камнями.

В город вели деревянные ворота. За ними находилась небольшая площадь, покрытая слоем известковой крошки. С противоположной воротам стороны площадь ограничивалась зданием, построенным в чисто греческом стиле. Особый колорит ему придавали портики – закрытые с трех сторон стенами галереи, перекрытие которых поддерживалось рядом колонн, расположенных вдоль фасада. Около этого здания или в нем самом стояли скульптуры и плиты с надписями. Неподалеку находилась статуя конного царя Скилура. В районе площади располагалось еще несколько богатых домов. Стены их были сложены из камня и сырцового кирпича, изнутри оштукатурены и, в некоторых случаях, орнаментированы фресковой росписью, крыши покрыты черепицей. Одно из таких зданий состояло почти целиком из огромного зала, в центре которого находился очаг, а вдоль стен были установлены столбы, поддерживавшие на уровне второго этажа деревянную галерею. Находки мраморных и терракотовых изображений божеств позволяют предположить, что в этом здании совершались

религиозные церемонии. Кроме больших и красивых домов существовали, конечно, маленькие невзрачные полуземлянки, но, в целом, город и по размерам, и по высокому качеству архитектурных сооружений, и по многим другим признакам заметно выделялся среди других позднескифских поселений. Это была позднескифская столица, резиденция царя.

Для погребения членов царской фамилии рядом с городскими воротами выстроили мавзолей. Он представлял собой почти квадратное здание, стены которого в нижней части были выстроены из крупных камней, а в верхней – из сырцовых кирпичей. В стене над деревянной, возможно, позолоченной дверью замуровали собаку. Эти животные играли заметную роль в заупокойном культе. Их изображали на надгробных памятниках, а прежде чем окончательно засыпать склепы, заполненные останками людей, в них иногда опускали собак.

Мавзолей воздвигли над каменным ящиком, который был составлен из четырех прекрасно обработанных плит. В могилу опустили набор вооружения (три копья, два меча, дротик, шлем, кожаный нагрудник). Здесь же находились разнообразные золотые украшения. Особенно много бляшек, нашивавшихся на одежду. Из 1327 золотых изделий, найденных в мавзолее, 825 оказались в каменном ящике. Равного по богатству погребения среди позднескифских нет, поэтому не приходится сомневаться в том, что оно принадлежало царю. Рядом с каменной гробницей, в полу, были похоронены собака и четыре лошади. По лучшим боспорским образцам, из кипарисового дерева изготовили роскошный резной саркофаг. В нем похоронили женщину в сопровождении довольно богатого инвентаря, в том числе и золотых вещей. Все остальные погребения в мавзолее совершены в дощатых деревянных гробах, иногда покрытых красной краской и украшенных гипсовыми медальонами. Эти гробы, по мере заполнения мавзолея, ставились друг на друга, образуя несколько ярусов. Всего в усыпальнице скифской знати похоронили более 70 человек. Первые погребения были совершены в конце II в. до н.э., последние – в середине I в. н.э.

В то время, когда скифы обосновались в предгорном Крыму, западное побережье полуострова принадлежало Херсонесу. В состав его владений входили довольно крупный, ранее самостоятельный, город Керкинитида и множество других населенных пунктов. Жители этих поселений потратили немало сил на возделывание близлежащих земель, превратив их в сельскохозяйственные угодья, дававшие хорошие урожаи пшеницы и винограда. Колонизируя западное побережье, греки были настроены отнюдь не благодушно по отношению к своим соседям. Поэтому, устраиваясь на новом месте, они обносили оборонительными стенами и крупные поселения, и даже отдельно стоящие усадьбы. Очень скоро выяснилось, что эти усилия не были излишни. Уже в III в. до н.э. скифы повели активное наступление на поселения херсонеситов, начав тем самым серию скифо-херсонесских войн, растянувшуюся до конца II в. до н.э. Понятно, что должны были существовать серьезные причины, заставившие скифов воевать с сильным противником. По всей вероятности, их привлекали тщательно обработанные эллинами сельскохозяйственные угодья, с которых можно было получить зерно в количествах, необходимых для внутренних нужд и для экспорта. И в этом стремлении скифов не останавливали даже трудности, которые сулила война.

Сохранилась надпись, высеченная херсонеситами по случаю спасения «от соседних варваров». Авторы надписи полагали, что им удалось спастись только благодаря помощи богини Девы, которая издавна считалась покровительницей

Херсонеса. Варвары (вероятно речь идет о скифах) напали на греков, участвовавших в празднествах в честь Диониса. Очевидно, этот бог, обильно дарующий вино, своими дарами усыпил бдительность граждан. Из сохранившегося текста надписи не ясно, на сам город или на торжественную процессию, вышедшую за его стены, напали скифы. Но, в любом случае, они действовали в непосредственной близости от Херсонеса.

Очевидно, в ходе войны чаша весов не раз колебалась в ту и в другую сторону. Яркий эпизод описывает древнегреческий историк Полиен. По его словам, греки заключили союз с сарматской царицей Амагой. Во главе небольшого, но очень мобильного отряда сарматка неожиданно появилась в ставке скифского царя. Перебив стражу, она ворвалась во дворец, убила царя, а царскую власть передала сыну убитого, приказав ему не трогать союзных эллинов. В 179 г. до н.э. Херсонес заключил договор с царем Понта Фарнаком I. Понтийское царство занимало в это время относительно небольшую территорию на южном берегу Черного моря. Тем не менее, и в экономическом, и в политическом смысле оно намного превосходило Херсонес. Договор между этими двумя государствами был направлен специально против варваров, живших по соседству с Херсонесом. Фарнак I обещал оказать помощь, *«если соседские варвары выступят походом на Херсонес или подвластную херсонесцам страну».* Однако все дипломатические усилия, предпринимаемые Херсонесом, не привели к желаемому результату. На подавляющем большинстве исследованных в северо-западном Крыму поселений сохранились слои, образовавшиеся в связи с сильными пожарами и разрушениями. Причина возникновения их ясна: скифы военным путем захватывали греческие населенные пункты. Некоторые поселения эллинов были разрушены и заброшены, жизнь на них никогда более не возродилась. На большинстве же обосновались победители-скифы.

Захватив греческие поселения, скифы не стали разрушать сохранившиеся оборонительные сооружения, жилые и хозяйственные постройки. Постепенно они переделали дома и оборонительные стены сообразно своим традициям, вкусам и возможностям. Эллинские поселения приобретали все более варварский облик. Притягательность обжитых греками мест была столь велика, что скифы не желали селиться на свободных землях. Это не удивительно: нельзя было пренебречь уже готовыми постройками, проложенными между населенными пунктами дорогами, возделанными полями. Исключение было сделано только в одном случае. На высоком левом берегу Альмы у впадения ее в море, на стратегически важном, но никогда ранее не заселенном месте, скифы основали новое поселение, которое ныне принято называть Усть-Альминским городищем. Это было одно из самых значительных поселений Крымской Скифии. По занимаемой площади оно уступало, вероятно, только Неаполю[5]. С двух сторон поселение было ограничено обрывами, с двух других его защитили земляным валом и выкопанным перед ним рвом. Имея такой форпост совсем недалеко от Херсонеса, скифы могли ставить перед собой далеко идущие военно-политические цели.

Притязания скифов не ограничивались только Херсонесом и даже распространялись за пределы Крыма. Впрочем, характер их взаимоотношений с греческим населением Ольвии и Боспора будет подробно рассмотрен в разделе 4.

[5] С полной уверенностью об этом говорить нельзя, так как городище разрушается морем и за прошедшие столетия площадь его значительно сократилась.

Постоянные контакты с эллинами оказали заметное влияние на скифскую культуру. В обмен на хлеб и скот скифы получали огромное количество греческих товаров. Вино в амфорах шло из разных греческих городов транзитом через Ольвию. Многие тысячи обломков амфор находят при раскопках любого позднескифского поселения. Кроме того, в Скифию попадала красивая столовая посуда (скифы так и не научились использовать гончарный круг и вынуждены были довольствоваться, если не считать импортных, весьма грубыми вылепленными от руки сосудами), предметы роскоши и некоторые другие вещи. Не имевшие собственной письменности, скифы использовали греческий язык, если возникала необходимость в создании надписей. В Неаполе, вероятно, постоянно находилось некоторое количество эллинов. При раскопках обнаружены архитектурные детали, постройки, статуи, изготовленные, судя по всему, греческими мастерами. В городе долго жил ольвийский купец Посидей. Он успел поставить несколько статуй греческих богов и участвовал не только в экономических, но и в политических предприятиях скифов. В частности, он разгромил, как сказано в одной из надписей, «пиратствующих сатархеев». Сатархи (или, в данном варианте, сатархеи) – это племя, название которого известно из разных письменных источников. Они жили, вероятно, в Северном Крыму и, выходя в море, грабили торговые суда (недаром в надписи они названы «пиратствующими»). Нормальное функционирование морских путей, связывавших порты северо-западного Крыма и Ольвию, обеспечивало Посидею высокие доходы, поэтому он и возглавил борьбу с пиратами.

Итак, в III–II вв. до н.э. скифы играли чрезвычайно активную роль в политической и экономической жизни Северного Причерноморья. Они были объединены в государство, включающее в себя предгорный и северо-западный Крым, а также Ольвию. В случае военных конфликтов скифы выступали как единая политическая сила. Они возглавлялись царем, ставка которого находилась в крупном эллинизированном городе, расположенном в самом центре полуострова. Царь чеканил от своего имени монету, руководил крупными строительными мероприятиями (в частности, он вместе с сыновьями, согласно Страбону, построил крепости Палакий, Хабеи и Неаполь), осуществлял дипломатические миссии. Решая со своими соседями спорные вопросы, скифы нередко выступали с позиции силы и обычно успешно.

Положение коренным образом изменилось в конце II в. до н.э. К этому времени, вероятно, скифы не раз подступали к самим стенам Херсонеса. Во всяком случае, ими были разрушены и преданы огню многие укрепленные усадьбы, принадлежавшие гражданам этого полиса и расположенные в ближайших его окрестностях. Херсонеситы, чувствуя свое бессилие перед варварским нашествием, обратились за помощью к царю Понта Митридату VI Евпатору. Политическая ситуация им благоприятствовала. Понт и Херсонес были связаны договором 179 г. до н.э. о взаимной помощи. Митридат VI лелеял мечты о создании единого государства, включающего все Черноморское побережье. Это государство он, непримиримый противник Рима, надеялся противопоставить Вечному городу. Будучи дальновидным и решительным политиком, Митридат VI смог оценить те преимущества, которые давало ему законное (согласно договору!) вмешательство в крымские дела. Он послал на помощь Херсонесу воинов во главе со своим лучшим полководцем Диофантом. Далее события развивались стремительно. Сын Скилура Палак напал на понтийское войско, но

был обращен в бегство. После этого Диофант подчинил окрестных тавров, основал в их земле город и зачем-то ненадолго отправился на Боспор. Вернувшись оттуда, он усилил свой отряд за счет херсонеситов и совершил поход вглубь Скифии, захватив царские крепости Хабеи и Неаполь. Очевидно решив, что дело сделано, Диофант отплыл в Понт. Однако скифы в кратчайший срок вернули себе утраченные земли, что вынудило знаменитого полководца вернуться в Крым. Он попытался еще раз захватить царские крепости, но поначалу это не удалось. Тогда Диофант двинулся в Северо-Западный Крым, овладел Керкинитидой, некоторыми другими укреплениями и приступил к осаде Калос-Лимена. Собрав большое войско, усиленное за счет союзного скифам сарматского племени роксоланов, он еще раз попытался склонить чашу весов на свою сторону. Сражение закончилось разгромом скифов. Диофант вновь двинулся к Хабеям и Неаполю, но осталось неизвестным, захватил ли он их на этот раз.

Казалось, Крымской Скифии нанесен смертельный удар. Диофант отправился на Боспор и там участвовал в акте большого политического значения: боспорский царь Перисад отрекся от престола в пользу царя Понта Митридата VI Евпатора. Это событие повлекло восстание скифов, живших на Боспоре. Они убили Перисада и, очевидно, то же самое сделали бы с Диофантом, если бы он не бежал на корабле, присланном херсонеситами. Неблагоприятный ход событий не сломил упорство Митридата VI Евпатора. Через год он снова отправляет в Крым Диофанта, который разгромил восставших, пленил их предводителя Савмака и таким образом вернул Боспор в состав державы Митридата VI. Произошло это в 107 г. до н.э.

В результате Диофантовых войн скифское государство, несмотря на жестокое военное поражение, не было уничтожено, но оказалось в зависимости от Понтийского царства. Скифы потеряли некоторые земли, в частности Ольвию, вынуждены были выплачивать Митридату VI дань и пополнять его армию своими воинами. Союз со скифами Митридат VI старался закрепить с помощью династических браков. Сохранились сведения и о скифских женах Митридата VI, и о дочерях понтийского царя, которых он отдал замуж за скифских правителей.

Эти «скифские правители» заставляют вспомнить о том, что еще как минимум дважды «скифские цари» упоминаются во множественном числе. Вероятно, «правителями» или «царями» древние авторы называли вождей различных племен. У Скилура было, по одним сведениям 50, а по другим – 80 сыновей. В этих сыновьях не обязательно видеть родных детей скифского патриарха. Скорее всего, так называли племенных вождей, сплотившихся во время войны под эгидой самого могущественного из них. О том, что поздние скифы делились на племена, свидетельствуют названия крепостей Палакий и Напит, а также имя сына Скилура – Палак. Существовала очень древняя историческая традиция, в соответствии с которой прародителями скифов были братья Пал и Нап, от которых вели происхождение народы палы и напы, завоевавшие всю Скифию. Судя по названиям крепостей и имени наследника скифского престола, принадлежность к этим племенам осознавалась и в позднескифское время.

В 63 г. до н.э. в Пантикапее покончил жизнь самоубийством Митридат VI Евпатор. Понтийское царство распалось. Скифы, естественно, оказались свободны от неравноправного союза, в котором вынужденно состояли более 40 лет.

Данные археологии позволяют заключить, что военное поражение от войск Понта и пребывание в неравноправном союзе с этим государством не слишком ослабило скифов. Они временно отказались от притязаний на Херсонес, но сохранили за собой почти всю его сельскохозяйственную округу, исключая территории, непосредственно примыкающие к городу. Скифы продолжали жить на местах бывших греческих поселений в северо-западном Крыму. Лишь в Керкинитиду, откуда их изгнал Диофант, они больше не возвращались. По-прежнему, причем без всякого перерыва, функционировали старые населенные пункты в центральном и юго-западном Крыму. Возникает большое количество новых поселений, со многими из них связаны обширные некрополи, насчитывающие сотни погребений. Если судить по количеству памятников и мощности культурных слоев, то расцвет позднескифского государства приходится на I в. до н.э. – I в. н.э.

Позднескифские поселения, находившиеся в предгорном Крыму, располагались на вершинах высоких холмов или примыкали к обрывистым краям плато. Жить на открытых всем ветрам возвышенностях было неудобно. Отдаленность от источников воды заставляла постоянно заботиться о создании и поддержании ее запасов. Сельскохозяйственные угодья находились в плодородных, хорошо орошаемых долинах. Возвращаясь с работы, людям приходилось преодолевать весьма крутые склоны. Очевидно, выбор места для поселения диктовался только одним – наличием естественных защитных рубежей. Ограничивающие городища обрывы и крутые склоны максимально затрудняли доступ врагу и облегчали строительство оборонительных сооружений. Несколько иначе дело обстояло в северо-западном Крыму. Равнинный ландшафт этого региона предоставлял меньше возможностей для организации обороны. Впрочем, здесь имелись другие преимущества – уже готовые оборонительные сооружения, отвоеванные у греков.

В укреплениях поздних скифов использовались, в разных сочетаниях, каменные стены с башнями, земляные валы и рвы. Во всех без исключения случаях максимально использовали естественные условия. Если поселение располагалось на вершине возвышенности, ограниченной крутыми склонами со всех четырех сторон, оборонительные сооружения возводили обычно по ее периметру. Такая же система обороны применялась на поселениях, занимавших вершины мысов, не имевших с одной стороны естественной защиты. Но чаще стены или валы возводились с этой единственной незащищенной, так называемой напольной, стороны. Целая группа поселений, расположенных на краях обрывистых плато, ограничивалась полукруглыми в плане валами, концы которых примыкали к обрыву. Характернейшей чертой позднескифских городищ является наличие внутренней линии укреплений, защищавших так называемый акрополь. При такой системе жители могли, в случае прорыва внешней линии, укрыться на акрополе и неприятелю приходилось предпринимать второй штурм.

В качестве примера опишем оборонительные сооружения акрополя Булганакского городища. Там внутренняя линия обороны отсекала оконечность мыса, вершина которого была занята поселением. Поначалу она представляла собой каменную стену, заканчивающуюся на флангах башнями. Спустя некоторое время стену разрушили, на ее руинах насыпали вал, перед валом выкопали ров, а на вершине вала возвели новую оборонительную стену. При этом наиболее мощная башня и прикрытый ею проезд на акрополь продолжали

функционировать, но к башне с трех сторон, кроме внутренней, примыкающей к проезду, присыпали вал. Пространство перед рвом специально не застраивали жилыми домами, чтобы лишить противника возможности использовать их как защиту от стрел, пущенных с оборонительной стены. Тому, кто собирался атаковать акрополь через проезд, приходилось продвигаться вдоль рва на протяжении примерно 150 м, затем обогнуть башню и только после этого атаковать ворота, притом не имея никакой возможности для маневра, так как между воротами и крутыми склонами было не более 10 м. Во время продвижения вдоль оборонительных сооружений, противник имел их по правую, не защищенную щитом, руку. Капитальная перестройка оборонительных сооружений булганакского акрополя, связанная с сооружением оборонительного вала, произошла после войны с греками, когда скифы впервые на практике познакомились с действием стенобитных машин. Ров должен был затруднить подвоз к оборонительной стене таранов, а вал делал их удары не эффективными.

Территория позднескифских поселений, а иногда и пригороды, застраивалась различными жилыми и хозяйственными постройками. Обычный позднескифский жилой дом представлял собой небольшое прямоугольное здание, стены которого в нижней части были сложены из камней, а в верхней – из сырцовых кирпичей. Обнаружены и более монументальные сооружения, состоящие из двух – трех вытянутых в одну линию помещений. Помимо наземных домов, скифы сооружали много полуземлянок, то есть построек, частично углубленных в землю. Они бывали разных форм и размеров, но по площади уступали обычным домам. Иногда их делали прямоугольными, складывая наземную часть из сырцовых кирпичей, иногда – круглыми, шалашеобразными из жердей, покрытых глиняной обмазкой. Подобного рода конструкции – важный элемент позднескифской культуры, не претерпевший принципиальных изменений во все время ее существования.

Рядом с поселениями располагались *некрополи.* Жители Неаполя для погребений использовали крутые склоны, которые ограничивали поселение с запада и с востока. Там открыта целая серия склепов, вырубленных в скале. Они представляли собой прямоугольные, трапециевидные и овальные в плане помещения, площадью 10 – 12 кв. м, высотой около 1 м. В стенах почти всегда имелись ниши для заупокойных даров и светильников. Все вырубленные в скале склепы были полностью разграблены, при раскопках обнаружены только разрозненные человеческие кости и отдельные, случайно сохранившиеся предметы погребального инвентаря. Тем не менее, речь идет о совершенно уникальных памятниках.

Дело в том, что стены некоторых склепов были расписаны яркими красками, а на одной из них сохранился барельеф, изображающий всадника-скифа. Некоторые росписи имеют декоративный характер, другие состоят из сюжетных, иногда многофигурных композиций. Склеп №9 расписал выдающийся скифский художник. Среди многих изображений, сделанных на стенах этого склепа, обращают на себя внимание расположенные прямо против входа, вокруг вырубленной в стене ниши. Справа от нее нарисован аккомпанирующий себе на лире певец в скифской одежде, под нишей находится изображение всадника на коне ахалтекинской породы, слева – две собаки, красная и черная, напавшие на кабана. Стиль росписи неапольских склепов своеобразен, он выдает «руку» скифских художников. Но сама идея настенных изображений была, вероятно,

заимствована у греков, скорее всего боспорских, имевших в этом деле давние традиции. По всей вероятности, росписи в столь ответственных местах как погребальные сооружения, были исполнены смысла. Предприняты попытки объяснения этих изображений. Выяснилось, что они отражают довольно сложные представления о потустороннем мире, в частности, об иранском рае – парадизе.

Большинство погребений в некрополе Неаполя было совершено в склепах, выкопанных в земле. Все склепы предназначались для многократных захоронений (до 29) и служили, вероятно, для погребения родственников. Довольно часто хоронили в подбойных могилах, представлявших собой прямоугольные входные ямы и выкопанные в их длинных стенах погребальные камеры. Каждое из этих погребальных сооружений предназначалось для погребения одного, реже двух умерших, но иногда в погребальную камеру умудрялись втискивать останки нескольких человек. Погребальный инвентарь, найденный в склепах и подбойных могилах, довольно разнообразен, но не богат. Найдено довольно много керамических сосудов, орудий труда, украшений. Очень редко встречается оружие, еще реже – монеты.

В Усть-Альминском могильнике, расположенном рядом с уже упоминавшимся одноименным поселением, наряду со склепами, в которых совершено большинство захоронений, и подбойными могилами, использовались простые прямоугольные могильные ямы, могилы, в стенках которых имелись уступы для установки плит перекрытия («могилы с заплечиками») и могилы со стенками, выложенными каменными плитами («плитовые могилы»).

Во всех позднескифских некрополях обнаружены детские погребения. Но чаще детей в амфорах, лепных сосудах или просто в ямах, выкопанных в культурном слое, хоронили на территории поселений, иногда даже под полами домов. Обычно эти погребения безинвентарные, редко сопровождаются ниткой бус, бронзовым колокольчиком или еще какой-нибудь мелкой вещью. Традиция хоронить детей вблизи домов, вероятно, сложилась у скифов под влиянием греков.

Как известно, у каждого народа вырабатываются свои особые, строго определенные обряды, связанные с заупокойным культом. Это очень консервативный элемент духовной культуры, который медленно изменяется и редко заимствуется одним народом у другого. Более того, для людей, оказавшихся за пределами родины, именно эти обряды и относящиеся к ним церемонии позволяют сохранить память о прошлом, не раствориться полностью среди коренного населения. Поэтому разнообразные погребальные сооружения позволяют догадываться о том, что поздние скифы не были едины в этническом отношении. В частности, земляные склепы, которые исследователи курганных древностей именуют обычно катакомбами, были наиболее распространенным типом погребальных сооружений у скифов-кочевников еще в IV в. до н.э. Если вспомнить, что склепы являются наиболее ранним типом погребальных сооружений на позднескифских некрополях и именно в них совершалась большая часть захоронений, то, вероятно, не будет ошибкой увидеть в них одно из самых ярких доказательств преемственности позднескифской культуры от классической скифской. В условиях оседлого быта поздние скифы, в отличие от кочевников, стали совершать в склепах многократные и многоярусные захоронения. Подбойные могилы появляются в позднескифских некрополях, причем сразу массово, в I в. н.э. Хорошо известно, что в таких могилах хоронили жившие в это

время в северопричерноморских степях сарматы. Значит, сарматы переселялись в крымские предгорья и вливались в число жителей позднескифских поселений. Сарматские черты явственно проступают и в других деталях погребального обряда и инвентаря. Так, скифское оружие полностью заменяется на сарматское, распространяется сарматская мода расшивать края женской одежды бусами, появляются зеркала, детали одежды и украшения сарматских форм. В соответствии с сарматской традицией стали изготавливать некоторые лепные сосуды, в частности, использовавшиеся в религиозных церемониях так называемые курильницы. На стены домов, каменные плиты, надгробные памятники, некоторые мелкие вещи наносились особые изображения, которые принято называть «сарматскими знаками». Они, вероятно, служили своеобразными знаками собственности, обозначавшими принадлежность той или иной вещи определенной семье, роду или отдельному человеку.

Курганы, как надгробные памятники, характерные почти исключительно для кочевого мира, исчезают в связи с переходом скифов к оседлости. Тем не менее, некоторое количество погребений в позднескифское время продолжали совершать под земляными насыпями. Среди последних наиболее интересны многократные захоронения в каменных ящиках, открытые в нескольких пунктах к югу и к северу от Симферополя. Они живо напоминают более ранние погребальные сооружения тавров и служат одной из немногих археологических иллюстраций процесса смешения таврского и позднескифского населения, происходившего в крымских предгорьях. В письменных источниках этот процесс отразился появлением терминов «тавро-скифы» и «скифо-тавры», которыми античные авторы обозначали население внутренних районов Крыма.

При раскопках позднескифских поселений и могильников обнаружено огромное количество самых разнообразных находок, которые позволяют судить о различных сторонах жизни населения. Нет сомнения в том, что основой хозяйства поздних скифов являлось сельскохозяйственное производство, в частности, возделывание зерновых культур, преимущественно пшеницы. Показательны в этом смысле раскопки городища Тарпанчи в Северо-Западном Крыму, где найдены положенные на просушку несколько тонн пшеницы. Отдельные зерна пшеницы или их небольшие скопления обнаружены при исследовании почти всех позднескифских памятников. Ячмень по распространенности уступал только пшенице. Рожь присутствовала в посевах обычно в качестве сорняка. Однако значительное ее количество в раскопках Альма-Кермена в долине Альмы, позволяет предположить, что жители этого поселения высевали ее как самостоятельную культуру. Они также возделывали и просо, нигде более не найденное. Кроме злаков выращивали некоторые другие культуры: вику, чечевицу, горох.

Для хранения разных припасов, но чаще всего зерна, использовали хозяйственные ямы. Они выкапывались в земле или высекались в скале, иногда более чем на три метра в глубину. Стенки ям часто обмазывали глиной, а сверху их закрывали каменными крышками. Ямы, как правило, выкапывались рядом с домами, иногда образуя целые комплексы – зернохранилища.

Урожай убирали железными серпами. Размалывали зерно с помощью каменных жерновов, иногда огромных, приводимых в движение животными. Обычной находкой являются и каменные ступы, очевидно, служившие своеобразными крупорушками.

Известное распространение получило виноградарство и неразрывно связанное с ним виноделие. В нескольких пунктах найдены косточки винограда и обугленная виноградная лоза. Вполне вероятно, что поздние скифы выращивали и садовые культуры. В Неаполе обнаружено обугленное яблоко, на Усть-Альме – груша, на Булганакском городище – косточка абрикоса и скорлупа грецкого ореха. Правда, эти плоды могли быть куплены скифами у греков.

Кроме перечисленных прямых доказательств развития земледелия у поздних скифов, можно упомянуть и некоторые косвенные данные. В Неаполе, помимо победившего «пиратствующих сатархеев» Посидея, жил другой греческий купец по имени Евмен. Он посвятил статую богине плодородия Деметре. Видимо, его доходы прямо зависели от урожаев на скифских полях. Изображение Деметры, наряду с хлебным колосом, чеканилось на монетах Скилура.

При раскопках позднескифских памятников найдены многие тысячи костей домашних животных. Выяснено, что в наибольших количествах разводили крупный и мелкий рогатый скот, а также лошадей. Обнаружены кости свиней, ослов (всего от четырех особей) и одна кость верблюда. Последняя находка вызывает предположение о существовании караванных путей, связывавших Крым с отдаленными восточными областями. Кстати говоря, этими путями доставлялись, по-видимому, высокопородные тонконогие кони, вроде изображенного на стене склепа №9. В небольшом количестве разводили кур и гусей. Их кости изредка находят при раскопках, а на стене склепа №9 нарисован петух.

Охота играла очень скромную роль в хозяйстве поздних скифов. Тем не менее, этот вид промысла или забавы существовал. Охотились, главным образом, на оленей и кабанов, причем верхом и с собаками. Сцены охоты изображены на некоторых позднескифских надгробиях.

Жители прибрежных поселений северо-западного Крыма весьма активно занимались рыбной ловлей, в основном, кефали, а также морского карася, камбалы и осетра.

Имея в тылах мощные крепости и располагая необходимой экономической базой, скифы могли активно вмешиваться в дела своих соседей. В 46 г. до н.э. скифы приняли участие, правда, неудачно, в борьбе за боспорский престол на стороне сына Митридата VI Евпатора Фарнака. В конце I в. до н.э. скифы через своих послов просили о дружбе основателя римской империи Августа. Какова была цель далекого посольства, в точности неизвестно. Но можно предположить, что с помощью Августа скифы пытались как-то уладить свои взаимоотношения с Боспором. Об этом позволяют догадываться две надписи, в которых прославляется боспорский царь Аспург, названный, кстати «другом римлян». В обеих сказано, что он подчинил скифов и тавров. Аспург стал царем около 10 г. н.э., одна из надписей датирована, в пересчете на современное летоисчисление, 23 г. н.э., значит, подчинение варваров произошло между двумя этими датами.

По поводу надписей о победах боспорских царей над скифами, тех, которые только что упомянуты и тех, о которых речь пойдет ниже, необходимо сказать следующее. По точному смыслу этих надписей, боспорские цари в I–II вв. н.э. почти непрерывно, одну за другой, одерживали победы над скифами. Но необходимость во все новых и новых победах могла заключаться только в том, что между победами приходилось испытывать поражения, которые, естественно, предпочитали замалчивать. Выдающийся русский историк М.И.Ростовцев писал

по этому поводу «…после некоторых успехов в борьбе с ними (тавро-скифами. – *автор*) боспорские цари могли себе позволить дешевое удовольствие включить их имя в свой титул». Надписи такого сорта свидетельствуют лишь о враждебных, периодически выливавшихся в военные конфликты, отношениях между Боспором и скифами. В чем заключалась причина этих раздоров, кто был инициатором военных столкновений сказать невозможно. Однако повод был, видимо, серьезный, так как вражда не утихала все время существования позднескифского государства. Так, в конце I – начале II в. н.э., в течение двух – трех десятилетий, боспорские цари, сначала Савромат I, а затем Котис II в специальных надписях отмечались за победу над скифами. Впрочем, военные действия перемежались периодами мирных взаимоотношений. Во всяком случае, вещи боспорского производства, служившие предметами торговли, регулярно попадали в позднескифские поселения. В Неаполе найдена серебряная тарелка с надписью, удостоверяющей ее принадлежность боспорской царице Гипепирии (39/40 – 44/45 гг. н.э.). Вероятно, это был подарок, преподнесенный скифам во время каких-то дипломатических переговоров.

В I в. до н.э. – I в. н.э. скифы были настолько сильны, что могли вести военные действия на два фронта: и против Боспора, и против Херсонеса. Причем относительно Херсонеса их стратегия может быть охарактеризована как агрессивная, а тактика как наступательная. Судя по надписи 25 г. до н.э., они угрожали городу в период наступивших там междоусобиц, и, может быть, помогли изгнанному «тирану». Скифы прочно удерживали в своих руках бывшие владения Херсонеса в Северо-Западном Крыму. Недаром автор древнего описания побережья Черного моря Арриан называет скифскими Керкинитиду и Калос Лимен. Его сведения со всей очевидностью подтверждаются данными археологии: поселения этого региона сохранили мощные позднескифские культурные слои, накопившиеся в течение I в. до н.э. – I в. н.э.

К середине I в. н.э. обстановка вокруг Херсонеса живо напоминала времена Митридата VI Евпатора и Диофанта. Скифы постоянно нападали на город и его окрестности. Угроза была столь серьезной, что граждане и на этот раз, как в конце II в. до н.э., решились искать помощи извне. Выбор пал на легата (в буквальном переводе с латинского – избранный, по сути – наместник) римской провинции Мезии Тиберия Плавтия Сильвана. Сохранилась надгробная надпись этого известного государственного деятеля. В ней, среди прочих заслуг, обнаруживаем: *«…отогнал царя скифов от Херсонеса…».* Произошло это около 63 г. н.э. Покидая спасенный город, легат оставил там гарнизон из римских солдат. Таким образом, он, с одной стороны, обезопасил город от беспокойных соседей, а с другой – обеспечил Риму возможность непосредственно влиять на политические события, происходившие в Таврике.

Впоследствии римлянам не раз пришлось сталкиваться со скифами. В Херсонесе найдено несколько надгробий солдат, погибших в стычках с варварами. После 75 г. н.э. какой-то легионер, очевидно участвовавший в походе вглубь Скифии, вынужден был закопать на пересыпи Сакского озера все свое достояние – монетный клад. В конце II или в начале III в. н.э. римляне закрепились на собственно скифской территории. Они изгнали скифов с поселения Альма-Кермен и оставили там свой гарнизон. Легионеры сразу же принялись обживаться на новом месте. Они построили дома, наладили даже производство стеклянных сосудов, но лет через 25 – 30, в связи с изменившейся

политической обстановкой, вынуждены были ретироваться под защиту стен Херсонеса.

В конце I или в начале II в. н.э. скифы пережили какую-то крупную катастрофу. Опустел, до этого густо заселенный, Северо-Западный Крым. Жители оставили большую часть Булганакского поселения, сконцентрировались на маленьком акрополе, обнесли его стеной, застроили каменными домами и продержались еще лет пятьдесят. Было заброшено расположенное неподалеку довольно обширное поселение у села Кольчугино. На Усть-Альме и в Неаполе, где жизнь продолжалась и позднее, зарегистрированы сильные пожары. Относящиеся к этому времени пожары, разрушения и даже запустение некоторых районов отмечены по всему Северному Причерноморью. Единственной политической силой, способной действовать на столь обширных территориях были сарматы. Поэтому разгром позднескифских поселений в конце I – начале II в. н.э. логичнее всего связать с продвижением на запад сарматских племен.

Немного времени спустя после описанных событий, тавроскифы напали на Ольвию. Ольвиополиты обратились за помощью к римскому императору Антонину Пию (138-161 гг.). Римляне совместно с ольвийским ополчением нанесли варварам поражение. Тавроскифам пришлось заключить невыгодный для себя договор, а исполнение его условий гарантировать выдачей заложников.

В результате всех этих событий территория обитания скифов сократилась до относительно небольших пределов предгорных районов центрального и юго-западного Крыма. Причем на своих восточных границах они испытывали все возраставшее давление со стороны Боспора. Неизвестно как разворачивались военные действия на этом направлении, но в конце II в. н.э. скифы потерпели решающее поражение. В надписи, которая датируется 193 г. н.э., сказано, что боспорский царь Савромат II завоевал скифов и присоединил к Боспору Таврику. Вероятно, с этого времени прекратило существование поглощенное Боспором позднескифское государство. Боспорский царь Рескупорид III (210/211 – 226/227 гг. н.э.) уже без обиняков назван *«царем всего Боспора и тавроскифов».* За все время раскопок на позднескифской территории найдено только три монетных клада. И все три были закопаны во время правления этого царя. Сокровища обычно скрывали в минуту военной опасности. Возможно, Рескупорид III совершал походы вглубь Скифии, угрожал позднескифским поселениям или даже захватывал их.

Несмотря на поражения в войнах с Боспором и утрату политической независимости, скифы продолжали жить в предгорьях до середины III в. н.э. В это время гибнут, захваченные и разрушенные неприятелем, все позднескифские поселения. В их верхних слоях обнаружены десятки едва присыпанных землей костяков. В одной из хозяйственных ям Неаполя найдено 42 травмированных черепа. Не всегда ясно, защитникам или захватчикам принадлежали эти останки, но после их захоронения жизнь на поселениях замирает. Полагают, что позднескифские поселения были уничтожены союзом, состоявшим из различных, преимущественно германских племен, возглавляемых готами.

Разгром середины III в. н.э. скифам пережить не удалось. Они утратили свою территорию, общность материальной и духовной культуры и, таким образом, перестали существовать как единый народ.

Правда, само имя скифов еще долго фигурирует в различных источниках. Недостаточно осведомленные авторы называли так появлявшихся на

черноморских берегах готов, гуннов, хазар, славян. Да и все Северное Причерноморье нередко по-прежнему именовалось Скифией. Но это не более чем отзвук былой славы знаменитых скифов.

Тема 17. Малая Скифия в Добрудже

В начале III в. до н.э. в степях Причерноморья происходят глобальные события, повлекшие за собой полное изменение этнической карты региона. Это связано, в первую очередь, с быстрым и неожиданным исчезновением скифских памятников и практически полным запустением Степи почти на целое столетие. Возрождение жизни начинается на рубеже III–II вв. до н.э. Этот процесс связан с формированием совершенно новых этнополитических образований, известных под названием Малых Скифий. В научной литературе широкую известность получило свидетельство Страбона, который указывает на существование независимых, разделенных большим расстоянием этно-территориальных образований с одинаковым названием: *«Вся эта страна, а также, пожалуй, и область за перешейком до Борисфена называлась Малой Скифией. Вследствие множества переселенцев, переправлявшихся отсюда за Тиру и Истр и заселявших ту страну, значительная часть ее также получила название Малой Скифии, так как фракийцы уступали им землю, отчасти принуждаемые силой, отчасти же вследствие плохого качества почвы, так как большая часть этой страны болотиста»* **[Страбон, VII, *4, 5*].**

Область, располагающаяся за Истром (Дунаем), и получившая название «Малая Скифия», издревле именуется Добруджей. Она охватывает территорию между нижним течением Дуная и Черным морем и входит в состав современных Румынии и Болгарии. В древности этот регион был заселен фракийскими племенами, многие из которых достигли высокого уровня социально-экономического развития. Начиная с VII в. до н.э. на западное побережье Черного моря выводятся греческие колонии Истрия, Томы, Каллатия, Одесс, Аполлония и др. Природные и людские ресурсы привлекали внимание скифов, неоднократно переходивших Дунай. Именно здесь нашел свою смерть Скил и погиб в битве с Филиппом II Атей. В III в. до н.э. в регионе сложилась достаточно напряженная военно-политическая ситуация, обусловленная разрозненностью фракийских племен и их борьбой за гегемонию, конфликтами между греческими полисами и вторжением в их дела фракийцев, перемещением в низовья Дуная других народов.

Передвижение скифов за Дунай и становление Малой Скифии в Добрудже фиксируется по данным античных авторов (Деметрий Каллатийский в изложении псевдо-Скимна, Страбон, Плиний Старший, Дион Кассий, Аполлоний Родосский), эпиграфическим документам (декрет в честь Агафокла, декрет в честь Гермея, посвящение Диоскурам за царя Сариака), а также нумизматическим и археологическим материалам.

Весь комплекс источников показывает, что становление Малой Скифии в Добрудже сопровождалось развитием основных элементов государственности – завоеванием и установлением политического контроля над определенной территорией, формированием верховной власти, а соответственно и аппаратом управления, появлением собственной денежной единицы. В этой связи добруджанская Малая Скифия именуется в литературе как предгосударственное объединение или примитичное государство.

Хронология Малой Скифии. **Хронологические рамки Малой Скифии и наличие в ней царской власти определяются, в первую очередь, по нумизматическому материалу, а также по нарративным и эпиграфическим данным.**

Выпускавшиеся царями Малой Скифии монеты сохранили имена шести скифских правителей – Тануса, Канита, Сариака, Акросы, Хараспа и Айлия. Известно немногим более 100 монет, типологически близких к эмиссиям западнопонтийских городов. По стилю монет определено, что в выпуске их участвовали монетные мастерские Том, Одесса, Дионисополя и Каллатии. Наибольшее количество их выпущено в Томах. Основная концентрация находок монет отмечена между Каллатией и Одессом, в нескольких случаях – на территории полисов.

Со времени введения монет в научный оборот эмиссии правителей Малой Скифии воспринимались как яркое свидетельство зарождения и развития в скифском обществе товарно-денежных отношений. Определенный скептицизм по этому поводу, без должного обоснования, проявился только в работах немногочисленных исследователей, указывающих на демонстративный характер царских эмиссий. Доминирующим остается мнение, что, невзирая на натуральный характер экономики Малой Скифии, тесные и длительные экономические контакты скифского населения с близлежащими греческими городами стали катализатором зарождения в скифском обществе денежного обращения и привели к необходимости появления собственной монеты. Почти полное тождество монет скифских царей, за исключением легенды на реверсе, монетам тех полисов, где она чеканилась, облегчало их беспрепятственное хождение и среди местного, и среди городского населения.

Сопоставление и уточнение датировок всех используемых источников позволяет определить существование Малой Скифии в пределах конца III – начала I вв. до н.э.

Большинство исследователей представляют Малую Скифию единым государством с одной непрерывно правящей династией. Однако, последовательность правления царей дискуссионна. Наиболее четко датируется правление Канита, Сариака и Акросы.

1. Канит упоминается на рубеже III–II или в начале II в. до н.э в декрете граждан Одесса в честь антиохийца Гермея.
2. За царя Сариака поставлен алтарь Диоскурам македонцем Антигоном, в котором видят полководца Филиппа V Македонского, руководившего переброской бастарнов в Македонию в 182 – 179 гг. до н. э.
3. Время правления Акросы определяется по кладу из Болгарево, содержавшему 4 монеты этого правителя и 4 статера Лисимаха 140-120 гг. до н.э.

Подобная последовательность правления подтверждается также сокращениями имен монетных магистратов, которые ставили свои монограммы на реверсе царских эмиссий.

Анализ сочетания монограмм магистратов на всех царских эмиссиях с четкими датировками трех перечисленных царей позволяет представить следующую реконструкцию правления скифских владык Добруджи: Танус – конец III в. до н.э.; Канит – 200-180 гг. до н.э.; Сариак – 180-160 гг. до н.э.; Акроса – 160-120 гг. до н.э.; Харасп и Айлий – 120 гг. – начало I в. до н.э.

Конечная дата существования Малой Скифии связывается со временем включения Западного Понта в антиримскую коалицию под эгидой державы Митридата VI Евпатора в начале I в. до н.э. Употребление в более поздних источниках терминов «скифы», «скифская земля», наименование римской провинции «Малой Скифией» не имеют под собой этнической подосновы и являются только данью более ранней традиции.

Территория Малой Скифии. **Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что территория Малой Скифии в Добрудже не была абсолютно стабильной и неизменной. Во многом это было обусловлено изменениями внешнеполитической обстановки в регионе – возникновением, деятельностью и распадом фракийских военно-политических формирований, стабильностью полисов.**

Эпиграфические и нумизматические данные свидетельствуют, что в низовьях Дуная и в районе Истрии на протяжении длительного периода действовали фракийские объединения под руководством Москона, Залмодегика и Золта, что препятствовало закреплению здесь скифов. Вероятно, северные границы Малой Скифии проходили южнее Истрии, ближе к городу Томы.

Южные границы Малой Скифии на начальном этапе ее существования, на основании указаний Деметрия Каллатийского, проходили у Дионисополя. Так, характеризуя население Добруджи, он пишет, что всю область вокруг Том занимали скифы, граничащие у Дионисополя с фракийским племенем кробизов, а южнее, у Одесса, проживали уже одни фракийцы [**псевдо-Скимн, 750, 756, 766].** В период расцвета Малой Скифии ее границы расширились вплоть до Одесса, о чем свидетельствуют два аргумента: 1) использование скифскими династами монетных мастерских города Одесса для выпуска царских эмиссий; 2) заинтересованность граждан Одесса в добром отношении к их городу со стороны царя скифов Канита, что нашло выражение в декрете из Варны.

Восточные границы, учитывая сведения письменных и эпиграфических источников о наличии у городов хоры, проводятся вблизи сельских территорий западнопонтийских полисов. Судя по сообщению Плиния Старшего, Малая Скифия имела выход к морю в районе мыса Калиакра.

Западные границы Малой Скифии определить сложнее. Некоторыми исследователями они длительное время проводились по Дунаю, что не подтверждается источниками. Монолитность распространенной здесь культуры гетов, одного из фракийских племен, нарушается лишь некоторыми элементами скифской (лепная керамика на поселениях и могильниках, отдельные погребения), но только в северо-восточной части Добруджи. Чужеродное влияние на остальной территории Добруджи не прослеживается. Картографированием царских монет установлено также, что они обращались только среди населения северо-восточной части Добруджи. В то же время нумизматическая карта этого района показывает, что во фракийской среде широкое хождение имели полисные монеты и эмиссии эллинистических правителей, а у населения юго-западной Добруджи – и монеты гето-дакийских царей.

Таким образом, Малая Скифия в период своего расцвета может быть размещена в приморской зоне Добруджи, между Истрией и Одессом. На востоке ее владения граничат с хорой полисов, в ряде мест имея выход к морю. Западные границы определяются условно по археологическим и нумизматическим данным

не далее 50-60 км от восточных. Центр локализуется между Каллатией и Дионисополем.

Подобная ограниченность территории не позволяет видеть в Малой Скифии мощное политическое объединение, подчинившее все западнопонтийское побережье. Его влияние распространялось лишь на близлежащие полисы и проживавшее здесь исконно гетское население и было существенно ограничено целым рядом гетских военно-политических блоков, существовавших в этот период в Северо-Восточной Фракии.

Этнический состав Малой Скифии. **Среди многочисленных проблем, связанных с изучением добруджанской Малой Скифии, выделяется вопрос об определении ее этнического состава. Было это одноэтничное или полиэтничное образование? При выработке исследователями той или иной позиции основное внимание уделялось определению, в первую очередь, этнической принадлежности правителей Малой Скифии, а уже отсюда – и подвластного им населения. Причиной такого подхода к решению проблемы было то, что в качестве основного источника, а зачастую и единственного, использовался только нумизматический материал.**

Уже на рубеже XIX–XX вв. было установлено, что основная концентрация царских эмиссий наблюдается в Добрудже. На том основании, что к югу от Дуная проживали фракийские племена, румынский ученый Д.Таккела утверждал, что цари, чьи имена известны по целой серии монет, относятся к числу гетских правителей, объединивших под своей властью население Добруджи.

На качественно новый уровень выходит решение этой проблемы в результате сопоставления царских эмиссий с декретом из Варны, с алтарем из Калиакры, где Канит и Сариак названы царями скифов, и с находкой в Истрии декрета в честь Агафокла, именующем какую-то часть Добруджи Скифией. Благодаря филологическому анализу царских имен, проведенному К.Реглингом и Л.И.Тарасюком, была обоснована их принадлежность ираноязычным скифам. На этом основании многие ученые считают, что население Малой Скифии в значительной степени составляли скифы, переправившиеся за Дунай из степей Северного Причерноморья (будь-то остатки войск Атея, будь-то какие-то более поздние группы скифов) и образовавшие здесь некое самостоятельное политическое объединение. Во главе его стояли представители знатного скифского рода.

В то же время считается общепризнанным, что скифы в Добрудже всегда составляли меньшинство по сравнению с автохтонным населением. С учетом всего предшествующего развития Добруджи А.В.Орешников предположил, что скифами, в результате экспансии последних, было подчинено местное гетское население, которое и составило основу нового этнополитического образования, а скифы являлись господствующей верхушкой и носителями верховной власти. Полной поддержки эта версия не нашла, однако допускалось, что какая-то весьма незначительная часть гетов могла быть подчинена скифами и входить в состав государства.

Древние авторы не говорят конкретно о составе населения Малой Скифии. В определенной степени можно использовать их указания о народах, заселявших в рассматриваемое время приморскую часть Добруджи. Сведения эти весьма разноречивы, однако условно их можно объединить в две группы.

В пользу тезиса об одноэтничности населения государства может быть привлечено свидетельство Страбона, согласно которому переселение большого количества скифов на правый берег Дуная вынудило фракийцев уступить им землю **[VII, *4, 5*]**. Данный фрагмент часто понимается как свидетельство полного изгнания скифами с определенной части Добруджи фракийцев и образования на ней своего государства.

Об относительно этнической однородности скифского населения Добруджи говорит источник псевдо-Скимна – Деметрий из Каллатии, детально охарактеризовавший народы Западного Причерноморья. Согласно его описанию, вокруг Том и вплоть до Дионисополя, то есть на том пространстве, где как раз и локализуется Малая Скифия, жили одни скифы. Южнее Дионисополя они граничили с кробизами – фракийским племенем, а Одесс уже полностью находился в окружении фракийцев [**псевдо-Скимн, 750-766].** О скифах, называемых пахарями, живущих в районе Дионисополя и имеющих свои города, пишет Плиний Старший [**IV, *44*]**. В северных районах Добруджи, вблизи устьев Дуная, информатор псевдо-Скимна размещает фракийцев и живущих с ними рядом «пришельцев-бастарнов» **[псевдо-Скимн, 797].** Здесь же локализуют бастарнов, занявших остров Певку, Страбон **[VII, *3, 15*],** а бритолагов, имеющих города Новиодун и Алиобрикс – Птолемей.

Казалось бы, столь четкое размещение древними авторами народов в прибрежной части Добруджи, должно однозначно свидетельствовать о сравнительной «чистоте» населения Малой Скифии.

Однако, наряду с этими данными, имеются некоторые сведения об образовании здесь, при участии скифов, смешанного населения. К ним относятся, в первую очередь, указания Аполлония Родосского **[IV, *320*]** о присутствии вблизи устьев Дуная *«смешанных с фракийцами скифов».* Неоднократно упоминает смешанные народности и Страбон, причем он показывает как сам процесс смешения этносов: *«...скифы, бастарны, савроматы часто одолевали их* (фракийцев. – *автор*)*, так что в погоне за вытесненными некоторые из них даже переправлялись через реку и оставались жить или на ее островах или во Фракии...»* **[VII, *3, 13*],** так и конечный результат его, называя в числе смешавшихся народов фракийцев, скифов и кельтов: *«к югу от Истра живут... по направлению к Понту и Пропонтиде – геты, другие фракийцы и некоторые смешавшиеся с ними скифские и кельтские племена»* **[VII, *5, 1*].** В другом фрагменте Страбон рисует еще более пространную картину смешения народов: *«ведь и ныне эти народы (скифы и сарматы. – автор) и племена бастарнов живут смешанно с фракийцами, главным образом по ту сторону Истра, но отчасти и по сю сторону. С ними смешались кельтские племена»* **[VII, *3, 2*].** Не вполне ясные указания о существовании смешанного кельто-скифского народа имеются у Диона Кассия при описании им завоевания римлянами Мезии **[XXXVIII, *10, 3*; LI, *23, 2*].**

Таким образом, у древних авторов приводятся неоспоримые свидетельства слияния разных этносов. Те несоответствия, которые имеются в письменных источниках при этнической и количественной характеристике народов, населявших прибрежную часть Добруджи, во многом объясняются временной разницей и целями, которые преследовал тот или иной автор.

Согласно всем источникам, наиболее интенсивно миксация разноэтничного населения развивалась во второй половине Ш – первой половине II вв. до н.э., что

отражает реальную картину перемещений живших здесь народов и появления в Северо-Западном Причерноморье новых племен. Сомнительно, конечно, чтобы источник псевдо-Скимна, Деметрий Каллатийский, живший во второй половине Ш в. до н.э., был не в курсе происходящих событий. Здесь, по-видимому, могут быть выдвинуты два соображения: в тот период, когда составлялись Деметрием его карты, скифы еще не представляли собой компактную единую массу, или, что более вероятно, Деметрий называет к югу от Дуная не конкретные народы, а показывает размещение современных ему политических группировок без четкого указания составляющих их этносов.

Обзор письменных источников показывает, что все они свидетельствуют о проживании в Нижнем Подунавье в III–I вв. до н.э. обширного конгломерата различных народов. Что касается населения непосредственно Малой Скифии, то, согласно древним авторам, оно не было однородным на всем протяжении ее существования. На раннем этапе наблюдается активное слияние скифских и фракийских племен (первая половина II в. до н.э.). В дальнейшем в его состав входят какие-то незначительные группы бастарнов (вторая половина II в. до н.э.). С распадом Малой Скифии процесс смешения народов еще более активизируется; с этого момента можно говорить об участии в нем незначительных сарматских групп.

Древние авторы ни разу не упоминают о связях скифов с греками. Однако, на основании ряда эпиграфических надписей из Каллатии и Том можно предположить, что в III–II вв. до н.э. были установлены тесные контакты между представителями скифской и греческой аристократии посредством заключения браков. Это привело к сложению смешанной группы эллино-скифов.

Определенное подтверждение тезису о полиэтничности населения Малой Скифии можно найти в археологических материалах. Так, на ряде прибрежных поселений Добруджи – Албешты, Скиту-Костинешты, Тузла, Мошняны, Аджижеа – отмечено сочетание скифской, гетской и греческой посуды. Скифская керамика встречена и на гетском могильнике у с. Николае Бэлческу. Более сложна этническая атрибуция аристократических погребений III–II вв. до н.э. у г.Мангалия и с. 2 Мая. Учитывая смешанный характер находок на большинстве памятников, оставившее их население представляло собой, по всей вероятности, некую гетерогенную общность – миксэллинов, управляемую вождями – «басилевсами», которым могли принадлежать погребальные комплексы типа найденных в Мангалии и 2 Мае. Допуская, что какая-то часть полисной хоры входила в состав Малой Скифии и отмечая наличие на ряде поселений остатков жилищ, возведенных в греческой технике, следует признать, что эллины принимали активное участие в образовании подобной общности.

В тесной связи с археологическими исследованиями стоит проблема локализации и этнической идентификации городов, упоминаемых Плинием Старшим: *«Фракия с одной стороны начинается от берега Понта, где впадает в него Истр; в этой части ее лежат прекраснейшие города: основанный Милетянами Истрополь, Томы и Каллатия, прежде называвшаяся Кербатидой. Здесь же лежали Гераклея и Бизона, поглощенная разверзшеюся землей, теперь остается Дионисополь, прежде называвшийся Круном. Здесь течет река Зира. Всю эту область занимали скифы, называемые пахарями. У них были города: Афродисиада, Либист, Зигера, Рокобы, Евмения, Парфенополь и Герания»* [**IV, *44***].

Часть городов, согласно указаниям Стефана Византийского и Евтропия, а также разработкам современных исследователей, локализуется в приморской части Добруджи между Томи и Одессом (Афродисиада, Парфенополь, Герания), часть – в ее внутренних районах.

Непосредственная связь городов со скифами дискуссионна. В.В.Латышев отмечал, что часть поселений, а именно Афродисиада, Герания, Эвмения и Парфенополь, имели греческие наименования и были основаны или впоследствии переименованы греками. Другие три города, согласно В.В.Латышеву, носили негреческие местные названия. Исследователь не уточнил свою мысль, следует ли здесь понимать топонимы гетские или скифские? Более категоричен в своих выводах В.Илиеску. Отстаивая концепцию длительного проживания скифов в Добрудже, он считает, что еще во времена Атея здесь выделилась особая «скифская зона». В ней скифы основали Либист, Зигеру и Рокобы, остальные города, принадлежавшие ранее грекам, были оккупированы скифами.

Однако ни на одном из поселений Добруджи не отмечено не то что чисто скифских черт, но даже преобладания скифского инвентаря, так что говорить об основании ими собственных поселений пока не представляется возможным. Все данные свидетельствуют о том, что названные Плинием поселения в этническом плане были весьма неоднородны.

Таким образом, на основании рассмотренных источников можно утверждать, что земли северо-восточной Добруджи, на которых локализуется Малая Скифия, представляли в III–I вв. до н.э. зону, где проходил активный процесс смешения этносов. Судя по археологическим данным, основное участие в нем принимали геты, греки и скифы. Причем, факт смешения народов с обязательным участием в нем греческого компонента отмечен в античной традиции появлением с III в. до н.э. нового термина – «миксэллины». Включение бастарнов (кельтов или германцев) в этот процесс фиксируется пока только по сообщениям Страбона и Диона Кассия, а сарматов – только Страбона.

Безусловно, говорить в настоящее время о каком-либо количественном соотношении народов, проживавших в Малой Скифии, невозможно. Однако, исходя из того, что становление скифского государства в Добрудже никак не повлияло на развитие жизни существовавших здесь гетских поселений (резкое сокращение числа памятников наблюдается только в конце II–I в. до н.э., к моменту упадка Малой Скифии), то большую часть населения государства составляли именно геты. Гипотеза о преобладании скифского этноса в период существования этого политического объединения, которая отстаивается рядом ученых, не находит подтверждения.

Подобная интерпретация этнического состава Малой Скифии заставляет нас вновь обратиться к приведенному выше мнению А.В.Орешникова. Соглашаясь в целом с высказанной им идеей подчинения скифами гетов и узурпации ими верховной власти, что, по всей видимости, и дало основание называть эту территорию Скифией, заметим, что подобная ситуация, на наш взгляд, могла быть характерна только для начального этапа существования государства. Говоря о **смешении** (выделено. – автор) народов, нужно учитывать определенную двойственность этого процесса: с одной стороны в нем нужно видеть механическое соединение с сохранением присущих каждому этносу черт, с другой стороны - ассимиляцию, слияние, с утратой характерных признаков или восприятием культурных элементов более сильного и многочисленного народа.

Судя по всем источникам, на начальном этапе рассматриваемого периода преобладало именно механическое соединение народов. К моменту исчезновения Малой Скифии и далее к рубежу нашей эры происходит полная ассимиляция гетами скифов, когда говорить о каких-то компактных группах уже не приходится, и, возможно, ряда других народов, попадавших в их среду (бастарнов, греков). С массовым вторжением в Нижнее Подунавье сарматов также происходит их включение в этот процесс. Свидетельством того может служить, по-видимому, сообщение Овидия о сильнейшей варваризации облика томитян и более того, даже выработке общего с варварами языка: *«У них (*греков с варварами. - *автор) есть возможность вести разговор на общем языке...»* **[Тристии, V, *10, 35*].** По мнению ряда исследователей, он «представлял собой смешение между гетским, скифским (сарматским) и греческим языками».

Малая Скифия и окружающий мир. **Становление Малой Скифии в чужеродной этнической среде, вобравшей в себя, к тому же, часть фракийской территории с проживавшим на ней населением, не было единовременным актом.**

Первоначальный этап, ознаменовавший консолидацию скифов в Добрудже и начало становления их государственности, зафиксирован у Страбона. По его свидетельству скифы, переходившие через Тирас и Истр, заселили часть правобережья Дуная. Процесс их вторжения иногда сопровождался конфликтами с фракийцами в борьбе за обладание территорией, а иногда происходил мирно, так как местное население уступало эти земли без сопротивления из-за их сильной заболоченности **[Страбон, VII, *4 5*].**

Страбон не останавливается на подробностях взаимоотношений этих народов. Однако для этого времени на севере Добруджи известно по ряду нумизматических и эпиграфических источников политическое объединение гетов, руководимое Москоном с титулом басилевса, а затем, видимо, его последователем Залмодегиком. Если о первом предводителе известно только, что он выпускал монеты, находки которых локализуются в районе Тулчи, то деятельность второго разворачивается вблизи Истрии, экономике которой он наносит ощутимые удары. Несомненно, что переправлявшиеся через Дунай скифы входили в соприкосновение с этим объединением (сформированным, вероятно, одним из упомянутых Страбоном народов) и вполне возможно, что именно с ним они вели борьбу за обладание данной территорией.

Столкновения с фракийцами, плохое качество отвоеванной земли послужили, по-видимому, непосредственной причиной, заставившей скифов со временем передвинуться к югу. Так, уже во второй половине – конце III в. до н.э. Деметрий Каллатийский в устьях Дуная локализует анонимных фракийцев и бастарнов, тогда как скифы размещаются им вокруг Том и Дионисополя. Кробизы же, занимавшие согласно Страбону эти земли ранее, сейчас граничат со скифами южнее Дионисополя **[псевдо-Скимн, 750, 756, 797].** Этим же временем датируется сообщение Плиния Старшего, что вблизи Дионисополя проживают скифы-пахари, имеющие здесь свои поселения **[IV, *44*].**

Отсутствие чисто скифских поселений в Добрудже, сочетание на ныне известных памятниках скифской, греческой и гетской посуды, с преобладанием последней, показывают, что формирование скифского политического объединения шло параллельно с активным вовлечением в него гетов и греков, что впоследствии привело к возникновению смешанной, гетерогенной популяции, возглавляемой скифской династией.

Маловероятно, что Деметрий не знал о процессе слияния местных народов вблизи его родного города. Вполне вероятно, что он не просто дал картину размещения варварских племен, а наметил контуры тех этнополитических объединений, которые сложились в его время. Ведь его современник Аполлоний Родосский размещает в устьях Дуная фракийцев, живущих смешанно со скифами **[IV, *320*],** о чем опять же умалчивает Деметрий.

Позиции скифов в Добрудже во второй половине III в. до н.э. были еще слабы. Доказательством тому является истрийский декрет в честь Агафокла, датирующийся концом III в. до н.э. События, нашедшие отражение в декрете, свидетельствуют о чрезвычайно сложной обстановке в Добрудже, сложившейся в связи с деятельностью фракийского вождя Золта, направленной против Истрии и ее хоры, а впоследствии и против Бизоне с ее округой. Действия фракийцев наносили непоправимые беды экономике Истрии, а окружающие ее варвары пытались укрыться за городскими стенами. После нескольких неудачных попыток освободиться от фракийской угрозы путем организации обороны города, а затем и выплаты определенных денежных сумм, Агафокл, проводивший ранее переговоры с Золтом, был направлен Истрией послом к царю Ремаксу (локализация царства Ремакса и его этническая принадлежность до сих пор не определены). Упросив царя о помощи, он получил сотню всадников, которые не облегчили положение города, что вызвало второе посольство Агафокла, но уже к сыну Ремакса – Фрад (мону?). Последний выделил в помощь Истрии 600 всадников, действия которых спасли город от окончательного разгрома. Какие меры предпринимал Бизоне и чем для него закончилось нашествие фракийцев источник умалчивает. Ценность декрета заключается еще и в том, что какая-то часть Добруджи документально названа Скифией и отмечено, что греческие города были подвластны Ремаксу.

Свободные передвижения Золта в Добрудже и протекторат Ремакса над западнопонтийскими городами объясняются только тем, что Малая Скифия находилась сейчас на начальной стадии своего формирования и не представляла собой весомой военно-политической организации, которая могла оказать сопротивление отрядам Золта и взять под свою защиту полисы.

Когда происходит перевес сил в пользу скифского объединения, сейчас достоверно установить невозможно. Однако здесь на помощь приходит декрет из Одесса в честь антиохийца Гермея, датируемый началом II в. до н.э. Заинтересованность граждан Одесса в расположении к ним царя скифов Канита, зафиксированная в этом декрете, а также то, что Одесс был одним из основных центров, чеканивших царские монеты, не оставляет сомнения, что во время правления Канита, одного из первых скифских царей, город уже находился под властью скифов.

При сопоставлении этого документа с уже упоминавшимся свидетельством Деметрия, видно, что за тот промежуток, что прошел со времени жизни автора до написания Варненского декрета, скифы покорили или изгнали кробизов и безымянных фракийцев, окружавших город, и расширили свою территорию на юг до Одесса, установив над ним свое господство.

Кроме того, нумизматические находки свидетельствуют, что Малая Скифия одновременно распространила свою власть и на Томы, Каллатию и Дионисополь, выпускавшие царские монеты. Типологическая близость царских и полисных эмиссий происходит не из простого заимствования скифскими правителями

образцов городских монет, а свидетельствует об использовании ими для своих нужд монетных мастерских указанных городов.

Датировка Варненского декрета началом II в. до н.э. показывает, что окончательное формирование скифского военно-политического объединения и использование его правителями монетных мастерских западнопонтийских полисов происходит спустя очень короткий срок после ситуации, описанной в истрийском документе.

Для объяснения кардинальных изменений политической ситуации в Добрудже возможны два объяснения. Первое из них, чисто гипотетическое, предполагает ослабление государства Ремакса и его сына Фрад(мона?), или переориентацию внешнеполитических интересов, в связи с чем правобережье Дуная выпадает из зоны его влияния, чем немедленно воспользовались скифы. Более правдоподобно следующее объяснение. Из текста декрета известно, что Ремакс, чье царство находилось к северу от Дуная, требуя выплаты регулярной дани с Истрии и, вероятно, с других подвластных городов, что, безусловно, негативно влияло на состояние их экономики, в то же время не обеспечивал их эффективной, действенной защитой в случае опасности. Такое положение в виду постоянной варварской угрозы могло привести греческие полисы к необходимости поиска другого покровителя. Таковым, по-видимому, со временем стала набиравшая по соседству силы Малая Скифия. Аналогичная ситуация в середине II в. до н.э. зафиксирована и для Ольвии, которая в связи с участившимися нападениями варваров ищет себе не отдаленного покровителя, какими были ранее Сайтафарн и, предположительно, Фарнак I Понтийский, а близкого, и находит его в лице Скилура.

Поиски протектора были не единственной причиной установления тесных контактов между варварским объединением и греческими полисами. В них были заинтересованы обе стороны. Греки видели в населении Малой Скифии реального партнера для широких торговых сделок, поставляя сюда предметы роскоши, керамику, вина и т. д., что подтверждается огромным количеством греческих изделий на территории Добруджи. Скифы же нуждались в греческом рынке для вывоза, в первую очередь, сельскохозяйственной продукции. Характер поселений и наименование Плинием скифов «пахарями» свидетельствует об оседлом, земледельческом образе их жизни. Торговые операции могли совершаться при сочетании натурального обмена с товарно-денежными отношениями, с применением в последнем случае в одинаковой мере как автономных, так и царских эмиссий обоими партнерами.

Выход скифов к морю в районе поселений, упомянутых Плинием, и широкое использование ими полисов как трансагентов для вывоза своей продукции, предполагают активное использование греческого флота. С другой стороны, имеется яркое свидетельство добровольного предоставления греками если не флота, то хотя бы своих портов отдельным представителям или почетным жителям Малой Скифии. Речь идет о декрете в честь Гермея, где благодарные граждане Одесса в ряду обычных привилегий предоставляют ему право свободного пользования своим портом и отмены пошлины на приобретаемые им товары.

Тесные экономические, политические и культурные контакты Малой Скифии и западнопонтийских полисов способствовали эллинизации скифской и варваризации греческой аристократии. Происходил этот процесс не только путем

заимствований в материальной и духовной культуре, но и посредством заключения браков, о чем свидетельствует употребление имен «Скиф», «Скифо...» в высших кругах Том и Каллатии. Кроме того, Овидий в своих «Тристиях» отмечает в Томах характерную для I в. до н.э. сильную варваризацию всего населения, которая, безусловно, началась намного раньше. Подобная же ситуация складывается, несомненно, и за пределами полисов, в среде рядовых жителей городской хоры и скифского государства.

Характер взаимоотношений скифского государства и греческих полисов трактуется в русле концепции «варварского протектората», разработанной Ю.Г.Виноградовым. Согласно ему, скифское государство, в обмен на гарантии защиты полисов в случае военной опасности и без вторжения в политические сферы их деятельности, осуществляло контроль над экономической и внеэкономической эксплуатацией греческих городов (путем взимания дани, получения даров, кормления войска по типу «персидских угощений», эмиссии монет), попутно способствуя развитию их экономики за счет интенсификации внешней торговли и ремесел. Исходя из этой концепции, становится понятной независимость внутренней и внешней политики западнопонтийских полисов, которые, находясь под властью Малой Скифии, продолжали сохранять свою традиционную структуру управления и свободу во внешних сношениях.

Помимо сведений о взаимоотношениях Малой Скифии с фракийцами и греками в Добрудже имеются косвенные доказательства о ее эпизодических контактах с эллинистическими государствами, на что указывают эпиграфические данные.

Так, декрет из Варны говорит о пребывании в ставке Канита некоего антиохийца Гермея. Датировка декрета и антиохийское гражданство Гермея сопоставимы с деятельностью Селевкидов на Балканах в период правления Антиоха III. Начав завоевание Фракии, Антиох III провозгласил себя защитником эллинов и привлек их на свою сторону, разгромив противоборствующих ему и притеснявших греков фракийцев, и склонил к союзу галатов. Не исключено, что Антиох III мог заключить альянс с западнопонтийскими городами против Рима. Скифы, осуществлявшие протекторат над городами, вряд ли могли остаться безучастными к происходившим событиям. При такой реконструкции политической ситуации в Подунавье вполне допустимо, что Малая Скифия также была вовлечена в орбиту действий державы Селевкидов, а упомянутый Гермей мог быть сановником, проводящим политику Антиоха III среди скифов и греков побережья.

Интересна и личность македонца Антигона, поставившего за царя Сариака в честь Диоскуров алтарь, найденный у мыса Калиакра. По предположению издателей надписи, упомянутый Антигон был сначала полководцем Филиппа V Македонского, и руководил передвижением бастарнов, а после смерти царя он перешел на службу к царю Малой Скифии Сариаку.

Македония в связи с подготовкой войны против Рима рассматривает Фракию как основного поставщика людских ресурсов и съестных припасов. С северо-восточной политикой Филиппа V связано и установление контактов с бастарнами, проживавшими в устьях Дуная. Филипп планировал использовать их для борьбы с северными соседями Македонии дарданами, а впоследствии и в войне с Римом. Для того чтобы обеспечить безопасный переход их по Фракии и наладить снабжение войска продуктами, Филипп задарил предводителей

областей, через которые проходил маршрут бастарнов. Согласно современным реконструкциям сухопутных дорог во Фракии вообще, и маршрута бастарнов в частности, путь их в самом начале пролегал через территорию Малой Скифии. Именно поэтому скифский династ мог оказаться в числе одаренных Филиппом V правителей варварских областей, а алтарь, поставленный Антигоном, должен был отражать факт успешного продвижения бастарнов через скифские владения. Это тем более вероятно, что Диоскуры почитались не только как покровители моряков и мореходства, но и оказывали помощь в сражениях, особенно всадникам. Поскольку передислокация бастарнов осуществлялись в течение длительного времени (с 182 по 179 г. до н.э.), то у Антигона было достаточно возможностей для установки этого алтаря.

Таким образом, и декрет в честь Гермея, и алтарь Антигона в честь Диоскуров, свидетельствуют даже не столько об их службе у скифских правителей, сколько о заинтересованности в добрых отношениях со скифами представителей могущественных государств в период их участия в спорных «фракийских вопросах».

Чрезвычайно напряженная военно-политическая ситуация в Северном Причерноморье в конце III–II вв. до н.э. препятствовала сохранению постоянных связей Малой Скифии с северо-восточными соседями. Именно к этому времени относится появление на западе Скифии воинственных объединений галатов и скиров, угрожавших Ольвии и соседнему с ней варварскому населению, бастарнов, активно действовавших в районе Нижнего Подунавья и еще ряда фракийских формирований, локализовавшихся к северо-западу от устьев Дуная. Однако превращение земель к северу от Дуная в ареал передвижений многочисленных воинственных группировок не привело к окончательной изоляции Малой Скифии в Добрудже.

Связи населения Малой Скифии с Северным Причерноморьем подтверждаются археологическими материалами. В Дунай-Днестровском междуречье открыты скифские памятники конца III – начала II вв. до н.э. – это позднескифские погребения Тираспольской группы курганов и, в особенности, могильник у с.Глиное (где в большом количестве представлены также и фракийские изделия) клад вещей из Семеновки, тризны могильника Курчи. В Нижнем Поднепровье исследованы два позднескифских комплекса, которым присущи некоторые черты фракийской культуры, что предполагает миграции каких-то групп позднескифского населения.

Еще одним подтверждением связей Малой Скифии с Северным Причерноморьем являются нумизматические материалы. Царские эмиссии были обнаружены в Тире, Ольвии и, возможно, в Крыму. Вероятно, распространение их имело в основном экономическую подоплеку и характеризовало торговые связи - прямые или опосредованные - населения Малой Скифии с греческими колониями Северного Причерноморья.

Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что контакты Малой Скифии с Северным Причерноморьем были весьма слабы, что объясняется как маломощностью самого государства, так и сложной политической ситуацией в северопричерноморских степях. Невзирая на такую обстановку, незначительные инфильтрации в Северное Причерноморье населения Малой Скифии, судя по наличию здесь одновременных археологических и нумизматических материалов и по сообщению Страбона о постоянных перемещениях на Дунае народов, в

которых принимали участие и скифы, несомненны. Исходя из находок в Тире и Ольвии немаркированных царских монет, вполне допустимо присутствие здесь представителей Малой Скифии, которые, вероятно, преследовали цели установления, в первую очередь, торговых отношений с жителями этих городов.

Таким образом, на основании имеющихся источников можно выделить два основных направления во внешней политике Малой Скифии: 1) захват какой-то части фракийских земель в Добрудже вместе с проживавшим на них населением и установление протектората над западнопонтийскими полисами на всем протяжении существования Малой Скифии; 2) налаживание спорадических, недолговременных контактов политического или экономического характера с более отдаленными центрами.

С включением Западного Причерноморья на рубеже II–I вв. до н. э. в орбиту действий Митридата VI и установлением его протектората над греческими полисами, Малая Скифия как самостоятельное политическое объединение прекращает свое существование.

РАЗДЕЛ 4. НОМАДЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ГРЕКИ

Тема 18. Греческая колонизация Северного Причерноморья.

Общеизвестна исключительно большая роль античных государств – древней Греции и Рима, в истории и формировании культуры многих народов, прежде всего – Европы. Достижения античной цивилизации прослеживаются буквально во всех областях современной жизни. Соответственно, одна из наиболее ярких страниц в истории древнего населения будущей Украины была открыта с переселением на северные берега Черного моря – Понта Эвксинского («Моря Гостеприимного» так это море стали называть греки) выходцев из Древней Греции. Основанные ими государства просуществовали тут около целого тысячелетия: от VI в. до н.э. по IV в. н.э. Вся жизнь греков здесь была тесно связана с окружавшими их племенами, на экономическое, политическое и культурное развитие которых греческие государства оказали значительное влияние. Велика их роль и в передаче культурных традиций последующим поколениям, в частности, именно в античных городах Крыма появляются уже в IV в. н.э. элементы христианства. Все это делает античные государства Северного

Причерноморья органичной частью исторических процессов, происходивших на территории будущей Украины, исследование которых, начатое после присоединения южных земель к России, ведется отечественными учеными на протяжении уже более двухсот лет.

Знакомство греков с Северным Причерноморьем началось еще в начале I тыс. до н.э., во время случайных посещений греческими мореплавателями этого региона. Но тогда, до начала освоения его побережья Черное море для них было Понтом Аксинским («Морем Негостеприимным» или «Темным»). Во второй половине VII в. до н.э. в Северном Причерноморье возникает первое – наиболее раннее греческое поселение – на нынешнем острове Березани (в древности это был полуостров). Проживавшие здесь греки, очевидно, достаточно основательно ознакомились с природными условиями всего региона. Плодородные земли, пастбища, богатые рыбой реки и моря, строительный камень, благоприятный климат, а главное – почти полное отсутствие на побережьях – в местах основания колоний в это время оседлого местного населения, не могли не привлечь внимания эллинов, жизнь которых на родине была далеко не простой.

Северное Причерноморье было достаточно хорошо известно в Греции. Упоминания о нем появляются уже в первой половине VI в. до н.э., когда милетский философ Анаксимандр составил карту мира, а Гекатей Милетский ее дополнил и уточнил. Упоминания об этом регионе имеются в произведениях греческих драматургов – Эсхила, Софокла и особенно Эврипида – автора «Ифигении в Тавриде». Они встречаются в речах афинских ораторов: Лисия, Исократа, Демосфена, Есхина, у географов, в частности, у Страбона или Птолемея, греческих историков – Полибий, Диодор Сицилийский, а также у римских авторов – Плиния Старшего, Аппиана, Помпония Мелы и др. Особое значение в освещении ранней истории Северного Причерноморья и, в частности, Скифии, имеет «История» Геродота, который, по мнению ряда исследователей, около середины V в. до н.э. посетил Ольвию.

О хорошем знакомстве греков с Северным Причерноморьем свидетельствуют также мифы, которые нашли отражение в греческой драматургии. В частности, это касается мифов о Геракле, о его неоднократных посещениях Скифии. В мифологических пересказах северопричерноморских греков говорится о пребывании Геракла в Гилее (Кинбурнский полуостров), где он встретился с местной змееногой богиней Девой; на берегу реки Тирас (Днестр) он оставил отпечаток своей ступни; неоднократно проходил через Северное Причерноморье для осуществления своих подвигов.

С Северным Причерноморьем связаны также мифы об Ахилле и его жене Ифигении (дочери Агамемнона и Клитемнестры), царствовавших на острове Левка (в настоящее время – Змеиный, располагается неподалеку от устья Дуная), об Ахилловом Дроме (Тендровская коса), где по мифу находились святилище Ахилла и священная роща Гекаты. Название Дром возникло, по одной из версий, в связи с устройством здесь Ахиллом с друзьями соревнований по бегу в честь какой-то победы на Понте («дромос» по-гречески бег, путь).

Еще по одному из мифов об Ифигении в Тавриде, Артемида перенесла ее в свой храм, который находился на Северном побережье Понта среди жестокого племени тавров, и сделала ее там своей жрицей. Ифигения должна была приносить в жертву Артемиде всех иностранцев, которые попадали к таврам.

Существовали также местные варианты мифов, в частности, об амазонках – народе воинственных женщин, которые по Геродоту после различных несчастий приплыли к Кремнам – гавани, которая находилась в земле царских скифов на берегу Меотиды (Азовское море). Здесь они выкрали табун лошадей и стали нападать на скифов, с которыми, в конце концов, объединились.

Параллельно с мифами, уже на ранних этапах появляются первые дорожные описания. Так, по крайней мере, к VI в. до н.э. восходит первый перипл – «Перипл ойкумены» Скилака Кариандского, который упоминается у более поздних авторов - Геродота и Страбона. В нем дана достаточно детальная характеристика восточных и южных побережий Понта, приводится описание пути кораблей из Греции в Таврику, идет речь также о скифах, таврах, фракийцах, сарматах, перечислены почти все античные центры, которые в то время существовали в Северном Причерноморье (однако, почему-то, в этом списке отсутствует Ольвия). Известны периплы и более позднего времени.

Кроме периплов, греческие географы составляли так называемые периегесы – землеописания, где говорилось не только о побережьях, но и о прилегающих к ним местностях. Такой периегес еще в VI в. до н.э. составил Гекатей Милетский, который описал все греческие колонии на Понте и скифские племена, известные грекам к тому времени.

Средний культурный уровень населения северопричерноморских городов мало чем уступал уровню греков Средиземноморья. Свободное население получало такое же образование, как и обитатели Греции. Из надписей известно, что в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, Фанагории, Горгиппии, Танаисе существовали гимнасии, где занимались не только физическими упражнениями, но и образованием молодежи. О массовой грамотности свидетельствуют многочисленные граффити на керамической посуде – посвящения, пожелания, школьные упражнения, а также находки стилей. Известны частные письма, вырезанные на свинцовых пластинах. В воспитании значительное внимание уделялось спорту – пятиборью, кулачному бою, верховой езде, стрельбе из лука и др. В спортивных соревнованиях принимали участие и государственные деятели – архонты, стратеги, агораномы. В одном из ольвийских декретов отмечается, в частности, что Анаксагор сын Демагора пустил стрелу на 282 оргии (521,7 м).

Обитатели Северного Причерноморья в полной мере владели счетом, пользовались распространенными в Греции системами измерений длины, площадей, жидкости, сыпучих тел, веса и денег. Их календарь, в котором было 12 месяцев по 30 и 29 дней, что в определенные годы вынуждало включать дополнительные месяцы и дни, отвечал греческому, хотя названия месяцев в различных полисах могли отличаться. Начало нового года приходилось приблизительно на середину июля.

Известны северопричерноморские ученые: херсонесский историк Сириск (III до н.э.), географ (?) Дионисий Ольвианский (I в. до н.э.), боспорские философы Смикр и Дифил (последняя треть IV в. до н.э.), а также Стратоник (конец I – первая половина II в. н.э.). Некоторые из них, будучи выходцами из Северного Причерноморья, обитали в Греции: философы Бион Борисфенит (III в. до н.э.), Сфер Боспорский (III в. до н.э.), историк Посидоний Ольвиополит (III – первая половина II в. до н.э.).

В перечне участников музыкальных соревнований в Дельфах упоминается учитель музыки боспорянин Исил. Судя по наличию в Северном Причерноморье

театров, храмов, скульптурных изображений и других местных творений искусства, в том числе прикладного, свои поэты, архитекторы, музыканты, писатели, художники были хорошо знакомы с достоянием современной им греческой культуры. Об этом также свидетельствуют находки терракотовых театральных масок местного производства – трагических и комических, изображения на стелах и в росписях склепов музыкантов и их инструментов – кифар, флейт, лир, труб; наконец, высокохудожественные монументальные росписи боспорских склепов, многочисленные находки скульптуры местного производства, архитектурные детали и тому подобное. Сохранились и литературные памятники – в виде эпитафий и граффити, которые свидетельствуют о знакомстве северопричерноморских греков с основами стихосложения.

Греческая колонизация Северного Причерноморья. После основания Березанского поселения возле него уже в первой половине VI в. до н.э. на берегах одноименного лимана появляются греческие сельские поселения. Впоследствии они распространяются по берегам Днепровского и Бугского лиманов. В конце второй четверти VI в. до н.э. на правом берегу Бугского лимана основывается поселение, которое со временем становится одним из четырех крупнейших северопричерноморских полисов – Ольвия.

Постепенно, на протяжении VI в. до н.э., греки основывают в Северном Причерноморье еще целый ряд городов и поселений. На берегах Керченского пролива, называвшегося в древности Боспором Киммерийским, – Пантикапей, ставший столицей Боспорского царства, Феодосию, Нимфей, Мирмекий, Тиритаку – на Европейском Боспоре, Фанагорию и Гермонассу – на Азиатском. Тиру и Никоний – на берегах Днестровского лимана, в Западном Крыму – Керкинитиду и небольшое ионийское поселение на месте будущего Херсонеса. В свою очередь вокруг этих городов, в основном на побережьях, возникают поселения, которые составляли их сельскую округу – хору. Большинство городов основали выходцы главным образом из Малой Азии, в частности, из Ионии – района Милета. Лишь Фанагорию основали жители Теоса, Гермонассу – возможно, метиленцы, а Херсонес в последней четверти V в. до н.э. – греки из Гераклеи Понтийской и Делоса. Вместе с тем не исключено, если следовать Аммиану Марцеллину, что метрополией всех милетских поселений Боспора являлся Пантикапей.

Как известно, в жизни древних греков весьма значительную роль играла *религия*, которая пронизывала все стороны их жизни. Алтари имелись не только на теменосах, в административных и общественных сооружениях, но и в каждом жилом доме. При этом следует подчеркнуть, что греческая религия с ее многобожием не подавляла человека, как это было в древнем Египте. Ее боги и обожествленные герои были в значительной мере сопоставимы с обычным человеком.

Большая роль религии в жизни античного общества обусловила то, что во время колонизации, кроме обычных городов и поселений, греки основывали также и отдельные святилища. Кроме алтарей и храмов или целых священных участков с храмами и алтарями, которые размещались в городах, святыми местами могли быть пещеры, косы, ручьи, деревья и т.п. Существовали и большие святилища, располагавшиеся за пределами городов, которые почитались жителями не только основавшего их полиса, но и другими греками. На Боспоре

такими святилищами являлись место почитания Афродиты Апатуры, расположенное вблизи Фанагории, святилища кабиров, Афродиты и Деметры в Нимфее. В Юго-Западном Крыму – мыс Парфений со статуей Парфенос (возможно, мыс Фиолент). Среди святилищ Северо-Западного Причерноморья отметим святилище Деметры на Гиполаевом мысу (в месте слияния Днепра и Буга), упомянутые выше священную рощу Гекаты и жертвенник Ахилла на Кинбурнском полуострове, а также Ахиллов Дром (Тендровская коса). Особенно же почиталось святилище на о.Левка (ныне о. Змеиный), где по мифологическим представлениям греков, помимо Ахилла и Ифигении, обитали души блаженных.

Основание этого святилища относится, возможно, еще к концу VII в. до н.э. Во всяком случае, упоминание об острове появляется уже у Арктина – поэта, жившего в середине VII в. до н.э. Почитателями и покровителями культа обожествленного героя стали ольвиополиты. Около третьей четверти VI в. до н.э. тут был построен храм. Начало расцвета святилища приходится на конец VI – начало V вв. до н.э. Особую популярность оно приобрело в IV–III вв. до н.э.

Найденные на острове монеты свидетельствуют о весьма широком круге мореплавателей, побывавших на Левке, – они заходили сюда из всех более или менее значительных полисов Понта и Средиземноморья. Известность острова в античном мире была столь велика, что о нем имеются упоминания у таких выдающихся поэтов и драматургов, как Пиндар и Эврипид. Однако из интересного сообщения Филострата следует, что людям, плавающим по морю, разрешалось только ступать на остров, но строить там жилища было запрещено всем мореплавателям и жителям побережий Понта – как эллинам, так и варварам.

Протекторат Ольвии над Левкой продолжался до конца I в. н.э., когда ольвиополиты перенесли поклонение богу-герою – Ахиллу Понтарху на Березань. С рубежа I–II вв. н.э. патронат над островом Левка переходит к западно-понтийским греческим городам, скорее всего к Томису. Святилище Ахилла продолжает тут существовать и далее, но на этом ранее безлюдном острове теперь располагаются части 5 Македонского легиона и Мезийской эскадры, которая здесь могла находиться до середины III в. н.э. Окончательно остров утрачивает свое культовое значение в греческом мире с концом античной эпохи.

Колонизация Северного Причерноморья была частью так называемой Великой Греческой колонизации, охватившей практически все Средиземноморье – северные берега Африки, побережья Италии, Франции и Испании и перекинувшейся в Причерноморье. Здесь – на Южном берегу Черного моря не позднее VII в. до н.э. основывается Синопа, в середине VI в. до н.э. – Гераклея. На Северо-Западном побережье Понта – в последней четверти VII в. до н.э. возникает Истрия, во второй половине VI в. до н.э. – Каллатис, Томы. Примерно в VI, во всяком случае, не позднее V в. до н.э. греческие переселенцы основывают Фасис и Диоскурию в Восточном Причерноморье. Таким образом, все Причерноморье охватывается греческими колонистами. Однако подчеркнем, что в данном случае речь идет лишь об узких прибрежных зонах, располагавшихся вдоль морей и лиманов. Внутренние же территории были заняты варварскими племенами.

Такое массовое переселение греков явилось следствием ряда причин. Одной из важнейших, очевидно, являлись войны с персами, которые часто опустошали малоазийские города. Значительную роль играло и относительное перенаселение, когда для сохранения жизнеспособности общества необходимо было ограничить количество жителей на единицу площади. Существовали и другие причины этого

явления. В частности, внутриполисные конфликты, когда часть жителей того или иного государства, проиграв в политической борьбе, была вынуждена искать счастье в других местах. Определенную роль в этом играло развитие у греков ремесленного производства, для нужд которого нужно было искать новые рынки сбыта, а также источники поступления сырья, что способствовало расширению торговой деятельности. Причиной переселения на новые места могли являться и недороды, голод, как это имело место при основании Регии и Кирены.

Основную массу переселенцев составляли земледельцы, частично - ремесленники, торговцы и выходцы из других слоев античного общества. Интересно отметить, что, например, для основания Кирены в отряд колонистов было выделено по одному возмужалому сыну от каждой семьи.

Следует подчеркнуть, что особенностью древнегреческих колоний являлось то, что в экономическом и политическом отношениях они, как правило, не зависели от метрополий. Термин «колонии» в данном случае используется условно. Взаимосвязи колоний с метрополиями осуществлялись на равноправных договорных началах. Этим древнегреческие колонии принципиально отличались от колоний в современном понимании.

Во время греческой колонизации города чаще всего, по-видимому, могли основываться организованно, когда эта акция осуществлялась по повелению оракула. При этом еще в метрополии выбирали или назначали руководителя группы колонистов – ойкиста. В этом случае по прибытии на место территория нового города размежевывалась под оборонительные стены, на участки под жилые дома, одна десятая площади отводилась под культовые сооружения. Такие вновь основанные города обычно имели регулярную прямоугольную систему планировки. Параллельно с этим межевалась также сельская округа. Обо всем этом свидетельствуют, в частности, эпиграфические памятники. Подобный отряд колонистов по своей численности был невелик и вряд ли намного превышал, примерно, сотню – полторы человек. Однако археологические данные позволяют предполагать, что иногда колонизационный процесс мог происходить стихийно, как это, по-видимому, имело место при формировании, в частности, Ольвийского полиса. В связи с этим подчеркнем, что Ольвия, как и подавляющее большинство северопричерноморских городов, не имела регулярного прямоугольного плана. Ее сельская округа формировалась постепенно и, скорее всего, стихийно, а в освоении этих территорий принимало участие значительно большее число переселенцев, чем было сказано выше. В связи с этим подчеркнем, что из всех крупных северопричерноморских античных городов регулярный план города имел лишь Херсонес.

Государственное устройство. Античные государства Северного Причерноморья имели достаточно высокий уровень развития законодательных и исполнительных структур, идеологическое обеспечение которых базировалось на высоких идеалах гражданственности. В этом отношении чрезвычайно интересный документ представляет собой гражданская присяга херсонеситов: *«Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девою, богами и богинями олимпийскими, героями, владеющими городом, территорией и укрепленными пунктами херсонесцев. Я буду единомышлен о спасении и свободе государства и граждан и не предам Херсонеса, Керкинитиды, Прекрасной гавани и прочих укрепленных пунктов и из остальной территории, которой херсонесцы управляют или управляли, ничего никому не предам, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для*

херсонесского народа. Я не буду ниспровергать демократического строя и не дозволю этого предающему и ниспровергающему и не утаю этого, но доведу до сведения государственных должностных лиц. ...Я буду служить народу и советовать ему наилучшее и наиболее справедливое для государства и граждан. ...Я не буду давать или принимать дара во вред государству и гражданам. Я не буду составлять заговора...» (Жебелев. – 1953. – С.217).

Северопричерноморские государства представляли собой, как правило, автономные полисы с олигархическим или демократическим строем. В первых власть принадлежала небольшому числу привилегированных жителей, в других – всем гражданам. Однако в число граждан при этом не входили женщины, дети, иностранцы, рабы и другие зависимые категории населения городов. Следует, однако, подчеркнуть, что рабство в Северном Причерноморье не играло такой значительной роли, как в Средиземноморье. В основном это были домашние, а не государственные рабы. Их использовали в сельском хозяйстве, в домах, в ремесленных мастерских. Число их было, по-видимому, невелико.

Структура полисной – демократической организации предполагала наличие выборной законодательной и исполнительной власти. Законодательные функции принадлежали народному собранию («народу»), в котором принимали участие все граждане, и совету, от имени которых издавались декреты и постановления. На народном собрании решались вопросы внешней политики, обороны, взаимоотношений с окружающими племенами, организации посольств, предоставления гражданских прав иностранцам и привилегий купцам, обеспечения населения продовольствием в неурожайные годы, издавались законы о денежном обращении и почетные декреты в честь граждан, оказывавших важные услуги городу. Все эти вопросы перед передачей их в народное собрание обсуждались в совете, который, кроме того, проверял способности кандидатов занимать государственные посты и контролировал работу исполнительной власти. Исполнительная власть осуществлялась различными коллегиями – магистратурами или отдельными служебными лицами – магистратами, которые избирались обычно на один год. Наивысшей магистратурой являлась коллегия архонтов. Были также коллегии, ведавшие финансами, коллегии стратегов, агораномов, астиномов и др. В разных полисах могли быть различия в количестве и номенклатуре тех или иных коллегий и магистратов. Имелся суд, состоявший из нескольких отделов, каждый из которых ведал определенным кругом вопросов. В судопроизводстве участвовали судьи, обвинители, свидетели.

Среди северопонтийских государств в отношении политической организации выделялся в основном только Боспор. Он, с одной стороны, представлял собой сложный конгломерат античных городов-государств, сохранявших, хотя бы формально, полисную организацию и по отношению к которым боспорский царь являлся архонтом, т.е. высшим должностным лицом исполнительной власти в греческой полисной структуре. С другой стороны, для местных племен, входивших в состав Боспора, он являлся царем. Эти племена сохраняли свое исконное устройство, обычаи, особенности быта, а группами племен управляли вожди или царские наместники. Впрочем, подробнее об истории Боспора Киммерийского и связях его населения с местными племенами, учитывая всю важность происходивших здесь этнополитических процессов, будет подробнее рассказано в следующем разделе.

Население. В этническом отношении население античных государств на начальном этапе – во время основания городов, состояло, в основном, из ионийских греков, а также выходцев из Аттики, Теоса, Гераклеи Понтийской. Именно они и их потомки, имевшие высоко развитое национальное самосознание на протяжении всей античной эпохи составляли этническую основу населения северопричерноморских государств. Так, например, почти через семь столетий после основания Ольвии почти все ее жители, несмотря на скифский облик их одежды, хорошо знали «Илиаду» Гомера, а некоторые из них и произведения Платона, сохраняли, хоть и не совсем чистый вследствие варварского окружения, греческий язык. Недаром Дион Хризостом, ритор из Вифинии, побывавший в Ольвии в 99 г. н.э. и оставивший нам в одной из своих речей эти сведения, упоминает ольвиополитов как жителей древнего эллинского города.

Естественно, среди населения античных городов Северного Причерноморья были и выходцы из окружающих варварских племен, а в состав государств могли входить и целые местные племена, как это мы уже отмечали для Боспора. Литературная традиция, начиная от Геродота, сохранила и названия смешанных греко-варварских племен, например, миксэллинов или эллино-скифов в районе Ольвии. Однако весь комплекс материальной и духовной культуры, сведения о котором были получены в ходе раскопок, свидетельствует о незначительном количестве (в пределах нескольких процентов) варваров среди населения не только городов, но и поселений их хор, в частности, Ольвии и Херсонеса. Вместе с тем следует отметить, что в сельских округах, если судить по наличию лепной керамики, типичной для окружающих племен, процент варваров был несколько большим, чем в городах. В основном это были скифы, фракийцы, на Азиатском Боспоре синды и меоты. Позднее в Северное Причерноморье продвигаются сарматы, а в Северо-Западном Причерноморье появляются черняховские племена. Со временем и особенно в первые века н.э. количество варваров в составе населения античных городов несколько возрастает.

В социальном отношении структура населения была достаточно сложной. Кроме граждан и рабов существовало много категорий как свободного, так и зависимого или полузависимого населения.

Основные этапы исторического развития. Жизнь каждого северопричерноморского античного государства имела свои особенности. Однако они существовали в тесном контакте как со всем античным миром, так и с варварским окружением, крупные исторические события в жизни которых определяли общие черты и в развитии северопричерноморских городов. В их истории можно выделить три периода.

Первый период охватывает время от второй половины VII в. до н.э., когда были основаны Березанское и, возможно, Таганрогское поселения, до середины I в. до н.э. – времени начала активной экспансии в Северное Причерноморье Рима после гибели в 63 г. до н.э. царя Понтийского царства Митридата VI Евпатора. Этот период характеризовался тесными культурными и экономическими связями как с греческим миром, так и с окружающими племенами, что стало возможным благодаря относительной стабильности общеисторической обстановки на протяжении первых четырех столетий существования античных государств. В основе материальной и духовной культуры населения доминирующее место занимали эллинские традиции. В связи с этим данный период можно условно назвать греческим или эллинским. Однако при этом следует принять во внимание,

что именно в это время создается Боспорское царство, в состав которого, как уже говорилось, вошли не только эллинские полисы, располагавшиеся на берегах Керченского пролива, но и варварские племена синдов, меотов и др. Это было греко-варварское государство, правители которого из династии Спартокидов по своему происхождению являлись, скорее всего, варварами. Тем не менее, варваризация государства в целом почти не нашла отображения в культуре и быте населения собственно античных городов и их сельских округ. На протяжении первого периода в жизни античных государств Северного Причерноморья выделяется несколько этапов.

Самый ранний из них охватывает главным образом VI в. до н.э. В это время, как уже отмечалось, основывается большинство городов и окружающих их сельских поселений. Отношения с местными племенами, преимущественно кочевниками, были, по-видимому, мирными. Это способствовало закреплению переселенцев на новых местах и появлению большого количества неукрепленных сельских поселений. Этот этап, получивший в истории Древней Греции условное наименование «архаический», для античных городов Северного Причерноморья явился временем постепенного становления экономики, основой которой являлось сельское хозяйство и, в особенности, земледелие. Города имели тесные культурные и торговые связи со средиземноморскими полисами, особенно с греческими городами Малой Азии, островной (о. Родос, Хиос, Самос и др.) и материковой Греции. Однако, тесные контакты причерноморских центров между собой в это время, очевидно, отсутствовали.

Облик античных городов Северного Причерноморья в это раннее время был не совсем обычен для Древней Греции. Жилые кварталы большинства из них состояли в основном из однокамерных землянок и полуземлянок – жители не имели развитой базы строительного производства и позаимствовали опыт населения Юго-Восточной Европы. Вместе с тем, как это видно на примере Ольвии, уже с самого начала в городах появляются священные участки с храмами и алтарями, возникают площади, имевшие торговые, административные и общественные функции – агоры. Ранние храмы по богатству своего декора почти не уступают средиземноморским. Однако их размеры намного меньше, а материал – в основном дерево и сырцовый кирпич, реже – местный известняк.

Но уже в конце архаического этапа города начинают приобретать обычный для Древней Греции облик – земляночная застройка исчезает и появляются типичные для Греции наземные жилые дома с внутренними дворами, вокруг которых группировались крытые помещения. Города входят в новый этап исторического развития, получивший наименование классический.

Этот этап охватывает V – тридцатые годы IV вв. до н.э. и является временем наивысшего расцвета эллинской (т.е. собственно греческой) культуры, когда в Афинах возводятся основные сооружения акрополя. Аналогично развиваются и северопричерноморские центры, но в более скромных масштабах. В это время укрепляется их экономика – активно развиваются сельское хозяйство, ремесла, торговля внутренняя и внешняя, прямая и посредническая, растет значение этих центров и в греческом мире. Связям с северопричерноморскими городами – поставщиками сельскохозяйственной продукции и, в частности, зерна, придавалось в Греции довольно большое значение. Например, только Боспор, по свидетельству Демосфена, поставлял в Афины ежегодно 400 тыс. медимнов (16700 т) зерна. В тридцатые годы V в. до н.э. в Понт Эвксинский прибыла

афинская эскадра во главе с Периклом. Есть основания предполагать, что в результате этого похода в Афинский морской союз вошли и некоторые северопричерноморские города. В рассматриваемое время расширились торговые связи с Аттикой, а также с южно-понтийскими центрами – Синопой и, особенно, Гераклеей Понтийской.

Начиная с V в. до н.э. значительную роль в военно-политической и экономической жизни античных государств Северного Причерноморья начинают играть окружающие племена. Это скифы, а на Боспоре еще синды и меоты. Взаимоотношения варваров и греков были особенно тесными на Боспоре, о чем пойдет речь при рассмотрении следующей темы.

Иной, менее тесный характер – очевидно, благодаря отсутствию в непосредственной близости оседлых варварских племен, носили взаимоотношения Ольвии и скифов. О степени близости этих отношений может косвенно свидетельствовать, в основном, лишь новелла Геродота о скифском царе Скиле (см. ниже). Однако это свидетельство Геродота прямо не говорит о наличии какой-либо политической или экономической зависимости Ольвии от скифов, как считают некоторые исследователи.

Как бы то ни было, но совершенно ясно, что Ольвия не имела столь тесных связей с варварами, как Боспор.

Еще меньше на этот счет данных о раннем Херсонесе и его варварском окружении – таврах. Позднее – в эллинистическое время, Херсонес вступает в полосу затяжных конфликтов с племенами так называемых поздних скифов.

Наивысший расцвет, а затем упадок античных государств Северного Причерноморья относится к следующему этапу – эллинистическому, охватывающему в Северном Причерноморье время от последней трети IV до середины I вв. до н.э. В Средиземноморье он характеризовался возникновением громадной монархии Александра Македонского и ее последующим распадом (306 г. до н.э.) на ряд эллинистических государств, таких, например, как Пергамское царство или царство Селевкидов и др., а также появлением смешанных греко-восточных традиций буквально во всем – в экономике, социально-политических отношениях, учреждениях, обычаях, верованиях и особенно в культуре. В Северном Причерноморье картина была несколько иной – здесь может идти речь, в основном, лишь о смешении культурных традиций, но не греко-восточной, а греко-варварской, местной. Да и проявилось то явление не столько в античных городах, сколько в эллинизированных поселениях варварских племен.

Первая половина эллинистического этапа (последняя треть IV – середина III вв. до н.э.) явилась временем наивысшего экономического и культурного расцвета античных государств Северного Причерноморья. Большую роль в экономике начали играть окружающие племена. Произошла также определенная переориентация торговых связей – все большее значение стала приобретать торговля с малоазийскими, островными и особенно южнопонтийскими центрами. Наладились более тесные отношения и между самими северопричерноморскими городами.

Этот расцвет, однако, не был продолжительным. Начавшиеся активные передвижения окружающих кочевых племен, в частности сарматов, привели к дестабилизации обстановки в степях. А это, в свою очередь, подрывало основу благополучия античных государств – их земледелие и торговлю с местными племенами. Яркую картину крайне тревожной ситуации, сложившейся вокруг

Ольвии, как одного из крупнейших античных городов в то время, рисует нам уникальный памятник эпиграфики – декрет в честь богатого ольвийского гражданина Протогена. Здесь идет речь о бесконечных подношениях варварским вождям, в частности, – царю Сайтафарну, о готовящемся нашествии варварских племен галатов и скиров, о том, что в связи со всеми этими событиями многие иностранцы и граждане выселились из Ольвии.

Ситуация осложнялась ухудшением климата – переходом к засушливому периоду, максимум которого наступил, по данным естественных наук, во II в. до н.э. О неоднократных засухах и неурожаях говорится и в декрете в честь Протогена. Результатом такой ситуации явилось, например, прекращение существования большой хоры Ольвии уже примерно во второй половине III в. до н.э. Близкие кризисные явления в это время происходят в сельских округах Боспора, Херсонеса, Тиры и западнопонтийских городов.

Со временем все более усиливается давление окружающих племен на северопричерноморские города. По мнению части исследователей, в середине II в. до н.э. в зависимость, возможно, в форме протектората, от позднескифского государства попадает Ольвия, где чеканятся монеты скифского царя Скилура (см. ниже). Примерно с середины II в. до н.э. во власти так называемых поздних скифов оказывается Северо-Западный Крым, а сам Херсонес вступает с ними в затяжной военный конфликт, из которого он выходит, в конце концов, победителем, однако, только с помощью царя Понтийского царства Митридата VI Евпатора, который посылает в Херсонес своего полководца Диофанта. В почетном декрете херсонеситов в честь Диофанта рассказывается о том, что во время похода Диофант покорил тавров, вынудил скифов отступить на свою территорию, овладел Неаполем Скифским и крепостью Хабеями. Однако для окончательного усмирения скифов Диофанту пришлось совершить еще один поход. Не лучше обстояли дела и на Боспоре, в сельской округе которого одновременно с увеличением количества рыбачьих поселений на побережье сокращалось количество земледельческих, в степной части государства строятся укрепленные городища. Особенно углубился экономический кризис здесь в середине II в. до н.э. Все больше обострялись социальные и, по-видимому, этнические противоречия в боспорском обществе. Все это закончилось в 109/108 г. до н.э., по последним данным, дворцовым переворотом, которым руководил Савмак. После перечисленных событий в конце II в. до н.э. Митридат VI Евпатор объединил под своей властью все причерноморские государства, в том числе Тиру, Ольвию, Херсонес и Боспор. Таким образом, античные государства Северного Причерноморья оказались в зоне столкновения интересов Понтийского царства и Рима. На первом этапе этой борьбы Северное Причерноморье являлось для Понтийского царства главным источником сырья, продовольствия и людских ресурсов. К участию в конфликте в той или иной мере были привлечены не только города Боспора, Херсонес и Ольвия, но и множество племен. Затянувшаяся на долгие годы война подрывала сельское хозяйство, торговлю, ремесла. В результате ширились антипонтийские настроения, что, в конце концов, привело в 63 г. до н.э. к восстанию (первой поднялась Фанагория, к которой присоединились Нимфей, Феодосия, Херсонес, Пантикапей) и освобождению из под власти Митридата северопонтийских городов.

Борьба Рима с Понтийским царством закончилась победой Рима и в результате – распространением его влияния на античные государства Северного Причерноморья.

Второй большой период в истории северопричерноморских античных государств, так называемый римский (вторая половина I в. до н.э. – 70-е годы IV в. н.э.), связан с постепенным проникновением в Северное Причерноморье римских влияний и римских войск. В итоге это привело к включению Тиры, Ольвии и Херсонеса в состав римской провинции – Нижней Мезии.

Для второго периода в целом характерно проникновение провинциально-римской культурной традиции, проявившейся, хотя и не очень сильно, во многих сферах, в частности, в быту. Так, например, в градостроительстве римские влияния прослеживаются в основном в строительстве в старых городах римских цитаделей (Тира, Ольвия, Херсонес), в возникновении городищ типа, близкого римскому лагерю. В архитектуре это появление терм, которые, однако, по своим размерам и декору ни в какое сравнение не шли с римскими термами, даже наиболее скромными. Нам также неизвестно в Северном Причерноморье ни одного примера типично римского храма. Ограниченно был распространен коринфский ордер, характерный для римского строительства. По-видимому, отсутствовали здесь и такие богатые жилые дома, как, например, в Помпеях. Вместе с тем в декоре интерьеров помещений северопричерноморских жилых домов известно использование типично римских приемов – мраморных облицовочных плиток, специфических форм ордеров малых форм и т.п. В быту - употребление краснолаковой и стеклянной посуды. Во всем остальном преобладали все же эллинские традиции предшествующего времени.

В этом – втором периоде жизни античных государств Северного Причерноморья, судьбы каждого из них и в экономическом, и в политическом, и даже в культурном отношениях отличались более заметно, чем ранее. Поэтому выделить здесь общие для всех государств этапы исторического развития затруднительно. Так, например, Ольвия, территория которой в отличие от Тиры, Херсонеса и городов Боспора в первые века н.э. сокращается почти втрое, утрачивает свое прежнее значение одного из крупнейших экономических центров. Невелико и ее стратегическое значение как места, где располагаются части римских легионов. Но все же она остается государством, имеющим свое самоуправление, сельскую округу, территориальные размеры которой сохраняются в прежних пределах, ведет довольно широкую торговую деятельность. В ином, значительно более благоприятном положении оказывается Херсонес – основной, наряду с римской крепостью в Хараксе, опорный пункт римских войск в Крыму. Территория города здесь, по-видимому, даже несколько увеличивается, хотя сельская округа, очевидно, существенно уменьшается. Несомненна важность Херсонеса в системе римских рубежей. Наиболее благоприятная ситуация, особенно в экономическом отношении, складывается на Боспоре, относительно независимом от Рима. Территория столицы Боспора Пантикапея в первые века н.э. увеличивается чуть ли не в два раза, достигая примерно 100 га. Появляются новые поселения и городища, например, Илурат. Увеличивается в первые века н.э. и территория Тиры.

Следует также отметить, что в культурном отношении в первые века н.э. отсутствовала характерная для римских провинций нивелировка культурных традиций. Так, если из речи ритора из Вифинии Диона Хризостома, который

побывал в Ольвии в конце I в. н.э., мы узнаем, что, несмотря на варварский вид одежды, ольвиополиты знали и почитали Гомера, имели представление о Платоне и им было неприятно следовать римским традициям, то, что касается Херсонеса, там романизация была, несомненно, более значительной.

Во время начального этапа второго периода (от середины I в. до н.э. – по первую половину-середину II в. н.э), в Северное Причерноморье начинают проникать римляне и постепенно закреплять свои позиции. Этот процесс не проходил гладко. Так, например, в шестидесятые годы н.э., несмотря на все желание Рима превратить Боспор в римскую провинцию, этого сделать не удалось, хотя в политическом отношении, по крайней мере, номинально, Боспор в определенной степени и зависел от Рима. Сложная ситуация сложилась и с Херсонесом. В его борьбе с Боспором, от власти которого он неоднократно пытался освободиться, большую помощь ему оказывал Рим. Несколько раз освобождаясь от Боспора, Херсонес окончательно вышел из под власти этого царства лишь примерно в середине сороковых годов II в. н.э. при римском императоре Антонине Пие. Приходилось Риму защищать Херсонес и от нашествий поздних скифов – особенно значительная акция в этом отношении была осуществлена в 63 г. н.э., когда скифы были разгромлены прибывшим в Херсонес морем сильным военным отрядом во главе с правителем римской провинции Нижней Мезии - Плавтием Сильваном. Неспокойно было и в Ольвии. Факт длительной чеканки здесь около середины I в. н.э. золотых монет Фарзоя и в конце 70-х – начале 80-х гг. серебряных монет Инисмея (Иненсимея) трактуется исследователями как свидетельство определенной зависимости Ольвии от этих сарматских царей (см. ниже). По-видимому, при Траяне (98-117 гг.) в Ольвию был послан для защиты города и его округи отряд римских пехотинцев. И только при Антонине Пие (138-161 гг.), когда были высланы войска для защиты ольвиополитов от нашествия тавро-скифов, с последующим при Септимии Севере (193-211 гг.) вхождением города в состав провинции Нижняя Мезия, в Ольвии наступает, как и в Херсонесе, почти столетний период расцвета и экономического подъема.

Наиболее стабильным в жизни античных государств Северного Причерноморья был второй этап, когда военная, политическая и экономическая устойчивость является, по всей видимости, следствием постоянного пребывания римских войск в Северном Причерноморье, вплоть до их вывода оттуда в середине – третьей четверти III в н.э.

Наименее изучен третий период в жизни античных государств Северного Причерноморья – позднеантичный. В целом он явился временем постепенного угасания Тиры и Ольвии. Очевидно, в это время прекратило свое существование и Боспорское царство. Что касается Херсонеса и Пантикапея – они выстояли, и при императоре Юстиниане I были включены в состав Византийской империи.

Тема 19. Античные центры Нижнего Побужья

Важнейший очаг распространения античной культуры в Северном Причерноморье находился в низовьях Буго-Днепровского и Березанского лиманов. Здесь известны два городских центра – Борисфенида и Ольвия, составивших еще в позднеархаическое время единый полис.

Борисфенида. Наиболее раннее греческое поселение, как уже отмечалось, располагалось на полуострове (сейчас – острове) у современного г. Очакова.

Площадь поселения в настоящее время составляет около 10 га, значительная его часть разрушена водами моря. Тут открыты остатки земляночных и полуземляночных жилищ, которые в последней четверти VI в. до н.э. сменились обычными греческими наземными домами. В отдельных районах прослеживается прямоугольная планировка кварталов. Открыто храмовое строительство – остатки абсидальной постройки и святилище Афродиты с остатками храма, алтаря и ограды. В целом характер застройки по плотности, планировке, типам жилых домов и культовых сооружений был городским.

Ранние культурные слои поселения, как ни в одном другом раннеантичном поселении в Северном Причерноморье, богаты находками греческой, особенно восточно-греческой керамики разных форм и стилей росписи, многочисленных терракот, памятников письменности, ремесленных изделий.

Особый интерес представляют несколько частных писем, написанных на свинцовых пластинках, из которых лучше других сохранилось письмо Ахиллодора. Оно содержит много интересных деталей жизни греков на Березани в последней четверти VI в. до н.э.: *«Протагор! Отец пишет тебе: его (отца) обижает Матасий, поскольку он (Матасий) обманывает его и лишил фортегесия. Придя к Анаксагору расскажи, ведь он (Матасий) говорит, что тот (фортегесий) – раб Анаксагора, утверждал: “Мое имущество держит Анаксагор – рабов, рабынь, и дома”, а тот (фортегесий) кричит и говорит, что у него нет ничего общего с Матасием; говорит, что он свободен и общего с Матасием нет у него ничего, а что у него (Матасия) с Анаксагором, они знают каждый сам по себе. Это скажи Анаксагору и его жене. Во-вторых, он тебе сообщает: мать и братьев твоих он посылает немедленно, чтобы они на эти (праздники или дни) прибыли (?) в город, а сам Эвневр, пришедший к нему, вернется для (совершения) жертвенных обрядов». Адрес – «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору»* (Ю.Г.Виноградов, 1971).

Письмо раскрывает яркую картину довольно сложных социальных отношений. Ахиллодор нанимает фортегесия для перевозки его товаров (точное значение этого термина пока не ясно, он может означать социальный статус человека или его профессию). Матасий отнимает этого человека, считая, что он не раб. Фортегесий тоже считает себя вольноотпущенником Матасия. Ахиллодор просит разобраться в этом деле и одновременно сообщает, что он послал в город (Ольвию) свою семью.

Уже на начальном этапе своей жизни поселение имело, очевидно, полисную организацию. Об этом свидетельствует тот факт, что не позднее первой половины VI в. до н.э. на берегах Березанского лимана возникают довольно многочисленные небольшие сельские поселения, которые составляли сельскую округу Березанского полиса, его хору.

В течение всего V и части IV вв. до н.э. поселение переживало период расцвета, проявившегося в активном строительстве, развитии ремесленной и торговой деятельности. С конца IV в. до н.э. жизнь здесь постепенно замирает и ко II в. до н.э. прекращается вовсе.

Поселение вновь возрождается только в первых веках н.э., но оно уже никогда не достигает того уровня расцвета, какой был во второй половине VI–V вв. до н.э.

Какие-либо крупные политические события в истории поселения нам не известны. Есть основания предполагать, что, начиная с последней четверти VI в. до н.э. Борисфенида, очевидно, теряет свою самостоятельность и статус полиса и входит в состав Ольвийского государства. В первые же века нашей эры здесь, по-видимому, возникает святилище Ахилла Понтарха, культ которого по мнению некоторых исследователей в это время переносится сюда ольвиополитами с о.Левки.

Ольвия (в переводе означает Счастливая). Располагается на правом берегу Бугского лимана возле современного с.Парутино Очаковского района Николаевской области. Основана во второй четверти VI в. до н.э. выходцами из Милета. Сохранившаяся территория городища – около 30 га, 20–25 га разрушено водами Бугского лимана в результате трансгрессии. Здесь раскопаны (систематические ежегодные раскопки ведутся уже около ста лет – с 1901 г.) многочисленные остатки жилых домов различных этапов жизни города, оборонительные сооружения, остатки храмов, алтарей, стой, сооружений административного и торгового назначения, гончарных печей, виноделен и т.п. Особо следует отметить открытие тут двух культовых участков – теменосов и площади торгово-административного назначения – агоры.

В истории Ольвийского государства эллинского периода (вторая половина VII – середина I вв. до н.э.) выделяется ряд этапов. Наиболее ранний - протоольвийский (архаический) – от появления во второй половине VII в. до н.э. поселения на Березани до 30-х годов VI в. до н.э., когда формируется Ольвийское государство. Во второй четверти VI в. до н.э., как уже говорилось, основывается ольвийское поселение.

Второй этап (позднеархаический) связан с формированием примерно в 30-е годы VI в. до н.э. Ольвийского государства, окончательным освоением большой хоры и первичным расцветом экономики. К этому времени в Ольвии уже существуют два теменоса и агора. Во второй половине VI в. до н.э. начинает выпускаться литая бронзовая монета в виде дельфинов, с восьмидесятых годов V в. до н.э. – также литая бронзовая обычной формы круглая крупная монета – ассы с изображением головы Афины. Появление первого государственного декрета – неоспоримого свидетельства о наличии государственной власти, относится к концу VI в. до н.э. Этот этап заканчивается в конце первой четверти V в. до н.э. сокращением большой хоры, - население сельской округи концентрируется в Ольвии, – и переходом к наземному домостроительству. До конца третьей четверти V в. до н.э. хора города ограничивалась его пригородной зоной.

Основание Борисфениды, Ольвии и окружающих их сельских поселений происходило на землях не занятых в это время оседлыми племенами варваров. Естественно, на самом раннем этапе население Березани, Ольвии и ее округи состояло исключительно из греков, в основном малоазийского происхождения. Со временем в состав жителей Ольвийского государства начинают проникать представители местных племен. Однако, как в это, так и в последующее время их процент был незначителен (до нескольких процентов в городе и несколько больше на периферии). В связи с этим отметим, что упоминаемые Геродотом и другими античными авторами племена в сельской округе Ольвии точной локализации до сих пор не имеют. Комплекс материальной и духовной культуры населения исследовавшихся поселений ольвийской хоры в основном, за небольшим исключением, эллинский.

По-видимому, и отношения с окружающими племенами кочевых скифов были мирными. Во всяком случае, каких-либо остатков оборонительных стен в Ольвии до V в. до н.э. не обнаружено. Нет и каких-либо других доказательств наличия военных конфронтаций.

В связи с этим отметим, что существующее мнение о сокращении ольвийской хоры в V в. до н.э. в результате скифской военной угрозы не находит подтверждения в археологическом материале: на оставленных поселениях отсутствуют какие-либо следы военных действий, в частности, пожарищ. Более того, следуя Геродоту, отношения скифов и Ольвии были достаточно мирными и независимыми.

Существует также гипотеза о подпадании Ольвии в это время в зависимость от скифов, отражением чего явилась чеканка в Ольвии монет с именем Эминака (которого часть исследователей считают скифским царем) и изображением коленопреклоненного Геракла, натягивающего тетиву лука. Однако, анализ аргументации, приводимой в пользу появления скифского протектората над Ольвией, этого не подтверждает. Тем более, что само имя Эминак встречается и в других частях античного мира, в частности, в Малой Азии, т.е. это имя совсем не обязательно должно было принадлежать скифскому царю.

Судя по скифскому рассказу Геродота, в это время в Ольвии существовали уже не только жилые дома и культовые участки с храмами, алтарями и другими постройками, но и оборонительные сооружения, а также дворец скифского царя Скила. По Геродоту, мать Скила была истриянкой и научила его говорить и писать по эллински. И далее: *«Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил образа жизни этого народа. В силу полученного им воспитания царь был гораздо более склонен к эллинским обычаям и поступал, например, так: когда царю приходилось вступать с войском в пределы города борисфенитов (эти борисфениты сами себя называют милетянами), он оставлял свиту перед городскими воротами, а сам один входил в город и приказывал запирать городские ворота. Затем Скил снимал свое скифское платье и облачался в эллинскую одежду. В этом наряде царь ходил по рыночной площади без телохранителей и других спутников (ворота же охранялись, чтобы никто из скифов не увидел царя в таком наряде). Царь же не только придерживался эллинских обычаев, но даже совершал жертвоприношения по обрядам эллинов. Месяц или даже больше он оставался в городе, а затем вновь надевал скифскую одежду и покидал город. Такие посещения повторялись неоднократно и Скил даже построил себе дом в Борисфене и поселил там жену, местную уроженку.*

Печальная участь, однако, была суждена Скилу. А произошло это вот по какому поводу. Царь пожелал принять посвящение в таинства Диониса Вакха. И вот, когда предстояло приступить к таинствам, явилось великое знамение. Был у царя в городе борисфенитов большой роскошный дворец, обнесенный стеною (о нем я только что упомянул). Кругом стояли беломраморные сфинксы и грифоны. На этот-то дворец бог обрушил свой перун и он весь погиб в пламени. Тем не менее Скил совершил обряд посвящения. Скифы осуждают эллинов за вакхические исступления. Ведь, по их словам, не может существовать божество, которое делает людей безумными. Когда царь, наконец, принял посвящение в таинства Вакха, какой-то борисфенит, обращаясь к скифам, насмешливо заметил: “Вот вы, скифы, смеетесь над нами за то, что мы совершаем служение Вакху и нас охватывает в это время божественное

исступление. А теперь и ваш царь охвачен этим богом: он не только совершает таинства Вакха, но и безумствует, как одержимый божеством. Если вы не верите, то идите за мной и я вам покажу это!". Скифские главари последовали за борисфенитом. Он тайно провел их на городскую стену и посадил на башню. При виде Скила, проходившего мимо с толпой вакхантов в вакхическом исступлении, скифы пришли в страшное негодование». [**IV, *78,79***]. Кончилось все, в конце концов тем, что Скилу отрубили голову.

В последней четверти V в. до н.э. Ольвия, по-видимому, какое-то время входила в состав Афинского Морского союза, из которого вышла в конце второго десятилетия этого же века. К этому времени относится начало выпуска чеканной, а не литой монеты. В последней четверти V в. до н.э. начинается новое освоение большой хоры и наступает постепенный экономический расцвет. Сельская округа в это время, как и в позднеархаическое, охватывает побережья Днепровского, Бугского, Березанского и др. лиманов, а также Кинбурнского п-ова. Общее количество известных нам поселений этого времени достигает полутора сот.

Развитие города на краткое время прерывается нашествием тридцатитысячного войска полководца Александра Македонского – Зопириона, который, выступив против скифов, попутно в 331 г. до н.э. осадил Ольвию. Зопириону, по-видимому, не удалось взять Ольвию – следы пожарищ, которые можно сопоставить с этим временем в городе открыты лишь в районе западных городских ворот. Но эта победа ольвиополитам досталась не легко. Как сообщает Макробий **[Сатурналии, I, *11, 33*],** Ольвии, которая не имела регулярного войска, чтобы выстоять в этой борьбе, пришлось отпустить на волю рабов, дать гражданство иностранцам, ввести новые долговые книги, т.е., в какой-то степени, простить жителям долги.

Нашествие Зопириона явилось переломным моментом в экономическом развитии Ольвии. Именно с этого времени и примерно до середины III в. до н.э., экономика государства переживала максимальный за всю свою тысячелетнюю историю расцвет и в градостроительстве, и в сельском хозяйстве (где, в частности, появляется новый тип сельских усадеб – коллективных), и в ремеслах, и в торговле. Государство уделяло значительное внимание вопросам экономики. Об этом свидетельствует один из интереснейших документов – декрет о деньгах Каноба Фрасидамантова, датируемый IV в. до н.э. В нем оговаривались условия ввоза и вывоза в Ольвию чеканного золота и серебра, обуславливалось место проведения разменных операций с этими деньгами в ольвийском Экклисиастерии (причем разрешалось проводить эти операции только на ольвийские деньги), указывался курс продаж и покупок на ольвийские медь и серебро, а также излагались меры наказания нарушителей этих правил [**IPE, I^2, 24**]. Об экономическом расцвете также свидетельствуют многочисленные, как никогда ранее, выпуски ольвийской медной монеты – так называемых борисфенов с изображением на аверсе бородатого божества.

Примерно в середине – второй половине III в. до н.э., в связи с перемещениями варварских племен, Ольвия вступает в затяжной кризис. Гибнут поселения большой хоры, лишь поселения левого берега Бугского лимана продолжают еще существовать до середины II в. до н.э. Яркая картина жизни города во второй половине III в. до н.э. – неурожаи, недостаток средств, неспокойная обстановка в степях вырисовывается из декретов, изданных

ольвиополитами в честь Анфестерия и Протогена. Выдержки из последнего (первый сохранился значительно хуже) мы приводим ниже.

«Совет и народ постановили 20-го числа, архонты и Семь предложили: так как и Иросонт, отец Протогена, оказал городу многие и важные услуги и деньгами, и деятельностью и Протоген, унаследовав от отца благосклонность к народу, всю жизнь продолжал говорить и действовать лучшим образом: во-первых, когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит и требовал даров, дававшихся ему по случаю проезда, а общественная казна была пуста, он по просьбе народа дал 400 золотых; и когда архонты заложили священные сосуды на городские нужды Полихарму за 100 золотых и не могли их выкупить, а иностранец (т.е. Полихарм) хотел уже нести к мастеру, Протоген сам выкупил сосуды, уплатив эти 100 золотых;…и при жреце Иродоре, когда случился голод и хлеб продавался по 5 медимнов за золотой, и народ вследствие угрожавшей опасности считал нужным заготовить достаточное количество хлеба и приглашал к этому имевших запасы, он первый выступил и обещал 2000 медимнов по 10 медимнов за золотой и, между тем как другие немедленно получили плату, он, оказав снисхождение на год, не взыскал никаких процентов; и при том же жреце, когда явились во множестве саии за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его стесненным обстоятельствам, он, выступив, предложил 400 золотых; и, будучи избран членом коллегии Девяти, он предложил от себя не менее 1500 золотых в счет будущих доходов, из которых были вовремя удовлетворены многие скиптроносцы и немало даров было выгодно приготовлено для царя;…Еще же, когда наибольшая часть города со стороны реки, именно вся гаванная часть и прилежащая к прежнему рыбному рынку, до того места, где герой Сосия, не была окружена стеною, а перебежчики извещали, что галаты и скиры составили союз и собрали большие силы, которые и явятся зимою, а сверх того еще, что фисаматы, скифы и савдараты, ищут укрепленного места, точно так же боясь жестокости галатов, и когда вследствие этого многие впали в отчаяние и приготовились покинуть город, а вместе с тем в стране случилось много и других печальных событий, все рабы и пограничные миксэллины, числом не менее 1500, бывшие в предыдущую войну союзниками в городе, были совращены врагами, и выселились многие иностранцы и немалое количество граждан; вследствие этого собравшийся народ, придя в уныние и представляя себе угрожающую опасность и ужасы, приглашал всех зажиточных людей помочь и не допустить, чтобы отечество, с давних лет оберегаемое, подпало власти врагов, и, между тем как никто не предлагал своих услуг ни для всего, ни для части того, о чем просил народ, Протоген обещал сам выстроить обе стены и наперед предложил все расходы на них…И когда все в городе находилось в упадке вследствие войн и неурожаев и средства совершенно истощились…» [**IPE, I^2, 32**].

Однако, несмотря на такое положение, нельзя сказать, что Ольвия в это время окончательно погибает. Сельская округа сокращается, но город продолжает вести активную торговую деятельность, существует, очевидно, и ближайшая сельская округа. Более того, около рубежа III–II вв. до н.э. Ольвия неоднократно осуществляет ряд эмиссий серебряных монет, что свидетельствует о том, что полис сумел пережить кризисную ситуацию, связанную с гибелью большой хоры. Проксенические декреты II в. до н.э., изданные от имени Народа ольвиополитов,

свидетельствуют о том, что полис продолжает существовать. [**НО, 27, 35, 36, 37, 38**].

Как уже упоминалось, существует гипотеза о том, что в середине II в. до н.э. Ольвия попала в зависимость от скифского царя Скилура. Эта гипотеза, однако, базируется на весьма не однозначных косвенных данных нумизматики и эпиграфики, которые допускают различную трактовку. Не имеют прямого отношения к решению этого вопроса и археологические источники. Более реальными представляются гипотезы о том, что имеющиеся данные свидетельствуют лишь о дружеских или союзнических отношениях Ольвии и Скилура, по отношению к которой последний мог быть простым эмитентом.

С конца II в. до н.э. по 60-е годы I в. до н.э. Ольвия попадает в зависимость от Понтийского царя Митридата VI Евпатора (121-63 гг. до н.э.). Скорее всего, ольвиополиты сами обратились за помощью к Митридату. Об этом, в частности, могут свидетельствовать письменные источники, которые описывают чрезвычайно напряженную обстановку в Нижнем Побужье. Так, в ольвийском декрете в честь Никерата говорится о постоянно угрожающих городу врагах. Население города пытается бежать на Гилею (современная Кинбурнская коса). О неоднократных разорениях и войнах, постоянных нападениях варваров, имевших место еще до гетского разгрома, сообщает Дион Хризостом. В такой ситуации вполне естественно было просить помощи у сильного Понтийского царства.

Гарнизон Митридата размещается в Ольвии в конце II в. до н.э., в это же время разбираются постройки Центрального Теменоса, камень храмов и статуй идет на укрепление оборонительных стен города.

Давление кочевников на город несколько ослабело, что дало возможность в какой-то мере стабилизировать экономику полиса. Однако протекторат Понтийского царства сохраняется только до момента окончательного поражения и гибели Митридата в 60-е годы I в. до н.э.

После этих событий город окончательно пришел в упадок и около 55 г. до н.э. стал легкой добычей гето-дакийских племен под предводительством Буребисты. Ольвиополиты покинули город. Часть из них, по-видимому, переселилась на Нижнеднепровские городища и жила там среди позднескифского населения.

Но уже в конце I в. до н.э. жители возвращаются на старые места и начинается постепенное возрождение города и поселений его сельской округи. Это знаменует собой начало последующего исторического периода, который проходил под знаком римских влияний. Территория города почти втрое сокращается. Застройка становится скученной и бедной. О таком виде Ольвии рассказывает Дион Хризостом, ритор из Вифинии. Он побывал в Ольвии в 99-100 гг. н.э. и оставил свой рассказ, в частности, об ольвиополитах, которые носили варварскую одежду и в то же время разговаривали на греческом языке, знали Гомера и считали себя потомками основателей города. Дион очень ярко описывает внешний вид города, рассказывает об ольвиополитах, в частности о Каллистрате – молодом, красивом, образованном жителе Ольвии, о сборах и беседах граждан у храма Зевса, приводит и некоторые свои соображения по поводу отношений Ольвии с окружающими племенами.

Дион сообщает – *«Город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн: находясь уже так давно среди варваров и при том почти самых воинственных, он постоянно*

подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как 150 лет тому назад: геты взяли и его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии. Вследствие этого-то дела тамошних эллинов пришли в крайний упадок: одни города совсем не были восстановлены, другие – в плохом виде, и при этом нахлынула в них масса варваров. Много сделано было захватов во многих частях эллинского мира, рассеянного по разным местам. После разгрома борисфениты снова заселили город, - как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушению города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу. О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками почти без промежутков и обнесено очень низенькой и непрочной стеной. Некоторые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, что они принадлежали одному городу. Все это служит явными признаками его разорения и затем еще то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, равно как и бывшие на надгробных памятниках» **[Борисфенитская речь…II, *48*].**

Основой экономики Ольвии остается сельское хозяйство, однако немаловажную роль играла внешняя торговля со многими античными центрами – Пергамом, Византием, Синопой, Аттикой, Средиземноморьем, Причерноморскими центрами.

В середине I в. снова начинает чеканиться местная полисная монета, предназначенная для внутреннего рынка, для внешней торговли используются римские денарии.

Около середины I в. н.э. Ольвия, возможно, попадает в зависимость от сарматских царей Фарзоя и Инисмея, которые использовали монетный двор Ольвии для чеканки своих золотых монет. О существовании определенных связей сармат с ольвиополитами свидетельствуют также находки в Ольвии предметов с сарматскими знаками, погребение двух знатных сармат неподалеку от города. Возможно, сарматы (есть предположение, что Фарзой был царем дружественных Риму аорсов) в какой-то мере защищали Ольвию от других воинственных племен. Следует, однако, отметить, что в это же время Ольвия сохраняла свою чеканку монеты, что указывает на ее, по крайней мере, политическую независимость от упомянутых правителей.

Но такое положение длилось недолго. В середине II в. н.э., при римском императоре Антонине Пие (133-161), римские провинциальные войска строят в Ольвии цитадель и размещают гарнизон, состоявший из частей трех мезийских легионов - I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева. Заключается военный союз Ольвии с Тиберием Плавтием Сильваном и царями Аорсии. Однако уже в 70-80-е годы влияние Римской империи в Северном Причерноморье ослабевает в результате длительных и не всегда успешных войн с сарматами и даками. Ольвия подвергается частым нападениям врагов. Ольвиополиты посылают многочисленные посольства с дарами к скифам и сарматам, но это не спасало

положения. В середине II в. на город нападают тавро-скифы и ольвиополитам снова пришлось обращаться за помощью к Риму. Антонин Пий прислал войско, которое смогло оттеснить врагов, был заключен мир.

В 197-198 гг. Ольвия была включена в состав римской провинции Нижней Мезии. Она платила поземельный налог римской казне, обязывалась принимать римские войска и подчиняться наместнику провинции. Однако местная автономия при этом сохранялась, полис управлялся своими прежними институтами – Народным собранием и Советом, исполнительными коллегиями – архонтами, стратегами, агораномами и др.

В это время наблюдается определенная аристократизация власти – роль Совета возрастает, исполнительная власть сосредотачивается в руках нескольких семей. Со II в. вводится тариф на должность, которую теперь мог просто купить достаточно состоятельный человек. При этом за должность можно было платить не только деньгами, но и общественными работами – строительство, оплата посольств и т.д.

II – первая половина III вв. н.э – период максимального расцвета Ольвии первых веков. В это время снова ведется достаточно активная строительная деятельность – раскопками открыты остатки оборонительных сооружений, построек цитадели – казарм римских легионеров, претория, арсенала, жилых домов, гончарных печей и других производственных комплексов. Торговые связи Ольвии значительно расширяются и стабилизируются. В одном из декретов полиса, изданном в честь Феокла – сына Сатира, перечисляются торговые партнеры города - Никомедия, Никея, Гераклея, Византий, Амастрия, Тий, Пруса, Одессос, Томис, Истрия, Каллатис, Милет, Кизик, Апамея, Херсонес, Боспор, Тира, Синопа. Кроме того прослеживаются связи с Аттикой, Малой Азией, Александрией, Средиземноморьем, западными провинциями Римской империи. С 60-х гг. чеканится собственная монета.

В быту и культуре ольвиополитов усиливается влияние римских обычаев и традиций (некоторые приемы строительства, формы сосудов и украшений, некоторые изменения в религиозных воззрениях), однако Ольвия все же остается в основе своей греческим городом как по своему облику, так и по этническому составу населения. Этому не мешало и то, что среди населения увеличивается процент варваров.

Сельские поселения теперь, в отличие от предыдущего периода, укреплены рвами, валами, каменными стенами.

В сороковых и семидесятых годах III в. н.э. Ольвия переживает два готских нашествия, римский гарнизон ее покидает, после чего город уже не может оправиться. Хотя на его руинах еще относительно длительное время – до третьей четверти IV в. н.э. – продолжается жизнь, упадок прослеживается во всем и в первую очередь в строительстве.

Некрополь Ольвии занимает общую площадь около 500 га, размещаясь за пределами города, однако его размеры, границы и расположение различных участков менялись с течением времени. В первых веках нашей эры погребальные сооружения находились даже на территории эллинистического города.

Погребения устраивались в обычных грунтовых могилах в виде прямоугольных ям или в подбоях, которые делались в их стенах. На поверхности земли над такими погребениями могли устанавливаться надгробия в виде стел, антропоморфных изображений, алтарей. С IV в. до н.э. среди погребальных

сооружений появляются земляные склепы, несколько позднее – каменные. Они состояли из погребальной камеры и дромоса – входного наклонного коридора в виде пандуса или ступеней. Над каменными склепами часто насыпали курганы. Наивысшего совершенства эти сооружения достигли в римское время – во II – первой половине III вв. возводились монументальные курганы с каменными крепидами, склепы под насыпями состояли из основной погребальной камеры, сеней и глубокого дромоса. Именно в этих сооружениях использовались полуцилиндрические распорные своды, высококачественные каменные кладки стен. Наиболее выдающимися образцами таких сооружений являются склепы Зевсова кургана и Еврисивия и Ареты. Они, несомненно, принадлежали богатейшим людям полиса.

Наряду с обычным трупоположением определенный невысокий процент составляла кремация, особенно в первые века н.э.

Сельская округа Ольвии. Сельские поселения возникают в Нижнем Побужье около середины VI в. до н.э. и существуют с небольшими перерывами в течение всего времени жизни ольвийского полиса. Первые поселения появляются на побережье Березанского лимана, вероятно, как хора Березанского поселения. Массовое появление поселений происходит во второй половине VI в. до н.э. В это время процесс формирования хоры носил стихийный характер. Но со становлением Ольвии в конце третьей четверти VI в. до н.э. как государства поселения образуют ее большую хору, которая охватывала побережье Днепровского, Бугского, Березанско-Сосицкого лиманов и Кинбурнского полуострова.

Поселения, независимо от своих размеров, состояли из отдельных усадеб – ойкосов, в состав которых входило около десятка однокамерных жилых и хозяйственных полуземлянок.

В конце второй четверти V в. до н.э. жизнь почти на всех поселениях, кроме ближайших к Ольвии, прерывается, жители концентрируются в Ольвии и ее предместье. С конца V в. до н.э. начинается восстановление большой хоры, которая достигает максимального расцвета в конце IV – первой половине III вв. до н.э. Поселения этого времени приобретают обычный для Древней Греции облик – теперь они имеют наземную застройку с домами городского типа, хотя иногда еще встречаются и земляночные сооружения.

В конце III в. большая хора гибнет, жизнь продолжается только на поселениях левого берега Бугского лимана до середины II в. до н.э.

Последнее возрождение хоры происходит в конце I в. до н.э. Количество поселений, по сравнению с предыдущим временем, сокращается в несколько раз. Поселения укрепляются валами и рвами, иногда – стенами, и представляют собой небольшие крепости.

Расцвет сельской округи этого времени происходит во II – первой четверти III вв. н.э. Прекращают свое существование античные поселения около середины III в. н.э. Однако на территории сельской округи Ольвии во второй половине III в. н.э. возникают неукрепленные поселения черняховской культуры. Характер их взаимоотношений с населением Ольвии неизвестен.

Жители сельских поселений занимались земледелием (выращивали пшеницу, ячмень), скотоводством, рыболовством, в первых столетиях нашей эры, возможно, и виноградарством. Ремесла имели вспомогательный домашний

характер. Торговля велась, главным образом, в Ольвии и на Березанском поселении.

Среди жителей хоры определенный процент составляли выходцы из окружающих племен, однако, комплекс материальной и духовной культуры был в целом античным.

Тема 20. Боспор Киммерийский

Боспор Киммерийский представлял собой уникальное и самое крупное в Северном Причерноморье античное государство, просуществовавшее более тысячи лет. Оно было расположено на территории современных Керченского и Таманского полуостровов. Первое название Боспор (в переводе с греч. буквально «коровий брод») эллины перенесли с названия узкого пролива Боспор Фракийский (современный Босфор) между Пропонтидой и Понтом Евксинским на современный Керченский пролив между Черным и Азовским морями. Поскольку считалось, что земли, заселенные выходцами из Восточной Греции, ранее принадлежали киммерийцам и именно отсюда их изгнали пришедшие с востока скифы, то многие названия разных местностей и даже греческих городов были связаны с этнонимом киммерийцы: Киммерийские переправы, Киммерийский перешеек, Киммерийские стены, гора Киммерий в горной стране тавров, мыс Киммерий вблизи реки Кубань, малые боспорские города Киммерий и Киммерик.

Важно отметить, что не только греки Боспора, но и античные авторы не забывали отмечать, что боспорские города расположены на киммерийской земле, хотя этого населения здесь уже давно не было. Такое феноменальное уважение к киммерийской топонимике, возможно, объясняется тем, что ионийские греки узнали о незаселенности северопонтийского побережья именно от киммерийцев, когда те находились в Малой Азии.

В период основания античных городов и многочисленных сельских поселений на Боспоре Киммерийском и дальнейшего существования Боспорского государства ближайшими его соседями с запада были тавры, обитавшие в горных местностях крымских гор и в основном враждебно относившиеся к прибывшим сюда грекам. Однако, через некоторое время отдельные выходцы из племени тавров поселились в долине на сельской округе Феодосии, где, по мнению ее исследователей, занимались земледелием и скотоводством.

Кочевые скифы во время первых посещений греками боспорских земель и основания ими самых ранних поселений: сначала Таганрогского в низовьях Дона во второй половине VII в. до н.э., а затем в VI в. до н.э. Пантикапея, Нимфея, Мирмекия, Тиритаки, Феодосии на Керченском полуострове, Фанагории, Китея, Гермонассы, Синдской гавани (Горгиппии) и многих других на Тамани находились в основном на Северном Кавказе. После освоения ими причерноморских земель между Доном и Дунаем они, тем не менее, оставались ближайшими соседями боспорских греков, особенно в V–IV вв. до н.э. Исследователи сельских округ боспорских городов полагают, что рядовые кочевники нередко оседали на землю и занимались здесь сельским хозяйством, преимущественно скотоводством.

По письменным и археологическим источникам на Таманском полуострове обитали местные племена синдов, меотов, сираков, разных по названию небольших этнических группировок, среди которых упоминаются дандарии, тореты, псессы и другие. Первые из них вели оседлый образ жизни, занимались

земледелием, скотоводством, рыболовством, разными ремеслами. Они не мешали эллинам, которые быстро установили с ними наиболее интенсивные экономические и культурные взаимоотношения, занять прибрежные земли, что впоследствии способствовало быстрому присоединению Синдики к Боспорскому государству.

На значительно большем расстоянии от Боспора, за Доном (Танаисом) находилось крупнейшее племенное объединение савроматов. Боспорские греки были мало ознакомлены с их обычаями вследствие ксенофобии савроматов, придумали интересную этногоническую легенду о происхождении этого этноса, подробно изложенную Геродотом в «Скифском логосе». Главная ее идея состоит в искусственном слиянии греческого мифа об амазонках, якобы отнесенных ветром на кораблях в Меотиду после захвата их эллинами в плен, и реальных фактов о воинственности савроматских женщин, а также хитрости столь же воинственных скифских юношей. От их браков с амазонками и произошло племя савроматов.

Таким образом, греки на Боспоре Киммерийском в отличие от других припонтийских регионов, в наибольшей мере уже с самого раннего времени соприкоснулись с иноэтническими образованиями. В итоге это сказалось на том, что на его территории проживали не только греки, но и синды, меоты, скифы, тавры, фракийцы, позднее сарматы. Периодически боспорские города пополнялись выходцами из разных греческих областей Средиземноморья и Причерноморья, Понтийского царства при правлении Митридата VI Евпатора, а также из среды вышеназванных племен. Однако лидером во всех начинаниях выступали греки до конца античности, сохранившие на государственном уровне родной язык и многие обычаи, присущий им образ жизни, создавшие здесь на протяжении веков своеобразные, а нередко и просто уникальные памятники как духовной, так и материальной культуры.

Многие греческие поселения, особенно на Керченском полуострове, довольно быстро превратились в независимые от своих метрополий (главным образом Милета) процветающие полисы со своими собственными хорами. С самого начала среди них выделился Пантикапей, раньше всех основанный и занявший, естественно, наиболее выгодное в географическом, экономическом и стратегическом отношении место в Восточном Крыму. Это была самая высокая точка в центре плодородной равнины, получившая позднее название «гора Митридат» на территории современной Керчи, где располагались все выдающиеся архитектурные комплексы – храмы греческих богов и царские дворцы и которая и сейчас славится наиболее известными и богатыми археологическими памятниками. Уже во второй половине VI–V в. до н.э. здесь велось интенсивное строительство каменных домов и культовых сооружений, хотя многие переселенцы, как и в Северо-Западном Причерноморье жили в землянках и полуземлянках – временных жилищах греков периода колонизации.

С этого же времени Пантикапей выпускает серебряные монеты, ставшие межполисными денежными знаками. Именно монеты с символикой верховного бога Аполлона, а затем его имя в сокращенном варианте на многих монетах, отсутствие названия города Пантикапей в ранней античной литературной традиции и эпиграфике дает право многим исследователям правомерно считать, что первоначально он имел название Аполлония и был переименован в

Пантикапей только после прихода к власти династии Спартокидов, когда этот полис стал столицей государства.

Вполне вероятно, что в период притязаний скифов на боспорские земли пантикапейцами была создана специальная легенда, в которой основание их города относилось еще ко времени похода аргонавтов – то есть героическому веку в истории Эллады. Его основателем являлся сын Аэта, брат колхидской волшебницы Медеи, которому некий скифский царь Агаст уступил эти земли для заселения их эллинами. Подобные примеры, когда они прибегали к созданию такого рода мифов для идеологического оправдания захвата земель в период колонизации, хорошо известны в разных частях античной ойкумены.

Вместе с тем существовали и другие сведения относительно основания Пантикапея. Так, Страбон писал, что его основатели прогнали скифов с этой земли точно так, как они сделали то же самое с киммерийцами. Как видно, и в том, и в другом случае греки стремились оправдать себя перед лицом наиболее мощного здесь этнополитического объединения. Однако археологические исследования свидетельствуют о том, что в 590-570 гг. до н.э., когда здесь впервые обосновались греки, какого-либо оседлого населения на месте Пантикапея и его округи не было. Его гражданская община рано осознала свое главенство в регионе, способствовала расселению новых партий колонистов в разных местностях Боспора Киммерийского, в результате чего возникло много поселений. Но только немногие из них – в частности Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Фанагория – превратились в крупные самостоятельные полисы.

На боспорских землях греки во все времена своей жизни отличились как первоклассные земледельцы и скотоводы. Огромное значение в их экономике занимали торговые связи с многочисленными городами Средиземноморья и Причерноморья, а также многими племенами, как ближайшими, так и более отдаленными. Кроме того, боспоряне занимались садоводством, рыболовством, различными промыслами. Здесь сеяли пшеницу, ячмень, просо, рожь, чечевицу, вику, зерно-бобовые культуры. Большие успехи были достигнуты в бронзолитейном, железоделательном, гончарном производстве.

Важно отметить, что уже на рубеже VI–V вв. до н.э. в дельте Дона возникло Елизаветовское городище, ставшее крупнейшим транзитным торговым пунктом, через который осуществлялись экономические связи греков с варварским населением Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья. По подсчетам исследователей, сюда морем в год привозилось не менее 1750-1900 амфор высокосортных вин Хиоса, Самоса, Лесбоса, Фасоса, Менды и других греческих винодельческих центров. Здесь его переливали в бурдюки и переправляли в разные местности. Кроме того, сюда поступали и другие товары из разных ремесленных мастерских как средиземноморских городов, так собственно и боспорских. После прекращения жизни на нем боспорские цари основали неподалеку город Танаис, служивший также главным торговым центром с местными племенами.

Сравнительно плотное расположение городов и поселений на территории Европейского и Азиатского Боспора, этно-родственные узы, языковая, культурная и религиозная близость и самое главное – угроза кочевых скифов, начавших интенсивно осваивать северопонтийские степи, проложив зимний путь через замерзающий узкий пролив Боспор Киммерийский, стали главным стимулом их объединения. Очевидно, еще до установления царской или тиранической власти

Археанактидов здесь во главе с Пантикапеем была создана военно-политическая симмахия – военно-оборонительная федерация автономных полисов. Как и в Ионии, для более тесного сплочения эллинов на Боспоре одновременно была организована и религиозная амфиктиония под эгидой верховного бога и покровителя всех колонистов Аполлона Врача (Спасителя).

Однако полная свобода боспорских полисов продолжалась недолго. По сведениям историка Диодора Сицилийского, явно знавшего записи боспорского хронографа III в. до н.э., здесь на протяжении 42 лет до 438 г. до н.э. у власти находились царствующие Археанактиды. Исходя из этого, одни ученые признают, что с 480 г. идет отсчет времени существования Боспорского царства, в котором власть находилась в руках единоличного правителя; другие, наоборот, предпочитают относить его ко времени династии Спартокидов. Вполне вероятно, что во время экстремальной ситуации в борьбе со скифами стратегу-автократору из аристократического рода Археанактидов удалось восстановить мир, а заодно с этим и захватить власть. Автономными остались только Нимфей и Феодосия. При Археанактидах была организована общеполисная оборона и сооружен в Пантикапее большой храм Аполлона, ставший общебоспорским религиозным центром его культа. Их политика была направлена на сохранение мирных взаимосвязей с соседними племенами. В итоге можно констатировать, что первое объединение греков на Боспоре, каким бы оно ни было, стало главным ядром создания Боспорского государства.

В 438 г. до н.э. власть здесь перешла к Спартоку, который правил всего семь лет и положил начало более 300-летнего правления династии Спартокидов. Относительно его этнического и социального происхождения высказаны самые разнообразные точки зрения. Спартока считают представителем разных этносов: балканских и малоазийских фракийцев, синдов, меотов, скифов, греков, каких-то неопределенных местных племен или просто полугреком. Этот вопрос до сих пор остается дискуссионным, как и то, каким путем он пришел к власти: насильственным или получил ее от Археанактидов, как об этом писал Диодор Сицилийский.

При царствовании ранних Спартокидов – Сатире I (433-390 гг.), Левконе I (389-349 гг.) и Перисаде I (349-310 гг.) – Боспор постепенно превратился в самое мощное государство эллинистического типа в Причерноморье. Вначале Сатир подчинил автономный Нимфей и начал войну с Феодосией, которая в его время уже стала высокоразвитым полисом, поддерживающим интенсивные связи со многими городами и особенно Афинами. Однако захватить этот свободолюбивый город ему не удалось. Сатиру пришлось вмешаться в дела Синдики, где в это время правил царь Гекатей, против которого выступила его жена меотянка Тиргатао. Она убила сына Сатира Метродора. Военный отряд во главе с ней подверг опустошению многие греческие поселения. С помощью дорогих даров конфликт с Тиргатао удалось уладить сыну Сатира Горгиппу, его соправителю в азиатской части Боспора. Сам же Сатир умер у стен Феодосии.

Только с помощью скифских наемников его старший сын Левкон I завоевал Феодосию, хотя она и продолжала находиться на особом политическом и экономическом положении еще и в первые века н.э. Из рассказа Полиэна известно, что Левкон приказал скифским конным лучникам расстреливать своих воинов-гоплитов, если они станут отступать под давлением высадившихся на берег воинов из Гераклеи Понтийской, которая помогала Феодосии в этой войне.

Со времени подчинения этого полиса в надписях Левкон, а за ним и все правители из династии Спартокидов именовались архонтами Боспора и Феодосии, но царями подчиненных варварских племен, прежде всего синдов и меотов.

Уже в период царствования Левкона территория Боспорского государства достигла более 5 тыс. кв. км. После Сиракуз это была самая крупная в античном мире территориальная держава. В одной из боспорских эпиграмм сын Левкона Перисад именовался правителем всей земли, какая лежит между крайними пределами тавров на западе и границами Кавказа на востоке. Значительная ее часть была отведена под сельское хозяйство, которое обеспечивало всем необходимым не только всех здешних жителей, но и некоторые города в Средиземноморье. В нем были задействованы как греки, так и подвластные царям местные племена. Ни в одном случае среди них не упомянуты скифы, с которыми были установлены особые взаимоотношения.

В аспекте малоизвестных эллино-скифских родственных связей особенно важно отметить женитьбу афинянина Гилона на имевшей много золота скифянке. Он прославился на Боспоре тем, что предал Нимфей, входивший в Афинский морской союз, вследствие чего этот город был легко завоеван Сатиром. В благодарность за это он подарил Гилону греческий городок Кепы на Тамани. Скифянка родила двух дочерей, которых после того, как они выросли, Гилон отправил на свою родину в Афины, снабдив большим количеством денег, о чем сообщал известный оратор Эсхин. Старшая дочь Клеобула вышла там замуж за Демосфена и родила сына Демосфена, ставшего самым знаменитым оратором и защитником в судах, в том числе боспорских правителей, купцов и граждан городов. Предположительно считается, что он навещал своего деда и бабушку-скифянку по материнской линии. Очевидно, брачные союзы заключались между представителями и представительницами из знатных боспорских, синдских и скифских родов. Подтверждением этого является, прежде всего, рассказ Полиэна о том, что Сатир I отдал свою дочь в жены синдскому царю Гекатею. Его эллинское имя, в свою очередь, является свидетельством – хотя и косвенным – что такие смешанные браки существовали там и раньше. То, что внук Перисада, тоже Перисад решил найти пристанище у скифского царя Агара, когда шла расправа его дяди Евмела над отцом Сатиром II, также вряд ли случайно. Скорее всего, что они тоже состояли в родственных отношениях.

Археологические источники, в частности некоторые богатые погребальные комплексы, как в Скифии, так и на Боспоре, в плане выяснения вопросов заключения смешанных брачных союзов, исследованы крайне мало. Лишь отдельные женские погребения в курганах, например, Большой Близнице на Тамани, Огузе в Приднепровье, предположительно считаются принадлежащими женщинам из боспорского царского дома; точно также отдельные богатые курганы типа Куль-Обы и Юз-Обы вблизи Пантикапея могли принадлежать знатным скифам, женатым на царевнах из рода Спартокидов.

Для этого времени известно лишь одно свидетельство о том, что Перисад I воевал со скифами. Об этом упомянул хорошо осведомленный в делах Боспора оратор Демосфен в своей речи против Формиона, обвинив его в том, что он нарисовал слишком мрачную картину положения в этом государстве. Вопреки всему здесь на самом деле ничто не препятствовало торговле с Афинами. Вполне вероятно, что такая кратковременная война действительно была, но происходила за пределами Боспора. Исходя из того, что боспорские цари вынуждены были

платить дань скифским вождям, Перисад после завоевания многих земель соседних племен решил подчинить и скифских кочевников. Ясно, что ему это не удалось.

Отсутствие каких-либо разрушений на поселениях и в городах Боспора указывает на то, что все решилось в итоге мирным путем. Именно при правлении этого боспорского царя курганы скифских вождей в наибольшей мере наполнились разнообразными золотыми изделиями. В данном случае действительно верны сведения Страбона и Лукиана, что в основном связи между Боспором и Скифией строились на основе мирных соглашений, по которым боспоряне выплачивали дань скифским вождям, а те предоставляли своих воинов для борьбы с другими враждебными силами.

В истории Боспора в период его наивысшего расцвета в IV в. до н.э. важнейшее место занимали торговые связи с Афинами. В 90-е годы этого века был заключен специальный договор между двумя государствами. Ежегодно Спартокиды продавали Афинам около 400 тыс. медимнов (16380 т) хлеба. Демосфен за заботу и защиту боспорян в Аттике получал ежегодно 41 т беспошлинного хлеба. В общем Боспор обеспечивал своим зерном и продуктами половину населения этого крупнейшего в Средиземноморье экономического и культурного центра, который расплачивался в основном золотыми драхмами и драгоценными изделиями. В благодарность афиняне издавали почетные декреты и устанавливали статуи боспорских царей и их сыновей в своем городе и в порту Пирей.

Из Афин в боспорские города потоком шли чернолаковые и расписные сосуды, в том числе уникальные позолоченные вазы, множество драгоценных ювелирных изделий, оливковое масло, вино, одежда, ткани, скульптура, терракоты и многое другое. Например, в Керченском музее хранится более 1000 краснофигурных сосудов, специально изготовленных для импорта на Боспор и получивших в новое время название «вазы керченского стиля». Афины гарантировали боспорянам свободное плавание морскими путями, находившимися под их контролем, политическую и военную поддержку, приобщение к высокой культуре и образованию.

Благодаря Афинам в Пантикапее были открыты собственные мастерские по производству разнообразных изделий из золота, серебра и бронзы, которые в виде посольских и брачных даров, а нередко и в виде дани или платы за военную помощь поступали к скифским вождям и царям. Среди них встречаются уникальные памятники так называемого эллино-скифского искусства, изготовленные специально для даров представителям скифской элиты как первоклассными афинскими, так и боспорскими мастерами. Среди них следует выделить такие золотые шедевры как пектораль из Толстой Могилы, гребень из Солохи, фиалу из Куль-Обы, ритуальный сосуд из Братолюбовки, электровый кубок из Куль-Обы, серебряные – амфору из Чертомлыка и чашу из Гайматовой Могилы, на которых изображены разнообразные сцены из жизни и преданий скифов. К скифским вождям поступали также великолепные золотые обивки горитов с изображениями сюжетов из чисто эллинских мифов об Ахилле – главном герое Троянской войны. Кроме того, при раскопках скифских курганов нередко находят мелкие ювелирные изделия для украшения костюмов и конской узды. В своем большинстве все они и сейчас поражают утонченностью, художественным вкусом, высоким мастерством пластики и выразительностью,

жизненной реальностью образов скифов и разнообразных сцен терзания животных.

Бесспорно, что мастерская по производству таких высокохудожественных и драгоценных вещей могла существовать только при царском дворце в Пантикапее. Она обеспечивала своими изделиями и многие богатые семьи из разветвленного царского рода, особенно во времена Перисада I, при котором Боспор славился своим богатством и военной мощью. Очевидно, именно это впоследствии способствовало тому, что только он был причислен боспорянами к сонму божеств и память о нем сохранялась длительный период вплоть до вхождения в Понтийское царство Митридата VI Евпатора в 109 г. до н.э. Однако главными «потребителями» ее продукции были, все же, представители правящей верхушки Скифии. При столь феноменальном насыщении погребений скифской элиты драгоценными эллинскими изделиями, которые сейчас прославили Украину во многих уголках мира, создается впечатление, что боспорские правители настойчиво стремились к мирным взаимоотношениям со Скифией.

Возможно, в конце концов Спартокиды достигли бы того, что на границах с их державой появилось бы эллинизированное скифское царство с оседлым населением и военными крепостями, если бы не возникшая внезапно в самом Боспоре междоусобная жестокая война между сыновьями Перисада I после его смерти. Самый младший из них, заручившись поддержкой вождей ближайших племен, в боях на азиатской части государства убил наследника царского трона старшего брата Сатира, а затем Притана, уничтожил их семьи и всех сторонников законной власти. Лишь юный сын Сатира, как сказано выше, скрылся у скифского царя Агара.

Тот же Диодор Сицилийский, повествуя о кратковременном царствовании Евмела (309-304 гг. до н.э.), особо подчеркнул, что, несмотря на это, он достиг больших успехов, присоединил значительную часть соседних варварских земель, доставил своему царству гораздо большую известность, чем предыдущие цари, задумал вообще покорить все племена, окружающие Понт, постоянно старался всячески угодить не только эллинам Боспора, предоставляя им всяческие льготы, но и разным греческим городам; очистил море от пиратов и прославился как эллинофил. К сожалению, Диодор Сицилийский не отметил конкретные названия тех варварских племен, которые были покорены Евмелом. Не исключено, что среди них была и какая-то часть скифов, не погибших в междоусобной войне на азиатской части Боспора.

После его правления на протяжении почти двух столетий Боспор постепенно терял свои территории, здесь начался упадок экономики и он уже никогда не достигал такого расцвета как при ранних Спартокидах. Последующие цари, сменяя друг друга, воевали, боролись за власть, мечтали восстановить былое величие своего государства, устанавливали экономические связи даже с такими отдаленными государствами как Египет и панэллинскими святилищами Аполлона в Дельфах и Дидимах. В первой половине II в. до н.э. на Боспоре начала править царица Камасария, дочь Спартока V, сначала самостоятельно, а потом со своим супругом Перисадом III. После его смерти она вышла замуж вторично за какого-то Аргота. Власть наследовал сын Перисада и Камасарии Перисад IV, после которого правил Перисад V.

Точные даты правления последних Спартокидов не известны. Относительно этнического и социального происхождения второго мужа царицы Камасарии

высказана точка зрения, что он принадлежал к царскому роду Крымской Скифии. Так ли это, возможно более достоверно удастся установить после исследования стихотворной надписи на известняковой стеле с изображением всадника из Неаполя, где воспевается прославленный и могучий Аргот, повелитель Скифии.

При этом нельзя не обратить внимание на то, что в Пантикапее не так давно было найдено фрагментированное посвящение дочери царя Скилура, жены Гераклида, Сенамотис, что дало право исследователям более уверенно считать, что во второй половине II в. до н.э. существовали скифо-боспорские династийные взаимоотношения, что, безусловно, способствовало мирным контактам между Крымской Скифией и Боспорским царством.

Последний Спартокид не сумел удержать власть на Боспоре. По сведениям Страбона, он не смог противостоять варварам, требовавшим дань намного большую, чем раньше. Под этими варварами видят то скифов, которыми правили Скилур и его сын Палак, то сарматов, которые во II в. до н.э. особенно давили на Боспор. Это государство осталось вне мирного государственного договора 179 г., хотя в него вошли сарматский царь Гатал и соседний Херсонес Таврический. Это дает право отдельным ученым полагать, что вследствие сложившейся политической ситуации боспорские цари укрепили связи с Крымской Скифией путем заключения брачных союзов для общей борьбы с сарматами, начавшими периодические грабительские набеги с востока.

В это же время Херсонес для борьбы с нападавшими на него скифами обратился за помощью к царю Понтийского царства Митридату VI Евпатору, пославшему в Крым войска во главе с полководцем Диофантом. После победы над скифами он прибыл на Боспор с дипломатической миссией, где занимался урегулированием дел по включению Боспора в Понтийскую державу. Однако в это время (109/108 гг. до н.э.) в боспорской столице произошел государственный переворот, во главе которого стоял Савмак – предводитель скифских наемников в войске Перисада V. Царь был убит, а Диофант на корабле отплыл в Херсонес, где собрал войско, вступил в войну со скифами Савмака и, захватив его, отправил в царскую ставку Митридата. После этого Боспор окончательно перешел во владения понтийского царя, который, по последним данным, являлся воспитанником Перисада, не имевшего собственных детей.

Длительный период в советской исторической науке господствующей являлась точка зрения известных ученых, видевших в Савмаке дворцового раба. Соответственно его социальному положению, это могло быть только восстание рабов. Во всех учебниках по древней истории оно считалось самым древним рабским восстанием на территории Советского Союза против угнетателей и эксплуататоров – боспорских царей. Учитывая то, что родственные связи между последними Спартокидами и Ахеменидами тянутся, по крайней мере, со времени Камасарии и ее сына Перисада IV, к периоду правления его сына Перисада V сложились такие обстоятельства, когда лучше всего, пусть и по мнимому наследству, было передать свое царство Митридату Евпатору, который бы все равно его рано или поздно включил в набиравшую мощь Понтийскую державу.

Митридат вел долгие изнурительные войны с Римской империей, ставшие тяжелым бременем не только для понтийских эллинов, но и многочисленных варварских племен, в том числе и скифов, которых он покорил и которые вынуждены были пополнять его войска живой силой и обеспечивать продовольствием.

В результате трех войн с Римом и поражений в них, захвата римлянами Понтийского царства, предательства сыновей, восстания против Митридата боспорских городов Фанагории и Пантикапея, царь, боясь быть выданным римлянам, покончил с собой в 63 г. до н.э. На Боспоре начал править предавший его сын Фарнак, с самого начала стремившийся к тому, чтобы восстановить царство отца, что в итоге и погубило его. После поражения в решающей битве при Зеле в 47 г. до н.э. он с остатками войска возвратился на Боспор, где был убит захватившим власть Асандром. После женитьбы на внучке Митридата и дочери Фарнака он стал признанным царем и уже в возрасте более 90 лет в 20 г. передал ей управление государством.

С этого времени Боспор постоянно находился в сфере влияния римских императоров, опасавшихся, как бы здесь вновь не возник опасный очаг противников их имперской политики. Поэтому прежде, чем занять престол после Динамии и ее супруга Полемона, Аспург (14-38 гг. н.э.) совершил поездку в Рим, где заключил договор о дружбе и мире. Он положил начало царствования на Боспоре новой династии, в которой благодаря его браку с Гипепирией, происходящей из фракийского правящего дома, переплелись полусарматские, полугреческие и фракийские корни. Тем не менее, Аспург продолжал политику предыдущих царей по укреплению и расширению границ Боспора. Так, на беломраморном постаменте его статуи была высечена надпись: *«Великого царя Аспурга, друга римлян, происходящего от царя Асандроха, друга цезаря и друга римлян, царствующего над всем Боспором, Феодосией, синдами, маитами, тарпитами, торетами, псессами и танаитами, подчинившего скифов и тавров, Менестрат, сын Менестрата, начальник острова, поставил своего спасителя и благодетеля».* Это первая надпись в истории Боспора, в которой прямо засвидетельствовано, что скифы и тавры находились в подчинении боспорского царя и входили в состав его государства. Как видно из данной надписи, в него вошли и те многие племена азиатской части Боспора, которые находились в его границах при первых Спартокидах.

После его смерти началась новая война за власть при действенном вмешательстве римских императоров, – сначала Калигулы, а затем Клавдия, в результате которой законный царь Митридат VIII был свергнут и отослан в Рим в 49 г. Боспором стал править его брат Котис, сумевший все-таки, несмотря на жесткие ограничения со стороны римской администрации, сохранить целостность и автономность своего государства. Котис первым получил титул архиерея – первосвященника императорского культа и родовое имя Тиберий Юлий, которые переходили к наследникам боспорского престола, стремясь тем самым подчеркнуть свою лояльность Риму.

В дальнейшем многие цари от Рескупорида (69-92 гг.) вплоть до 330 г. – в основном проводили проримскую политику, именовались в надписях «другом цезаря и другом римлян», носили родовое имя Тиберий Юлий, на монетах помещали изображения правящих императоров, привлекали в отдельных случаях римских специалистов и советников. Из вышеприведенных дат их правления видно, что одни цари правили единолично длительное время, другие имели соправителей, которые быстро исчезали с царского престола. Все это может свидетельствовать только о том, что на Боспоре время от времени возникали междоусобные распри между представителями царских родов.

Из всех царей этого времени особенно прославился активной внешней политикой во взаимоотношениях с Римом и крупномасштабными военными акциями Савромат II. Они были направлены против соседних племен. Соответственно надписи 193 г. он с помощью римского войска завоевал сираков и скифов, присоединил Таврику, освободил море от пиратов. Савромат II отличился также денежной реформой, что значительно улучшило экономическое развитие государства, что дало ему возможность реставрировать старые и построить новые храмы греческих божеств, а также предоставлять финансовую помощь религиозным союзам.

Хотя Боспор и оставался независимым государством, однако многие данные указывают на то, что его цари проводили зависимую от Рима политику не только в отношении собственно своего государства, но и окружающих племен. Кроме того, очевидно, Боспор платил определенную дань Риму, поставлял продовольствие и посылал свои войска в случае необходимости в римскую армию. Известно, что эти войска принимали активное участие в войнах с даками и аланами, их отряды стояли в некоторых городах, в частности в Ольвии, для предотвращения скифских и сарматских нападений.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, несмотря на проримскую царскую политику, греки в своем большинстве сохраняли традиционные имена и веру в исконные божества. Не мешали им в этом и переселявшиеся в боспорские города и городища выходцы из разных этносов Малой Азии, Фракии, Крымской Скифии и Сарматии. Варварский компонент был более заметным в приграничных местностях. Во II–III вв. усиливается наплыв алан. Однако ни один из этих этносов, не стал здесь господствующим. Несмотря на то, что у власти находилась смешанная из разных этносов царская династия, в своей основе греческое население Боспора – древние авторы называли его боспорянами – сохраняло свои главные традиции во всех сферах культуры и своим цивилизованным образом жизни способствовали их восприятию и царскими семьями.

Вопреки всем трудностям, которые испытали боспоряне в войнах против римлян при Митридате Евпаторе и Фарнаке, а затем и против соседних варваров, время от времени вторгавшихся в их земли с целью грабежей, они стали на путь нового экономического подъема в I–III вв. Почти все города перестраивались, обносились мощными оборонительными стенами с башнями. На хоре возникло множество укреплений военных поселенцев, охранявших границы Боспорского царства. Началось интенсивное развитие сельского хозяйства и виноделия. Одним из наиболее известных здесь видов производственной деятельности населения была рыбозасолка. Комплекс из восьми рыбозасолочных цистерн общим объемом 116 кубических метров открыт в одном из кварталов Мирмекия. Более мощный центр, в котором, по подсчетам исследователей, могло находиться не менее 1600ц селедки, кости которой найдены во время его раскопок, размещался в Тиритаке. В больших и малых городах Боспора продолжали работать разные мастерские по производству гончарной посуды, металлических изделий, в том числе и ювелирных, появились местные мастера по изготовлению стеклянных сосудов. По-прежнему развивались разнообразные дерево- и костеобрабатывающие ремесла. Впервые на Боспоре, особенно в его столице Пантикапее значительных успехов достигли художники, создавшие множество разнообразных произведений монументальной живописи, которая сохранилась на стенах многих склепов и саркофагов богатых боспорян. Она раскрывает не только религиозные обряды и

верования, но и детали быта, а также, что немаловажно, военные действия боспорян против врагов.

Находясь в сфере политики Рима, Боспор продолжал, как и в прежние времена, поддерживать интенсивные торговые связи со многими античными городами и соседними племенами. Сюда импортировалось большое количество вина и оливкового масла в амфорах. Краснолаковая и рельефная посуда привозилась в основном из Пергама и Самоса, стеклянные изделия – из Египта, Сирии и западных провинций Римской империи. Большую роль в посреднической торговле с варварами, как и в позднеэллинистический период, играл Танаис вплоть до его разгрома. По сведениям Страбона, это был общий торговый центр, с одной стороны, азиатских и европейских кочевников, а с другой – боспорян. Первые привозили сюда рабов, шкуры и разные вещи, другие – вино, одежду, различные предметы культурного характера. Благодаря боспорским купцам античные товары поступали к крымским скифам, сарматам от Волги и до Днестра, разным племенам Прикубанья и Северного Кавказа. Впервые на некоторых варварских городищах в окрестностях Танаиса появились боспорские и римские монеты. Так было положено начало товарно-денежному обмену в негреческой среде. В первые века новой эры значительно возрос товарно-денежный обмен на боспорских поселениях и городищах с разным этническим составом населения, в том числе и на тех, где преобладающим являлся негреческий этнос. Все вместе взятое указывает на увеличение товарного производства, привлечение к нему представителей из разных этнических объединений, преимущественно соседних; значительную их эллинизацию и переход на новый образ жизни; отсутствие ксенофобии, характерной для архаического времени и значительное сближение эллинского и варварского миров не только на высшем элитном уровне, но и среди рядового, во многом зависимого населения.

В последний (позднеантичный) период своей истории в III–V вв. Боспорское царство продолжало существовать, но уже в совершенно иных, значительно более тяжелых условиях. Общий экономический и социально-политический кризис охватил огромные регионы вследствие глобального нашествия готов и гуннов, с которыми объединялись разные другие этнические общности, ведущие длительные войны с римлянами и опустошавшие припонтийские города, в том числе и боспорские. Еще в 30-е годы III в. они разгромили Горгиппию – один из наиболее крупных и богатых городов. В конце 40-х – начале 50-х годов III в. были полностью уничтожены сарматами Танаис и все соседние поселения. Римляне ничем не помогали Боспору, хотя его цари по-прежнему изображали на своих монетах портреты императоров.

Во второй половине III в. Боспор стал организованной базой пиратских походов на греческие города Пропонтиды и Эгеиды. Этнический состав их участников точно не известен, но поскольку они приплывали, по представлениям греков, из скифской земли, то их чаще всего называли боспорскими скифами. По данным историка Зосима, на Боспоре власть перешла к ничтожным людям, предоставившим скифам корабли и проход через Боспор в Азию потому, что они старались прежде всего обезопасить себя. Лишь в конце 70-х годов III в. пришедший к власти царь Тейран расправился с жестокими пиратами, значительные силы которых к тому времени были уничтожены римским флотом.

Археологические исследования в крупных городах Боспора и прилегаюших к ним поселениях свидетельствуют, что они продолжали существовать. Однако возобновить сельское хозяйство, ремесла и промыслы в полной мере не удалось. Экономический кризис все больше усиливался. При Рескупориде VI в 332 г. пантикапейский монетный двор, который более 800 лет занимался чеканкой боспорских монет, выпустил последние деградированные монеты с его именем и бюстом на аверсе, а также вопреки всему бюстом императора Константина на реверсе.

Вторжение кочевых орд гуннов из центральноазиатских равнин в 70-е годы IV в. в значительной степени привело к разрушению почти всех населенных пунктов на Боспоре. Тем не менее, на многих из них вновь возродилась жизнь. Длительное время в антикознании бытовала точка зрения, что в это время они вообще перестали существовать. Но археологические раскопки и всесторонний анализ памятников материальной культуры боспорских городов, как в Восточном Крыму, так и на Тамани, свидетельствуют, что главные центры здесь пострадали в наименьшей степени. Они находились почти два века под военно-политическим давлением гуннов, создавших военно-политическую федерацию от Паннонии до Северного Кавказа. В нее входили разные племена на территории тех земель, которые в античной литературной традиции имели название Скифия, а затем – Сарматия. Территория Боспора номинально находилась в пределах гуннского союза. Как скифы и сарматы, так и поздние кочевники были заинтересованы в сборе дани и исходя из этого – в стабилизации экономики Боспора, не меняли общие принципы его политического устройства, образа жизни его населения и не стремились, за редким исключением, заселить города.

Несмотря на укоренившиеся политеистические традиции на Боспоре постепенно со второй половины III в. начало укореняться христианство. По сведениям Прокопия Кессарийского и Феофана, Боспор признал свою зависимость от Византийской империи около 522 г., а в первый год правления Юстиниана (528 г.) даже гуннский вождь Гордас (Грод) прибыл в Константинополь и его здесь крестили в присутствии императора, а затем отправили на родину «оберегать римские границы и Боспор».

Уникальным в истории Боспорского государства на протяжении многих веков, несмотря на то, что в него входили разнообразные по языку, образу жизни и культуре народы, что им управляли не чисто греческие по происхождению цари, проникновение многих иноэтнических элементов в религию и духовную культуру, тесное многовековое взаимодействие со скифами, синдами, сарматами, фракийцами, гуннами и другими племенами, является сохранение эллинского языка, многих античных традиций в образе жизни, духовной и материальной культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выше нами рассмотрены основные составляющие того культурно-исторического процесса, который определял судьбы древнего населения Юга Восточной Европы на протяжении многих сотен лет. Одним из наиболее ярких его проявлений стало возникновение Великой Скифии в Северном Причерноморье, которая включила в орбиту своего влияния огромные территории и многочисленные, разноэтничные племена и народы.

Сразу же оговоримся, что термин «Великая Скифия» в данном случае носит несколько условный характер, поскольку мы не знаем и едва ли когда-либо узнаем, как называлось это государственное объединение в действительности. Однако он не только удобен в качестве «рабочего термина», который позволяет четко обозначить предмет исследования, но и имеет определенные исторические и логические предпосылки. С одной стороны, уже само упоминание Страбоном Малой Скифии в Крыму и в Нижнем Поднепровье предполагает, что ей (или, точнее, им: Крымской, Нижнеднепровской и Добруджанской Малым Скифиям) предшествовало более крупное скифское политическое объединение. Едва ли следует конструировать его название искусственно. Проще обратиться к средневековой традиции и, по аналогии с «Великой Скуфией», называть его «Великой Скифией». Тем самым мы получаем достаточно стройную и понятную, не требующую многословных объяснений, конструкцию: «царство Ишкуза» или Северокавказская Скифия VII–VI вв. до н.э., «Великая Скифия» или Северопричерноморская Скифия конца VI–IV вв. до н.э. и «Малые Скифии», которые возникли на обломках Великой после ее крушения в конце IV в. до н.э.

Необходимо подчеркнуть, что возникновение такого выдающегося историко-культурного феномена как Великая Скифия, было результатом удачного сочетания целого ряда факторов, без каждого из которых возникновение такого мощного и относительно стабильного государственного объединения было бы весьма проблематичным.

Первым из таких факторов было становление кочевого способа производства и формирование определенного, присущего лишь кочевникам, образа жизни. Иными словами, сложение специфической «кочевой цивилизации», со всеми присущими именно ей чертами, наложившими свой неизгладимый отпечаток на все сферы жизнедеятельности кочевых обществ – от производственной до духовно-религиозной.

Именно поэтому в первом разделе настоящей работы рассматриваются глубинные истоки кочевничества и процесс его окончательного оформления в результате полной победы подвижного скотоводства как ведущей формы производящего хозяйства степняков над оседлым земледельческо-скотоводческим способом производства, которому с рубежа II и I тыс. до н.э. на многие столетия, практически до конца XVIII в., было суждено играть лишь вспомогательную и второстепенную роль. При этом еще раз подчеркнем, что речь, в данном случае, идет о культурной преемственности традиций степного населения Восточной Европы, а не о генетических корнях собственно скифов. Можно с уверенностью говорить, что в состав скифской орды вошли какие-то группы покоренных скифами родственных им киммерийцев, однако говорить о связи скифов с населением Степи более ранних периодов пока не приходится.

Вторым, необходимым для сложения Великой Скифии и достаточно длительного ее существования фактором, было, как показывает история других раннегосударственных образований кочевников, наличие контактов с оседлыми земледельческими племенами и развитыми городскими цивилизациями (Павленко, 1989; Мурзин, Павленко, 1989).

Покорение оседлых земледельческих племен и народов кочевниками было обязательным условием успешной жизнедеятельности кочевых объединений, поскольку из-за ограниченных экономических возможностей кочевого скотоводства, внешнеэкономическая эксплуатация земледельцев была одной из основных составляющих экономики «кочевых империй». В свою очередь, необходимость поддержания отношений господства и подчинения между номадами и покоренными ими оседлыми народами стимулировала процессы классообразования у кочевников (Лашук, 1967). Это тем более справедливо, что, по мысли Н.Н.Крадина, государство, как общественный институт, не было необходимо кочевникам для решения внутренних проблем, но было направлено на регулирование проблем внешних.

В свою очередь, территориальная близость и наличие тесных контактов между кочевниками и центрами развитых цивилизаций давала возможность первым обменивать часть прибавочного продукта своего собственного скотоводческого хозяйства (в меньшей степени), а также (в большей степени) продукцию, полученную от зависимого земледельческого населения – в виде дани, платы за «охрану» торговых путей, прямого грабежа во время набегов и т.д., на предметы роскоши и, прежде всего, на социально престижные вещи. Последние, будь то золотая пектораль из Толстой Могилы или серебряная чаша из Гайматовой, золотой гребень из Солохи или амфора из Чертомлыка, должны были не только подчеркнуть высокий общественный статус их владельцев, но и наглядно демонстрировать отделение высшей власти от основной массы населения, зримо подчеркнуть ее могущество. Этот момент, хорошо фиксируемый методами археологии, является одним из основных признаков, свидетельствующим о процессе сложении государственности.

Накопление огромных ценностей представителями скифского царского рода и высшей скифской аристократии происходило за счет сосредоточения «в руках» скифской верхушки основных редистрибутивных функций, то есть функций аккумулирования прибавочного продукта и его дальнейшего распределения. Узурпация этих функций узким кругом скифской правящей верхушки была возможна, в свою очередь, лишь при наличии стройной военно-иерархической организации, в рамках которой обеспечивалась власть «царей», опиравшихся на наиболее привилегированные общественные подразделения (в данном случае – «скифов-царских»), над основной массой номадов. Вместе с тем, вся скифская кочевая орда в целом выступала коллективным эксплуататором по отношению к покоренным земледельческим народам, что вынуждало отодвигать на «задний план» существовавшее, несомненно, внутри нее противостояние между привилегированными и «второстепенными» подданными. В этом заключается один из парадоксов кочевых политических образований: с одной стороны, значительные доходы от внешнеэксплуататорской деятельности стимулируют сложение, пусть еще рыхлых, классов и государства, а, с другой стороны, потребности в поддержании отношений господства и зависимости требуют политической консолидации степняков, что замедляет процесс

классообразования. В результате, государство у кочевников имело двойственный характер и при утрате источников внешней эксплуатации было неизбежно обречено на распад и гибель. Нечто подобное имело место в первой половине VI в. до н.э., когда после окончания переднеазиатских походов практически распалось «царство Ишкуза», а основная масса скифских племен перекочевала на запад, в Северное Причерноморье.

Поэтому обзор военного дела скифов, который подготовил Е.В.Черненко (Тема 7) поставлен, вопреки традициям, в начальной части раздела «Великая Скифия». Ведь именно военное дело у скифов было, без всякого преувеличения, одной из основных сфер их экономической деятельности, обеспечивающей наиболее высокие доходы.

Мы сочли необходимым остановиться на всех этих обстоятельствах так подробно, поскольку Н.А.Гаврилюк в подготовленной ею лекции основное внимание уделила собственно кочевому хозяйству степняков и связанной с ним спецификой их быта.

Не вызывает сомнения, что одним из действенных способов обеспечить стабильное присвоение степняками значительной части прибавочного (а иногда, вероятно, и необходимого) продукта, производимого населением Лесостепи, было установление над ним прямого политического и военного контроля со стороны кочевников. Естественно, мы не можем достаточно четко определить северную границу скифского раннегосударственного объединения, – вероятно, она определялась тем реальным соотношением сил, которое складывалось на определенном отрезке времени. Однако можно вполне уверенно утверждать, что наиболее прочными были позиции кочевых скифов в лесостепных районах Поднепровья. Об этом свидетельствуют курганы скифской кочевой аристократии, открытые как в Левобережной (прежде всего – в Посулье), так и в Правобережной (Киевско-Черкасский регион) Лесостепи.

Тезис о непригодности лесостепных районов для постоянного обитания там более или менее значительных групп кочевников, который поддерживают некоторые специалисты, основан на чисто теоретическом представлении о коренном отличии природных и климатических условий, присущих этому региону, и степным пространствам. Между тем, в Лесостепи, особенно в Среднем Поднепровье, имеются значительные по площади открытые участки с растительностью степного и лугового типа, к тому же связанные своеобразными степными «коридорами» с основной территорией причерноморской Степи. Именно на этих участках и концентрируется основная масса курганов, которые можно расценивать как собственно скифские (подробнее см.: Бессонова,). Подтверждаются эти соображения и более поздними историческими параллелями. Хорошо известно, что в южных районах Правобережной Лесостепи, а также на территории Левобережной террасовой Лесостепи вплоть до Чернигова, киевскими князьями для защиты южных границ своих владений от степной угрозы были расселены отдельные группы тюркоязычных кочевников, признавших свою вассальную зависимость от «киевского стола» – торки, берендеи, черные клобуки и др. Не секрет также, что почти вся территория Левобережного Поднепровья – до Сулы включительно, считалась в эпоху Киевской Руси половецкой землей.

Анализ скифских погребальных памятников в Лесостепи позволяет уточнить последовательность процесса освоения скифами Среднего Поднепровья, который, как справедливо считает С.А.Скорый, происходил поэтапно. Мы также

согласны с ним в том, что свое начало этот процесс берет уже в первой половине – середине VII в. до н.э. и далее протекает по возрастающей, особенно усиливаясь в периоды кардинальных изменений в военно-политической обстановке, складывавшейся в Северном Причерноморье. Так, мощным импульсом, активизировавшим борьбу скифов за господство в Лесостепи, стало окончание переднеазиатских походов и связанное с этим перемещение основного ядра скифских племен из предгорий Северного Кавказа в степи Северного Причерноморья.

Однако некоторые предположения С.А.Скорого представляются нам отнюдь не бесспорными. Прежде всего, это касается времени установления окончательного скифского господства в Лесостепи. В отличие от С.А.Скорого, который относит это событие к IV в. до н.э., мы считаем, что оно имело место гораздо ранее. Думается, правы те ученые, которые связывают его с завершением скифо-персидской войны, победоносные результаты которой консолидировали скифскую орду и способствовали ее превращению в ведущую военно-политическую силу всего северопричерноморского региона.

Очевидно, это произошло уже ко времени Геродота. Во всяком случае, он, кроме генеалогической легенды о происхождении скифов от Таргитая, которая обосновывала единство и иерархическую структуру внутри самой кочевой орды, зафиксировал также вторую, вероятно более позднюю, но уже вполне оформившуюся версию о «скифском» Геракле как родоначальнике скифов, гелонов и агафирсов, которая служила идеологическим обоснованием скифских притязаний на гегемонию в пределах всего очерченного Геродотом [**IV,** ***101***] «скифского квадрата».

Не случайно, и это также отмечает С.А.Скорый, с середины V в. до н.э. наблюдается несомненный упадок экономики населения южных районов Лесостепи – прежде всего бассейна р.Тясмин. Это может быть объяснено непосредственной и жесткой эксплуатацией степняками местных племен наподобие той, что имела место в Передней Азии, где скифы, по Геродоту [**I,** ***106***] *«грабили все, что было у каждого народа».* И если последствия такой «экономической политики» скифов сказались уже в середине V в. до н.э., то ее основы должны были быть заложены на несколько десятилетий ранее.

Показательно, что примерно в это же время – параллельно с упадком экономики ряда районов Лесостепи, наблюдается количественный рост чрезвычайно богатых курганных погребений высшей скифской аристократии в степном Причерноморье (см. Темы 4 и 5), что вполне конкретно указывает на основных «потребителей» тех ценностей, которые производились земледельцами и ремесленниками Лесостепи. Более того, с этого времени, но особенно в IV в. до н.э., изделия из драгоценных металлов, хоть и скромные по своему ассортименту и стоимости (в основном – тонкие золотые нашивные бляшки), а также импортная античная керамика становятся вполне обычными в составе инвентаря погребений «рядовых» скифов. Пусть крайне неравномерное, но все же участие основной массы кочевников в дележе прибылей от внешней эксплуатации консолидировало кочевую орду на основе общей заинтересованности в поддержании своего доминирующего статуса в Лесостепном регионе.

В связи с феноменом «царских» скифских курганов Нижнего Поднепровья, которые по богатству своего инвентаря и грандиозности погребальных сооружений являются одними из наиболее уникальных памятников Евразии,

хотелось бы также кратко остановиться на проблеме скифского Герроса. Мы считаем верной позицию С.В.Полина (Тема 4), согласно которому сведения Геродота относительно Герроса представляют собой искусственную конструкцию, в которой смешались мифические данные о загробной обители погибших героев – своеобразном скифском рае, с конкретными сведениями об относительно локальных и компактных могильниках скифской аристократии. Однако такое понимание проблемы, по нашему мнению, дает определенные возможности для вычленения тех территорий, которые на разных этапах скифской истории служили местом погребения скифских владык и лиц из ближайшего их окружения.

При этом необходимо учитывать, что границы скифских владений хотя и достаточно медленно, но изменялись в течение VII – IV вв. до н.э. Как уже говорилось, ранний этап скифской истории протекал под знаком скифской экспансии в Закавказье и на Ближний Восток. В этот период основные скифские земли («царство Ишкуза») находились к северу от Главного Кавказского хребта. Именно здесь, в своеобразном «оперативном тылу», вдали от зоны конфликтов были сосредоточены наиболее выдающиеся курганные могильники того времени. В этом отношении они, как и упомянутые позднее скифским царем Иданфирсом «могилы предков», были практически недоступны для врагов.

Во времена Геродота скифы уже достаточно прочно утвердились в Северном Причерноморье. Однако, как можно судить на основе его рассказа, в этот период и, вероятно, несколько ранее, основная масса скифских племен – скифы-георгои, скифы-кочевники и скифы-царские – обитала к востоку от Днепра. При этом скифы-царские, считавшие всех остальных скифов своими рабами, занимали самые засушливые районы этой территории – Степной Крым и Северное Приазовье. В этом нет ничего удивительного, поскольку именно такие природно-климатические условия подходили для наиболее подвижных форм кочевого скотоводства. Между тем хорошо известно, что самые знатные и социально весомые общественные подразделения номадов были и более «чистыми» кочевниками по сравнению со своими подданными. Таким образом, сходится вроде бы все, за исключением одного, однако весьма существенного «но»: на этой территории выявлены буквально единицы курганных погребений VI – первой половины V вв. до н.э., причем ни одно из них нельзя считать аристократическим. Решить эту загадку можно лишь в том случае, если вспомнить о последовательно отстаиваемой В.А.Ильинской концепции, согласно которой кладбище скифских царей и дружинной знати находилось в среднем течении р.Сула. Именно здесь исследовано более 100 курганов скифской аристократии, в погребальном обряде (кстати, весьма близком описанному Геродотом) и погребальном инвентаре которых немало черт, сближающих их с более ранними или одновременными скифскими курганами Северного Кавказа. Учитывая, что в более поздние времена, как уже упоминалось, граница между владениями кочевников и оседлыми племенами на Левобережье Днепра проходила по р.Сула, можно уверенно предположить, что подобная ситуация имело место и в скифское время. В таком случае, Сула и была наиболее северной точкой маршрута сезонных перекочевок скифов-царских. Отсюда следуют еще два интересных момента. Во-первых, в этом случае становится понятно, что огромное Бельское городище было построено не для защиты от степняков, а, наоборот, являлось опорным пунктом их военно-политического влияния в

регионе (подробнее см.: Мурзин, Ролле, 1998). Во-вторых, становится более понятным стратегический план Дария I, который он стремился осуществить в ходе скифо-персидской войны. Его настойчивое стремление к восточным границам Северопричерноморской Скифии и предпринятый из Приазовья рейд его конницы к городу Гелону, который обычно отождествляют с Бельским городищем, не являлось бездумной погоней за отступающими скифами, а было вызвано его намерением нанести основной удар по кочевьям скифов-царских и царской ставке, которая могла располагаться в том же районе. Рейд к Гелону так же был продиктован оперативными соображениями – именно здесь, в стратегически выгодном районе, могли находиться крупные подразделения скифской орды, которые «нависали» над армией Дария с севера и прикрывали от ее вторжения не только свои тыловые районы с их богатыми сельскохозяйственными и ремесленными ресурсами, но и земли, где высились священные могилы предков. Иное дело, что скифские вожди сумели воспользоваться создавшейся ситуацией и превратить стремительный, как задумывалось Дарием I, бросок на восток в изнурительный и опасный марш по выжженной и враждебной Степи, что и позволило скифам переломить ход войны в свою пользу.

Основной пик строительства нижнеднепровских «царских» курганов скифов, в том числе и наиболее грандиозных, приходится на вторую половину IV в. до н.э. и совпадает по времени со скифской экспансией в Добруджу и далее на запад. В сложившейся ситуации уже Нижнее Поднепровье становится глубоким скифским «тылом», опять-таки практически недоступным для врага.

Таким образом, мы можем выделить как минимум три, условно говоря, скифских «Герроса» - Северокавказский (VII–начало VI вв. до н.э.), Посульский (VI – середина V вв. до н.э.) и Нижнеднепровский (середина V и особенно IV вв. до н.э.). Все они создавались на прочно освоенных скифами землях и находились на достаточно безопасном расстоянии от потенциального врага.

О возможных причинах гибели Великой Скифии уже говорилось выше. Однако подчеркнем еще раз, что она была вызвана целым рядом неблагоприятных явлений, каждое из которых, возможно и не было губительным само по себе. Например, при сохранении военно-политического единства Скифии давление со стороны сарматов не могло привести к таким негативным последствиям. Увеличение степного населения и, соответственно, численности скота так же не влекло неизбежной катастрофы, поскольку кочевники интуитивно осознавали, где находится верхний предел такого роста. Да и сама природа заботилась о естественном регулировании численности стад. Непомерное их увеличение на ограниченной территории неизбежно приводило к эпизоотиям и падежу значительной части поголовья. Поэтому гибель Великой Скифии была обусловлена целым «клубком» негативных факторов, каждый из которых, сочетаясь с другими, многократно усиливал свое разрушительное воздействие. Все это происходило на фоне истощения вследствие жестокой (не случайно самые грандиозные курганы владык Скифии возводятся буквально накануне гибели скифской державы) внешней эксплуатации экономических ресурсов Лесостепи, а также наступившего в это время кризиса управления, о котором уже писалось (Тема 3).

Как бы там ни было, следует признать, что скифы были одним из немногих кочевых народов, которым удалось создать в Северном Причерноморье

достаточно жизнеспособное и долговременное политическое объединение. Например, это не удалось сарматам – впрочем, они, вероятно, и не очень стремились к такой цели. Запустение Лесостепи и глубокий экономический кризис, который переживали античные центры Северного Причерноморья, делал территорию последнего не очень перспективной в плане внешнеэксплуататорских возможностей. Гораздо более привлекательными в этом плане были для сарматов пограничные районы Римской империи, которые подвергались их постоянным и опустошительным набегам. Кстати, это еще раз наглядно демонстрирует, что главной составляющей экономики кочевых объединений было не собственное скотоводческое хозяйство – в этом отношении Северное Причерноморье оставалось, как и прежде, благодатным для номадов краем, а возможности внеэкономического получения предметов роскоши, ремесла и земледелия. Если взглянуть на еще более поздние периоды, то достаточно устойчивым было объединение половецких племен. Однако оно возникло уже через многие сотни лет после гибели Великой Скифии, что еще раз подчеркивает уникальность «скифского феномена».

Естественно, в рамках единой и относительно устойчивой военно-политической структуры, созданной скифами, проистекали достаточно активные этнообъединительные процессы. Прослеживая их во времени, можно выделить три основных результата этого развития.

Во-первых, окончательное сложение скифской орды за счет насильственного включения в ее состав покоренных киммерийцев, привело к политической и культурной интеграции последних в среде «природных» скифов и, в конечном итоге, сложению нового гетерогенного кочевого этноса, который мы с полным правом можем называть «скифским».

Во – вторых, установление скифского господства в Лесостепи и вовлечение населения этого региона в сферу политического влияния скифов, неизбежно должно было включить механизм этнического взаимодействия скифов и местных народов Лесостепи, которое, при благоприятных условиях, могло повлечь за собой формирование нового этноса (Ольдерогге, Поплинский, 1984). Подобным путем, например, происходило формирование болгарского народа, начальной точкой этногенеза которого можно считать перекочевку в земли южных славян булгарской орды хана Аспаруха. Интеграция потомков победителей и покоренных в рамках одной социально-политической структуры привела к постепенному формированию новой этнической единицы. Однако для достижения такого результата в рамках Великой Скифии не хватило одного из необходимых условий успешного развития этногенеза – времени.

В третьих, распад Великой Скифии и тесные контакты «поздних» скифов с жителями античных центров Северного Причерноморья, прежде всего Ольвии и Боспора, инфильтрация на их территорию отдельных групп сарматов также имели ощутимые последствия. Мы имеем в виду постепенное формирование смешанных греко-варварских этносов: «борисфенитов» в Ольвии и «боспорян» на Керченском и Таманском полуостровах.

И последнее. Все разделы и отдельные темы предлагаемой вашему вниманию работы подготовлены ведущими специалистами по данной проблематике. Вполне понятно, что в понимании определенных исторических процессов среди них наблюдаются некоторые разногласия. Мы сознательно не приводили все тексты в этом отношении к «общему знаменателю». Не стремились

мы расставить все точки над «i» и в данном заключении. Более того, мы старались подчеркнуть те дискуссионные моменты, которые характерны для современного скифоведения. Возможно, это не только заинтересует наших более молодых коллег, но и подскажет им, что поле для дальнейших изысканий в этой области еще поистине безгранично и благодатно.

Словарь терминов

Автохтоны – коренные жители
Акинак – короткий меч персидских воинов
Акрополь – верхний город, внутреннее укрепление
Ареал – область распространения
Амфора - емкость для вина
Антропоморфный – предмет, который имеет или напоминает форму человеческого тела
Аристократия – высший слой общества
Археологическая культура – совокупность археологических комплексов и артефактов на определенной территории в определенное время
Астином –
Ворварка –
Вотивный – культовый.
Втулка – отверстие в предмете, предназначенное для закрепления рукояти.
Гидрия – древнегреческий сосуд с ручками для ношения воды.
Горит – футляр для лука и стрел.
Грифоны – фантастические существа, чаще всего крылатые, с головой орла и туловищем льва.
Зооморфный – звероподобный.
Инвеститура – юридический акт и церемония передачи зависимому лицу земли, сана и др.
Ингумация – трупоположение.
Инкрустация – изображение или орнамент из пластинок различного материала, которые врезываются в поверхность вгладь.
Канфар – сосуд для питья в форме кубка с двумя ручками, преим. На высокой ножке.
Катафрактарий – тяжеловооруженная конница в войсках эллинского и римского времени.
Кенотаф – символическая могила, в которой нет погребенного.
Киаф – сосуд в форме чашис одной ручкой на ножке, использовался как черпак во время застолий.
Килик – греческий сосуд для питья в виде плоской чаши на ножке.
Клер – земельный надел.
Консолидация – упрочение, укрепление.
Коропластика – художественные изделия из глины.
Кремация – трупосожжение
Крепида – кладка из камня у основания кургана для предовращения оползню насыпи.
Кромлех – кольцо из камней вокруг кургана.
Маркер – указатель
Менады – спутницы греческого бога Диониса (вакханки).
Менгир – отдельные вертикально поставленные камни, один из видов мегалитических памятников.
Метапида –

Миграция – перемещение, переселение
Мировое дерево – (иные названия: древо жизни, шаманское дерево) - характерный для мифопоэтического сознания образ, воплощающий универсальную концепцию мира.
Мистерии – тайные религиозные церемонии, недоступные для непосвященных.
Насельники – оседлое население
Некрополь – город мёртвых, могильник
Номады – кочевники
Пантеон – собрание (объединение) всех богов.
Пастбищная дигрессия – ухудшение пастбищ под действием скотосбоя.
Пектораль – нагрудное украшение.
Полис – город.
Политеизм – многобожие.
Полиэтничность – соединение нескольких народов в единое целое
Постскифский период - период в жизни степного населения Северного Причерноморья, датируемый I. в. до н.э. -IV в. н.э.
Пританей – здание коллегии пританов, представителей городской администрации в древней Греции.
Псалии – элемент узды, предназначенный для крепления удил к оголовью.
Регион – область
Регресс – движение назад, упадок
Ритон – сосуд в виде рога.
Ритуал – церемония
Сакральный – священный.
Синкретизм – соединение, слитность
Синкретический – сложный, состоящий из различных по происхождению частей, слившихся в одно целое.
Стадий – греческая мера длины, у Геродота – 148,85 м.
Статус – положение, состояние
Стратиграфия – последовательность расположения слоев напластований.
Торевтика – искусство чеканки по металлу.
Тризна– поминальная церемония
Фалар – круглая или овальная полусферичная бляха – украшение конского оснащения.
Феномен – исключительное явление
Фибула – металлическая застежка одежды.
Хозяйство – совокупность отношений в обществе, возникающих в процессе производства, род занятий того или иного человеческого сообщества.
Хора – сельскохозяйственная округа вокруг полиса.
Хтонический – относящийся к подземному миру.
Экспансия – расширение, захват
Элита – лучшая, избранная часть
Эскарп – подрезка склона с целью придания ему крутизны

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И. **Скифо-европейские изоглоссы. – М., 1965.**

Алексеев А.Ю. Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.). – К., 1991.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника (Скифы в VII-IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк). – СПб., 1992. .

Алексеев А.Ю. Скифские цари и «царские» курганы V-IV вв. до н.э. // Вестник древней истории. – 1996. – №3.

Андреев Ю.В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты межэтнических контактов) // Вестник древней истории. – 1996. – №1.

Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в IV– начале I в. до н.э. (этнополитический аспект). – Запорожье, 1995.

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. – К., 1986.

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – К., 1989.

Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. – К., 1999.

Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР в 20 томах. – М., 1984.

Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // Археологический сборник государственного Эрмитажа. – 1961. – Вып.2.

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. – Прага - Ленинград, 1966.

Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. – Л., 1974.

Археология Украинской ССР. – В 3-х т. – Т.1,2. – К., 1985-1986.

Бабенко Т.Н., Бредис Н.Ю., Клочко Л.С. Фрагменты ткани из мужского захоронения в Большом Рыжановском кургане // Materialy i sprawozdania Rzeszowskiego Osrodka Archeologicznego. – Tom XX. – Rzeszow, 1999.

Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В. Курганы скифского времени (северско-донецкий вариант). – Киев, 2000.

Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. – М., 1981.

Басилов В.Н. «Скифская арфа»: древнейший смычковый инструмент // Советская этнография. – 1991. – № 4.

Безуглов С.И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г.Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. – Азов, 1990. – Вып.9.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. – К., 1986.

Березовець Д.Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с.Кут. // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1960. – Вип.9.

Бессонова С.С. О скифских повозках // Древности степной Скифии. – К., 1981.

Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. – К., 1983.

Бессонова С.С. Глиняні жертовники Лісостепового Подніпров'я ранньоскіфського часу // Археологія. – 1996. – № 4.

Бессонова С.С. Религия скифов. – Николаев, 1997.

Бессонова С.С., Скорый С.А. Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988-1996 гг.). – Киев-Краков, 2001.

Бідзіля В.І. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. – 1971. – № 1.

Білозір В.П. Кам'яні статуї у контексті скіфської етнографічної проблематики // Археологія. – 1996. – № 4.

Білозір В.П. Проблеми походження скіфського монументального мистецтва // Вісник Київського Слов'янського університету. – 2000. – № 9.

Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в Западном Причерноморье в VII-I вв. до н.э. – М., 1952.

Блаватский В.Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М., 1964.

Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. – Белгород, 1996.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Огуз - курган скіфського царя кінця IV ст. до н.е. // Золото степу. Археологія України. – Київ - Шлезвіг, 1991.

Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Могили скіфських царів другої половини IV ст. до **н.е. //** Археологія. – 1995. – №2.

Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы Международной научной конференции. Декабрь 1999 г. – СПб., 1999.

Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной научной конференции. – СПб., 2001. – Часть 1-2.

Брашинский И.Б. Сокровища скифских царей. – М., 1967.

Брашинский И.Б. В поисках скифских сокровищ. – Л., 1979.

Бунятян Е.П. Древнейшие скотоводы украинских степей. – Николаев, 1997.

Бунятян К.П., Мурзін В.Ю., Симоненко О.В. На світанку історії. – К, 1998.

Бунятян К.П. Давнє населення України. – К, 1999.

Бунятян К.П. Напрямки господарчої діяльності населення Причорноморських степів доби бронзи // Древности Северского Донца. – Луганск, 2001.

Виноградов В.Б. **Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. – Грозный, 1972.**

Виноградов Ю.А., Марченко К.К. Северное Причерноморье в скифскую эпоху // Российская археология. – 1991. – № 1.

Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Проблемы развития полиса. – М., 1983. – Т.1.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. – М., 1989.

Виноградов Ю.Г. Очерки военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // Вестник древней истории. – 1994. – № 2.

Виноградов Ю.Г. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // Вестник древней истории. – 1998. – № 1.

Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. – К., 1979.

Вязьмітіна М.І., Іллінська В.А., Покровська Є.Ф., Тереножкін О.І., Ковпаненко Г.Т. Кургани біля с. Новопилипівка і радгоспу Аккермень // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1960. – Т.8.

Вязьмітіна М.І. Золота Балка. – К., 1962.

Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии. – К., 1999

Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в Лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля). – Полтава, 2000.

Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.-Л., 1949.

Галанина Л.К. **Келермесские курганы. – М., 1997.**

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. **Синташта. – Т.1. – Челябинск, 1992.**

Геродот. История. Книга IV. Перевод Стратановского Г.А. – Л., 1972.

Геродот. **Історії в дев'яти книгах. Переклад, передмова та примітки А.О.Білецького. – К., 1993.**

Граков Б.Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // Вестник древней истории. – 1939. – №3.

Граков Б.Н. **Литейное и кузнечное ремесло у скифов // КСИИМК. – 1948. – Т.XXII.**

Граков Б.Н. **Скифский Геракл // КСИИМК. – 1953. – Вып. 34.**

Граков Б.Н. **Каменское городище на Днепре. – МИА. – № 36. –1954.**

Граков Б.Н Скифские погребения на Никопольском курганном поле. - МИА. - №115. –1962.

Граков Б.Н. Скифы. – М., 1971.

Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. – М., 1980

Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. – Кишинев, 1990.

Грязнов М.П. Колесницы ранних кочевников Алтая // Сообщения Гос. Эрмитажа. – 1955. – Вып.7.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная в I–IV вв. н.э. – К., 1984.

Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. – СПб., 1994

Давня історія України. – В 2-х кн. – К., 1994.

Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму. – М., 1991.

Дзиговський О.М. Сармати на заході степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н.е. – першій половині IV ст. н.е. – К., 1993.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. – М., 1982.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. – К., 1975.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками юго-восточной Европы в предскифскую эпоху. – Армавир, 1999.

Дьяконов И.М. **История Мидии. – М.-Л., 1956.**

Етнічна історія **давньої України. – К., 2000.**

Зубар В.М. Ще раз про етнічний склад населення Ольвії в перші століття нової ери // Археологія. – 1994. – №2.

Ильинская В.А. **Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // Советская археология. – 1971. – №2.**

Ильинская В.А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). – К., 1968.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин. – К., 1975.

Ильинская В.А. Современное состояние проблемы скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. **Скифия VII – IV вв. до н.э. – К., 1983.**

История искусства народов СССР в 9 томах. – М., 1971. -Т.1.

Історія давнього населення України в 3-х т. – К., 1997, 1998. – Т.1, 2.

Історія культури давнього населення України // Історія культури України в 5т. – К., 2001. – Т.І.

Карышковский П.О. Истрия и ее соседи на рубеже III–II вв. до н.э. // Вестник древней истории. – 1971. – №2.

Ковалева И.Ф. Север Степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. – Днепропетровск, 1984.

Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. – К., 1967.

Ковпаненко Г.Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р.Рось. – К., 1981.

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. – К., 1986.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). – К., 1989.

Кожин П.М. О сарматских повозках // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1969. – № 169.

Колтухов С. Г. Укрепления Крымской Скифии. – Симферополь, 1999.

Колтухов С.Г., Мыц В.Л. Курганный могильник скифской аристократии в Горном Крыму (некоторые результаты полевых исследований) // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – 2001. – Вып.2.

Корпус боспорских надписей. – М.-Л., 1965.

Костенко В.И. Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н.э. – IV в. н.э. – Днепропетровск, 1986.

Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). – Днепропетровск, 1993.

Крадін М.М. Проблеми формаційної характеристики кочових суспільств // Археологія. – 1992. – № 2.

Крадин Н.Н. История хунну. – Владивосток, 1996.

Крапівіна В.В. Про етнічний склад населення Ольвії в перші століття нашої ери // Археологія. – 1994. – №2.

Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. Сельская округа Ольвии. – К., 1989.

Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – К., 1993.

Крижицький С.Д., Зубар В.М., Русяєва А.С. Античні держави Північного Причорномор'я. – К., 1998.

Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – К., 1999.

Кузнецова Т.М. Восточные музыкальные зеркала // Петербургский археологический вестник. – Спб., 1993. – №7.

Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сарматский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М., 1976.

Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // Вестник древней истории. – 1996. – №2; 1997. – №2.

Курганы на Нижнем Буге. **– К., 1978.**

Курганы Южной Днепропетровщины. **– К., 1977.**

Курганы Южной Херсонщины. **– К., 1977.**

Курчатов С.І., Симоненко О.В., Чірков А.Ю. Сарматський воїнський могильник на Середньому Пруті // Археологія – 1995. – № 1.

Кушнір В.Г. Господарство і побут населення Південно-Західної України в епоху розпаду первісного суспільства. – Одеса, 1999.

Лазаров М. Новооткрытая надпись Антигона за скифского царя Сариака // Вестник древней истории. – 1985. – №3.

Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (Краткий очерк отечественных теорий колонизации). – К., 1966.

Латышев В.В**. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб., 1893-1904. – Т. I, II.**

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории – 1947 – 1949. – №1-4; 1952. – №2.

Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. – СПб., 1992-1993. – Т. I, II.

Лашук Л.П. **Социальная организация средневековых кочевников // Советская этнография. – 1967. – №4.**

Лесков А.М. Курганы, находки, проблемы. – Л., 1981.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. – К., 1982.

Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. – К., 1972.

Максимов Є.В. Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія. – 1978. – № 24.

Манцевич А.П. Курган Солоха (Публикация одной коллекции). – Л., 1987.

Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. – М., 1981.

Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. – М., 1990.

Масленников А.А. Эллинская хора на краю ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. – М., 1998.

Махно Є.В. Розкопки курганів епохи бронзи та сарматського часу в с.Усть-Кам'янка // Археологічні пам'ятки УРСР. – К., 1961. – Т.9.

Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. – К., 1994

Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. – М., 1999.

Мелюкова А.И. Каменная фигура скифа-воина // КСИИМК. – 1952. – Вып. 48.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов. Свод археологических источников. Вып. ДІ–4. – М., 1964.
Мелюкова А.И. Краснокутский курган. – М., 1981.
Миллер В.Ф. **Осетинские этюды. – М., 1887. – Т.ІІІ.**

Мозолевський Б.М. **Товста Могила. – К., 1979.**

Мозолевський Б.М. Скіфський степ. – К., 1983.
Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. – Нижний Новгород, 1994.
Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. О средствах защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ. – К., 1980.
Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. – К., 1984.
Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В. Формирование раннеклассового общества на территории Украины (препринт). – К., 1989.
Мурзин В.Ю**. Поисхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. – К., 1990.**

Мурзін В.Ю., Фіалко О.Є. Архітектура Бердянського кургану // Археологія. – 1998. – №3.
Мурзин В.Ю., Ролле Р. Большие городища Лесостепной Скифии // Історія Русі – України.– К., 1998.
Нейхардт А.А. **Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. – Л., 1982.**

Ольговский С.Я. Социально-экономическая роль Каменского городища // Скифы Северного Причерноморья. – К., 1987.
Ольговський С.Я. Обробка міді і бронзи у Нижньому Побужжі та Лісостеповій Скіфії у VI–V ст. до н.е. // Стародавнє виробництво на території України. – К., 1992.
Ольдерогге Д.Я., Поплинский Ю.К. Проблемы скифологии в перспективе истории и этнографии // Вестник древней истории. – 1984. – №4.
Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии. – М., 1991.
Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские каменные изваяния VII–III вв. до н.э. – М., 1994.
Очерки истории и археологии Боспора. – М., 1992.
Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. – К., 1989.
Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М., 1994.
Першиц А.И. Некоторые особенности классообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. – М., 1976.
Погребова М.Н. **Иран и Закавказье в раннем железном веке. – М., 1977.**

Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре // МИА. – Вып. 64. – 1958.
Полин С.В., Симоненко А.В. «Раннесарматские» погребения Северного Причерноморья // ПАП. – Днепропетровск, 1990.
Полин С.В. От Скифии к Сарматии. – К., 1992.

Полин С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Донские древности. – Азов, 1997. – Вып.5.
Попова Е.А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // Советская археология. – 1976. – № 1.
Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской степи и лесостепи // Российская Археология. – 1998. – №3.
Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен (опыт реконструкции скифской мифологии). – М., 1977.
Раевский Д.С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. – М., 1983.
Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. – Пг., 1914.
Ростовцев М.И. **Эллинство и иранство на юге России. – Пг., 1918.**

Ростовцев М.И. **Скифия и Боспор. – Л., 1925.**

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960.
Русяева А.С., Зубарь В.М. Боспор Киммерийский: история и культура. – Николаев, 1998.
Рыбаков Б.А. **Геродотова Скифия. –М., 1979.**

Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. – Киев-Николаев-Южноукраинск, 1997.
Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. – М., 1996.
Симоненко А.В. Сарматы Таврии. – К., 1993.
Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в.н.э. – К., 1991.
Симоненко О.В. Роксолани (пошук археологічних відповідностей) // Археологія. – 1991. – № 4.
Симоненко О.В. Ранньосарматський період в Північному Причорномор'ї // Археологія. – 1994. – № 1.
Скорий С.А. Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя). – К., 1990.
Скорый С.А. Стеблёв: скифский могильник в Поросье. – К., 1997.
Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. – Киев-Полтава, 1999.
Скржинская М.В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье. – К., 1991.
Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. – Саратов, 1990.
Словник-довідник з археології. – К., 1996.
Смирнов К.Ф. Сарматы на Илике. – М., 1975.
Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. **Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М., 1977.**

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М., 1984.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР в 20 томах. – М., 1989.
Тарасюк Л.И. Имена царей Малой Скифии на монетах из Добруджи // КСИИМК АН СССР. – 1956. – Вып.63.

Тереножкин А.И. Предскифский период в Днепровском Правобережье. – К., 1961.
Тереножкин А.И. Киммерийцы. – К., 1976.
Тереножкин А.И. Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. – К., 1977.
Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. Мелитопольский курган. – К., 1988.
Техов Б.В. **Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. – М., 1980.**

Токарев С.А. Религия в истории народов мира. – М., 1964.
Фиалко Е.Е. Памятники скифской эпохи Приднепровской террасовой Лесостепи. – К., 1994.
Фиалко Е.Е. Погребальный комплекс кургана Огуз // Древности скифов. – К., 1994.
Фиалко Е.Е. Искусство скифов. – Николаев, 1997.
Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М., 1971
Хазанов А.М. **Социальная история скифов. – М., 1975.**

Хазанов А.М. **Золото скифов. – М., 1975.**

Хозяйство древнего населения Украины. – В 2-х ч. – К., 1995.
Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. – Симферополь, 1995.
Чередниченко Н.Н., Фиалко Е.Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана // Советская археология. – 1988. – №2.
Черненко Е.В. Скифский доспех. – К., 1968.
Черненко Е.В. Скифские лучники. – К., 1981.
Черненко Е.В. Битва при Фате и скифская тактика // Вооружение скифов и сарматов. – К., 1984.
Черненко Е.В. Скифо-персидская война. – К., 1984.
Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI-IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. – М., 1985.
Шилов В.П. Модели скотоводческих хозяйств степной области Евразии в эпоху энеолита – ранней бронзы // Советская Археология. – 1975. – №1.
Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). – К., 1987.
Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище. – Харьков, 1998.
Штітельман Ф. Дві ливарні форми для бронзових наконечників стріл із збірки Київського історичного музею // Археологія. – 1947. – Т. І.
Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя скифского. – М., 1953.
Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. – М., 1967.
Шульц П.Н. Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. – М., 1976.
Щеглов А. Н. Северо-западный Крым в античную эпоху. – Л., 1978.
Эллинизм: экономика, политика, культура. – М., 1990.
Эллинизм: восток и запад. – М., 1992.
Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. – М., 1994.
Яковенко Е.В. Скіфи Східного Криму в V–III ст. до н.е. – К., 1974.
Щукин М. На рубеже эр. – СПб., 1994.

Chochorowski J. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Srodkowej. – Krakow, 1993.

Levine M., Rassamakin Yu., Kislenko A., Tatarintseva N. Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe. – Cembridge, 1999.

Häusler A. Zur ältesten Geschichte von Rad und Wagen im nordpontischen Raum Etnographisch-Archäologisches Zeitschrift. – 1984. – N25.

Hayen H. Handwerklich-technische Lösungen im vor- und frügeschichtlischen Wagenbau. – Göttingen, 1983.

Rolle R. Totenkult der Scythen. Bd. 1 u. 2. – Berlin - New-York, 1979.

Sarianidi V.A. The Bactrian Gold. – Leningrad-Wien, 1985.